

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2020

№ 3

**Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013)**

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94047

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Томский государственный университет

Главный редактор

Функ Дмитрий Анатольевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционная коллегия:

Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия –
заместитель главного редактора

Зайцева Ольга Викторовна, Томский государственный университет, Россия –
заместитель главного редактора

Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США
Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия
Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия

Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

Редакторы отдела рецензий:

Басов Александр Сергеевич, Московский государственный университет, Россия
Ковальский Святослав Олегович, Московский государственный университет, Россия

Редакционный совет:

Балзер Марджори Мандельштам, Джорджтаунский университет, США

Бич Хуберт, университет г. Уппсала, Швеция

Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия

де Грааф Тьегерд, университет г. Гронинген, Нидерланды

Грант Брюс, университет Нью-Йорка, США

Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН, Россия

Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия

Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия

Крадин Николай Николаевич, Дальневосточный федеральный университет, Россия
Лбова Людмила Валентиновна, Новосибирский государственный университет, Россия
Мамонтова Надежда Александровна, Университет Северной Британской Колумбии, Канада

Миськова Елена Вячеславовна, Московский государственный университет, Россия

Степанов Шарль, Практическая Школа Высших Исследований, Франция

Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия

Хлыновская-Роккилл Елена Владимировна, Кембриджский университет, Великобритания

Секретарь: *Альбина Глуценко (Рассказчикова)*, Томский государственный университет, Россия

Переводчик: *Елена Карагеоргий*, University of Oxford Alumna, Институт этнологии и антропологии (Российская академия наук), Россия

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет.

E-mail: shjournal@mail.tsu.ru

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75

Сайт: <http://publish.tsu.ru>

E-mail: rio.tsu@mail.ru

Founder – Tomsk State University

Editor-in-Chief

Funk, Dmitriy, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Board:

Sokolovskiy, Sergey, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia – Associate Editor

Zaytseva, Olga, Tomsk State University, Russia – Associate Editor

Hazanov, Anatoliy, University of Wisconsin-Madison, USA

Nam, Iraida, Tomsk State University, Russia

Schweitzer, Peter, University of Vienna, Austria

Trubina, Elena, Ural Federal University, Russia

Book Review Editors:

Basov, Aleksandr, Moscow State University, Russia

Kovalskiy, Svyatoslav, Moscow State University, Russia

Editorial Advisory Board:

Balzer, Marjorie Mandelstam, Georgetown University, USA

Beach, Hubert, Uppsala University, Sweden

Birtalan, Agnes, Eotvos Lorand University, Hungary

de Graaf, Tjeerd, Groningen University, the Netherlands

Grant, Bruce, University of New York, USA

Deriglazova, Larisa, Tomsk State University, Russia

Dybo, Anna, The Institute of Linguistics, RAS, Russia

Dyatlov, Viktor, Irkutsk State University, Russia

Zinoviev, Vasiliy, Tomsk State University, Russia

Kradin, Nikolay, Far East Federal University, Russia

Lbova, Lyudmila, Novosibirsk State University, Russia

Mamontova, Nadezhda, University of Northern British Columbia, Canada

Miskova, Elena, Moscow State University, Russia

Stépanoff Charles, Ecole Pratique des Hautes Etudes, France

Kharus, Olga, Tomsk State University, Russia

Khlinovskaya Rockhill, Elena, University of Cambridge, UK

Secretary *Albina Glushchenko (Rasskazchikova)*, Tomsk State University, Russia

Translator *Elena Karageorgii*, University of Oxford Alumna, Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences), Russia

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ТРАНСПОРТНЫХ ИНФРАСТРУКТУР НА РОССИЙСКОМ СЕВЕРЕ

(отв. ред. специальной темы номера –
О.А. Поворознюк, В.Н. Давыдов, П. Швайцер)

Швайцер П., Поворознюк О.А., Давыдов В.Н. Введение: особенности функционирования и антропологических исследований транспортных инфраструктур на Севере	8
Швайцер П. Политика мобильности на циркумполярном Севере: к антропологии транспортных инфраструктур	19
Поворознюк О.А. (Пост)советская инфраструктура: политика идентичности и эмоций на БАМе	32
Терёхина А.Н., Волковицкий А.И. Железная дорога сквозь тундру: оленеводы Ямала и инфраструктура	48
Гаврилова К.А. Северный морской путь в официальном российском дискурсе: стратегии определения функциональных и географических границ	62
Васильева В.В. Ускользающий Северный морской путь и локальное сообщество Диксона: обещание инфраструктуры	76
Давыдов В.Н., Давыдова Е.А. Иультинская трасса: проект развития инфраструктуры в жизни чукотских национальных сел	89

MISCELLANEA

Борущая С.Б., Васильев С.В., Герасимова М.М. Анализ морфологических особенностей скелета эскимосов Гренландии и Канады в связи с адаптацией к арктическому климату	103
Шалагина А.В., Харевич В.М., Мори С., Боманн М., Кривошапкин А.И., Колобова К.А. Реконструкция технологических цепочек производства бифасиальных орудий в индустрии Чагырской пещеры	130
Керимова М.М. Неизвестные страницы экспедиции братьев Б.М. и Ю.М. Соколовых на Русский Север «По следам Рыбникова и Гильфердинга» (1926–1928 гг.)	152
Первалова Е.В. «Как скоро птица летит...» (из практики управления сибирскими народами в 1920–1930-х гг.)	178
Гончаров Н.С. Контексты использования пищевых нарративов на р. Индигирке	195
Соколовский С.В. Брекзит и гражданская идентичность в Республике Кипр	218
Попов В.А. Концепты «род» и «родовая организация»: опыт переосмысления дефиниций	230

РЕЦЕНЗИИ

Мартьянов И.А. Эдип всегда возвращается в Фивы: видеоигры против политического	243
Любимова Н.С. (Не)вымирающие села Японии	250
Карагеоргий Е.М. Звуки навахского кантри: о музыке, языке и о том, что значит «быть навахом» в 21-м в.	260
Миськова Е.В. Психологическая антропология: введение и реконструкция	269
Вятчина М.В. «Сквоттерская сцена» в оптике этического поворота	276

Мамонтова Н.А. Динамические ассамбляжи антропоцена: о материальности климата, пост-природе и понятии аабоһава среди суннитов-дардов	280
Язовская О.В. Отаку и борьба за воображение в Японии	287
Масленников И.И. Травма и устойчивость среди тибетских беженцев	291
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	295
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	301

CONTENTS

THE SOCIAL LIFE OF TRANSPORT INFRASTRUCTURES IN THE RUSSIAN NORTH

(Guest Editors: *Olga A. Povoroznyuk, Vladimir N. Davydov,
and Peter P. Schweitzer*)

Schweitzer P., Povoroznyuk O.A., Davydov V.N. Introduction: Characteristics of anthropological research on and operation of transport infrastructures in the North	8
Schweitzer P. Politics of mobility in the circumpolar North: Towards anthropology of transport infrastructures	19
Povoroznyuk O.A. (Post)Soviet infrastructure: Politics of identity and emotions on the BAM	32
Terekhina A.N., Volkovitskiy A.I. The railway across the tundra: Yamal reindeer herders and infrastructure	48
Gavrilova K.A. The Northern Sea Route in Russian official discourse: Strategies for determining functional and geographical boundaries	62
Vasilyeva V.V. The fluid Northern Sea Route and the local community of Dikson: Promise of infrastructure	76
Davydov V.N., Davydova E.A. The Iul'tinskaia road: Infrastructure development project in the life of Chukotka's native villages	89

MISCELLANEA

Borutskaya S.B., Vasilyev S.V., Gerasimova M.M. Morphological features of the skeleton of the Eskimo of Greenland and Canada associated with adaptation to the Arctic climate	103
Shalagina A.V., Kharevich V.M., Maury S., Baumann M., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A. Reconstruction of the bifacial technological sequence in Chagyrskaya Cave assemblage	130
Kerimova M.M. Unknown pages of the brothers Boris M. and Yuriy M. Sokolov's expedition to the Russian North 'Following the footsteps of Rybnikov and Hilferding', 1926–1928	152
Perevalova E.V. 'As fast as the bird flies...': On the state administration of Siberian peoples in the 1920s to the 1930s	178
Goncharov N.S. Contexts of using food narratives on Indigirka River	195
Sokolovskiy S.V. Brexit and civic identity in the Republic of Cyprus	218
Popov V.A. The concepts of 'clan' and 'clan organization': Rethinking definitions	230

REVIEWS

Martynov I.A. Oedipus always returns to Thebes: Videogames against the political	243
Lyubimova N.S. (Un)dying rural countryside of Japan	250
Karageorgii E.M. The sound of Navajo country: On music, language, and what it means to be Navajo in the 21 st century	260
Miskova E.V. Psychological anthropology: Introduction and reconstruction	269
Vyatchina M.V. 'Squatting scene' through the lens of the ethical turn	276
Mamontova N.A. Dynamic assemblages of the Anthropocene: On the materiality of climate, post-nature, and the notion of aabohawa among the Sunni Dards	280

Yazovskaya O.V. Otaku and the struggle for imagination in Japan	287
Maslennikov I.I. Trauma and resilience among Tibetan refugees	291
ABOUT THE AUTHORS	295
INFORMATION FOR AUTHORS	301

СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ТРАНСПОРТНЫХ ИНФРАСТРУКТУР НА РОССИЙСКОМ СЕВЕРЕ

(отв. ред. специальной темы номера –
О.А. Поворознюк, В.Н. Давыдов, П. Швайцер)

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/29/1

ВВЕДЕНИЕ: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТРАНСПОРТНЫХ ИНФРАСТРУКТУР НА СЕВЕРЕ*

Петер Швайцер,
Ольга Алексеевна Поворознюк,
Владимир Николаевич Давыдов

Аннотация. Вводная статья к публикуемой на страницах данного номера подборке рассматривает ключевые направления современных исследований транспортных инфраструктур на циркумполярном Севере. На примерах исследований железных и автомобильных дорог, а также Северного морского пути (СМП) и его опорных точек авторы статей анализируют важнейшие аспекты социальной жизни этих инфраструктур. Ряд ключевых концептов, используемых авторами подборки, таких как отдаленность, темпоральность, незавершенность, идентичность, встроенность, обещания, мобильность и снабжение, помогает раскрыть роль транспортных инфраструктур в развитии регионов Российского Севера, а также определить области и практики вовлеченности местных жителей в достраивание и адаптацию различных проектов и инициатив для решения повседневных задач.

Ключевые слова: транспортные инфраструктуры, отдаленность, незавершенность, мобильность, ресурсы, Север

Транспортные инфраструктуры как объект антропологии

Когда в 2019 г. на железной дороге под Мурманском случилась авария, многие россияне впервые обратили внимание на важность арктических транспортных инфраструктур. Их значимость могла стать за-

* Вошедшие в данную подборку статьи основаны на докладах, сделанных авторами на секции «Транспортные инфраструктуры в системе коммуникаций и социальных отношений на Севере» в рамках XIII Конгресса антропологов и этнологов России, состоявшегося в Казани со 2 по 6 июля 2019 г.

метной как минимум с 1970-х гг., когда первые нефте- и газопроводы соединили арктические регионы с центральной частью Советского Союза и Западной Европой. Одновременно с этим на Арктику все больше обращают внимание ученые, политики и местные жители, так как ускоряющееся изменение климата, охота за природными ресурсами и геополитические конфликты делают северную часть нашей планеты объектом глобального внимания.

Хотя представленная подборка посвящена Российскому Северу, воздействие транспортных инфраструктур распространяется не только на Россию. Очевидно, что и остальные циркумполярные и отдаленные регионы мира сталкиваются со схожими проблемами. Главной причиной того, что авторы подборки фокусируются именно на России, помимо того, что она основывается на материалах всероссийского конгресса и издается на русском языке, является то обстоятельство, что Советский Союз проводил индустриализацию северных регионов в более крупных масштабах, чем любое другое северное государство. Территории Гренландии или Канады выше 60-й параллели представляют собой полную противоположность Российскому Северу, так как обладают гораздо более низкой плотностью населения и инфраструктуры. Однако индустриализация Советского и Российского Севера не уникальна в контексте всей Арктики. Аляска, Исландия, север Скандинавского полуострова также имеют свою историю промышленного освоения и добычи ресурсов (например, добыча угля в районе Кируны на севере Швеции осуществляется с конца XIX в.). В Советском Союзе имели место не только добыча арктических ресурсов и их транспортировка, но также и привлечение людей на Север с целью создания привилегированных арктических форпостов, что явно выделяет Российский Север и его инфраструктуры на фоне других северных стран (Schweitzer et al. 2017).

Авторы подборки – антропологи и этнографы, что объясняет их фокус на местном воздействии и последствиях развития инфраструктуры. Необходимым условием для растущего антропологического интереса к более или менее высокотехнологичной инфраструктуре и создаваемых ей паттернам мобильности является изучение «традиционных» форм перемещений и сопутствующих инфраструктур на Севере. После десятилетий равнодушия к этой теме российские исследователи в последние годы совершили прорыв в ее изучении (Davydov 2017; Vakhtin 2017; Golovnev 2018 и др.).

В то же время антропология инфраструктуры, интерес к которой в недавнее время был на подъеме, сместила свой фокус с «традиционных» форм транспортной инфраструктуры на те, которые характеризуются модернизацией и внешними интересами. Если в XX в. антропологическое изучение инфраструктур было в лучшем случае причудой, то в XXI в., а особенно в 2010-е гг., возник очень стойкий интерес ко всем ее

видам, от физической до материальной, а также к знанию об инфраструктуре. Хотя некоторые ветви социальных и гуманитарных наук, особенно исследования науки и технологий, имеют довольно богатую историю изучения инфраструктур, антропология в этом вопросе в некотором смысле запоздала.

Однако в недавнее время мы могли наблюдать взрывной рост числа публикаций по этой теме (Anand, Gupta, Appel 2018; Harvey, Jensen, Morita 2017; Larkin 2013; von Schnitzler 2016). Основным сюжетом антропологических исследований инфраструктуры была ее роль как арены политического взаимодействия. Многие из инфраструктур, которые нас интересуют сейчас, являются продуктом высокого модернизма (Scott 1998). Вдохновленные еще недавно распространенной уверенностью в возможности покорения природы силами научного и технологического прогресса, некоторые авторы концентрировались на связи между инфраструктурой и политикой модернизации. Ларкин утверждает, что инфраструктура сильно политизирована для того, чтобы «символизировать возможность быть современным, иметь будущее или же купить эту возможность», и называет инфраструктуру «средством, с помощью которого государство преподносит гражданам эти символы и приглашает воспринимать их как социальные факты» (Larkin 2013: 333–335). В то время как одни изучают политические структуры, стоящие за планированием инфраструктур, другие исследуют инфраструктуру как материализованные аспекты государств, их политики и формулирования образов будущего. Как замечает Фергюсон, инфраструктуры составляют «системы поддержки, которые делают возможным или невозможным существование других вещей и которые представляют собой способ создания уникального социального мира» (Ferguson 2012: 559). Эти и другие определения и характеристики инфраструктур подробно рассматриваются в данном номере журнала в статье Петера Швайцера «Политика мобильности на циркумполярном Севере: к антропологии транспортных инфраструктур».

Виды и социальная жизнь транспортных инфраструктур

Для разных видов транспорта необходимы инфраструктуры с разным пространственным и экологическим воздействием. Шоссе, железные дороги, трубопроводы и пути кораблей создают коридоры внутри ландшафта, а аэропорты и морские порты образуют узлы в сетях линий коммуникации. Антропологическое изучение транспортных инфраструктур включает в том числе и этнографию дорог (Dalakoglu, Harvey 2012; Beck, Klaeger, Stasik 2017). Дороги предлагают физическую связь и «представляют сеть социальных взаимодействий, делая отдаленные места близкими и знакомыми» (Argounova-Low 2012: 203), но также

могут разъединять и «усиливать насильственное исключение установленных политических и материальных порядков (Dalakoglou, Harvey 2012: 460). Железные дороги, которые часто были в центре внимания исторических исследований модернизации и индустриализации (Bear 2007), в недавнее время стали рассматриваться как объекты, объединяющие людей и неодоушевленных акторов (Fisch 2018).

Морские порты и морской транспорт являются особенно важными в данном контексте. Через Северный Ледовитый океан проходят два важных и взаимосвязанных морских пути: Северный морской путь и Северо-западный проход. За последние годы небывалое сокращение ледяного покрова открыло доступ в Северный Ледовитый океан. Это привело к резкому росту числа коммерческих судов, но их число остается ограниченным из-за неразвитости сопутствующей инфраструктуры. Одно из направлений исторической географии и антропологии изучает социальное конструирование океана как культурного пространства, обозначающего связи и разрывы, обмен и рассеивание (Steinberg 2001). Более недавние публикации о морях и океанах обращаются к теме материальности и социальности морских сообществ (Carse, Lewis 2017). Авиация играла ключевую роль в исследовании и колонизации Севера, а в наши дни – в арктической навигации и поисково-спасательных операциях. Некоторые исторические исследования изучают роль авиации в холодной войне в Арктике (McCannon 2010). В отличие от других частей света (Chalfin 2008), арктические аэропорты и авиация крайне редко становятся предметом изучения антропологов, несмотря на их растущую важность для мобильности людей, торговли и промышленности. Итак, какому виду транспортных инфраструктур посвящена данная подборка? Если разделять их по принципу видов транспорта, то мы предлагаем вниманию читателей две статьи о железных дорогах, две статьи о морском транспорте, что в контексте Российского Севера означает, что они посвящены Северному морскому пути, и одну статью об автомобильной дороге. Одна из статей посвящена арктическим транспортным инфраструктурам в более общем смысле, однако с определенным фокусом на железных дорогах.

Когда Арджун Аппадурай опубликовал сборник «Социальная жизнь вещей» в 1986 г. (Appadurai 1986), его интересовали скорее материальные предметы и их ценность, чем их способность быть социальными агентами. За последующие 30 с лишним лет антропологи пришли к пониманию, что вещи и другие неодоушевленные акторы могут воздействовать на жизнь людей. Количество книг и статей, посвященных теме «социальная жизнь», резко увеличилось с момента выхода сборника под редакцией А. Аппадурай. Представленная в данном номере подборка статей посвящена социальной жизни транспортных инфраструктур. Стандартные определения сводят эти инфраструктуры к «физическому

обеспечению транспорта» или «фиксированным элементам транспорта» (исключая при этом остальные элементы транспортной системы, такие как транспортные средства, использующие эти инфраструктуры, и эксплуатация этих транспортных средств. Хотя мы согласны с тем, что транспортную инфраструктуру следует отличать от остальных элементов транспортной системы, но считаем, что нематериальные элементы, такие как стандарты (Carse, Lewis 2017), «обещания» (Anand, Gupta, Appel 2018) или репрезентация инфраструктуры и связанные с ней идентичности и аффекты, также следует рассматривать в едином контексте.

Инфраструктуры в динамике: мобильность и снабжение в условиях отдаленности

Статьи подборки основаны на материалах исследований на Российском и Американском Севере и демонстрируют некоторые общие тенденции, характеризующие инфраструктуры, функционирующие в условиях отдаленности от центров власти, распределения ресурсов и промышленного развития. Модернизационная миссия транспортных инфраструктур на Севере – преодоление пространства и обеспечение соединенности. Однако сама отдаленность не обязательно является недостатком и не исключает все виды соединенности: местные сообщества зачастую используют ее как ресурс для сохранения культурной обособленности в контексте массовой модернизации и инфраструктурного развития (Schweitzer, Povoroznyuk 2019). Подобно другим регионам, Север представляет значительные возможности для реализации различных креативных инициатив, создающих потенциал для «перезапуска» инфраструктур в условиях новой отдаленности и неолиберальной соединенности (ср., Ripra 2019). В пространственном аспекте идея отдаленных и периферийных мест предстает в перспективе их множественности и взаимосвязанности, именно поэтому слово «инфраструктура» употребляется авторами во множественном числе. В этом смысле отдаленность является ключевой характеристикой северных инфраструктур, которые интегрированы в процесс освоения данных территорий. Инфраструктуры соединяют отдаленные места посредством сети маршрутов. Взаимосвязанные объекты транспортных инфраструктур являются не привязанными к единому центру, а функционируют посредством целого набора интенсивно используемых точек пространства.

Статьи данной подборки предлагают не статический, а динамический взгляд на инфраструктуры. И это не только динамика, связанная с перемещениями в пространстве, но также и изменения, вызванные появлением и функционированием инфраструктур в конкретных ре-

гионах Арктики и Сибири. Транспортные инфраструктуры в совокупности с новыми средствами передвижения в ряде регионов выступают новым драйвером мобильности, позволяя интенсифицировать перемещения между определенными точками и выступая способом их сближения, ускоряя связи между ними. Дизайн мобильности современных северных кочевых сообществ варьирует не только в зависимости от ландшафта, близости к морским берегам, горам и лесам, а также оседлым группам, административным центрам и инфраструктурным объектам (Головнев 2018). Как показано в статье А.Н. Терехиной и А.И. Волковицкого «Железная дорога сквозь тундру: оленеводы Ямала и инфраструктура», инфраструктуры оказывают значительное влияние на перераспределение паттернов мобильности представителей местных сообществ, изменив прежде всего сложившиеся границы перемещения представителей различных половозрастных групп. Маятниковые перемещения на большие расстояния становятся доступны не только мужской части населения, но и женщинам, детям и пожилым людям.

Транспортные инфраструктуры играют важнейшую роль в налаживании и поддержании снабжения локальных сообществ и сохранении социальных отношений посредством практик обмена и мобильности, о чем пишут В.Н. Давыдов и В.А. Давыдова в статье «Иульгинская трасса: проект развития инфраструктуры в жизни чукотских национальных сел». Эти практики позволяют интенсифицировать обмен и социальную интеракцию как на локальном, так и на региональном и глобальном уровнях. Благодаря инфраструктурам получают развитие отрасли традиционного хозяйства: например, появляются возможности для развития оленеводства. Транспортные инфраструктуры предоставляют возможности перемещения и сбыта продукции, но меняют траекторию кочевых маршрутов. При этом появление новых транспортных артерий в северных регионах неизбежно порождает инфраструктурное неравенство, связанное с неодинаковыми возможностями доступа к ресурсам. Так, в двух упомянутых выше статьях в этой подборке анализируется роль инфраструктур в формировании новых паттернов мобильности и социального пространственного неравенства.

Незавершенность, встраивание и достраивание

Авторы подборки попытались осмыслить инфраструктуру как неоконченный и постоянно возобновляемый проект, темпоральность которого отражает множественные модерности и политические режимы (Carse, Kneas 2019). Важная особенность транспортных инфраструктур – возможность их встраивания (Star 1999) и достраивания. В этом смысле они всегда являются «незавершенными проектами» (Ssorin-Chaikov 2016, 2017), где процесс трансформации уже начатых проектов

осуществляется совместными усилиями государства, транснациональных корпораций и, в отдельных случаях, местных сообществ. Местные жители креативно используют недостроенные и незавершенные проекты, нередко инициированные государством (Bennett 2018), налаживая каналы мобильности и снабжения. Совмещение различных проектов позволяет значительно увеличить траектории мобильности людей и материальных объектов. В то же время крупные инфраструктурные проекты, например Северный морской путь (СМП), демонстрируют тенденцию к автономизации перемещений, ведущую к уменьшению значения опорных точек, сокращению их снабжения, а также предполагающую ориентацию на увеличение безостановочных отрезков маршрута.

В условиях Севера происходит стирание грани между инфраструктурами и окружающим ландшафтом. Транспортные инфраструктуры выступают не только средством приобретения ресурсов, но и сами являются важнейшим ресурсом. Строительство дорог, железнодорожных магистралей, а также налаживание системы морских перевозок создает новые формы экономических отношений в удаленных от центра локальностях, предполагающие постоянное перераспределение ресурсов между различными географическими точками. При этом различные виды транспортных инфраструктур связаны друг с другом: железнодорожные перевозки во многих местах дополняются автомобильным, водным и авиасообщением. В.В. Васильева в статье «Ускользящий Северный морской путь и локальное сообщество Диксона: обещание инфраструктуры» обращается к проблеме функционирования СМП в связке с другими проектами и инициативами, связанными прежде всего с добычей природных ресурсов или с ее перспективой. Поэтому практики строительства и использования транспортных инфраструктур местными жителями (в том числе коренным населением) должны рассматриваться в контексте отношений с институтами государства, добывающими компаниями и органами власти.

Нематериальные инфраструктуры: идеология и обещания

Строительство, разрушение и реконструкция инфраструктур происходят параллельно на материальном и на нематериальном уровнях. Инфраструктуры, нередко являясь наследием предыдущих периодов, воплощают и транслируют определенную идеологическую составляющую (Humphrey 2005). В случае постсоветской России инфраструктуры социализма – это не только сложно модифицируемые коммунальные системы, но и стоящие за ними бюрократические процедуры и социальные институты, препятствующие неolibеральным реформам (Collier 2011). Советские инфраструктуры, особенно мегапроекты, являются своеобразным продолжением социалистической модерности и материализацией

идеологии и памяти об этом периоде. Реализация крупных инфраструктурных проектов сопровождалась не только идеологической пропагандой, но и материальными благами, стимулировавшими потоки миграций. Так, в статье О.А. Поворознюк «(Пост)советская инфраструктура: политика идентичности и эмоций на БАМе» показано, как проект строительства и реконструкции Байкало-Амурской магистрали выступает воплощением коллективной памяти, идентичностей и эмоций социальных агентов – советских мигрантов, участвовавших в строительстве магистрали.

Образы инфраструктур и особенно, таких мегапроектов, как СМП, являются опорой государства и его политики в отдаленных точках, позволяя артикулировать его суверенные права на территорию и водные пространства, о чем пишет К.А. Гаврилова в статье «Северный морской путь в официальном российском дискурсе: стратегии определения функциональных и географических границ». Объекты транспортной инфраструктуры концентрируются в опорных точках, которые определенным образом артикулируются в дискурсивном пространстве, сопровождаясь риторикой, оказывающей сильное воздействие на материальную сферу и систему распределения ресурсов. Эта риторика и планы строительства или реконструкции дорог, железных дорог и морских портов также апеллируют к чувствам местных сообществ, вызывая надежды и ожидания.

Обещания инфраструктур, особенно транспортных систем, связаны с ожиданиями социально-экономического развития, скорости и соединенности отдаленных мест с центрами (Harvey, Knox 2012; Anand et al. 2018). На Российском Севере нереализованные обещания и отсутствие социального эффекта государственных программ модернизации инфраструктур вызывают публичное разочарование и ностальгию по зачастую идеализированному советскому прошлому. Тем не менее местные жители не являются пассивными реципиентами принятых властью решений и планов индустриального развития, а активно переосмысливают и перестраивают свои жизненные траектории (Blazer et al. 2004). В этом смысле обещания инфраструктур не только являются проекциями гипотетического будущего, но и открывают возможности для участия в использовании, реконструкции, достраивании и адаптации инфраструктурных проектов в соответствии с потребностями местных сообществ Севера.

Литература

- Головнев А.В. Кочевники Арктики: искусство движения // Этнография. 2018. № 2. С. 6–44.
- Anand N., Gupta A., Appel H. (eds.) *The Promise of Infrastructure*. Durham, NC: Duke University Press, 2018.
- Appadurai A. (ed.) *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

- Argounova-Low T.* Narrating the Road // *Landscape Research*. 2012. Vol. 37, № 2. P. 191–206.
- Bear L.* *Lines of the Nation: Indian Railway Workers, Bureaucracy, and the Intimate Historical Self*. New York: Columbia University Press, 2007.
- Beck K, Klaefer G., Stasik M.* (eds.) *The Making of the African Road*. Leiden: Brill, 2017.
- Bennett M.* From State-initiated to Indigenous-driven Infrastructure: The Inuvialuit and Canada's first Highway to the Arctic Ocean // *World Development*. 2018. Vol. 109. P. 134–148.
- Blaser M., Feit H., McRae G.* (eds.) *In the Way of Development: Indigenous Peoples, Life Projects and Globalisation*. London: Zed Press, 2014.
- Carse A., Kneas D.* Unbuilt and Unfinished: The Temporalities of Infrastructure // *Environment and Society*. 2019. Vol. 10, № 1. P. 9–28.
- Carse A., Lewis J.A.* Toward a Political Ecology of Infrastructure Standards: Or, How to Think about Ships, Waterways, Sediment, and Communities Together // *Environment and Planning*. 2017. Vol. 49, № 1. P. 9–28.
- Chalfin B.* Sovereigns and Citizens in Close Encounter: Airport Anthropology and Customs Regimes in Neoliberal Ghana // *American Ethnologist*. 2008. Vol. 35, № 4. P. 519–538.
- Collier S.J.* *Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics*. Princeton: Princeton University Press, 2011.
- Dalakoglou D., Harvey P.* Roads and Anthropology: Ethnographic Perspectives on Space, Time and (Im)Mobility // *Mobilities*. 2012. Vol. 7, № 4. P. 459–465.
- Davydov V. N.* Temporality of Movements in the North: Pragmatic Use of Infrastructure and Reflexive Mobility of Evenki and Dolgan Hunters, Reindeer herders and Fishermen // *Sibirica*. 2017. Vol. 16, № 3. P. 14–34.
- Ferguson J.* Structures of Responsibility. Afterword // *Ethnography*. 2012. Vol. 13, № 4. P. 558–562.
- Fisch M.* *An Anthropology of the Machine: Tokyo's Commuter Train Network*. Chicago: The University of Chicago Press, 2018.
- Harvey P., Jensen C. B., Morita A.* (eds.) *Infrastructures and Social Complexity: A Companion*. N.Y.: Routledge, 2017.
- Humphrey C.* Ideology in Infrastructure: Architecture and Soviet Imagination // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2005. Vol. 11, № 1. P. 39–58.
- Larkin B.* The Politics and Poetics of Infrastructure // *Annual Review of Anthropology*. 2013. Vol. 42. P. 327–343.
- McCannon J.* *Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union, 1932–1939*. N.Y.: Oxford University Press, 1998.
- Rippa A.* Zomia 2.0: Branding Remoteness and Neoliberal Connectivity in the Golden Triangle Special Economic Zone, Laos // *Social Anthropology*. 2019. Vol. 27, № 2. P. 253–269.
- Scott J.C.* *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven, CT : Yale University Press, 1998.
- Ssorin-Chaikov N.* Soviet Debris: Failure and the Poetics of Unfinished Construction in Northern Siberia // *Social Research*. 2016. Vol. 83, № 3. P. 689–721.
- Ssorin-Chaikov N.* *Two Lenins: A Brief Anthropology of Time*. Chicago: HAU Books, 2017. 150 p.
- Steinberg P.E.* *The Social Construction of the Ocean*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Vakhtin N.* Mobility and Infrastructure in the Russian Arctic: Das Sein bestimmt das Bewusstsein? // *Sibirica*. 2017. Vol. 16, № 3. P. 1–13.
- von Schnitzler A.* *Democracy's Infrastructure: Techno-Politics and Protest after Apartheid*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016.

Schweitzer P., Povoroznyuk O., Schiesser S. Beyond Wilderness: towards an Anthropology of Infrastructure and the Built Environment in the Russian North // *The Polar Journal*. 2017. Vol. 7, № 1. P. 58–85.

Schweitzer P., Povoroznyuk O. A Right to Remoteness? A Missing Bridge and Articulations of Indigeneity along an East Siberian Railroad // *Social Anthropology*. 2019. Vol. 27, № 2. P. 236–252.

Статья поступила в редакцию 5 августа 2020 г.

Schweitzer Peter, Povoroznyuk Olga A., and Davydov Vladimir N.

INTRODUCTION: CHARACTERISTICS OF ANTHROPOLOGICAL RESEARCH ON AND OPERATION OF TRANSPORT INFRASTRUCTURES IN THE NORTH*

DOI: 10.17223/2312461X/29/1

Abstract. This introductory article examines key areas of modern research on transport infrastructures in the circumpolar North. Using case studies on railways and highways, as well as on the Northern Sea Route (NSR) and its main points, the authors analyze the most important aspects of the social life of infrastructures. A number of key concepts they use such as remoteness, temporality, incompleteness, identity, embeddedness, promises, mobility and supply help to reveal the role of transport infrastructures in the development of regions of the Russian North and to analyze the areas and practices of local people's involvement in the modification and adaptation of various projects and initiatives to perform their everyday tasks.

Keywords: transport infrastructures, remoteness, incompleteness, mobility, resources, North

*Articles that make up this special theme section draw on the authors' presentations delivered at the session titled 'Transport infrastructures in the system of communications and social relations in the North' held during XIII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia in the city of Kazan from 2 to 6 July 2019.

References

- Anand N., Gupta A., Appel H., eds. *The Promise of Infrastructure*. Durham, NC: Duke University Press, 2018.
- Appadurai A., ed. *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Argounova-Low T. Narrating the Road. *Landscape Research*, 2012, Vol. 37, No. 2, pp. 191–206.
- Bear L. *Lines of the Nation: Indian Railway Workers, Bureaucracy, and the Intimate Historical Self*. New York: Columbia University Press, 2007.
- Beck K., Klaeger G., Stasik M., eds. *The Making of the African Road*. Leiden: Brill, 2017.
- Bennett M. From State-initiated to Indigenous-driven Infrastructure: The Inuvialuit and Canada's first Highway to the Arctic Ocean. *World Development*, 2018, Vol. 109, pp. 134–148.
- Blaser M., Feit H., McRae G. (Eds.) *In the Way of Development: Indigenous Peoples, Life Projects and Globalisation*. London: Zed Press, 2014.
- Carse A., Kneas D. Unbuilt and Unfinished: The Temporalities of Infrastructure. *Environment and Society*, 2019, Vol. 10, No. 1, pp. 9–28.
- Carse A., Lewis J. A. Toward a Political Ecology of Infrastructure Standards: Or, How to Think about Ships, Waterways, Sediment, and Communities Together. *Environment and Planning*. 2017, Vol. 49, No. 1, pp. 9–28.
- Chalfin B. Sovereigns and Citizens in Close Encounter: Airport Anthropology and Customs Regimes in Neoliberal Ghana. *American Ethnologist*, 2008, Vol. 35, No. 4, pp. 519–538.

- Collier S. J. *Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics*. Princeton: Princeton University Press, 2011.
- Dalakoglou D., Harvey P. Roads and Anthropology: Ethnographic Perspectives on Space, Time and (Im)Mobility. *Mobilities*, 2012, Vol. 7, No. 4, pp. 459-465.
- Davydov V. N. Temporality of Movements in the North: Pragmatic Use of Infrastructure and Reflexive Mobility of Evenki and Dolgan Hunters, Reindeer herders and Fishermen. *Sibirica*, 2017, Vol. 16, No. 3, pp. 14-34.
- Ferguson J. Structures of Responsibility. Afterword. *Ethnography*, 2012, Vol. 13, No. 4, pp. 558-562.
- Fisch M. *An Anthropology of the Machine: Tokyo's Commuter Train Network*. Chicago: The University of Chicago Press, 2018.
- Golovnev A. V. Kochevniki Arktiki: iskusstvo dvizheniia [Nomads of the Arctic: The art of movement]. *Etnografiia*, 2018, No. 2, pp. 6-44.
- Harvey P., Jensen C. B., Morita A., eds. *Infrastructures and Social Complexity: A Companion*. New York: Routledge, 2017.
- Humphrey C. Ideology in Infrastructure: Architecture and Soviet Imagination. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 2005, No. 11 (1), pp. 39-58.
- Larkin B. The Politics and Poetics of Infrastructure. *Annual Review of Anthropology*, 2013, Vol. 42, pp. 327-343.
- McCannon J. *Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union, 1932-1939*. New York: Oxford University Press, 1998.
- Rippa A. Zomia 2.0: Branding Remoteness and Neoliberal Connectivity in the Golden Triangle Special Economic Zone, Laos. *Social Anthropology*, 2019, Vol. 27, No. 2, pp. 253-269.
- Schweitzer P., Povoroznyuk O., Schiesser S. Beyond Wilderness: towards an Anthropology of Infrastructure and the Built Environment in the Russian North. *The Polar Journal*, 2017, Vol. 7, No. 1, pp. 58-85.
- Schweitzer P., Povoroznyuk O. A Right to Remoteness? A Missing Bridge and Articulations of Indigeneity along an East Siberian Railroad. *Social Anthropology*, 2019, Vol. 27, No. 2, pp. 236-252.
- Scott J. C. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven, CT: Yale University Press, 1998.
- Ssorin-Chaikov N. Soviet Debris: Failure and the Poetics of Unfinished Construction in Northern Siberia. *Social Research*, 2016, Vol. 83, No. 3, pp. 689-721.
- Ssorin-Chaikov N. *Two Lenins: A Brief Anthropology of Time*. Chicago: HAU Books, 2017.
- Steinberg P. E. *The Social Construction of the Ocean*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Vakhtin N. Mobility and Infrastructure in the Russian Arctic: Das Sein bestimmt das Bewusstsein? *Sibirica*, 2017, Vol. 16, No. 3, pp. 1-13.
- von Schnitzler A. *Democracy's Infrastructure: Techno-Politics and Protest after Apartheid*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016.

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/29/2

ПОЛИТИКА МОБИЛЬНОСТИ НА ЦИРКУМПОЛЯРНОМ СЕВЕРЕ: К АНТРОПОЛОГИИ ТРАНСПОРТНЫХ ИНФРАСТРУКТУР*

Петер Швайцер

Аннотация. Хотя мобильность универсальна для человечества, конкретные формы мобильности и ее отсутствие в каждом отдельном обществе определяются культурно и политически. В обществах коренных народов и более поздних поселенцев сформировалась сложная система сезонной мобильности и соответствующей инфраструктуры для устойчивых систем жизнеобеспечения в суровых условиях. Колониальное освоение более южными государствами изменило цели транспортных инфраструктур и мобильности на Севере так, что теперь они стали обслуживать внешние по отношению к местным сообществам задачи; их главной характеристикой сегодня стали отчужденное происхождение и целеполагание. Современные культура и политика мобильности основаны на существующей инфраструктуре. Эта статья фокусируется на том, как определенные формы транспортной инфраструктуры, а именно железные дороги, изменяют паттерны мобильности и будоражат воображение жителей Севера. После обсуждения понятий «отдаленность» и «инфраструктура» мы представим кейс-стади из России и Северной Америки. В некотором смысле это призыв к систематическому антропологическому изучению инфраструктуры в условиях отдаленности. Нам необходимо разработать «грамматику» взаимоотношений человека и инфраструктуры в дополнение к растущему корпусу антропологических исследований инфраструктуры в рамках «техно-политики». Другими словами, чтобы понять политику и культуру мобильности, нам необходимо понять политику и культуру транспортной инфраструктуры.

Ключевые слова: транспортная инфраструктура, отдаленность, мобильность, политика, Арктика

Введение

Коренные жители Крайнего Севера веками опирались на сложную систему мобильности, часто связанную с сезонными миграциями животных. Колониальная экспансия южных государств в Арктике и Суб-

* Первая версия этой статьи была представлена в виде пленарного доклада на XIII Конгрессе антропологов и этнологов России в Казани в июле 2019 г. Я хочу поблагодарить И. Крылова за перевод оригинального текста и О. Поворознюк за его последующее редактирование. Большая часть исследований, которые легли в основу этой статьи, была проведена в рамках проекта «Конфигурации «отдаленности» (CoRe): взаимоотношения человека и транспортной инфраструктуры в регионе Байкало-Амурской магистрали (БАМа)», финансируемого Австрийским научным фондом FWF [P 27625 Einzelprojekte].

арктике принесла новые формы мобильности, нацеленные не на поддержание местного образа жизни, а на как можно более быстрое освоение Севера с целью извлечения знаний и ресурсов. Хотя изначально колониальное освоение было связано с реками и передвижением по воде, довольно быстро стала проявляться необходимость создания более основательной инфраструктуры в тайге и тундре.

Различные формы мобильности и связанные с ними инфраструктуры являются не нейтральными технологическими или логистическими системами, а отдельными социальными мирами со своей иерархией и экономическим неравенством. Определенные виды передвижений получают приоритет, а отдельные группы включаются в мобильность или же оказываются исключены из нее, и тогда такие инфраструктуры создают ограничения мобильности. Очевидно, что мобильность не всегда связана с более высоким социальным статусом, и точно так же нельзя утверждать обратное. Таким образом, исследование политики мобильности означает не только изучение политических и экономических процессов, но и социальных норм, а также материальной инфраструктуры как таковой.

Сегодня технологии и инфраструктура оказывают значительное влияние не только на политику мобильности, но и на паттерны коммуникации в более широком смысле. Любое общество пользуется технологиями и инфраструктурой, но их важной чертой для северных групп является внешнее по отношению к этим группам происхождение и внешнее же определение целей для этих технологий и инфраструктуры. Поэтому изучение транспортных инфраструктур на Крайнем Севере проливает свет на политику мобильности (Creswell 2010) в условиях отдаленности.

Данная статья будет посвящена тому, как отдельные виды инфраструктуры (в частности, транспортной инфраструктуры на примере железных дорог) изменяют политику мобильности на Севере. В начале статьи я остановлюсь на некоторых ключевых понятиях, а затем приведу несколько кейс-стади из России и Северной Америки.

Инфраструктура

Социальные и гуманитарные науки только недавно начали всерьез заниматься темой инфраструктуры (Hughes 1983; Star 1999). Антропология была одной из последних в этом отношении дисциплин, но в последнее время мы наблюдаем взрывной рост объема антропологической литературы по этой теме (von Schnitzler 2016; Harvey, Bruun, Jensen, Morita 2017; Anand, Gupta, Appel 2018). Характерным для антропологических исследований было стремление показать инфраструктуру как площадку, на которой разворачиваются политические процессы (von Schnitzler 2016; Anand 2017; Venkatesan et al. 2018). Несколько авторов

исследовали связь инфраструктуры и политики модернизации (Masquelier 2002; Dalakoglou and Harvey 2012), а Колльер (Collier 2011) проводит глубокий анализ политических и правительственных структур, стоящих за планированием и проектированием инфраструктуры.

Ряд публикаций указывают на аффективное и символическое значение инфраструктурных проектов. Примером тому служат недавняя дискуссия о возможности инфраструктуры будоражить воображение (Dalakoglou, Harvey 2012; Harvey and Knox 2012; Larkin 2013; Anand et al. 2018). Речь идет о том, как инфраструктура работает на уровне «фантазии и желания» (Larkin 2013: 333), как она выражает обещание «эмансипационной современности» с присущими ей скоростью, соединенностью, политической свободой и экономическим процветанием, как она возбуждает мечты и надежды на развитие (Harvey, Knox 2012: 522-523). Другой корпус литературы об инфраструктуре затрагивает социальный аспект. Например, кейс-стади водохранилища на реке Кемийоки в Финляндии показал, как в процессе переговоров и планирования появились новые сети акторов (Krause 2015). Использование или доступ к определенному инфраструктурному объекту тоже может структурировать социальные отношения. Понятие инфраструктурного насилия (Rogers, O'Neal 2012) включает различные формы негативного воздействия инфраструктур, такие как социальное неравенство, маргинализация и конфликты, а также экологические проблемы в виде загрязнения, фрагментации и разорванности ландшафта.

Для понимания качества транспортной инфраструктуры мы определяем ее как «созданную человеком сеть, обеспечивающую поток людей, товаров, идей и их обмен в пространстве» (Larkin 2013: 328). Мобильность, соединенность и социальность – некоторые из очевидных свойств транспортной инфраструктуры. В то время как шоссе, железные дороги, трубопроводы и морские пути создают коридоры в пространстве, морские порты и аэропорты создают узлы внутри более крупных сетей пересекающихся линий.

Отдаленность

По всему миру все больше людей переезжают в города, сельские и отдаленные регионы сталкиваются с потерей населения, политического веса и экономической значимости (за исключением своей роли кладовой не добытых еще ресурсов). В то же время люди продолжают жить там, и новые группы (мигранты из густонаселенных регионов и городов) приезжают сюда. Именно поэтому социальные науки должны принимать во внимание потенциал развития отдаленных местностей в ближайшие десятилетия и века. С одной стороны, отдаленные и сельские местности являются кладовой трудовых и природных ресурсов, а с другой – ресурсом простора и тишины для центров.

Экономисты, географы и историки долгое время описывали Арктику как отдаленный регион (Coates 1994; Huskey, Morehouse 1992). Тем не менее в антропологии «отдаленности» до недавнего времени уделялось довольно мало теоретического и концептуального внимания. Хотя определенное представление о расстоянии в пространстве и «изолированности» или «экзотичности» повлияли на формулирование того, что является антропологическим полем, ни онтологические, ни эпистемологические качества «отдаленности» не становились предметом исследования. Напротив, как показывают примеры возникновения городской, глобальной или транснациональной и прочих новых видов антропологии, «отдаленность» по умолчанию понималась как стартовая точка в выборе поля для антропологов. Хотя уже были написаны манифесты городской антропологии или глобальных и транснациональных связей, кажется, никто не видел потребности в формулировке принципов «антропологии отдаленности», или «отдаленной антропологии». Как показывает К. Хамфри (Humphrey 2016), отдаленность и ее конфигурации особенно важны в централизованных государствах, таких как Россия.

Арктический транспорт

Транспорт за Северным полярным кругом в последние годы привлекает немалое внимание. В первую очередь это связано с глобальным изменением климата и интересом к природным ресурсам Севера. Сокращение объема морских ледников сделало морское сообщение через северо-восточный и северо-западный морские пути более осуществимым, чем еще несколько десятилетий назад. В особенности северо-восточный коридор или Северный морской путь, проходящий вдоль северных берегов Евразии, испытал в последнее время значительный рост транспортного потока. Это было отражено в научной литературе (Stephenson, Brigham, Smith 2013), а также в официальных документах, таких как «Arctic Marine Shipping Assessment» Арктического совета (AMSA 2013). Арктическое судоходство приведет к установке новой прибрежной инфраструктуры, обеспечивающей безопасность. Большинство перевозимых товаров производится не на Севере, а в восточной Азии и следуют в порты южнее Арктики, создавая таким образом «эффект упущенного развития» (fly-over effect) (Storey 2001).

Существует много других форм арктических транспортных сетей: от рек и шоссе до авиационных коридоров. Однако мы сосредоточимся на железных дорогах, главной особенностью которых является то, что они привязаны к местности (и соответственно местным жителям), а поезда могут перевозить и людей, и грузы. Хотя строительство железных дорог было характерно для индустриальной трансформации Европы в XIX в. (Schivelbusch 1977), технологии XXI в. делают арктические регионы

новым рубежом развития железных дорог (см. планы строительства железных дорог из Рованиеми в Киркенес в Финляндии и Норвегии или проект так называемого Северного широтного хода через субарктическую Сибирь).

Примеры из России и Советского Союза: от XIX века до БАМа

В целом строительство железных дорог можно рассматривать как типичный модернизационный проект, включающий в себя ряд связанных идеологических, инфраструктурных, политических, социально-экономических и культурных процессов. В отличие от европейских проектов, относящихся в основном к XIX в., российские и советские железнодорожные проекты были особенностью XX в. и воплощали идеологию и политику «высокого модернизма» (Scott 1998). Советская индустриализация и программа «освоения Севера» с лежащей в ее основе идеей господства человека над природой конструировала образ северных рубежей как враждебный, а местного населения – как отсталого и нецивилизованного. В этом контексте понимание «отдаленности» несло по большей мере негативные коннотации и было синонимично «нецивилизованному», «отсталому» или «другому». Таким образом, современность и отдаленность были сконструированы как противоположные полюса модернистской парадигмы.

С точки зрения наших исследовательских задач, то есть изучения отношения между пространством Сибири и преодоления отдаленности, центральным событием является строительство Транссибирской магистрали (Treadgold 1957; Marks 1991). Это была не только первая железная дорога, построенная в азиатской части России, но преддверие создания Советского Союза – политического образования, которое прочно ассоциируется с модернизацией и развитием транспортной инфраструктуры.

Туркестано-Сибирская магистраль (Турксиб) была туркестанским (центральноазиатским) проектом и в северном своем окончании в Новосибирске соединялась с Транссибом (Рауне 2001). Это была образцовая сталинская попытка развития азиатской части России; стройка стала прообразом последующих советских железнодорожных проектов. В сталинское время в таких проектах использовался принудительный труд заключенных. Позднее в подобных проектах участвовали добровольцы, привлеченные пропагандой, высокими зарплатами и другими материальными благами.

Хотя Байкало-Амурская магистраль появилась в проекте в 1930-е гг., а первые идеи были высказаны еще до революции, основное строительство началось в середине 1970-х гг. и было официально завершено в 1984 г. (Mote 1987). БАМ и его ответвления обеспечивают доступ к ми-

неральным ресурсам и соединяют отдаленные поселки с административными центрами. Очевидно, что промышленное освоение невозобновляемых ресурсов было одним из двигателей строительства железной дороги. Помимо надежного способа транспортировки людей, грузов и ресурсов, БАМ также укрепляет геополитические позиции России по отношению к Китаю. После открытия БАМа в 1984 г. последовал период экономического упадка и малой востребованности железной дороги. Распад Советского Союза и экономический кризис в России привели к дальнейшему кризису. К концу 1990-х гг. магистраль практически не эксплуатировалась.

В 2019 г. БАМ праздновал свое 45-летие. Сейчас разрабатываются новые планы его реконструкции и расширения. После технического и инфраструктурного усовершенствования экономический потенциал БАМа станет огромным, так как добыча ресурсов зависит от существующей и функционирующей инфраструктуры. Геополитические и экономические стратегии включают дополнительное железнодорожное сообщение с российским Дальним Востоком, Тихим океаном, Китаем и даже с Аляской.

Нет ничего удивительного, что «стройка века» вызывала лавину исследований – от социалистических пропагандистских статей до постсоветской деконструкции проекта. Особенно продуктивным направлением литературы, связанной с БАМом, был историографический жанр (Sushchevich 1984; Ward 2009; Grützmacher 2012). Этнографы изучали воздействие БАМа на местные сообщества коренных народов (Vinokurov 1994). Так как в этой подборке представлена более подробная статья о БАМе, я ограничусь упоминанием лишь нескольких материалов, опубликованных в рамках проекта CoRe: статьи об инфраструктурных проектах и «дикой природе» (Schweitzer et al. 2017), о воспоминаниях и идентичности строителей БАМа (Povoroznyuk 2019), о ритмах поездов (Kuklina et al. 2019). Еще одна статья об инфраструктуре, разьединенности и артикуляции идентичности коренного населения была издана в специальном номере журнала “Social Anthropology”, посвященном отдаленности (Schweitzer, Povoroznyuk 2019). Дальнейшие статьи о мобильности, соединенности и транспортных инфраструктурах, а также специальный выпуск о железных дорогах готовятся к публикации на основе материалов проекта и эмпирических данных, собранных в регионе БАМа.

Примеры из Северной Америки: Аляскинская железная дорога и туннель под Беринговым проливом

В отличие от БАМа, история Аляскинской железной дороги изучена мало. Предыстория ее связана с многочисленными отдельными ветками, построенными для обслуживания шахт. В 1903 г. началось строи-

тельство в Сьюарде, незамерзающем морском порту на юге Аляски. Позднее, когда в 1909 и 1924 гг. некоторые частные компании, управляющие железной дорогой, обанкротились, в дело вмешалось правительство Соединенных Штатов, и в 1914 г. было принято решение продлить железную дорогу до Фэрбанкса. В 1923 г. строительство Аляскинской железной дороги было завершено (Fitch 1967).

Хотя имеются базовые исторические данные о строительстве Аляскинской железной дороги, нет ни одной публикации, посвященной социальной роли этого проекта. Тем не менее, жители Аляски рассказывают о довольно обширных трансформациях. Например, известно, что люди стали селиться ближе к железной дороге, то есть она втягивала все больше мигрантов в свою орбиту, став важным условием поставок товаров и создания рабочих мест. Мы также знаем, что Аляскинская железная дорога ускорила распространение инфлюэнцы (испанского гриппа) во время пандемии 1918 г. Наконец, Анкоридж, крупнейший город Аляски сегодня, был основан как лагерь для строителей Аляскинской железной дороги в 1915 г. (Jones 2010).

Наиболее интересным для антропологов фактом может быть то, что строительство железной дороги послужило поводом для так называемого «Собрания вождей танана» в 1915 г. – встречи вождей аборигенных племен внутренних районов Аляски с судьей Джеймсом Уикершемом для обсуждения будущего, включая воздействие строившейся тогда железной дороги (Schneider 2018). Сегодня «Конференция вождей танана» – крупнейшее собрание аборигенных племен внутренних районов Аляски. Хотя КВТ была основана в 1962 г., организация отсчитывает свою историю с той самой встречи в 1915 г. КВТ говорит в этом контексте о первом «споре о земле», в котором вожди танана защитили места захоронения от строительства железной дороги (ТСС 2019).

Инфраструктурным проектам не обязательно быть реализованными (Ssorin-Chaikov 2016), чтобы стать социальной силой. Один из примеров тому – долгая история невозможности пересечь Берингов пролив на поезде. Более ста лет назад, в 1906 г., русский царь издал указ, доверив американской компании начать строительство железной дороги, которая бы соединила Северную Америку и Сибирь и пересекла Берингов пролив. В 1991 г., во время своего первого полевого исследования в городке Ном на берегу Берингова пролива я встретил несколько человек из числа коренных жителей и белых американцев – сторонников железнодорожного туннеля, который бы соединил Сибирь и Аляску, несмотря на то, что ближайшие работающие железнодорожные линии находятся в сотнях и даже тысячах километров от Номы. Стратегия развития российских железных дорог до 2030 г., опубликованная в 2008 г., предусматривает расширение сети от сегодняшней конечной точки на берегах Лены до Магадана и далее на Аляску через туннель под Беринговым

проливом (Стратегия 2008). В 2019 г. ни туннель, ни мост через Берингов пролив не были реализованы, и шансы, что хотя бы один из этих проектов будет осуществлен в обозримом будущем, минимальны.

Этот кейс поднимает вопрос, почему строительство моста или туннеля через 80-километровый морской пролив, соединяющий Евразию и Америку, продолжает будоражить воображение политиков, бизнесменов и местных жителей и почему, с другой стороны, эти грандиозные планы так и не были осуществлены. Для анализа этого кейса мне пришлось выйти за рамки простого «воздействия мегапроектов» (Brunn 2011) и использовать теоретические подходы инфраструктурных исследований (Harvey et al. 2017), материальной истории (Forty 2012) и теории аффектов (Stewart 2007). Этот пример демонстрирует необходимость серьезного учета потенциала нереализованных проектов и непостроенной среды (Peuton 2017), то есть обещаний (Anand et al. 2018) и опасений, связанных с такими проектами и инфраструктурой. При этом, однако, не следует забывать об ограничениях, продиктованных потребительским спросом, экологическими и политическими условиями.

Заключение

Технологии и инфраструктура – чрезвычайно важные аспекты человеческой жизни во всех частях света. Как и в других регионах, на Севере местные интересы оказываются второстепенными при реализации мегапроектов. Однако в отдаленных сообществах Крайнего Севера их воздействие на отношения человек – инфраструктура кажутся более очевидными по нескольким причинам, включая их относительно недавнее появление и более выраженное воздействие на окружающую среду. Так как большие инфраструктурные проекты на Севере почти всегда сопровождаются интенсивными изменениями в социальной географии, здесь выявление причинно-следственных связей между различными явлениями становится более простым, чем в других регионах. В то же время у нас все еще слишком мало задокументированных примеров социального и культурного воздействия северной транспортной (и иной) инфраструктуры.

Таким образом, для лучшего понимания политики мобильности на Крайнем Севере необходимо более систематизированное изучение ее компонентов. Один из них, а именно инфраструктура, не был достаточно представлен в изучении северных систем жизнеобеспечения. В то же время очевидно, что специфические условия жизни на Севере (от вечной мерзлоты до низкой плотности населения и разряженности сетей коммуникации) делают роль инфраструктуры еще более значимой.

В некотором смысле эта статья – призыв к систематическому антропологическому изучению инфраструктуры в условиях отдаленности. В дополнение к быстро растущему корпусу антропологических работ

об инфраструктуре как «техно-политике», упомянутому выше, нам нужна своего рода «грамматика» отношений человека и инфраструктуры. Формула Инголда «изучать людей и вещи – значит изучать линии, из которых они сделаны» (Ingold 2007: 5) может быть применима и к инфраструктурам и составляющим их линиям. Хотя эти линии часто прокладываются внешними интересами, вопрос, который стоит перед нами, заключается в том, как сами обитатели северных регионов используют их, испытывая их негативное влияние, адаптируясь к ним, игнорируя или трансформируя их.

Литература

- Винокуров И.И. Эвенки зоны Байкало-Амурской магистрали: историко-демографический аспект (1976–1990 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Якутск: Институт проблем коренных и малочисленных народов Севера, 1994.
- Стратегия. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года. 2008. URL: <https://www.mintrans.gov.ru/documents/3/1009> (дата обращения: 12.08.2020).
- Байкало-Амурская магистраль / ред. В.А. Сушевич. М.: Планета, 1984.
- AMSA. Arctic Council. Status on Implementation of the AMSA 2009 Report Recommendations. 2013 URL: https://www.pame.is/images/03_Projects/AMSA/AMSA_2009_report/AMSA_2009_Report_2nd_print.pdf (дата обращения: 05.04.2019).
- Anand N. Hydraulic City: Water and the Infrastructures of Citizenship in Mumbai. Durham, NC: Duke University Press, 2017.
- Anand N., Gupta A., Appel H. (eds.) The Promise of Infrastructure. Durham, NC: Duke University Press, 2018.
- Brunn S.D. (ed.) Engineering Earth: The Impacts of Megaengineering Projects. Dordrecht, Springer, 2011.
- Coates K. The Discovery of the North: Towards a Conceptual Framework for the Study of Northern/Remote Regions // The Northern Review. 1994. Vol. 12–13. P. 15–43.
- Collier S.J. Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011.
- Creswell T. Towards a Politics of Mobility. Environment and Planning // Society and Space. 2010. Vol. 28 (1). P. 17–31.
- Dalakoglou D., Harvey P. Roads and Anthropology: Ethnographic Perspectives on Space, Time and (Im)Mobility // Mobilities. 2012. Vol. 7 (4). P. 459–465.
- Fitch E.M. The Alaska Railroad. NY.: Frederick A. Praeger, 1967.
- Forty A. Concrete and Culture: A Material History. London: Reaktion Books, 2012.
- Grützmacher J. Die Baikal-Amur-Magistrale. Vom Stalinistischen Lager zum Mobilisierungsprojekt unter Brežnev. München; Oldenbourg, 2012.
- Harvey P., Bruun Jensen C., Morita A. (eds.) Infrastructures and Social Complexity: A Companion. N.Y.: Routledge, 2017.
- Harvey P., Knox H. The Enchantments of Infrastructure // Mobilities. 2012. Vol. 7 (4). P. 521–536.
- Hughes T.P. Networks of Power: Electrification in Western Society, 1880–1930. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 1983.
- Humphrey C. The Russian State, Remoteness, and a Buryat Alternative Vision // Senri Ethnological Studies. 2016. № 92. P. 101–120.
- Huskey L., Morehouse T.A. Development in Remote Regions: What Do We Know? // Arctic. 1992. Vol. 45 (2). P. 128–137.
- Ingold T. Lines: A Brief History. London: Routledge, 2007.

- Jones P.* City for Empire: An Anchorage History, 1914-1941. Fairbanks: University of Alaska Press, 2010.
- Krause F.* Making a Reservoir: Heterogeneous Engineering on the Kemi River in Finnish Lapland // *Geoforum*. 2015. № 66. P. 115–125.
- Kuklina V., Povoroznyuk O., Saxinger G.* Power of Rhythms – Trains and Work along the Baikal-Amur Mainline (BAM) in Siberia // *Polar Geography*. 2019. Vol. 42 (1). P. 18–33.
- Larkin B.* The Politics and Poetics of Infrastructure // *Annual Review of Anthropology*. 2013. № 42. P. 327–343.
- Marks S. G.* Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia 1850–1917. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1991.
- Masquelier A.* Road Mythographies: Space, Mobility, and the Historical Imagination in Post-colonial Niger // *American Ethnologist*. 2002. Vol. 29 (4). P. 829–856.
- Mote V.L.* The Amur-Yakutsk Mainline – a Soviet Concept or Reality? // *Professional Geographer*. 1987. Vol. 39 (1). P. 13–23.
- Payne M.J.* Stalin's Railroad: Turksib and the Building of Socialism. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2001.
- Peyton J.* Unbuilt Environments: Tracing Postwar Development in Northwest British Columbia. Vancouver: UBC Press, 2017.
- Povoroznyuk O.* The Baikal-Amur Mainline: Memories and Emotions of a Socialist Construction Project // *Sibirica*. 2019. Vol. 18 (1). P. 22–52.
- Rodgers D., O'Neill B.* Infrastructural Violence: Introduction to the special issue // *Ethnography*. 2012. Vol. 13 (4). P. 401–412.
- Schivelbusch W.* Geschichte der Eisenbahnreise. Zur Industrialisierung von Raum und Zeit im 19. Jahrhundert. München, Berlin: Carl Hansen, 1977.
- Schneider W.* Tanana Chiefs: Native Rights and Western Law. Fairbanks: University of Alaska Press, 2018.
- Schweitzer P., Povoroznyuk O.* A Right to Remoteness? A Missing Bridge and Articulations of Indigeneity along an East Siberian Railroad // *Social Anthropology*. 2019. Vol. 27 (2). P. 236–252.
- Schweitzer P., Povoroznyuk O., Schiesser S.* Beyond Wilderness: Towards an Anthropology of Infrastructure and the Built Environment in the Russian North // *The Polar Journal*. 2017. Vol. 7 (1). P. 58–85.
- Scott J. C.* Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven, CT: Yale University Press, 1998.
- Ssorin-Chaikov N.* Soviet Debris: Failure and the Poetics of Unfinished Construction in Northern Siberia // *Social Research*. 2016. Vol. 83 (3). P. 689–721.
- Star S.L.* The Ethnography of Infrastructure // *American Behavioral Scientist*. 1999. Vol. 43 (3). P. 377–391.
- Stephenson S.R., Brigham L.W., Smith L.C.* Marine Accessibility Along Russia's Northern Sea Route // *Polar Geography*. 2013. Vol. 37 (2). P. 111–133.
- Stewart K.* Ordinary Affects. Durham, NC: Duke University Press, 2007.
- Storey K.* Fly-in/Fly-out and Fly-Over: Mining and Regional Development in Western Australia // *Australian Geographer*. 2001. Vol. 32 (2). P. 133–148.
- TCC Tanana Chiefs Conference: Our History*. URL: <https://www.tanachiefs.org/about/our-history> (дата обращения: 02.05.2019).
- Treadgold D.W.* The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1957.
- Venkatesan S. et al.* Attention to Infrastructure Offers a Welcome Reconfiguration of Anthropological Approaches to the Political // *Critique of Anthropology*. 2018. Vol. 38 (1). P. 3–52.
- von Schnitzler A.* Democracy's Infrastructure: Techno-Politics and Protest after Apartheid. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016.

Ward C.J. Brezhnev's Folly: The Building of BAM and Late Soviet Socialism. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2009.

Статья поступила в редакцию 2 июля 2020 г.

Schweitzer Peter

POLITICS OF MOBILITY IN THE CIRCUMPOLAR NORTH: TOWARDS ANTHROPOLOGY OF TRANSPORT INFRASTRUCTURES*

DOI: 10.17223/2312461X/29/2

Abstract. While mobility is a human universal, the specific constellations of mobility and immobility in a given society are culturally and politically determined. Indigenous and settler communities in the North had developed elaborate seasonal mobility patterns (and transportation infrastructures) to enable sustainable livelihoods under harsh conditions. The colonial incorporation into southern states shifted the aim of northern transportation infrastructures and mobility patterns to serve external purposes, that is, what characterizes their design in northern communities today are their non-local origins and intentions. Contemporary politics and culture of mobility in the North are based on existing infrastructures, which trigger a certain “path dependence” of mobility. Thus, the present article focuses on how particular forms of infrastructure – namely transportation infrastructure, with a focus on railroads – re-configure mobility patterns and stir imagination of northern residents. After discussing the notions of ‘remoteness’ and ‘infrastructure’, case studies from Russian and North American contexts are being presented. In a way, this is a call for a systematic anthropological study of infrastructure under conditions of remoteness. We need a kind of “grammar” of human-infrastructure interactions, in addition to the fast-growing body of anthropological treatments of infrastructure as “techno-politics”. In other words, in order to comprehend the politics and culture of (human) mobility, we need to understand the politics and culture of transport infrastructure.

Keywords: transport infrastructure, remoteness, mobility, politics, Arctic

* The first version of this article was presented at the plenary session of XIII Congress of Anthropologists and Ethnologists in Kazan in July 2019. I want to thank I. Krylov for translating the original text and Olga Povoroznyuk for editing it. The major part of the research underlying the article was conducted under the project titled ‘Configuration of “remoteness” (CoRe): Entanglements of humans and transportation infrastructure in the region of the Baikal-Amur Mainline (BAM)’, supported by the Austrian Science Fund FWF [P 27625 Einzelprojekte].

References

- Vinokurov I. I. *Evenki zony Baikalo-Amurskoi Magistrali: istoriko-demograficheskii aspekt (1976-1990)* [Evenki of the Baikal-Amur Mainline: Historical and demographical aspect] Ph. D. [kandidat nauk] Thesis. Yakutsk, Institute for Northern indigenous people's issues, 1994.
- Strategiia. *Transportnaia strategiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda* [The Strategy. The transport strategy of the Russian Federation developed for the period until 2030]. 2008. URL: <https://www.mintrans.gov.ru/documents/3/1009> Access date: 12.08.2020
- Sushchevich V. A. ed. *Baikalo-Amurskaia Magistral'* [The Baikal-Amur Mainline]. Moscow, Planeta, 1984.
- AMSA. *Arctic Council. Status on Implementation of the AMSA 2009 Report Recommendations*. 2013 URL: https://www.pame.is/images/03_Projects/AMSA/AMSA_2009_report/AMSA_2009_Report_2nd_print.pdf (accessed 05.04.2019).

- Anand N. *Hydraulic City: Water and the Infrastructures of Citizenship in Mumbai*. Durham, NC, Duke University Press, 2017.
- Anand N., Gupta A., and Appel H., eds. *The Promise of Infrastructure*. Durham, NC: Duke University Press, 2018.
- Brunn S. D., ed. *Engineering Earth: The Impacts of Megaengineering Projects*. Dordrecht, Springer, 2011.
- Coates K. The Discovery of the North: Towards a Conceptual Framework for the Study of Northern/Remote Regions, *The Northern Review*, 1994, Vol. 12-13, pp. 15-43.
- Collier S. J., *Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011.
- Creswell T. Towards a Politics of Mobility. Environment and Planning, *Society and Space*, 2010, Vol. 28(1), pp.17-31.
- Dalakoglou D., Harvey P. Roads and Anthropology: Ethnographic Perspectives on Space, Time and (Im)Mobility. *Mobilities*, 2012, Vol. 7(4), pp. 459-465.
- Fitch E. M. *The Alaska Railroad*. New York, Frederick A. Praeger, 1967.
- Forty A. *Concrete and Culture: A Material History*. London, Reaktion Books, 2012.
- Grützmacher J. *Die Baikal-Amur-Magistrale. Vom Stalinistischen Lager zum Mobilisierungsprojekt unter Brežnev*. München, Oldenbourg, 2012.
- Harvey P., Bruun Jensen C., Morita A., eds. *Infrastructures and Social Complexity: A Companion*. New York, Routledge, 2017.
- Harvey P., Knox H. The Enchantments of Infrastructure, *Mobilities*, 2012, Vol. 7(4), pp. 521-536.
- Hughes T. P. *Networks of Power: Electrification in Western Society, 1880-1930*. Baltimore, MD, The Johns Hopkins University Press, 1983.
- Humphrey C. The Russian State, Remoteness, and a Buryat Alternative Vision, *Senri Ethnological Studies*, 2016, No. 92, pp. 101-120.
- Huskey L., Morehouse T. A. Development in Remote Regions: What Do We Know? *Arctic*, 1992, Vol. 45(2), pp. 128-137.
- Ingold T. *Lines: A Brief History*. London, Routledge, 2007.
- Jones P. *City for Empire: An Anchorage History, 1914-1941*. Fairbanks, University of Alaska Press, 2010
- Krause F. Making a Reservoir: Heterogeneous Engineering on the Kemi River in Finnish Lapland, *Geoforum*, 2015, No. 66, pp. 115-125.
- Kuklina V., Povoroznyuk O., Saxinger G. Power of Rhythms – Trains and Work along the Baikal-Amur Mainline (BAM) in Siberia, *Polar Geography*, 2019, Vol. 42(1), pp. 18–33.
- Larkin B. The Politics and Poetics of Infrastructure, *Annual Review of Anthropology*, 2013, no. 42, pp. 327-343.
- Marks S. G. *Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia 1850-1917*. Ithaca, NY, Cornell University Press, 1991.
- Masquelier A. Road Mythographies: Space, Mobility, and the Historical Imagination in Post-colonial Niger, *American Ethnologist*, 2002, Vol. 29(4), pp. 829-856.
- Mote V. L. The Amur-Yakutsk Mainline – a Soviet Concept or Reality?, *Professional Geographer*, 1987, Vol. 39(1), pp. 13-23.
- Payne M. J. *Stalin's Railroad: Turksib and the Building of Socialism*. Pittsburgh, PA, University of Pittsburgh Press, 2001.
- Peyton J. *Unbuilt Environments: Tracing Postwar Development in Northwest British Columbia*. Vancouver, UBC Press, 2017.
- Povoroznyuk O. The Baikal-Amur Mainline: Memories and Emotions of a Socialist Construction Project, *Sibirica*, 2019, Vol. 18(1), pp. 22–52.
- Rodgers D., O'Neill B. Infrastructural Violence: Introduction to the special issue, *Ethnography*, 2012, vol. 13(4), pp. 401-412.
- Schivelbusch W. *Geschichte der Eisenbahnreise. Zur Industrialisierung von Raum und Zeit im 19. Jahrhundert*. München, Berlin, Carl Hansen, 1977.

- Schneider W. *Tanana Chiefs: Native Rights and Western Law*. Fairbanks, University of Alaska Press, 2018.
- Schweitzer P., Povoroznyuk O. A Right to Remoteness? A Missing Bridge and Articulations of Indigeneity along an East Siberian Railroad, *Social Anthropology*, 2019, Vol. 27(2), pp. 236-252.
- Schweitzer P., Povoroznyuk O., Schiesser S. Beyond Wilderness: Towards an Anthropology of Infrastructure and the Built Environment in the Russian North, *The Polar Journal*, 2017, Vol. 7(1), pp. 58-85.
- Scott J. C. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven, CT, Yale University Press, 1998.
- Ssorin-Chaikov N. Soviet Debris: Failure and the Poetics of Unfinished Construction in Northern Siberia, *Social Research*, 2016, Vol. 83 (3), pp. 689-721.
- Star S. L. The Ethnography of Infrastructure, *American Behavioral Scientist*, 1999, Vol. 43(3), pp. 377-391.
- Stephenson S. R., Brigham, L. W., Smith, L. C. Marine Accessibility Along Russia's Northern Sea Route, *Polar Geography*, 2013, Vol. 37(2), pp. 111-133.
- Stewart K. *Ordinary Affects*. Durham, NC, Duke University Press, 2007.
- Storey K. Fly-in/Fly-out and Fly-Over: Mining and Regional Development in Western Australia, *Australian Geographer*, 2001, Vol. 32(2), pp. 133-148.
- TCC *Tanana Chiefs Conference: Our History*. URL: <https://www.tananachiefs.org/about/our-history/> (Access date 02.05.2019).
- Treadgold D. W. *The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1957.
- Venkatesan S. et al. Attention to Infrastructure Offers a Welcome Reconfiguration of Anthropological Approaches to the Political, *Critique of Anthropology*, 2018, Vol. 38(1), pp. 3-52.
- von Schnitzler A. *Democracy's Infrastructure: Techno-Politics and Protest after Apartheid*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 2016.
- Ward C. J. *Brezhnev's Folly: The Building of BAM and Late Soviet Socialism*. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 2009.

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/29/3

(ПОСТ)СОВЕТСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА: ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ И ЭМОЦИЙ НА БАМЕ*

Ольга Алексеевна Поворознюк

Аннотация. Байкало-Амурская магистраль (БАМ) – железная дорога, пересекающая северные районы Восточной Сибири и Дальнего Востока и последний крупнейший советский инфраструктурный проект. Ее строительство в 1970–1980-х гг. сопровождалось идеологической пропагандой и материальными стимулами и привлекло мигрантов из разных частей СССР. Сегодня строители БАМа, или *бамовцы*, составляют большинство во многих населенных пунктах вдоль железной дороги. На фоне социально-экономического кризиса и смены идеологической парадигмы после распада СССР проект БАМ подвергся публичной критике. В связи с ростом перевозок добываемых в регионе полезных ископаемых в 2014 г. была запущена программа реконструкции магистрали БАМ-2, которая подразумевает строительство второго пути и по сути является продолжением незавершенного советского строительства. В центре внимания статьи – инфраструктура как воплощение коллективной памяти, идентичности и эмоций. Эмоционально заряженная память о периоде строительства БАМа играет ключевую роль в воспроизводстве и укреплении идентичности местных жителей и составляет нематериальные аспекты его инфраструктуры в постсоветский период. Сравнение проектов БАМ и БАМ-2 позволяет раскрыть темпоральность инфраструктуры, в которой обещания и провалы модернизации, бум и упадок, строительство, разрушение и реконструкция составляют цикл жизни железной дороги и связанных с ней людей. Статья основана на полевых материалах автора, включающих фокус-группы, биографические интервью и архивные данные и полученных в ходе проведения исследований в Тынде и Северобайкальске и гг. Нов. Чара в 2013 и в 2016–2018 гг.

Ключевые слова: Байкало-Амурская магистраль, инфраструктура, память, идентичность, эмоции

Введение

«Строительство БАМа вдохнуло новую жизнь в этот таежный регион» – так начинается отчет о социально-экономическом развитии Тындинского района Амурской области (Паспорт 1991). Подобные фразы и

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта «Конфигурации “отдаленности” (CoRe): взаимоотношения человека и транспортной инфраструктуры в регионе Байкало-Амурской магистрали» при поддержке Австрийского фонда научных исследований FWF [P 27625 Einzelprojekte]. Я также благодарю Американский национальный исследовательский фонд NSF (проект «Неформальные дороги» («Informal Roads»)), грант № 175809) за поддержку на завершающем этапе работы над статьей.

эпитеты в адрес железной дороги являлись неотъемлемой частью дискурса о Байкало-Амурской магистрали (БАМе) в СМИ и официальных документах 1970-х – начала 1990х гг. БАМ – одна из наиболее протяженных северных железных дорог (более 4 300 км) и пересекает северные районы шести регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока РФ. Ее основное ответвление – Амуро-Якутская магистраль (АЯМ), которое продолжает достраиваться, пересекает южные улусы Республики Саха (Якутия). Сегодня БАМ включает 200 станций и пересекает более 60 городов и поселков (рис. 1). Крупнейшие города БАМа (по численности населения на 2010 г.) – Комсомольск-на-Амуре (263 906), Нерюнгри (61 747), Усть-Кут (45 375), Тында (36 275), Тайшет (35 485), Северобайкальск (24 929). Типичные бамовские поселки имеют население 200–3 000 чел. Ближайшие национальные села¹, как правило, связаны с БАМом дорогами, водным или авиасообщением; отдаленные поселки зачастую не имеют круглогодичного сообщения и являются труднодоступными, особенно в межсезонье.

Рис. 1. Пассажирский поезд на станции Юктали. Автор: Ольга Поворознюк

Регион БАМа – определение, которым я оперирую – шире так называемой зоны БАМа – официально установленного транспортного коридора. К местам моих исследований относятся железнодорожные города Северобайкальск и Тында и средний по размерам пгт. Новая Чара. Эти населенные пункты образовались в период строительства железной дороги, и сегодня в них проживают в основном советские мигранты (пре-

имущественно строители БАМа). Национальные села Холодное, Первомайское и Чапо-Олого, основанные до начала строительства БАМа, связаны с упомянутыми выше бамовскими городами и поселками дорогами и испытывают непосредственное влияние железнодорожной магистрали. В них проживает, в основном, коренное население (эвенки и представители других этнических меньшинств, русские старожилы). Эта статья основана на материалах фокус-групп и биографических интервью с *бамовцами* и местными жителями региона БАМа и архивных данных, собранных в Тынде, Северобайкальске и пгт. Нов. Чара во время полевых исследований в 2013 и в 2016–2018 гг.

БАМ, ставший последней социалистической «стройкой века», и сегодня играет ключевую роль в транспортной доступности, социально-экономическом развитии региона и самосознании местных жителей. В фокусе настоящей статьи – инфраструктура как материализация коллективной памяти, идентичности и эмоций местных сообществ – людей, напрямую участвовавших в ее строительстве или связанных с ней через воспоминания своих родителей или практики мобильности и социальных отношений. БАМ стал воплощением советского проекта модернизации, и идеализированные воспоминания о периоде строительства, социалистические дискурсы и образы БАМа и сегодня продолжают играть заметную роль в политике идентичности и эмоций в регионе. Государство использует коллективную память о периоде строительства для укрепления идентичности, чувства патриотизма и, в конечном итоге, для популяризации БАМ-2 среди бамовцев – участников стройки и жителей железнодорожных городов и поселков. Сравнительное исследование позднесоветского проекта БАМ и его современной программы модернизации раскрывает темпоральность инфраструктуры и помогает ответить на следующие вопросы. В чем преемственность и различия между БАМом и БАМ-2? Какие факторы оказали влияние на формирование социальной группы и идентичности бамовцев? Какую роль играет память о периоде строительства в постсоветской политике идентичности и эмоций?

Инфраструктура (пост)социализма

В поиске ответов на эти вопросы я обращаюсь к литературе из области антропологии постсоциализма и инфраструктуры. БАМ, подобно другим социалистическим «стройкам века» (Josephson 1995), стал воплощением «высокого модернизма» (Scott 1998) – авторитарного политического режима, для которого присущи научно-технический прогресс, социальная инженерия, неограниченное использование власти и слабое гражданское общество. Для реализации крупных инфраструктурных проектов советское государство активно сочетало приемы тех-

нологической и социальной инженерии, опиравшейся на властный и идеологический ресурсы. Однако если в сталинский период на стройках широко использовался принудительный труд, то на позднесоветском БАМе основным методом привлечения трудовых ресурсов стала пропаганда, успешно сочетавшаяся с материальными стимулами. При этом советский БАМ включал не только планы строительства железнодорожных и городских инфраструктур, но и создание особого социального микрокосма – воплощения социалистической утопии.

Ссорин-Чайков на примере советского культурного и колхозного строительства в Сибири показывает, что провал, развалины и незавершенность являлись неотъемлемой частью советского модернизационного проекта (Ssorin-Chaikov 2016). Завершение социалистического строительства постоянно откладывалось, а наиболее прочными его опорами были и продолжают оставаться не столько разрушающиеся физические инфраструктуры (здания, неасфальтированные дороги, заброшенные железнодорожные пути), сколько бюрократические процедуры – планы и отчеты строительства и связанные с ними ожидания (694). Официально строительство БАМа было завершено с пуском сквозного движения поездов, однако фактически строительство второго пути и многих инфраструктурных объектов и зданий отложено на неопределенное время в связи с началом социально-экономических реформ и кризиса, последовавшего после распада Советского Союза.

Сважек (Svašek 2006) вслед за Ахмед (Ahmed 2014) использует понятие «политика эмоций» для анализа общественных реакций на постсоциалистические трансформации в Восточной Европе. Эмоции как коллективные реакции на быстрые социально-экономические изменения могут продуцироваться, ощущаться или становиться предметом политических манипуляций. Они формируют систему нравственных ценностей, которая служит ориентиром моральных оценок и критики власти, как показывают исследования предвыборных кампаний, реформ и общественных движений в постсоциалистической Европе в исследовании Сважек. При этом инфраструктуры как часть политических проектов могут стать воплощением эмоций и памяти.

Швенкель (Schwenkel 2013) использует термин «постсоциалистический аффект» в своем исследовании городского строительства и восстановления зданий в послевоенном Вьетнаме, построенных в социалистический период. Инфраструктура (в том числе материальность) зданий имеет способность «удерживать» коллективные эмоции и формировать новых «чувствующих субъектов, приверженных социалистическому строительству». Харви и Нокс (Harvey, Knox 2012) на примере строящихся и планируемых дорог в Перу также пишут о том, как инфраструктурные проекты «очаровывают» публику «обещаниями современной жизни – доступностью, скоростью и социально-экономическим прогрессом». При этом «обещанные»

дороги отличаются от «построенных»: обещания порождают ожидания, а их невыполнение – разочарование.

Постсоциалистический БАМ «удерживает» эмоции энтузиазма, гордости и патриотизма, которые испытывали *бамовцы* в период его строительства и которые сегодня играют важную роль в поддержании их идентичности. Постсоветские трансформации в России и в регионе вызвали чувства неопределенности, разочарования и ностальгии, которые были спроецированы и на проект БАМ и связанные с ним отложенные ожидания. Сегодняшние обещания незавершенной инфраструктуры БАМа в виде программы его реконструкции порождают новые надежды и ожидания среди местных жителей, особенно среди бамовцев. Инфраструктура БАМа представляет собой эмоционально заряженный объект материальной культуры и социальной памяти. (Пост)советская темпоральность инфраструктуры БАМа характеризуется преемственностью – советскими символами и риторикой, заброшенными или приостановленными строительными объектами, бюрократическими процедурами, планами и изменениями – новыми экономическими условиями, за которыми стоят иные интересы, формы и виды инвестиций и управления трудовыми ресурсами. Празднование юбилеев строительства БАМа создает публичное пространство для реконструкции советских эмоций, памяти и идентичностей, которые могут превращаться в инструменты «аффективного управления историей» (Oushakine 2013) в интересах государства и частных компаний.

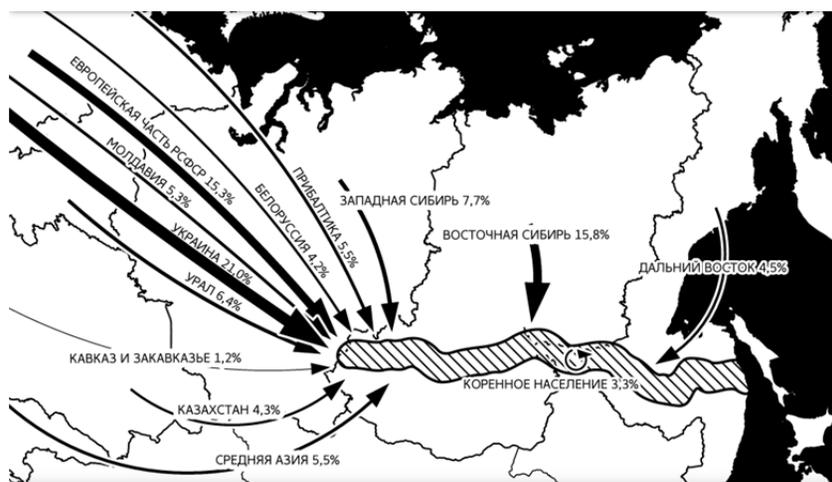
БАМ и бамовцы

Проекты строительства железнодорожной ветки, которая должна была проходить по северному берегу Байкала, обсуждались с конца XIX в., а строительство первого участка собственно Байкало-Амурской магистрали началось еще в сталинский период. Однако именно позднесоветский БАМ получил наибольшую известность и занял центральное место в публичной памяти и истории региона и всей страны, став последним крупномасштабным социалистическим проектом, который использовал задачи эксплуатации природных ресурсов СССР в пропагандистских и экономических целях (Ward 2009: 2). Средства массовой информации распространяли доминирующий официальный дискурс о БАМе как о «стройке века» и «пути в будущее», а популярные искусство и культура создавали романтические образы покорения природы и героизировали труд строителей БАМа.

Хронология позднесоветского проекта БАМ начинается с открытия всесоюзной коммунистической стройки и начала трудовой массовой мобилизации в 1974 г. и венчается ключевым событием – стыковкой золотого звена, соединившего западный и восточный участки пути и

открывшего сквозное движение, в 1984 г.² Трудовая мобилизация на стройку шла, в основной массе, через комсомольские организации. Не случайно БАМ называли молодежной стройкой – сюда приезжали инженеры, строители и рабочие без специальностей в возрасте 20–30 лет. В отличие от строек раннего социализма, где использовался принудительный труд, мотивами приезда на БАМ служили идеологические, а также материальные стимулы. Высокие зарплаты, общественные престиж и внимание к стройке и ее строителям, так называемые ваучеры на покупку автомобиля, бывшего тогда предметом роскоши, и другие льготы для многих людей служили мотивами приезда на стройку.

По некоторым оценкам, всего за период строительства в регион прибыло 500 тыс. мигрантов (Ward 2009: 23). При этом БАМ стал своеобразной «витриной» советского нацистроительства. Популярный лозунг «БАМ строит вся страна» отражал географию мест происхождения мигрантов, приезжавших на строительство железной дороги. Строительство отдельных городов и станций было символически отведено «национальным бригадам», представлявшим ту или иную республику, тот или иной регион или город. При этом по этническому составу среди строителей БАМа преобладали славянские группы – русские, украинцы и белорусы. Коренное население (эвенки и другие малочисленные народы Севера) после притока мигрантов (рис. 2) составило в среднем в зоне БАМа лишь 1,2% населения (Аргудяева 1988: 11).

**Регионы выбытия строителей БАМа
1981 г.**

1:40 000 000

Рис. 2. Карта-схема, отображающая места выбытия мигрантов в регион строительства БАМа. Автор: Кристоф Финк, источник: Ю.В. Аргудяева, 1988

Повседневный совместный труд и досуг оказали большое влияние на укрепление солидарности среди мигрантов. Близкие по возрасту и социальному происхождению люди становились коллегами по организации и зачастую одновременно соседями по барaku, а позднее – по жилому дому. Соседство и сотрудничество часто перерастали в дружбу или брак. Социальные сети бамовцев росли и укреплялись даже после переезда из одного места на другое, как это часто случилось после завершения строительства объекта или отрезка пути. Популярная культура и искусство прославляли труд бамовцев и пропагандировали общие советские ценности и идеи на БАМе. Театральные, музыкальные и изобразительные студии играли спектакли, исполняли музыку и писали картины о БАМе и бамовцах. Музыкальные фестивали и знаковые события привлекали внимание всей страны к проекту БАМ и его участникам и укрепляли идентичность бамовцев.

Таким образом, не только национальная политика и пропаганда (которая использовала средства популярной культуры, искусства и средства массовой информации), но и повседневность с ее практиками совместной трудовой деятельности и досуга внесли вклад в формирование бамовцев как особой группы или, как выражаются мои собеседники, «бамовской национальности».

Вспоминая «стройку века»

Бывшие советские мигранты, приехавшие в регион в период строительства БАМа, и сегодня продолжают составлять большинство населения. Среди первого поколения бамовцев выделяются «ветераны БАМа», к которым обычно относят себя люди, получившие звание ветеранов труда или другие знаки отличия за участие в строительстве БАМа. Представителей второго (и реже – третьего) поколения мигрантов и выходцы из семей строителей БАМа часто называют детьми БАМа. Принадлежность к «бамовцам» и «ветеранам БАМа» зачастую служит гарантом общественного признания и оспаривается в ситуациях распределения жилищных субсидий и других материальных льгот. Однако примечательно, что термин «бамовцы» сегодня приобрел более широкое толкование и перерос из социально-профессиональной в региональную идентичность. Бамовцами могут называть себя люди, которые приехали по разным мотивам и делам в зону БАМа в советский или в ранний постсоветский период. Такое толкование вызывает возмущение и недовольство со стороны «настоящих» бамовцев – непосредственных участников советской стройки.

Темы, связанные со строительством БАМа, вызывают наиболее сильные эмоции среди представителей первого поколения мигрантов,

принимавших непосредственное участие в разных этапах строительства железной дороги и городов и поселков вдоль нее (Povoznyuk 2019). Воспоминания бамовцев о периоде строительства как о самом счастливым времени жизни (Богданова 2013) окрашены эмоциями радости, энтузиазма и гордости.

Интервью с бамовцами воспроизводят ряд ключевых тем: первое «знакомство» с БАМом и мотивы участия в стройке, трудности обустройства быта после приезда на БАМ, трудовые испытания и достижения на строительстве магистрали, солидарность в повседневной жизни, труде и коллективных праздниках. Многие бамовцы, приехавшие в регион по так называемой комсомольской путевке или собственной инициативе, подчеркивают нематериальные мотивы приезда на БАМ. Среди них неоднократно назывались энтузиазм и желание «испытать себя» в личном и профессиональном плане, романтика тайги и новой жизни, а также чувство патриотизма и желание внести свой вклад в строительство социалистического общества.

Типичными являются воспоминания о совместном труде и досуге, о теплых и сплоченных отношениях между людьми на БАМе, основанных на солидарности, бескорыстной «бамовской» дружбе и взаимопомощи. Многие опрошенные бамовцы сегодня идеализируют нематериальные «бамовские» ценности и мотивы приезда на БАМ, противопоставляя их заинтересованности в деньгах и материальных благах, которая двигала, по их словам, «ненастоящими» строителями БАМа, приехавшими на Север на время «за длинным рублем». Так говорит об отношениях и ценностях на БАМе поэтесса и свидетельница строительства железной дороги:

Я все время говорю, сюда поехали ни за лаврами, ни за наградами, ни за деньгами, ни за машинами. Это, конечно, было. Но основная задача была – это строить дорогу в будущее. И надо отдать должное людям, которые здесь это строили, что они свою задачу выполнили на 125 процентов. Потому что они не просто построили дорогу в будущее, они соединили два века вместе, определенная часть осталась в бамовских городах, поселках. И традиционный бамовский уклад: взаимоподдержка, взаимопомощь – это когда у тебя нет здесь родных, а есть только друзья – это до сих пор сохраняется (интервью, Северобайкальск, 2017).

Период строительства БАМа вплоть до его официального окончания в 1984 г. в большинстве случаев представляется золотым временем, а сам регион – утопией социалистического общества. Слова моей собеседницы – участницы строительства и ныне сотрудницы районной администрации, отражают распространенное среди бамовцев воспоминание о социалистическом БАМе:

...В стране нечего было ни есть, ни пить – здесь было все, здесь был маленький коммунизм. То, что люди не могли себе позволить через 30–40 лет активной работы, мы могли себе позволить. Мы могли себе через 3 года купить машину. У нас были свободные денежные средства – мы могли поехать отдохнуть. Т.е. мы жили достаточно хорошо... Да, но и, конечно, романтика. Мы жили еще в вагончике. Мы все праздники проводили вместе. На улице большой стол, на столе уха, и все вместе праздновали (интервью Тында, 2013).

«Дети БАМа» вспоминают период строительства, опираясь на рассказы родителей, дедов и бабушек, участвовавших в стройке, материалы и фотографии городских и семейных архивов, и частично – на собственные детские впечатления. Их воспоминания о вехах строительства БАМа менее эмоциональны, а отношение к этому периоду – более сдержанное.

БАМ-2: реконструкция

Официальное окончание строительства БАМа почти совпало с распадом СССР и началом системного кризиса в стране. На фоне этих событий происходили сворачивание государственных инвестиций в региональное развитие, которое помешало завершению строительства и в последующие годы вело к разрушению железнодорожной и городской инфраструктуры. С середины 1990-х гг. начался массовый отток населения, в основном советских мигрантов. По некоторым оценкам, в 1990-е из региона уехало две трети бамовцев. Смена идеологической парадигмы и внезапно начавшаяся официальная критика проекта БАМ, который в новых условиях стал нерентабельным, вызвали публичное разочарование и пессимизм. На этом фоне бамовцы из героев социалистического труда превратились в малозаметную молчащую группу. С улучшением социально-экономической ситуации и возвращением внимания к БАМу с начала 2000-х гг. наступил новый период возрождения коллективной памяти и связанной с ней идентичности бамовцев.

Сегодня БАМ продолжает играть большую роль в социально-экономическом развитии региона и является транспортным каркасом северных районов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Грузоперевозки по БАМу в период с 2006 по 2015 г. выросли на 51%. При этом особую роль играет транспортировка ресурсов (уголь, нефть, древесина) на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона (рис. 3) (Грузооборот 2016).

Однако, как показали наши исследования (Povogoznyuk 2017), роль БАМа как социального феномена, сформировавшего местные сообщества, больше его непосредственной роли как средства сообщения. Местные жители путешествуют по БАМу в основном на средние и дальние расстояния. Несмотря на отсутствие альтернативных средств передвижения и

востребованность железной дороги в повседневной жизни городов и поселков, региональные поезда остаются редкостью, а поезда дальнего следования имеют неудобные расписания. Использование так называемых рабочих или технологических поездов пассажирами в последние годы стало затруднительным в связи с усилением ограничений РЖД.

Рис. 3. По БАМу идут грузы, Северобайкальск. Автор: Ольга Поворознюк

В 2014 г. была запущена государственная программа реконструкции и технологической модернизации БАМ-2. Цель программы – повышение пропускной способности БАМа и диверсификация функций БАМа и Транссиба, при которой первый должен быть ориентирован на грузовые, а второй – на пассажирские перевозки. Реализация программы вписана в долгосрочные стратегии развития Сибири и Дальнего Востока и притягивает внимание властей и СМИ на высшем уровне, создавая большой общественный резонанс.

БАМ-1 и БАМ-2 объединяет ряд сходств. Программа БАМ-2 предполагает строительство второго железнодорожного пути и разъездов на крупных станциях, реконструкцию вокзалов и завершение недостроенных железнодорожных объектов, а также полную электрификацию магистрали³. По своему содержанию и инженерным решениям БАМ-2 является продолжением незавершенных советских планов строительства в рамках программы освоения Севера, а подготовительные работы к строительству второго пути (отсыпка полотна и установка опор для ЛЭП) БАМа начинались в советское время. Преимущество постсоветского БАМа раскрывается не только в бюрократических и материальных процессах, но и в риторике официальных лиц и СМИ.

Примечательно, что запуск программы с символическим названием БАМ-2 совпал с празднованием 40-летия начала строительства БАМа – знаменательного для региона мероприятия. Аналогичным образом долгожданное открытие пассажирского движения на Амуро-Якутской магистрали между Нерюнгри и Нижним Бестяхом в июле 2019 г. совпало с празднованием 45-летия строительства БАМа. Празднование этих событий получило широкое освещение в СМИ и нашло отражение в публичных дискурсах. Накануне запуска программы БАМ-2 и празднования юбилеев строительства железной дороги специальные фотоальбомы и выпуски местных газет, а также корпоративная пресса РЖД пестрили архивными фото, воспоминаниями и личными историями бамовцев. Вновь из уст чиновников и менеджеров РЖД зазвучали советские лозунги и ожили старые образы «стройки века», «пути в будущее» и «покорения суровой северной природы». Появились и новые эпитеты (например, «дорога, построенная с любовью»), которые тиражируются в прессе, на постерах и плакатах, приуроченных к празднованию юбилеев БАМа и успехов БАМ-2. Советские метафоры и образы БАМа и официальные дискурсы о завершении проекта всколыхнули «забытые» в 1990-е воспоминания и чувства патриотизма, энтузиазма и гордости среди местных жителей и укрепили самосознание бамовцев.

Однако начавшаяся реализация программы скоро показала явные различия между БАМ-1 и БАМ-2. Они состоят не только в технологическом процессе – конечно, строительство подразумевает нечто более основательное, чем реконструкция. Экономика постсоветского БАМа основана на смешанных формах собственности⁴, инвестиций и управления. Несмотря на громкие обещания и ожидания «строительства второго пути», модернизация и инвестиции в нее имеют точечный характер. Вторая колея прокладывается, в основном, в районе узловых станций и разъездов и на перегруженных отрезках пути, а реконструкция вокзалов также ведется, прежде всего, на крупных станциях.

Управление программой осуществляет ОАО «РЖД», однако строительные работы выполняются бесчисленным числом генеральных подрядчиков и субподрядчиков и слабо координируются центральным офисом компании. Основной рабочей силой, занятой в строительстве, являются малоквалифицированные вахтовые рабочие, главным образом из других регионов и постсоветских стран, которых привлекают к выполнению работ компании-исполнители. Немногие местные организации и бамовцы, участвовавшие в строительстве БАМа в советское время, сегодня привлечены к реализации БАМ-2. По их мнению, качество выполняемых работ, управление финансовыми и трудовыми ресурсами на БАМ-2 вызывают множество вопросов, недоразумений и во многом уступают советским стандартам.

Реализация программы затягивается и не приносит видимых социальных благ местным сообществам. Так, долгосрочные планы и обещания переселения бамовцев из ветхого временного жилья в новые дома, выполнение которых также ассоциировалось в общественном сознании с программой модернизации, остаются нереализованными. Более того, недавние государственные реформы образования и здравоохранения, проходящие на фоне БАМ-2, дали толчок к дальнейшему сворачиванию инфраструктуры социальных услуг, что особенно негативно отразилось на небольших и отдаленных поселках. Интервью с местным сотрудником управления дистанции пути, который воодушевленно отзывался об истории строительства и идущей реконструкции БАМа, заканчивается сомнением в будущем региона:

С БАМа бегут. Садик закрыли, школу закрыли, больницу закрыли. Молодые семьи сейчас говорят: «А что нам тут делать?» ...Инфраструктура, в плане развития поселка, никакая. Поэтому молодежь выбирает, где получше. Хотя сейчас второе дыхание БАМа – второй путь строится, развязки... Но у меня вопрос: «Кто это все будет скоро обслуживать?» (интервью, Юктали, 2017).

Среди местных жителей, и особенно среди бамовцев, программа БАМ-2, которая вначале пробудила надежды на развитие региона и завершение недостроенной инфраструктуры – заброшенных зданий и дорог, обещанных домов и квартир, вскоре вызвала новую волну разочарования: «Огромная ностальгия по БАМу! Такого уже точно никогда не повторится!» – восклицает жительница Северобайкальска, участвовавшая в строительстве БАМа.

Заключение

БАМ стал грандиозным социальным и индустриально-технологическим инфраструктурным проектом позднего социализма. Вслед за Коллье мы пытались показать, что успех программ модернизации и реформ определяется материальными и бюрократическими рамками инфраструктуры (Collier 2011). Так, приготовления для второго пути, выполненные в период строительства БАМа, а также советские планы освоения и развития региона предопределяют материальную и бюрократическую преемственность между двумя железнодорожными проектами.

Преемственность инфраструктуры БАМа раскрывается и в нематериальных – эмоциональных и мнемонических – аспектах. Новая постсоветская модернность БАМ-2, аффективно укоренена в незавершенном советском модернизационном проекте с его провалами и обещаниями (Ssorin-Chaikov 2016). Оставшихся после официального завершения строительства фундаменты недостроенных зданий и разрушающиеся

железнодорожные ветки стали свидетельством невыполненных обещаний. Запуск программы БАМ-2, совпавший с 40-летним юбилеем БАМа в 2014 г., вернул публичное внимание к региону и вселил новые надежды на завершение строительства обещанных второго пути, дорог и зданий и начало экономического подъема в регионе. Однако БАМ-2, как и другие советские мегапроекты (например, Северный морской путь), переживающие новую волну модернизации, имеют иной социальный эффект для местных сообществ.

Основными носителями памяти и эмоций, связанных с советским БАМом, являются бамовцы – особая группа местного населения, которая была сформирована «великой стройкой» социализма. Чувства энтузиазма, гордости и патриотизма, связанные с социалистическим периодом строительства БАМа, лежат в основе их коллективной идентичности и «удерживаются» материальной инфраструктурой железной дороги (Schwenkel 2013). Эта, по сути, советская идентичность воспроизводится и укрепляется в процессе публичных мероприятий и дискурсивной апелляции к истории, идеологии и символике советского БАМа, которая сопровождала празднование юбилеев железной дороги и запуск программы ее реконструкции «БАМ-2».

Советские дискурсы, метафоры и образы БАМа используются СМИ как ресурс пропаганды БАМ-2 с его новыми «обещаниями модерности» (Harvey, Knox 2012). При этом экономика БАМ-2 – инвестиции, управление финансами и трудовыми ресурсами делают его принципиально другим постсоветским проектом. Сворачивающаяся инфраструктура поселков и отсутствие положительного социального эффекта снижают популярность программы, вызывая разочарование и ностальгию по советскому прошлому. Эти эмоции «оседают» (Ahmed 2014) в общественном сознании, дискурсах и постсоветской политике эмоций (Svašek 2006). Экономический бум и кризис, строительство-разрушение-реконструкция, ожидания и разочарования замыкают цикл модернизации инфраструктуры БАМа.

Примечания

¹ Национальное село (эквивалент: национальный поселок) – термин, закрепившийся с советского времени за населенными пунктами, в которых компактно проживают представители той или иной этнической группы, относящейся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ.

² Однако официально завершённое строительство фактически продолжилось – самые сложные инфраструктурные объекты (например, тоннели), замороженные в период экономического кризиса, были сданы в эксплуатацию намного позднее. Например, один из сложнейших инфраструктурных объектов БАМа – Северомуйский тоннель, был завершён в 2003 г., а планы строительства второго пути так и не были полностью реализованы.

³ Сегодня электрифицирован только западный отрезок от Тайшета до Таксимо, а от Таксимо в восточном направлении поезда следуют на паровой тяге.

⁴ Примером смешанной формы собственности является само Открытое акционерное общество «РЖД», которое находится в полной собственности государства.

Литература

- Аргудяева Ю.В.* Труд и быт молодежи БАМа: настоящее и будущее. М.: Мысль, 1988.
- Богданова Е.* Как утопия стала реальностью. «Строительство БАМа – самое счастливое время в моей жизни» // *Топография счастья: этнографические карты модерна: сб. ст. / Сост. Н. Ссорин-Чайков.* М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 199–218.
- Паспорт Тындинского района Амурской области. 1986–1990 годы. Тында: Архив администрации Тындинского района, 1991.
- Грузооборот БАМ за 2006–2015 гг. // *Информация ОАО «РЖД».* М., 2016.
- Ahmed S.* The Cultural Politics of Emotion. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014.
- Collier S.J.* Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011.
- Harvey P., Knox H.* The Enchantments of Infrastructure // *Mobilities.* 2012. № 7 (4). P. 521–536.
- Josephson P.R.* «Projects of the Century» in Soviet History: Large-Scale Technologies from Lenin to Gorbachev // *Technology and Culture.* 1995. № 36 (3). P. 519–559.
- Oushakine S.* Remembering in Public: on the Affective Management of History // *Ab Imperio.* 2013. № 1. P. 269–302.
- Povoroznyuk O.* Social Dynamics and Sustainability of BAM Communities: Migration, Competition for Resources, and Intergroup Relations // *New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions / Ed. by M. Laruelle.* N.Y.: Routledge, 2017. P. 133–157.
- Povoroznyuk O.* The Baikal-Amur Mainline // *Sibirica.* 2019. Vol. 18 (1). P. 22–52.
- Schwenkel C.* Post/Socialist Affect: Ruination and Reconstruction of the Nation in Urban Vietnam // *Cultural Anthropology.* 2013. Vol. 28 (2). P. 252–277.
- Scott J.* Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven: Yale University Press, 1998.
- Ssorin-Chaikov N.* Soviet Debris: Failure and the Poetics of Unfinished Construction in Northern Siberia // *Social Research.* 2016. Vol. 83 (3). P. 689–721.
- Svašek M.* Introduction. Postsocialism and the politics of emotions // *Postsocialism: Politics and Emotions in Central and Eastern Europe / Ed. by M. Svašek.* N.Y.: Berghahn Books, 2006. P. 1–33.
- Ward C.J.* Brezhnev's Folly: The Building of BAM and Late Soviet Socialism. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2009.

Статья поступила в редакцию 2 июля 2020 г.

Povoroznyuk Olga A.

(POST)SOVIET INFRASTRUCTURE: POLITICS OF IDENTITY AND EMOTIONS ON THE BAM*

DOI: 10.17223/2312461X/29/3

Abstract. The Baikal-Amur Mainline (BAM), a railroad that crosses the northern areas of East Siberia and the Far East, was the last largest Soviet infrastructure project. Its construction in the 1970s and the 1980s propelled by ideological propaganda and material incentives attracted labour migrants from different parts of the USSR. Currently, BAM builders or *batovtsy* constitute the majority in a number of settlements along the railroad. Against the background of the socio-economic crisis and the ideological shift following the dissolution of

the USSR, the BAM project was publicly criticized. Due to the growing transportation of resources extracted in the region, the programme of its reconstruction (or BAM-2) was launched in 2014. It is aimed at building the second railway track and is, in fact, a continuation of unfinished Soviet construction plans.

The article focuses on infrastructure as an embodiment of collective memory, identity and emotions. The emotionally charged memory of the BAM construction period plays a key role in reproduction and reinforcement of local residents' identities and constitutes non-material aspects of the BAM infrastructure in the post-Soviet period. Comparative analysis of the projects of BAM and BAM-2 unravels the temporality of infrastructure where promises and failures of modernization, boom and bust, construction, destruction, and reconstruction constitute the life cycle of the railroad and of the people entangled with it. The article is based on field materials including focus group discussions, biographical interviews, and archival records gathered in the cities of Tynda and Severobaikal'sk and in the town of Novaia Chara in 2013 and 2016 to 2018.

Keywords: Baikal-Amur Mainline, infrastructure, politics, identity, emotions

* The research was conducted in the framework of the project 'Configuration of "remoteness" (CoRe): Entanglements of humans and transportation infrastructure in the region of the Baikal-Amur Mainline (BAM)', supported by the Austrian Science Fund FWF [P 27625 Einzelprojekte]. During the final stage of writing the article, I received support from the US National Science Foundation (project No. 175809, entitled 'Informal Roads') and am grateful to them.

References

- Ahmed S. *The Cultural Politics of Emotion*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014.
- Argudyaeva Y.V. *Trud i byt molodezhi BAMA: Nastoiashchee i budushchee* [Labour and everyday life of the youth at the BAM: Present and future]. Moscow: Mysl', 1988.
- Bogdanova Y. Kak utopiia stala real'nost'iu. «Stroitel'stvo BAMA – samoie schastlivoie vremia moiei zhizni». In: *Topografiia schast'ia: etnograficheskie karty moderna: Sbornik statei* [The topography of happiness: Ethnographic maps of the modern]. A collection of papers edited by N. Ssorin-Chaikov. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2013, pp. 199-218.
- Collier S.J. *Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011.
- Harvey P., Knox H. The Enchantments of Infrastructure, *Mobilities*, 2012, no. 7(4), pp. 521-536.
- Josephson P. R. "Projects of the Century" in Soviet History: Large-Scale Technologies from Lenin to Gorbachev, *Technology and Culture*, 1995, no. 36 (3), pp. 519-559.
- Oushakine S. Remembering in Public: on the Affective Management of History. *Ab Imperio* 2013, no 1, pp. 269-302.
- Pasport Tyndinskogo Raiona Amurskoi Oblasti. 1986-1990 gody*. Tynda: Arkhiv Administratsii Tyndinskogo Rayona, 1991, pp. 49.
- Povoroznyuk O. Social Dynamics and Sustainability of BAM Communities: Migration, Competition for Resources, and Intergroup Relations. In: *New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions*. Ed. by M. Laruelle, New York: Routledge, 2017, pp. 133-157.
- Povoroznyuk O. The Baikal-Amur Mainline, *Sibirica*, 2019, no 18(1), pp. 22-52.
- Gruzooborot BAM za 2006-2015 gody [Cargo turnover in the years from 2006 to 2015]. In: *Informatsiia OAO "RZHD"*, Moscow, 2016.
- Schwenkel C. Post/Socialist Affect: Ruination and Reconstruction of the Nation in Urban Vietnam, *Cultural Anthropology*, 2013, no 28(2), pp. 252-277.

-
- Scott J. Seeing Like a State. *How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press, 1998.
- Ssorin-Chaikov N. Soviet Debris: Failure and the Poetics of Unfinished Construction in Northern Siberia, *Social Research*, 2016, no 83(3), pp. 689-721.
- Svašek M. Introduction. Postsocialism and the politics of emotions. In: *Postsocialism: Politics and Emotions in Central and Eastern Europe*. Ed. by M. Svašek. New York: Berghahn Books, 2006, pp. 1-33.
- Ward C. J. *Brezhnev's Folly: The Building of BAM and Late Soviet Socialism*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2009.

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/29/4

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА СКВОЗЬ ТУНДРУ: ОЛЕНЕВОДЫ ЯМАЛА И ИНФРАСТРУКТУРА*

Александра Николаевна Терёхина,
Александр Игоревич Волковицкий

Аннотация. К 2011 г. на полуострове Ямал было закончено строительство железной дороги Обская – Бованенково, предназначенной для транспортировки грузов и людей к одному из крупнейших газовых месторождений России. Появление дороги на территориях проживания ямальских оленеводов привело к выведению из оборота значительной части пастбищ. Вместе с тем за последние годы железная дорога для коренного населения стала не только неотъемлемой частью ландшафта, но и новым драйвером мобильности. Тундровики, проживающие рядом с железной дорогой, активно пользуются новым инфраструктурным ресурсом, имея право бесплатного проезда (например, ездят закупать продукты на городские оптовые базы). Станции железной дороги стали центрами притяжения для кочевников, а магистраль расширила границы традиционной гендерной мобильности, позволив женщинам практически в любое время года передвигаться независимо от мужчин. Кроме того, новые возможности получили наименее «подвижные» возрастные группы – старики и дети. В то же время промышленная инфраструктура обусловила различные проявления социально-пространственного неравенства.

Ключевые слова: оленеводство, ненцы, Ямал, Арктика, инфраструктура, железная дорога, мобильность, мотильность, социально-пространственное неравенство

Введение

Ямало-Ненецкий автономный округ (далее – ЯНАО) является своего рода эталонной лабораторией для исследования проблем взаимоотношения «традиционных», экологических форм ведения хозяйства местным населением и растущего прессинга промышленной инфраструктуры, связанной с добычей углеводородов. В округе почти 18 тыс. человек ведут кочевой образ жизни (ненцы, ханты и коми-ижемцы), и выпасается более 650 тыс. голов домашнего оленя. Менее 20% занятого в оленеводстве населения работает в муниципальных оленеводческих предприятиях (бывших совхозах), владея при этом личным поголовьем. Большинство тундровых семей, многие из которых состоят в территориально-соседских или семейно-родовых общинах, являются оленеводами-частниками. В от-

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00309, рук. В.Н. Давыдов).

личие от «совхозников» они не получают регулярной заработной платы и полностью зависят от социальных выплат и дохода от семейных стад.

В 2017 г. мы в роли интервьюеров принимали участие в социологическом опросе коренного населения Ямальского района, проводившемся сотрудниками Научного центра изучения Арктики (Зуев, Кибенко, Сухова 2017). Дизайн исследования в ряде случаев не оставлял возможностей для качественных ответов респондентов. Так, например, говоря о потенциальном уроне от активного развития промышленной инфраструктуры в тундре, ямальские ненцы в рамках анкеты могли лишь указать степень негативных для себя последствий от 1 до 10, в меньшей степени располагая возможностями для пояснения специфики наносимого вреда. Сохраняя нейтральную позицию, мы не стремились подсказывать нашим респондентам возможные ответы, даже отдавая себе отчет, что зачастую они демонстрируют не отрефлексированные реакции, а повторяют устойчивые нарративы современной тундры.

Тем не менее, анкетировав одного из наших давних знакомых, уже по окончании интервью мы позволили себе несколько личных замечаний, касавшихся, в частности, железной дороги Обская – Бованенково. Наш информант до этого однозначно высказал традиционный негатив оленевода по поводу «газовиков» и заявил, что не видит плюсов для себя в развитии добывающей индустрии. Когда же мы не без иронии поинтересовались о перемещении его и членов его семьи по железной дороге, оленевод искренне удивился и сказал, что никогда не соотносил с промышленниками само наличие магистрали и льготный проезд для тундровиков. Он тут же попросил внести изменения в анкету, заявив, что дорога – это однозначно положительное явление, важное для него и его соседей. На следующий день мы вместе поехали на соседнее стойбище, где продолжили анкетирование. Новый собеседник даже не успел сообщить, что от *«газовиков ничего хорошего нет»*, так как наш друг сам эмоционально заговорил о *«еся сехэры»* («железная дорога» – нен.), и сосед немедленно согласился с тем, что дорога – это *«очень хорошо»*, хотя он тоже никогда ее не связывал с газодобычей.

Для нас этот незначительный эпизод стал отправной точкой непрекращающихся размышлений о роли промышленной магистрали в жизни коренного населения Ямала, тем более что мы и сами в последнее десятилетие являемся регулярными пассажирами железной дороги Обская – Бованенково. Важный опыт был получен в ходе годовой полевой работы в тундре в 2015–2016 гг., когда мы записывались на поезда в органах районной власти, как делают это ямальские кочевники. Наконец, спустя время, проживая в городе Лабытнанги, в исходной точке трассы, мы стали своего рода частью дороги для многих наших друзей-оленеводов, встречая их с поездов на Обской, помогая с посадкой и отправкой грузов обратно в тундру.

В статье мы в большей степени сфокусировались на анализе этнографических данных, демонстрирующих, как ямальские оленеводы и рыбаки используют новый транспортный ресурс. Как железная дорога изменила повседневные практики тундровых номадов? Повлияла ли новая трасса на их мобильность? Это лишь малая часть вопросов, которые до сих пор остаются вне дискуссионного поля «нефтегазовое освоение – оленеводство Ямала». В прицеле данного поля оказываются главным образом проблемы экологии и ущерб, наносимый промышленной инфраструктурой индигенному хозяйству и образу жизни (Forbes et al. 2009).

Дорога Обская – Бованенково как часть культурного ландшафта

В культурном контексте ЯНАО тема железнодорожного сообщения имеет особое измерение. В последние десятилетия важной частью локальной истории стала тема «Мертвой дороги» – так и не реализованного сталинского мегапроекта железной дороги Чум – Салехард – Коротчаево – Игарка (Пиманов 1998). Важнейшим современным инфраструктурным гигантом Западной Сибири призван стать Северный широтный ход. Эта система железнодорожных и автомобильных магистралей должна связать западную и восточную половины ЯНАО и соединить их со Свердловской железной дорогой параллельно с развитием объектов Северного морского пути. Актуальность этого проекта определяется в первую очередь перспективами добычи и транспортировки углеводородного сырья, но в ЯНАО уже функционирует трасса, возведенная сравнительно недавно с аналогичными целями. Речь идет о самой северной в мире железной дороге Обская – Бованенково (рис. 1), связывающей Лабытнанги и сеть европейских железных дорог с промышленной базой и крупнейшим газовым месторождением Бованенково. Ведомственная магистраль, управляемая в настоящее время транспортно-экспедиторской компанией «Газпромтранс», имеет закрытый режим функционирования и занимается доставкой грузов и вахтового персонала на Бованенково и далее – на Харасавэйское месторождение.

Строительство трассы началось в 1986 г., но лишь в 2011 г. было открыто полноценное сообщение на всей линии Обская – Карская (последняя станция, расположенная в промзоне Бованенково). В настоящее время протяженность дороги составляет 572 км, на ней расположено 8 станций и организовано более 10 разъездов.

Наш опыт знакомства с железной дорогой произошел в 2000-е гг., когда она еще строилась. Тогда можно было на разъезде в тундре показать всего лишь командировочные документы и рассчитывать на посадку в поезд и бесплатный проезд. При этом движение составов не следовало четкому расписанию, а локомотив, случалось, сходил с рель-

сов. Колорита добавляли рабочие, ехавшие с вахты зачастую вшестером в одном купе и без стеснения распивавшие алкоголь.

Рис. 1. Железная дорога Обская – Бованенково

В 2010-е гг. «дикую дорогу» сменили следующие четко по расписанию фирменные газпромовские поезда со строгим порядком досмотра пассажиров и грузов на Обской. Несколько поэтизированный взгляд на

эту практику с акцентом на образе инаковости железной дороги, где царят «строгость» и «секретность», а пассажир чувствует «замурованность в капсуле Газпрома», где запрещено свободное передвижение по вагонам, представил коллектив авторов во главе с А.В. Головнёвым (Головнёв и др. 2014: 24–25). В то же время меры безопасности выглядят оправданными, учитывая режимный и корпоративный характер всей магистрали, при этом сама обстановка в поезде очень комфортная. В настоящее время движение по дороге на Бованенково занимает сутки, и для части пассажиров именно это путешествие становится важнейшим опытом знакомства с тундрой. Цитировавшие выше авторы абсолютно справедливо противопоставили реальную практику и многочисленные инструкции, разграничивающие «экологическое» и «индустриальное» пространства оленей и дороги, изданные как для рабочих, так и для оленеводов (25–26). Составы действительно зачастую «ползут» сквозь стада, переходящие железнодорожную насыпь на фоне виднеющихся чумов, невольно вызывая ассоциации с Диким Западом и американской трансконтинентальной дорогой, порожденные вестернами.

В дискуссии о соотношении традиционной системы коммуникаций номадов ямальской тундры и новой магистрали часто подчеркивается негативная реакция оленеводов на трассу. Железная дорога и последующая антропо- и техногенная нагрузка формирует вокруг себя, как часто представляется, зону отчуждения, связанную со строительством и последующей эксплуатацией (Головнёв и др. 2014: 23). В период строительства трассы и в первые годы ее функционирования экологами фиксировалось резкое сокращение рыбных ресурсов в водоемах, находящихся в зоне строительства, что могло подорвать традиционные режимы питания оленеводческих коллективов (Kumpula et al. 2012: 1062–64). В числе других проблем – отсутствие переходов железнодорожной насыпи, специально оборудованных для оленеводов-кочевников.

Вместе с тем реальная жизнь по соседству с железной дорогой, вдалеке от общественных дискуссий, демонстрирует адаптивный и импровизационный потенциал тундровых коллективов. Кочуя с ненцами, мы неоднократно в снежное время года пересекали дорогу, проходя с оленями под мостами (рис. 2). Это обычная практика на Ямале, лишняя раз свидетельствующая, что логистические проблемы, описанные выше, актуализируются или нивелируются в зависимости от конкретных условий: сезона, территории и коллектива.

Эффект от появления дороги в тундре оказался универсальным, повторяющим, до известной степени, таковой от возникновения транспортной инфраструктуры и в оседлой среде. Дорога в любые сезоны становится сферой притяжения чумов – как кочующих, так и «стоячих»¹. Это особенно актуально для узловых станций и разъездов, на которых (или вблизи которых) находятся другие важные объекты – фактории, забойные ком-

плексы, заправочные станции, наконец, дрова, завезенные районной администрацией в зимнее время для тундровиков. При этом недостаточно констатировать прямую зависимость между концентрацией чумов и привлекательностью инфраструктурных объектов. На деле – это более сложная система, в сущности которой – баланс между удобством модерности и сугубо экологическими нормами, лежащими в основе оленеводства.

Рис. 2. Тундровая дорога под мостом. Ямальский район, январь 2016.

Фото: А.И. Волковицкий

Так, например, около 10 лет крупное скопление чумов и оленей зимовало на «13-м районе» (13-й разъезд, 290-й км). Баланс в данном случае определялся соседством с 13-м разъездом и станцией Хралов (с факторией Лидино), относительной близостью к станции Юрибей (с факториями Верхний и Нижний Юрибей) и хорошими ягельниками в этом районе. В последние годы фактически все семьи, жившие здесь, решив, что пастбища истощились, сдвинулись в зимний период на 100 км к северу, установив на новом месте удовлетворительный для себя компромисс между кормовыми ресурсами и оказавшейся поблизости инфраструктурой промзоны Бованенково. Наконец, все эти узловые точки органично замкнулись на железную дорогу как на глобальный внешний источник мобильности.

Новый драйвер мобильности людей и вещей

С полноценным введением в эксплуатацию железной дороги тундровики западной части Ямала начали активно использовать новый ин-

фраструктурный ресурс для повседневных нужд. «Газпромтранс» дает право проезда по трассе кочевому населению, хотя и поселковые ненцы, и ханты, задействуя личные связи, могут попадать на поезда для визитов к родственникам (похожей схемой пользовались и мы). Для того чтобы жителю тундры стать пассажиром газпромовского состава, ему необходимо позвонить в районную администрацию или, если речь идет о Ямальском районе, – в общественную организацию, сообщить свои паспортные данные и разъезд, на котором он планирует сесть в поезд. Проводники пускают в вагон строго по спискам, но если у оленевода не было связи, чтобы позвонить и записаться, при наличии свободных мест его могут посадить и без строгих формальностей. Все эти поездки оплачиваются из районного бюджета, к слову, значительно пополняемого за счет газовой ренты.

Возможность бесплатного проезда и перевоза грузов для кочевого населения сформировала новую схему закупки продуктов – на оптовых базах г. Лабытнанги, где цены значительно ниже, а выбор разнообразнее, чем в ямальских поселках и на тундровых факториях (Liarskaya 2017). Купленные товары доставляются в тундру в багажном вагоне по предварительной заявке с указанием общего веса. Объемы груза, разрешенного для провоза, варьируются год от года и зависят от наполняемости поезда: несколько лет назад мы наблюдали, как оленеводы провозили до полутонны багажа на пассажира, тогда как в последнее время введено ограничение – 100 кг на человека, что, с одной стороны, сократило преимущества «городского» снабжения, с другой – привело к групповым поездкам в город.

Благодаря новой инфраструктурной опции у тундровиков сложилась целая сеть контактов и освоенных локаций в городе: таксисты с грузовыми машинами, оптовые базы, съемные квартиры или мини-гостиницы. Если в поселке у кочевников есть собственная квартира или жилье у родственников, то в Лабытнанги и в Салехарде, как правило, доступной недвижимости нет. В последние годы известна практика покупки дешевых квартир в ветхих домах на станции Обская² (весомую роль в этом играет материнский капитал многодетных ненецких семей), которые становятся перевалочными базами для хозяев и их родственников, что напоминает ситуацию у эвенков, проживающих и кочующих неподалеку от Байкало-Амурской магистрали (Поворознюк 2016).

Помимо «продуктового трафика», железная дорога расширила мобильность тундровиков, не связанную с закупками. Летом дорога Обская – Бованенково – единственная, кроме санитарного вертолетного рейса, возможность добраться из тундры до населенных пунктов Ямальского района. Более того, в ситуации, когда человека вывозят для оказания медицинской помощи на вертолете, обратно в чум ему надо возвращаться самостоятельно. В бесснежное время возвращение может

сильно затянуться, поэтому многие пользуются проездом по железной дороге. Немаловажно, что дорога позволяет передвигаться по точному графику и не зависеть от состояния собственного транспорта (будь то олень или снегоход), что не характерно для особенностей жизни в тундре.

Одно из наиболее значимых изменений в жизни кочевников западного Ямала, связанных с появлением железной дороги, на наш взгляд, – интенсификация мобильности женщин. В повседневной жизни тундровой семьи женщины большую часть времени проводят на стойбище, тогда как мужчины совершают многочисленные поездки: в соседние чумы, чтобы арканить смешавшихся оленей или обсуждать тактику касланий; за бензином на факторию или в поселок; проверить качество пастбищ впереди и выбрать место для будущей стоянки. Женщины в оленеводстве менее мобильны, поскольку на них лежит целый комплекс задач, связанных с воспитанием детей, хозяйственной работой в чуме, шитьем одежды. Так, например, О. Хабек приводит сетование чумработницы из семьи коми на то, что, в отличие от мужчин, женщины меньше ездят, чем им хотелось бы (Хабек 2006).

Современная ненка в своих передвижениях на дальние расстояния зависит от мужчины, который возит ее к пунктам назначения на снегоходе. В данном случае мы не говорим об одиночных поездках хозяек на оленях за дровами. Поездка на снегоходе в поселок, вне зависимости от целей, на несколько дней выключает из хозяйственных дел и мужчину, и женщину, поэтому когда хозяйка ездит самостоятельно по железной дороге, пастух остается присматривать за стадом, детьми, стариками и собаками. Таким образом, время и трудозатраты членов семьи используются более рационально с точки зрения самих тундровиков, а проезд по маршруту Обская – Бованенково более актуален для кочевников, зимующих на значительном удалении от своего поселка.

Помимо женщин новые возможности получили и наименее мобильные члены семей – дети дошкольного возраста и старики. Ранее большинство тундровых детей в возрасте до 7 лет попадали в поселок, когда их отправляли учиться в школу-интернат. В настоящее время дошкольников могут туда привезти, например, на снегоходе, если родители уезжают из тундры надолго. Однако в такое путешествие, особенно если нужно преодолеть более 100 км, стараются не брать маленьких детей, поэтому их зачастую оставляют на стойбище с родственниками. Напротив, в поезде, следующем по маршруту Обская – Бованенково, регулярно можно встретить женщин с грудными младенцами в люльках.

У маленьких пассажиров именно в поезде начинается непосредственное знакомство с новой культурной реальностью, расширяющей представления о «большом мире», ограниченные до этого лишь кино и мультфильмами. Малыши формируют начальные впечатления от

встречи с *луца*³, впервые пробуют непривычные практики и техники тела: спят на вагонных полках, пользуются унитазом, едят в вагоне-ресторане за высоким столом. Тем самым газпромовский поезд приобретает черты Хогвартс-экспресса для маленьких тундровиков, являясь своеобразным проводником в «таинственный» городской мир.

Проблемы передвижения пожилых людей похожи на детские, поскольку длительный путь на снегоходе по твердым застругам ямальской тундры в непредсказуемую погоду является тяжелым испытанием. В знакомых нам семьях теперь старики часто ездят в зимний «отпуск» по железной дороге, чтобы погостить в городе или поселке и пройти плановое лечение.

Оленеводы и рыбаки рассказывают, что дорога повлияла и на расширение коммуникации: активизировались гостевание между людьми из разных тундр и поддержание родственных связей. Родственники ездят помогать друг другу по хозяйству или на сезонную рыбалку, например в район Бованенково, где можно продать улов вахтовым рабочим. Вместе с тем сами ненцы замечают за некоторыми тундровиками злоупотребление поездками, говоря о таких: *«катаются туда-сюда»* или *«опять поехал в город отдохнуть»*, вместо того чтобы быть со своим стадом и помогать родственникам.

Железная дорога как объект неравенства

Наши наблюдения за эксплуатацией железной дороги коренным населением выявили проявления неравенства, обусловленные промышленной инфраструктурой. В рассуждениях на эту тему концептуально мы опираемся на понятия мотильности (*motility*) – потенциальной возможности передвижения (Kaufmann 2002: 37), неравномерности мобильности (*uneven mobility*) (Sheller 2014) и социально-пространственного неравенства (Urry 2007).

Можно говорить об «иерархии неравенств», базовая ступень которой связана с организацией доступа к инфраструктуре коллективов, проживающих в разных тундрах. На полуострове Ямал железная дорога для тундрового населения – единственное устойчивое круглогодичное транспортное сообщение, в реальности доступное лишь людям, кочующим поблизости. Отдаленные от магистрали территории лишены этого ресурса, располагая лишь спорадическими «административными» авиарейсами. Летом 2019 г. мы проводили исследования в сеяхинской тундре на севере полуострова и не раз обсуждали с оленеводами газпромовскую дорогу в свете перспективы строительства новой ветки от Бованенково до Сабетты. С одной стороны, тундровики опасаются изъятия пастбищ, появления строительного мусора, притеснений со стороны промышленников. С другой – с завистью говорят о «ярсалинских»,

кочующих рядом с железной дорогой, поскольку она положительно влияет на уровень жизни. Льготный проезд и транспортировка грузов не только экономят бюджет семей западного Ямала, но и в целом, повторимся, повышают мобильность, что делает людей более гибкими в реакциях на многие вызовы.

Мобильность сеяхинских оленеводов имеет менее магистральный характер. Люди, касающиеся в радиусе 100 км от промышленного поселка Сабетта, ездят туда за продуктами и бензином, остальным приходится добираться до Сеяхи. Поселок Сеяха – самый северный на Ямале – имеет регулярное сообщение с другими населенными пунктами только по воздуху два раза в неделю. Кочевники могут годами не попадать в городское пространство. В итоге статус инфраструктурно изолированного поселка определяет мотильность и мобильность приписанных к нему тундровиков; напротив, ярсалинские оленеводы, находясь даже в сотнях километров от «своего» поселка, оказываются более мобильными из-за соседства железной дороги.

Можно предположить, что у людей, проживающих в условиях ограниченной транспортной инфраструктуры, уровень адаптивности к условиям поселка и города оказывается более низким, у них меньше коммуникативных навыков в малознакомой среде. Кочевникам, передвигающимся по магистрали Обская – Бованенково, напротив, часто приходится выстраивать связи и общаться с новыми людьми: проводниками, попутчиками, таксистами, продавцами, не говоря о вахтовиках, работающих на самой дороге. Безусловно, опыт социализации вне тундровой обстановки является частью капитала подвижности (*motility capital*), который В. Кауфман определяет как незаменимый ресурс, повышающий качество жизни (Kaufmann 2002), или, согласно Дж. Урри, «сетевому капиталу» (*network capital*) (Urry 2007).

Представленный выше пример неравенства среди разных коллективов связан с наличием у одних и отсутствием у других транспортной инфраструктуры. Другая форма неравенства существует, как ни странно, среди тундровиков, кочующих поблизости от железной дороги. Южный участок магистрали проходит через Приуральский район (до станции Паюта и р. Ензор-яха), остальная часть идет по Ямальскому району, где пассажирами становятся жители панаевской и ярсалинской тундр. На пограничье районов (в районе станции Канары, 222-й км) проживает группа оленеводов, приписанных к Приуральскому району, но выпасающая свои стада на территории Ямальского. Семьи, именующие себя «паютинскими», «канарскими», «еркутинскими» или «яроновскими» (по названию крупной советской, ликвидированной в 1990-е гг., фактории Яроно), административно ограничены в доступе к железной дороге. Жители Ямальского района могут совершать неограниченное количество бесплатных поездок, приуральские тундровики – только

четыре раза в год. Более того, их передвижение лимитировано маршрутом Обская – Канары, и любые вояжи севернее не разрешены (соседи из Ямальского района ездят в любом направлении).

В разговорах с нами еркутинские кочевники выражали возмущение неравенством в доступе к дороге, потому что рядом с их стойбищами могут находиться чумы панаевских оленеводов, выпасающих оленей на одной земле, но у последних оказывается больше прав и возможностей. В администрации Приуральяского района объясняют ограничение на поездки меньшим объемом муниципального бюджета по сравнению с Ямальским районом, на территории которого расположены важнейшие объекты-доноры Бованенково и Сабетта. Такое неравномерное распределение доступа к инфраструктуре мы рассматриваем в рамках концепции инфраструктурного насилия (*infrastructural violence*) как форму его пассивного проявления (Rogers, O'Neil 2012: 402–407).

Если описанные выше аспекты социально-пространственного неравенства носят системный характер, то весь порядок оформления заявки для проезда на газпромовском поезде имеет ряд возможностей для проявления властных отношений и злоупотреблений должностным положением на местном уровне. Сама доступность записи на поезд может зависеть от личности человека, работающего в районном управлении по делам коренных народов. Правом льготного проезда пользуется кочевое население, однако некоторые люди имеют скользящую идентичность и меняют год от года место жительства с тундры на поселок и обратно. У районных властей есть список кочевых семей, но четкий механизм принятия решений отсутствует: в одном случае сотрудник откажет записать человека, сославшись на то, что он житель поселка, в другом – запишет по личному знакомству.

Заключение

Строительство железной дороги в ямальской тундре вызвало у коренного населения, общественных организаций и ученых обоснованное беспокойство. Отчуждение пастбищ, прокладка трассы на маршрутах касланий, строительный мусор, увеличение численности приезжего населения – все это рассматривалось как угроза для оленеводства и рыболовства. В то же время за десять лет полноценного функционирования магистрали ненцы в значительной степени адаптировались к крупнейшему индустриальному объекту. В какой-то степени они «одомашнили» дорогу под свои нужды, включив ее в культурный ландшафт тундры. «Памятка по перегону оленей через полотно железнодорожной линии Обская – Бованенково и соблюдению правил безопасности при выпасе и перегоне животных»⁴ содержит пункт о недопустимости выпаса на расстоянии ближе 50 м к железнодорожному полотну, но мно-

гие стада свободно пересекают рельсы, иногда олени пасутся и на самой насыпи. К этому привыкли и пастухи, и вахтовики, а А.В. Головнёв с соавторами даже рассуждает о пасторалистской агентности поезда, произвольно участвующего в выпасе оленей (Головнёв и др. 2014: 26). Эта экологическая адаптация находит параллели и в динамике окружающей среды, которая также по-своему приспособливает дорогу и подстраивается под ее ритмы. В качестве примера можно привести экологию уникальной северной популяции краснокнижных кречетов, начавших гнездиться на железнодорожных мостах линии Обская – Бованенково, значительно продвинув на север границу своего ареала (Соколов и др. 2017).

Расширение мобильности людей и вещей, экономические преимущества быстрой и бесплатной доставки грузов и другие факторы моментально сделали железнодорожную линию Обская – Бованенково неотъемлемой частью повседневных практик кочевников западного Ямала. Нам показалось важным подчеркнуть в статье, как изменились паттерны мобильности женщин, пожилых людей и детей, получивших новые возможности для передвижений, не характерные для ненецких семей еще совсем недавно. Вместе с тем исследование режимов использования новых транспортных ресурсов в тундре выявило неравный доступ к инфраструктуре разных групп кочевого населения, что создает социально-пространственное неравенство, влияющее на качество жизни.

Возможность бесплатного проезда и другие преимущества, связанные с дорогой, не могут расцениваться как полноценное возмещение ущерба за изъятые пастбища. В то же время эксклюзивный доступ тундровиков к режимной трассе оказывается примером удачной непрямой компенсации, ставшей своего рода локальным компромиссом между индустрией и оленеводами. Более того, когда мы предлагали оленеводам поразмышлять о возможности демонтажа трассы с последующей рекультивацией территории, то они, зачастую не без иронии, говорили, что против такого сценария. Тем не менее в настоящее время он частично сбывается из-за пандемии COVID-19: с марта, как раз в период снабжения продуктами, коренному населению на неопределенный срок запретили передвигаться по железной дороге. Можно ожидать, что непредвиденные ограничения повысят ощущение ценности дороги как ресурса и реанимируют «традиционные» логистические схемы.

Примечания

¹ В.Н. Давыдов рассматривает приближенность кочевых маршрутов и расположение яранг вдоль Иульгинской трассы на Чукотке, которой активно пользуется коренное население (Давыдов 2019).

² Например, весной 2020 г. цены на двухкомнатные квартиры начинались от 700 тыс. руб.

³ Собирательное обозначение «русских» или приезжих.

⁴ Благодарим нашего коллегу И.В. Абрамова (Институт истории и археологии УрО РАН), предоставившего текст этого документа.

Литература

- Головнёв А.В., Лезова С.В., Абрамов И.В., Белоруссова С.Ю., Бабенкова Н.А. Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: АМБ, 2014.
- Давыдов В.Н. Использование ресурсов жителями Чукотки в контексте социально-экономических изменений // Кунсткамера. 2019. № 1 (3). С. 162–170.
- Зуев С.М., Кибенко В.А., Сухова Е.А. Социально-экономические факторы жизнедеятельности кочевого населения Ямало-Ненецкого автономного округа // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3. С. 33–44.
- Пиманов А.С. История строительства железной дороги «Чум – Салехард – Игарка» (1947–1955 гг.). Тюмень: Тюменский областной гос. ин-т развития регионального образования, 1998.
- Поворознюк О.А. Городские аборигены БАМа: индустриальный бум, техносоциальные сети и борьба за ресурсы // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 23–41.
- Соколов А.А., Фуфачев И.А., Соколов В.А., Соколова Н.А., Головатин М.Г., Диксон Э. Кречет в техногенном ландшафте Ямала (Ямало-Ненецкий автономный округ) // Фауна Урала и Сибири. 2017. № 2. С. 180–185.
- Хабек Й.О. Гендер, «культура», северные просторы // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 59–68.
- Forbes B.C., Stammer F., Kumpula T., Meschtyb N., Pajunen A. and Kaarlejärvi E. High resilience in the Yamal-Nenets social-ecological system, West Siberian Arctic, Russia // Proceedings of the National Academy of Science. 2009. Vol. 106 (52). P. 22041–22048.
- Kaufmann V. Re-thinking Mobility. Burlington, VT: Ashgate, 2002.
- Kumpula T., Forbes B.C., Stammer F., Meschtyb N. Dynamics of a Coupled System: Multi-Resolution Remote Sensing in Assessing Social-Ecological Responses during 25 Years of Gas Field Development in Arctic Russia // Remote Sensing. 2012. № 4 (4). P. 1046–1068.
- Liarskaya E. «Where Do You Get Fish?»: Practices of Individual Supplies in Yamal as an Indicator of Social Processes // Sibirica. 2017. Vol. 3 (3). P. 125–149.
- Rodgers D., O'Neill B. Infrastructural Violence: Introduction to the Special Issue // Ethnography. 2012. Vol. 13 (4). P. 401–412.
- Sheller M. The New Mobilities Paradigm for a Live Sociology // Current Sociology Review. 2014. Vol. 62 (6). P. 789–811.
- Urry J. Mobilities. Cambridge, UK: Polity, 2007.

Статья поступила в редакцию 2 июля 2020 г.

Terekhina Aleksandra N. and Volkovitskiy Aleksandr I.

THE RAILWAY ACROSS THE TUNDRA: YAMAL REINDEER HERDERS AND INFRASTRUCTURE*

DOI: 10.17223/2312461X/29/4

Abstract. The construction of the Obskaia – Bovanenkovo railway, designed to transport goods and people to one of the largest gas fields in Russia, was completed on the Yamal Peninsula in 2011. The presence of the road in the territories used by Yamal reindeer herders has led to the exclusion of a significant part of their pastures. However, in the recent years, for the local indigenous population the railway has become not only an integral part of the landscape, but also a new driver of mobility. The tundra people living near the railroad are actively using the new infrastructure, enjoying free transport (e.g., to stock up on food in urban wholesale centres, etc.). Railway stations have become points of gravity for nomads, and the railroad has expanded the boundaries of traditional gender mobility, allowing women to move inde-

pendently of men at almost any time of year. In addition, the least ‘mobile’ age groups – old people and children – also got new opportunities. At the same time, the industrial infrastructure has resulted in various manifestations of socio-spatial inequality.

Keywords: reindeer herding, Nenets, Yamal, Arctic, infrastructure, railway, mobility, motility, socio-spatial inequality

* The article is written under the research project No. 18-18-00309 (Principal Investigator V.N. Davydov), supported by the Russian Science Foundation (RNF).

References

- Golovnyev A.V., Lyezova S.V., Abramov I.V., Belorussova S.Iu., Babenkova N.A. *Etnoekspertiza na Yamale: nenetskie kochev'ia I gazovyye mestorozhdeniia* [Ethnoexpertise on Yamal: The Nenets migrations and gas fields]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo AMB, 2014.
- Davydov V.N. Ispol'zovanie resursov zhiteliami Chukotki v kontekste sotsial'no-ekonomicheskikh izmenenii [The use of resources by the people of Chukotka in the context of socio-economic changes], *Kunstkamera*, 2019, vol. 1(3), pp. 162–170.
- Zuiev S.M., Kibenko V.A., Sukhova Ie.A. Sotsial'no-pravovyye factory zhiznedeiatel'nosti kochevogo naseleniia Yamalo-Nenetskogo okruga [Social and legal factors in the life and activities of the nomad population of the Yamal-Nenets Autonomous Region], *Vestnik Tumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'nyie I pravovyye issledovaniia*, 2017, vol. 3(3), pp. 33–44.
- Pimanov A.S. *Istoriia stroitel'stva zheleznoi dorogi "Chum – Salekhard – Igarka" (1947–1955)* [The history of building the railroad ‘Chum – Salekhard – Igarka’, 1947–1955]. Tyumen, Tyumenskii iblastnoi gusudarstvennyi institute razvitiia regionalnogo obrazovaniia, 1998.
- Povoroznyuk O.A. Gorodskii aborigeny BAMA: industrialnyi bum, tekhnosotsial'nyie seti I bor'ba za resursy [The urban aborigines of BAM: Industrial boom, techno-social nets and the struggle for resources], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2016, no. 1, pp. 23–41.
- Sokolov A.A., Fufachev I.A., Sokolov V.A., Sokolova N.A., Golovatin M.G., Dikson A. Krechet v tekhnogenom landshafte Yamala (Yamal-Nenetskii avtonomnyi okrug) [Gyr-falcon in the technogenic landscape of Yamal (Yamal-Nenets Autonomous Region)], *Fauna Urala I Sibiri*, 2017, no. 2, pp. 180–185.
- Habeck J.O. Gender, «kul'tura», severnye prostory [Gender, "culture", northern open spaces]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2006, no. 4, pp. 59–68.
- Forbes B.C., Stammler F., Kumpula T., Meschtyb N., Pajunen A. and Kaarlejäärvi E. High resilience in the Yamal-Nenets social-ecological system, West Siberian Arctic, Russia. *Proceedings of the National Academy of Science*, 2009, Vol. 106 (52), pp. 22041–22048.
- Kaufmann V. *Re-thinking Mobility*. Burlington, VT: Ashgate, 2002.
- Kumpula T., Forbes B. C., Stammler F. and Meschtyb N. Dynamics of a Coupled System: Multi-Resolution Remote Sensing in Assessing Social-Ecological Responses during 25 Years of Gas Field Development in Arctic Russia, *Remote Sensing*, 2012, no. 4 (4), pp. 1046–1068.
- Liarskaya E. “Where Do You Get Fish?”: Practices of Individual Supplies in Yamal as an Indicator of Social Processes, *Sibirica*, 2017, vol. 3(3), pp. 125–149.
- Rodgers D., O'Neill B. Infrastructural Violence: Introduction to the Special Issue, *Ethnography*, 2012, vol. 13(4), pp. 401–412.
- Sheller M. The New Mobilities Paradigm for a Live Sociology, *Current Sociology Review*, 2014, vol. 62(6), pp. 789–811.
- Urry J. *Mobilities*. Cambridge, UK: Polity, 2007.

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/29/5

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ В ОФИЦИАЛЬНОМ РОССИЙСКОМ ДИСКУРСЕ: СТРАТЕГИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ГРАНИЦ*

Ксения Андреевна Гаврилова

Аннотация. На материале публичных выступлений представителей федеральных институтов и глав арктических регионов России рассматривается конструирование образа Северного морского пути как инфраструктурного мегапроекта, способного социально, экономически, логистически связать российскую Арктику изнутри, а также перестроить мировую морскую транспортную логистику. Дискурсивное определение функций СМП производится в общероссийской и региональной перспективах. В первом случае СМП репрезентируется как транспортный коридор, соединяющий рынки Европы и Азии, или как экономически рентабельная альтернатива южным маршрутам морских перевозок. Региональный образ СМП интегрирует арктические субъекты в федеральную арктическую повестку и утверждает важность развития сугубо региональных проектов (например, материковых транспортных систем). Администрации ряда арктических субъектов, формально не соприкасающихся с акваторией СМП, стремятся участвовать в его развитии, попутно переосмысляя географические границы трассы. Для российского дискурса об Арктике характерна концептуализация СМП одновременно как территориально-инфраструктурной системы, способной объединить регионы и транспортные «подсистемы» разной специализации, и северной границы государства, где последнее утверждает свою суверенность через привычные механизмы манифестации присутствия – например, через такие инфраструктуры, как СМП, где риторика более значима, чем материальное выражение.

Ключевые слова: Северный морской путь, транспортные инфраструктуры, антропология государства, Арктическая зона РФ, арктические форумы, дискурс-анализ

Введение

Северный морской путь – навигационный проход по арктическим морям в восточном полушарии, определяемый Российской Федерацией как «национальная транспортная коммуникация» (ФЗ № 132; далее СМП), и крупный инфраструктурный проект, который наравне с индустриальным освоением заполярных нефтегазовых месторождений формирует основу арктической повестки страны как в общероссийском

* Статья написана при поддержке гранта «Арктические связи: люди и инфраструктуры» (РФФИ № 18-05-60108, 2018–2021). Работа выполнена в рамках Программы деятельности Западно-Сибирского межрегионального научно-образовательного центра.

контексте, так и в рамках глобального дискурса об Арктике. На рубеже первых десятилетий XXI в. медийное внимание к СМП неуклонно росло, следуя за декларациями развития этой транспортной инфраструктуры, совершаемыми политиками федерального центра и регионов Арктической зоны РФ (далее – АЗРФ). Устойчивый дискурс об СМП, сформировавшийся в российском политическом поле (*официальный*), с одной стороны, является наиболее значимым компонентом инфраструктурного *проекта* СМП (в большей степени, чем материальное выражение «пути»), с другой – определяет видение СМП за пределами аппаратов управления государством или регионами (например, ожидания развития СМП арктическим населением или логистическими компаниями; см.: Васильева 2020). Официальный взгляд на СМП артикулируется на всех уровнях власти, в законодательных актах и публичных выступлениях политиков, задавая таким образом координаты осмысления СМП аудиторией жителей страны.

Задачей данной статьи является дискурсивный анализ (деконструкция) этого насаждаемого «сверху» образа СМП посредством выделения риторических стратегий репрезентации основных функций СМП и (пере)осмысления его географических границ.

Материалом для дискурсивного анализа послужат тексты выступлений (транскрипты устных докладов и дискуссий на форумах 2014–2018 гг.; ПМА) представителей федеральных органов власти РФ и администраций регионов АЗРФ на ежегодном форуме «Арктика: настоящее и будущее», проводимом в Санкт-Петербурге Ассоциацией полярников (далее форум АСПОЛ¹). На пленарных и дискуссионных площадках ежегодных арктических форумов вырабатывается, модифицируется и усваивается «язык» (лексические и риторические инструменты), формируется тот самый официальный дискурс, при помощи которого российское политическое сообщество публично обсуждает Арктику и СМП. Как правило, в формате форума выступающие артикулируют *официальную позицию* по определенному вопросу (например, представители федерального ведомства – о развитии СМП) или формируют *идеальный* (инвестиционный) *портрет* определенной *территории* (например, главы регионов АЗРФ – своих регионов). Предлагаемое в статье понимание дискурсивного образа СМП близко к категории *imaginary* как модели воображения – совокупности (вербализованных) представлений, при помощи которых конструируется ситуация / феномен (Steinberg et al. 2015: 6–17): в данном случае Арктика как специфический регион и СМП как транспортная инфраструктура. И поскольку материалом для анализа служат тексты, отражающие официальный взгляд на СМП, основным фокусом статьи будет определение прагматики актуального образа СМП и основных его компонентов – набора дискурсивно закрепляемых за СМП функций и конфигурации его гео-

графических границ. Иными словами, я попытаюсь показать, каким задачам государственных управленцев середины 2010-х гг. отвечало то знание об СМП, которое они продвигали в своих публичных выступлениях; какие перформативные и символические цели достигались популяризацией именно такого образа СМП в рамках российской и глобальной повесток освоения Арктики.

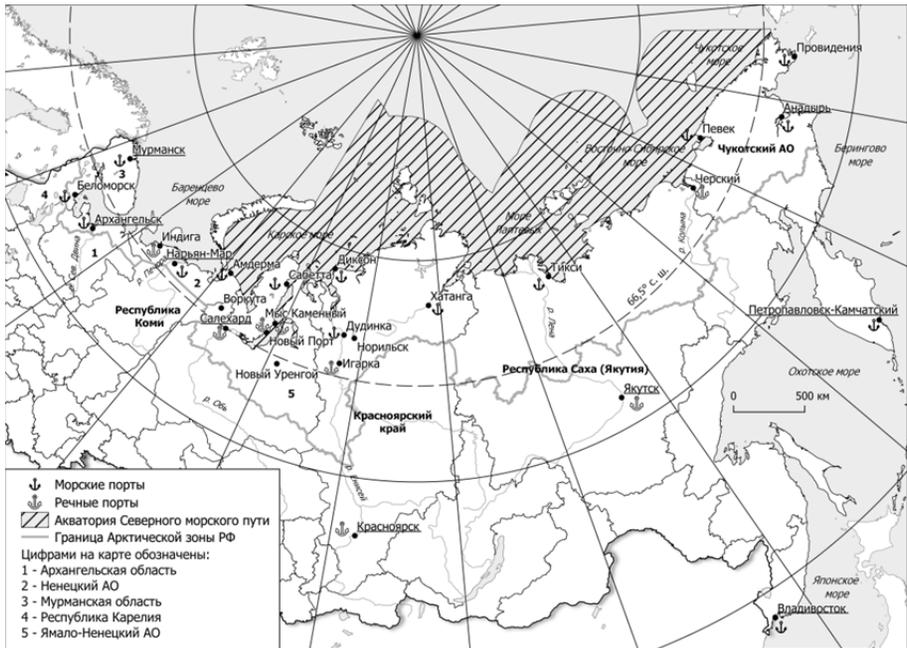

Рис. 1. Акватория Северного морского пути и Арктическая зона РФ.
Авторы: Гаврилова К.А., Васильева В.В.

Концептуализация Арктики как особого региона: глобальный и российский контексты

О режиме арктической исключительности и соответствующем дискурсе (discourse of «Arctic exceptionalism»; Dittmer et al. 2011) обычно говорится в связи с геополитическими спорами вокруг региона, особенностями его правового статуса или специфическими стратегиями его нарративной репрезентации в европейской и североамериканской традициях. Несмотря на то, что формально политическая практика начала XXI в. далеко отстоит от художественной литературы конца XIX в., отдельные модели воображения Арктики как особой территории оказываются устойчивыми на протяжении многих лет и, будучи частью перформативных заявлений политиков и активистов, продолжают ощутимо влиять на жизнь региона. Если в XIX – начале XX в.

преобладала риторика экзотизации, индигенизации Арктики, утверждения ее как неизведанной, опасной или «пустой» периферии империй (Ryall, Shimanski, Wærp 2010), то для XX в. характерна также политизация Арктики, включение ее в контекст территориальных споров и практик государственного управления территорией. Так, согласно (Khrushcheva, Poberezhskaya 2016) в России динамика образа Арктики характеризовалась несколько хаотичной эволюцией от имперского поиска новых земель и ресурсов (прирастания богатств) к героическому завоеванию Арктики, приручению и модернизации (советизации) пространства при помощи технологий в первые советские десятилетия, далее – к идее кратчайшего расстояния между СССР и США в период холодной войны, затем – к отсутствию сфокусированного интереса в первое постсоветское десятилетие и, наконец, к возвращению Арктики в официальный дискурс в начале XXI в.

Если в позднесоветском дискурсе Арктика позиционировалась исключительно в контексте национальной безопасности, то на рубеже веков начала усваиваться западная арктическая повестка, в частности утверждение Арктики как территории мира и сотрудничества, представление о необходимости экологической защиты, экономическая заинтересованность в эксплуатации ресурсного потенциала региона (Rowe, Blakkisrud 2014). Вместе с этими идеями Россия, впрочем, усвоила и общие для глобальной Арктики противоречия, например, с одной стороны, уместность не милитаризации Арктики, но международной кооперации арктических стран, с другой стороны, важность для каждой страны декларации суверенных прав в Арктике. По мнению О. Хрущевой и М. Побережской, в начале XXI в. российский арктический нарратив формировался официальными представителями государства на основе: идей «Arctic State» – легитимации статуса арктического государства через географическое положение, историю освоения, наличие коренного арктического населения среди граждан России; проведения экологических акций; усиления «национальной безопасности» и укрепления границ; разработки углеводородной базы и перспектив СМП как международной морской трассы (Khrushcheva, Poberezhskaya 2016; см. об этом также: Киселёв, Назукина 2016: 145–152).

Регулярные акты утверждения суверенитета над территорией, артикуляции и демонстрации претензий стран на отдельные участки Арктики («ceremonies of possession»), производимые представителями разных государств, связаны в числе прочего, по мнению К. Доддса, с дискурсивным фреймированием Арктики как недостаточно контролируемого пространства, а также с редко признаваемым публично восприятием региона как территории геополитического оспаривания (Dodds 2010). «Исключительность» и проблематичность Арктики объясняются разными факторами – от неразграниченности морского шельфа² до право-

вого статуса открытого моря за пределами 200-мильных зон как океанических ресурсов общего пользования, регулируемых Конвенцией по морскому праву (1982 г.) и противопоставленным суверенным территориям суши (и, таким образом, всей современной практике территориализации государств) (Steinberg et al. 2015: 1–18). В российской Арктике суверенность артикулируется через восстановление сети военных баз, систем метеорологического наблюдения, проведение научных исследований региона, а также через развитие туризма и транспортных инфраструктур, таких как Севморпуть. И если в контексте глобальной Арктики СМП может стать точкой потенциального напряжения – ввиду таяния льдов режим «суверенитета над проходами», СМП (как часть Northeast passage) у России и Северо-Западным проходом (Northwest passage) у Канады периодически оспаривается в пользу интернационализации морских путей³, – то с точки зрения внутрироссийского официального дискурса, как будет показано далее, СМП рассматривается как один из инструментов интеграции российской Арктики и утверждения суверенности Российского государства в регионе.

Дискурсивное определение функций Севморпути

Общероссийская перспектива. Существует ряд концептуальных моделей, при помощи которых описывается российская Арктика, например: Арктика как «ресурсный фронт», «Арктика уязвимая» (требующая экологической и социальной защиты государства), «Арктика удаленная и труднодоступная», причем удаленность (*remoteness*) означает инфраструктурную недостаточность, немодернизированность территории, проблематичную связность с центром. Представление об инфраструктурной необеспеченности региона проявляется в популярности темы (модернизации или восстановления) арктической инфраструктуры, в особенности транспортной: речь идет не столько о развитии малой авиации или формировании парка ледоколов, сколько о декларациях необходимости создания *транспортных систем*. Самым мощным риторическим потенциалом на данный момент обладает идея создания транспортной суперсистемы Северного морского пути – объединяющей *все* арктические регионы, интегрирующей *все* региональные транспортные системы и имеющей, как утверждается, огромный экономический потенциал.

В начале 2010-х гг. особенно востребованным был образ СМП как «глобальной» морской трассы, принципиально важной для экономики России и всего мира, способной перестроить морские торговые пути и переориентировать российскую продукцию на новые рынки. Среди наиболее востребованных в этом контексте *функций* – мотивировок эффективности СМП – следует выделить две: СМП как северный

транспортный коридор, обеспечивающий связь России с Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом (АТР), и СМП как *транзитный путь* – альтернатива южному пути через Суэцкий канал.

«Президент России в своем послании Федеральному собранию <...> подчеркнул важность конкурентоспособности Северного морского пути, который должен стать связующим звеном между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом. Мы действительно считали, смотрели, что у нас получается по Севморпути. Это в два раза более короткий, более доступный, безопасный путь, там нет никаких сомалийских пиратов у нас. Ну и, собственно говоря, создание современного атомного ледокольного флота позволяет нам делать ледовые проводки для всех контейнеровозов» [Д.О. Рогозин, председатель Госкомиссии по вопросам развития Арктики, 2015⁴].

Идея экономической ориентации на АТР, в принципе, популярна в российском официальном дискурсе, и СМП в этом контексте репрезентируется как «мост» к альтернативному традиционным европейским рынку сбыта российского сырья. Не менее риторически востребованной оказывается и идея транзитной функции СМП, раскрывающаяся в рассуждениях о рентабельности перевозок северным путем: трасса через арктические моря в этом случае репрезентируется как более короткая и потому экономически выгодная, а также более безопасная ввиду отсутствия угроз нападения на суда. Аргументы, обосновывающие транзитный потенциал СМП, настолько хорошо известны аудитории форумов, что выступающие нередко ограничиваются этикетными ссылками на «экономию маршрута» в процентах или на «сомалийских пиратов». Впрочем, не менее общеизвестным является и набор конвенциональных *контраргументов*, ставящих под сомнение эти гипотетические функции СМП: оспаривание выгоды транзитных перевозок по СМП в силу его сезонности (тяжелая ледовая обстановка на пути следования в зимние месяцы) и затруднительного прогнозирования сроков навигации, дефицит имеющегося ледокольного флота, «загрузка» судопотока⁵.

Региональная перспектива. Проект формирования «опорных зон» в АЗРФ обсуждался с 2016 г. и был внесен в числе поправок к Государственной программе (2014) наряду с подпрограммой «Развитие Северного морского пути и обеспечение судоходства в Арктике» в августе 2017 г. По словам бывшего замминистра экономического развития А.В. Цыбульского, *опорные зоны* представляют собой такую систему стратегического развития территории, при которой крупные компании и представители государства «*через совместное строительство инфраструктуры и совместное планирование снижают издержки для реализации проектов*» (здесь и далее курсив автора. – К.Г.) [Цыбульский, 2017], причем особое внимание уделяется «*якорным инвестиционным проектам*», с которыми предполагается координировать менее

рентабельные [С.В. Шипов, замминистра экономического развития; 2017]. Для многих проектов, что закреплены за восьмью предлагаемыми в Госпрограмме опорными зонами, связь с СМП декларируется как один из «драйверов развития макрорегиона». Впрочем, это не означает, что до принятия поправок к Госпрограмме связь регионов с трассой не артикулировалась: так, в презентациях на форумах АСПОЛ представители региональных администраций через упоминания СМП, с одной стороны, регулярно обосновывали свою включенность в актуальную арктическую повестку, с другой – использовали СМП как «зонтик», под который подтягивались прочие региональные инициативы, причем заявленная смычка с СМП риторически легитимировала их важность и нужность.

Если аналитически вычленять структуру ежегодно воспроизводящегося корпуса презентаций регионов, то можно говорить о трех основных используемых стратегиях регионального «заземления» СМП: 1) *географической привязке* (связанность региона с СМП утверждается через наличие портов в акватории, а также благодаря геофизическим, гидрологическим особенностям портов); 2) *смычке с промышленностью* (декларируется географическая близость региона к месторождениям / крупным промышленным объектам, добывающим и вывозящим продукцию через СМП); 3) *сопряжении локальных транспортных систем*, проходящих через регион, с СМП («подтягивание» их к СМП). Далее я рассмотрю каждую из стратегий чуть подробнее.

Географическая привязка. В риторике региональных управленцев к воображаемому СМП каждый из арктических регионов – даже те, что формально входят в АЗРФ, но не в акваторию СМП, – как «крючками», риторически прикрепляется «опорными» портовыми точками (существующими или проектируемыми): Карелия – Беломорским, Мурманская и Архангельская области – столицами, Ненецкий автономный округ (далее – НАО) – Индигой и Амдермой, Ямало-Ненецкий автономный округ (Ямал) – Сабеттой, Красноярский край (Таймыр) – Диксоном, Хатангой, реке Дудинкой и Игаркой, Республика Саха (Якутия) – Тикси, реке Зеленым мысом, Чукотский автономный округ (Чукотка) – Певеком. Так, точкой встраивания Архангельской области в СМП назывался проектируемый «глубоководный порт Архангельск» и подкрепляющая его локальная инфраструктура судостроительства и судоремонта; для НАО утверждалась перспективность строительства порта в глубоководной незамерзающей бухте Индига; представители Ямала настаивали на том, что расположение Сабетты в центре арктического побережья делает ее самой выгодной точкой для транспортировки ресурсов как в Европу, так и в АТР; власти Якутии указывали на береговую линию вдоль СМП длиной в 4,5 тыс. км, а власти Чукотки – своим основным логистическим преимуществом видели близость к перспективным азиатским рынкам.

Географическая близость к ресурсной базе и стратегическим промышленным объектам. Принципиально завязанными на перевозки по СМП как в плане доставки стройматериалов, так и в вывозе продукции (загрузки СМП) в 2010-е гг. стали масштабный проект освоения Южно-Тамбейского нефтегазового месторождения («Ямал СПГ») и, соответственно, завод по сжижению газа и порт Сабетта на Ямале. В случае с НАО близостью к перспективным нефтегазовым месторождениям Тимано-Печорского бассейна обладал проектируемый порт Индига; администрация Красноярского края продвигала перспективные угольные месторождения в районе порта Диксон, а также развитую инфраструктуру освоения Норильского промышленного района на Таймыре (компания «Норникель»); управленцы Якутии в качестве загрузки СМП представляли продукцию Западно-Анабарского нефтяного участка и Зырянского угольного бассейна; роль Архангельской и Мурманской областей в функционировании СМП обосновывалась через инфраструктурную поддержку и снабжение таких проектов национального масштаба, как «Ямал СПГ» или эксплуатация шельфового месторождения в Печорском море платформой Приразломная (компания «Газпром нефть»).

СМП и другие региональные транспортные системы. Благодаря наличию в Архангельской области сети железных дорог и автомагистралей представители региона рассматривали возможность интеграции СМП и «прохладного шелкового пути» в Китай, в том числе через проектируемую ветку Белкомур: Архангельск – Соликамск (Пермь); администрация Мурманской области среди преимуществ региона называла корреляцию между транспортной обеспеченностью, географической близостью к Европе и наличием самого западного порта («Мурманск – первый российский порт при движении на восток и последний при выходе на запад» М.В. Ковтун, губернатор Мурманской области, 2015); представители НАО и Республики Коми предлагали обеспечивать загрузку СМП сырьем, используя проектируемые железнодорожные ветки Сосногорск – Индига или Амдерма – Воркута как ответвления Северного широтного хода (проекты Баренцкомур, Карскомур); губернатор Карелии указывал на необходимость включения Беломорско-Балтийского канала в транспортный коридор «А3 – Финляндия» (СМП – «порты Ботнического залива»); в ямальской Сабетте к середине 2010-х гг. уже были увязаны морской порт и международный аэропорт, впрочем, также говорилось о необходимости завершения строительства железнодорожной магистрали Северный широтный ход и линии Бованенково – Сабетта; наконец, представители Таймыра и Якутии настаивали на необходимости усиления связей между речными системами («краеобразующей» рекой Енисей и Леной) и СМП, а также реконструкции аэропортов в потенциальных опорных точках Диксон, Хатанга, Черский.

В задачи дискурсивного анализа публичных презентаций регионов, безусловно, не входит критическая оценка экономической рентабельности предложенных проектов, сравнение географической и логистической близости «точек роста» региона и СМП, равно как и реальный комментарий относительно работоспособности тех или иных упоминаемых в презентациях инфраструктур. Действительно, в ряде случаев достаточно сложно понять, какие из описываемых проектов уже реализуются (как производственно-логистический комплекс Ямал СПГ и Сабетты), а какие находятся на стадии многолетнего неперспективного планирования (как порт Индига или железнодорожная магистраль Белкомур), какие действительно имеют пространственную и функциональную связь с СМП (как порт Дудинка и инфраструктура Норильского промышленного района), а какие с ним «склеены» исключительно риторически (как Беломорско-Балтийский канал и порт Беломорска).

Дискурсивное оспаривание географических границ Севморпути

В соответствии с законом (ФЗ № 132) Северный морской путь имеет четкие географические ограничения: на западе – «меридианом мыса Желания до архипелага Новая земля... и западными границами проливов Маточкин Шар, Карские Ворота, Югорский Шар», на востоке – «параллелью мыса Дежнева в Беринговом проливе»; при этом Администрация СМП располагается в Москве, а атомный ледокольный флот («Атомфлот» в структуре ГК «Росатом»), без которого проход по СМП в зимние месяцы невозможен, базируется в Мурманске. Как было показано выше, управленцы ряда регионов – Архангельской и Мурманской областей, Республик Карелия и Коми, формально не соприкасающихся с акваторией СМП, последовательно утверждали символические, логистические и функциональные права на него, раздвигая и оспаривая таким образом официальные географические границы трассы⁶. Наиболее активно в этом вопросе проявляли себя представители Мурманской области: и пусть в официальных стратегиях региона (например, в поправках о «Кольской опорной зоне» к Государственной программе 2014 г.) СМП не упоминается, в презентациях региона на площадках форумов он обязательно фигурировал в контексте развития мурманского «транспортного узла» (связывающего портовые территории, железную и автодороги), развития инфраструктуры перевалки сырья, судостроения, возведения промышленно-логистических терминалов и сотрудничества с компаниями «Роснефть» и «Новатэк» [М.В. Ковтун, видеопрезентация региона, 2017]. Символические претензии руководства области на СМП, безусловно, упрочились с закреплением в 2017 г. за «Росатомом» функций единого инфраструктурного оператора СМП.

Севморпуть и знаки государства в Арктике

Показательное риторическое противоречие, которое *публично* не рефлексировано и не разрешается в рамках официального российского дискурса, можно сформулировать в виде вопроса «СМП для АЗРФ или АЗРФ для СМП?». С одной стороны, как я показала, представители региональных администраций стремятся обосновать связь собственных промышленных проектов или транспортных инфраструктур с СМП, чтобы легитимировать их важность и претендовать на федеральную поддержку; с другой стороны, не меньшее внимание уделяется вкладу регионов и всей страны в *загрузку* СМП, его обустройство и продвижение как для внутрироссийского использования, так и в качестве «международного коридора». И чтобы не сводить анализ к тривиальному выводу о разности прагматик, я попытаюсь сформулировать тот консенсус относительно роли СМП, который разделяет абсолютное большинство трансляторов официального дискурса. Для этого необходимо вернуться к актуальному образу Арктики как особой территории и проанализировать *пространственные метафоры*, при помощи которых СМП описывается как его важнейшая часть.

В рамках официального дискурса идеальное устройство российской Арктики видится как территориально-инфраструктурный комплекс, включающий арктические регионы с пронизывающими их транспортными инфраструктурами разной специализации и эдакую супер-систему (самую «верхнюю» на карте) – «исторически сложившуюся национальную транспортную коммуникацию» России (ФЗ № 132), т.е. СМП. Типичные определители для этой супер-системы можно условно поделить на две семантические группы: метафоры *опоры* (*опорная система, каркас, логистический стержень, позвоночник*, включающий *опорные порты / пункты / точки*) и метафоры с семой *проницаемости* или *проходимости* (*арктический транспортный коридор, трасса, линия, национальная транспортная артерия, стратегическая магистраль*). Понятие *опорность* как ключевое в рамках арктической повестки закреплено в наименовании режима *опорных зон*, которые призваны «увязать» промышленные проекты и транспорт, региональный уровень и федеральную повестку, используя СМП как «интегратор», прошивающий Арктику насквозь (*коридор*) и собирающий все регионы и их инфраструктуры в единое управляемое пространство (*каркас*)⁷ с целью не только экономического развития макрорегиона, но и утверждения национального суверенитета. Причем последнее не только прописывается в нормативно-правовых актах⁸, но и регулярно артикулируется публично, в том числе на форумах, например: «Северный морской путь – это наш внутренний путь мореплавания. Он отвечает нашим национальным интересам. И попытки интернационализации морского

пути <...> для нас на сегодняшний день неприемлем[ы]. <...> А для того чтобы Северный морской путь нормально еще эксплуатировался, нам крайне важно еще и обеспечить охрану рубежей Российской Федерации» [С.А. Вахруков, заместитель секретаря Совета Безопасности РФ, 2018].

Заключение

В российском официальном дискурсе Арктика нередко описывается при помощи категорий *стратегический регион*, *зона интересов других государств*, кроме того, регулярно говорится о *необходимости укрепления позиций России в Арктике*, *национальном суверенитете* и *национальной безопасности* в Арктике, развитии *опорных зон* и других опор. СМП в этом контексте становится овеещающей северную границу государства (или совпадающей с ней) линией во льдах, уязвимой в своей нематериальности и проходящей в регионе, чей глобальный правовой статус воспринимается как исключительный (ср. весь спектр проблем от управления морскими ресурсами общего пользования до разграничения шельфовых зон в глобальном дискурсе об Арктике). Именно поэтому и на уровне дискурса, и на уровне практики государственный аппарат стремится утвердить российскую суверенность через привычные механизмы манифестации государственного присутствия на территории (*performances of sovereignty*; Hansen, Stepputat 2005), например, через такие крупные инфраструктуры, как СМП, где риторика важнее, чем материальное воплощение. В официальном дискурсе СМП выступает, во-первых, инфраструктурной *опорой-каркасом*, функциональной транспортной системой, подтверждающей практическую освоенность АЗРФ Российским государством, а также знаком присутствия и *основанием*, на которое опирается, в котором сосредотачивается и проявляет себя государство в Арктике.

Во-вторых, СМП репрезентируется как северная *граница* государства, артикулируемая через использование, в том числе и иностранными судами – и в этом плане утверждение транзитной функции, которую может выполнять СМП, усиливает претензии России на осуществление контроля в Арктике.

В-третьих, СМП репрезентируется как коридор, *линия соединения* региона, средство *сообщения* между его частями, что особенно значимо для представителей администраций арктических регионов, стремящихся посредством апелляции к СМП вписать собственный регион в общероссийскую арктическую повестку и продвинуть региональные инфраструктурные проекты (иногда в этих целях географические границы СМП риторически переопределяются). Артикуляция суверенных прав на СМП также осуществляется через привязку его к «приблизительному тер-

риториям» и материальным инфраструктурам, уходящим вглубь хинтерлэнда, через «форпосты» – опорные точки с портовой инфраструктурой и постоянным населением или «транспортные узлы», сращивающие наземные и морские пути, а также через декларацию (необходимости) метеорологического, гидрографического, спасательного, военно-морского и дискурсивного контроля над всей акваторией.

Примечания

¹ Официальный сайт форума АСПОЛ: [http://www.forumarctic.com/conf2019/\\$](http://www.forumarctic.com/conf2019/$); подробно о нем см. (Гаврилова 2016). Учреждение специализированных «арктических» форумов и конгрессов является общепринятой практикой, по крайней мере, в странах Арктического совета (Arctic Council; например, Johannsdottir 2017).

² Среди факторов, формирующих «исключительное» (exceptional) положение Арктики, также называют: геофизические характеристики, например, динамично меняющееся соотношение земли, льда и воды, удаленность региона от южных столиц, населенность (полу)кочевым населением, присутствие «внешних» ресурсных предприятий (Steinberg et al. 2015: 1–18).

³ О специфике морской навигации в акваториях проходов см.: (Østreng et al. 2013).

⁴ При цитировании транскрипта устного доклада указываются имя и должность докладчика (второе – при первом упоминании), а также год проведения форума.

⁵ О сложностях круглогодичной навигации по СМП и расчетах рентабельности его использования см., например, (Pruyn 2016; Zhang et al. 2016; Pastusiak 2019).

⁶ На Дальнем Востоке в качестве похожего претендента на включение в повестку развития СМП можно рассматривать Камчатский край, чья администрация на арктических форумах, впрочем, представлена редко.

⁷ Такая роль СМП коррелирует как с идеалами централизованного управления трассой и «прибрежными территориями» – посредством единого закона или «единого органа управления» (например, для Д.О. Рогозина таким идеалом был ГУСМП, 2017), так и с идеей о том, что Арктика является территорией «супер-проектов», подобных советскому строительству БАМа или освоению целинных земель (Ю.Н. Захаринский, заместитель председателя правительства Красноярского края, 2015).

⁸ См. первую задачу подпрограммы «Развитие Северного морского пути и обеспечение судоходства в Арктике»: «обеспечение национального суверенитета [России] в части обеспечения безопасности внутрироссийских и международных транспортных перевозок в [АЗРФ]» (Государственная программа 2014).

Источники

Государственная программа 2014 – Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» от 21 апреля 2014 г. № 366 (с изменениями от 31 августа 2017 г.; Постановление Правительства РФ № 1064).

ПМА – Полевые материалы автора: записи устных выступлений участников форума «Арктика: настоящее и будущее» (Санкт-Петербург), 2014–2018 гг.

ФЗ № 132 – Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути» от 28 июля 2012 г.

Литература

Васильева В.В. Ускользящий Северный морской путь и локальное сообщество Диксона: обещание инфраструктуры // Сибирские исторические исследования. 2020. № 3.

- Гаврилова К.А. Репрезентация российской Арктики в дискурсе арктических форумов // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 30–56.
- Киселев К.В., Назукина М.В. Образы российской Арктики в официальном дискурсе: динамика символической политики власти // Российская Арктика в поисках интегральной идентичности / под ред. О.Б. Подвинцева. М.: Новый хронограф, 2016. С. 140–155.
- Dittmer J., Moisiso S., Ingram A., Dodds K. Have you heard the one about the disappearing ice? Recasting Arctic geopolitics // Political Geography. 2011. Vol. 30 (4). P. 202–214.
- Dodds K. Flag planting and finger pointing: The Law of the Sea, the Arctic and the political geographies of the outer continental shelf // Political Geography. 2010. Vol. 29 (2). P. 63–73.
- Hansen T.B., Stepputat F. Introduction // Sovereign Bodies. Citizens, Migrants, and States in the Postcolonial World / eds. by T.B. Hansen, F. Stepputat. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2005. P. 1–36.
- Johannsdottir L. Discourse analysis of the 2013–2016 Arctic Circle Assembly programmes // Polar Record. 2017. Vol. 53 (270). P. 276–279.
- Khrushcheva O., Poberezhskaya M. The Arctic in the political discourse of Russian leaders: the national pride and economic ambitions // European Politics. 2016. Vol. 32(4). P. 547–566.
- Østreg W., Eger K.M., Fløistad B., Jørgensen-Dahl A., Lothe L., Mejlaender-Larsen M., Wergeland T. Shipping in Arctic Waters. A Comparison of the Northeast, Northwest and Trans Polar Passages. Berlin: Springer, 2013.
- Pastusiak T. Scheduling Transit Voyages of Vessels of Various Ice Classes across the Northern Sea Route // Annual of Navigation. 2019. № 29. P. 114–126.
- Pruyn J.F.J. Will the Northern Sea Route ever be a viable alternative? // Maritime Policy & Management. 2016. Vol. 43 (6). P. 661–675.
- Rowe E.W., Blakkisrud H. A New Kind of Arctic Power? Russia's Policy Discourses and Diplomatic Practices in the Circumpolar North // Geopolitics. 2014. № 19. P. 66–85.
- Ryall A., Schimanski J., Wærp H.H. Introduction // Arctic Discourses / eds. by A. Ryall, J. Schimanski, H.H. Wærp. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholar Publishing, 2010. P. ix–xxii.
- Steinberg P.E., Tasch J., Gerhardt H. Contesting the Arctic. Politics and Imaginaries in the Circumpolar North. London; New York: I.B. Tauris, 2015.
- Zhang Y., Meng Q., Ng S.H. Shipping efficiency comparison between Northern Sea Route and the conventional Asia-Europe shipping route via Suez Canal // Journal of Transport Geography. 2016. № 57. P. 241–249.

Статья поступила в редакцию 2 июля 2020 г.

Gavrilova Kseniya A.

THE NORTHERN SEA ROUTE IN RUSSIAN OFFICIAL DISCOURSE: STRATEGIES FOR DETERMINING FUNCTIONS AND GEOGRAPHICAL BOUNDARIES

DOI: 10.17223/2312461X/29/5

Abstract. The article explores strategies of conceptualization of the Northern Sea Route as these manifest themselves in federal and Russian Arctic regional authorities' discourse. Official discourse presents the NSR as an infrastructural megaproject capable of both reshaping the global maritime logistics and connecting the Russian Arctic from within. Discursive presentation of the NSR has both global and regional perspectives. In the global perspective, the NSR is thought of either as a 'transport corridor' connecting European and Asian markets or as an economically advantageous alternative to southern shipping routes. In the regional perspective, the proclaimed ties between the NSR and Arctic regions implicate the incorporation of the latter into the state's Arctic agenda and serve to legitimize costly regional projects. The NSR boundaries are regularly contested by those Arctic regions that are not adjacent to the NSR area but strive to participate in its development. According to official discourse on the Arctic, the NSR is a complex infrastructural

system designed to unite territories and regional transport subsystems. At the same time, the NSR is considered Russia's northern border going through the area where the state asserts its sovereignty through conventional signs of state presence such as, for example, rhetorically well-established but physically amorphous infrastructural megaprojects.

Keywords: Northern Sea Route, transport infrastructure, sovereignty, Russian Arctic, Arctic forum, discourse analysis

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI, project No. 18-05-60108, 2018 – 2021, titled 'Arctic connections: People and infrastructures') and carried out as part of the Research Programme of West-Siberian Interregional Scientific and Educational Centre.

References

- Vasil'eva V.V. Uskol'zaiushchii Severnyi morskoi put' i lokal'noe soobshchestvo Diksona: obeshchanie infrastruktury [Fluid Northern Sea Route and the local community of Dikson: The promise of infrastructure], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2020, no. 3.
- Gavrilova K.A. Reprezentatsiia rossiiskoi Arktiki v diskurse arkticheskikh forumov [Representation of the Russian Arctic in Arctic fora discourses], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2016, no. 4, pp. 30-56.
- Kiselev, K.V., and M.V. Nazukina. Obrazy rossiiskoi Arktiki v ofitsial'nom diskurse: dinamika simvolicheskoi politiki vlasti [Images of the Russian Arctic in official discourse: the dynamics of symbolic state power]. In *Rossiiskaia Arktika v poiskakh integral'noi identichnosti* [The Russian Arctic in search of integrative identity]. Ed. by O.B. Podvintsev. Moscow: Novyi khronograf, 2016, pp. 140-155.
- Dittmer J., Moisiso S., Ingram A., and K. Dodds. Have you heard the one about the disappearing ice? Recasting Arctic geopolitics, *Political Geography*, 2011, vol. 30(4), pp. 202-214.
- Dodds K. Flag planting and finger pointing: The Law of the Sea, the Arctic and the political geographies of the outer continental shelf, *Political Geography*, 2010, vol. 29(2), pp. 63-73.
- Hansen T.B., Stepputat F. Introduction In: *Sovereign Bodies. Citizens, Migrants, and States in the Postcolonial World*. Eds. T.B. Hansen and F. Stepputat. Princeton NJ: Princeton Univ. Press, 2005, pp. 1-36.
- Johannsdottir L. Discourse analysis of the 2013–2016 Arctic Circle Assembly programmes, *Polar Record*, 2017, vol. 53(270), pp. 276–279.
- Khrushcheva O. and M. Poberezhskaya. The Arctic in the political discourse of Russian leaders: the national pride and economic ambitions, *European Politics*, 2016, vol. 32(4), pp. 547-566.
- Østreng W., Eger K.M., Floistad B., Jørgensen-Dahl A., Lothe L., Mejlænder-Larsen M., and T. Wergeland. *Shipping in Arctic Waters. A Comparison of the Northeast, Northwest and Trans Polar Passages*. Berlin: Springer, 2013.
- Pastusiak T. Scheduling Transit Voyages of Vessels of Various Ice Classes across the Northern Sea Route, *Annual of Navigation*, 2019, no. 29, pp. 114-126.
- Pruyn J.F.J. Will the Northern Sea Route ever be a viable alternative? *Maritime Policy & Management*, 2016, vol. 43(6), pp. 661-675.
- Rowe E.W. and H. Blakkisrud. A New Kind of Arctic Power? Russia's Policy Discourses and Diplomatic Practices in the Circumpolar North, *Geopolitics*, 2014, no. 19, pp. 66-85.
- Ryall A., Schimanski J., and Wærp H.H. Introduction. In: *Arctic Discourses*. Eds. A. Ryall, J. Schimanski, and H.H. Wærp. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholar Publishing, 2010, pp. ix-xxii.
- Steinberg P.E., Tasch J., and H. Gerhardt. *Contesting the Arctic. Politics and Imaginaries in the Circumpolar North*. London and New York: I.B. Tauris, 2015.
- Zhang Y., Meng Q., and S.H. Ng. Shipping efficiency comparison between Northern Sea Route and the conventional Asia-Europe shipping route via Suez Canal, *Journal of Transport Geography*, 2016, no. 57, pp. 241–249.

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/29/6

УСКОЛЬЗАЮЩИЙ СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ И ЛОКАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО ДИКСОНА: ОБЕЩАНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ*

Валерия Владиславовна Васильева

Аннотация. Статья основана на материалах полевого качественного исследования поселков в акватории Северного морского пути (СМП). Она посвящена ожиданиям жителей портового поселка Диксон, исторически связанного с СМП, и их формированию под влиянием официальной риторики развития морской трассы. Переход от «обещания инфраструктуры», транслируемого СМИ и региональными властями, к практическим способам «встраивания» поселка в Северный морской путь в рассуждениях местных жителей проблематизирован. Это связано с отсутствием у них конкретной информации, а также со спецификой СМП как инфраструктуры – трудностью определения ее материального объема и невозможностью для жителей Диксона непосредственно наблюдать за большинством потоков и процессов, составляющих ее работу. Актуализация полезности поселка для СМП осуществляется его жителями, с одной стороны, через креативное переосмысление официального дискурса, а с другой – с помощью обращения к историческим формам причастности к нему.

Ключевые слова: Северный морской путь, Севморпуть, СМП, исследования инфраструктуры, обещание инфраструктуры, арктические локальные сообщества, Диксон, Красноярский край

– Ну сейчас вот я [о Северном морском пути] по телевизору только слышала. Чего, откуда нам, кто нам пришел и расскажет? Вы нам расскажите, пришли. Потому что, хотя по телевизору говорят, что Северный морской путь хотят активизировать, чего-то там раз... Ну а нас-то это каким? Мимо нас теперь ходят, Северный морской путь есть, сильно к нам сюда не это.
– Не доходит (смеется).

Эта спонтанная беседа произошла в офисе диксонской коммунальной службы в апреле 2018 г., куда мы пришли оплачивать проживание в квартире для командированных. Сотрудницы организации поинтересовались целью нашей командировки, и когда в нашем ответе на вопрос прозвучали ключевые слова «Северный морской путь», они заметно оживились. Это словосочетание для каждого жителя Диксона,

* Статья опубликована в рамках гранта РФФИ № 18-05-60108 «Арктические связи: люди и инфраструктуры» и Программы деятельности Западно-Сибирского межрегионального научно-образовательного центра.

самого северного поселка Красноярского края, находящегося на берегу Енисейского залива буквально в паре километров от открытого моря, знакомо и даже злободневно, более того, наблюдаемо в публичном пространстве поселка. Так, на заброшенном здании гидробазы возле пристани до сих пор висит сохранившаяся с советского времени часть лозунга «Грассе Севморпути – кру[глогодичную навигацию]», к разрушенным причальным сооружениям обращен плакат с изображенными на нем портовыми кранами, медведем с караваем и надписью, гласящей: «Добро пожаловать на Диксон», а в самом центре поселка стоит памятник Н.А. Бегичеву, участнику многих морских арктических экспедиций начала XX в.

При этом во время нашего пребывания на Диксоне в 2018 г.¹ жители поселка на разные лады говорили о том, что СМП не достигает их («*фактически-то он работает до Сабетты*») или находится от них в отдалении («*трасса не рядом*»; «*Диксон условно находится на трассе Севморпути, мы не видим проходящих караванов, далеко*»; «*мы их просто не видим, что там идет, как там идет*»). Некоторые даже называли точное расстояние, на котором пролегает СМП (обычно, в зависимости от рассказчика, эта цифра составляла шестьдесят или семьдесят километров). Отвечая же на вопрос о том, что такое СМП, жители поселка часто воспроизводили популярные мотивы из публичной риторики («*это Шелковый путь, но только морской*») (подробнее об этой риторике здесь и далее см. Гаврилова 2020). В статье я попробую проанализировать ситуацию противоречия между сильной идентификацией Диксона как поселка, исторически связанного с СМП, и нынешним отсутствием социально-экономических изменений в сочетании с рецепцией официальной риторики на локальном уровне, декларирующей обещание изменений.

Изучение ожиданий местных жителей, возникающих в связи с «новым этапом» функционирования СМП, тесно связано с проблематикой антропологии инфраструктуры. Эта предметная область возникла в конце 1980-х гг. на пересечении нескольких направлений и была частью общего поворота социальных наук к материальному. Принципиальным для антропологов инфраструктуры является утверждение о том, что инфраструктура – не просто технический артефакт, поддерживающий социальную жизнь, а, напротив, конституирует и опосредует социальные отношения (Niewöhner 2015). Исследователи, работающие в этом ключе, призывают к «инфраструктурной инверсии» (Bowker 1994) – сдвигу фокуса на инфраструктуру, всегда прежде являвшейся фоном, а не фигурой.

Понятием «инфраструктура» обозначается весьма широкий спектр явлений, не ограничивающийся исключительно ее материальной составляющей. Так, по определению Нихила Ананда, инфраструктура –

«нестабильные наслоения дискурсов, материалов, практик и технологий, которые связываются воедино технополитическими проектами» (Anand 2015), при этом она неотделима от модерности, являясь одновременно созданной ею и создающей ее (Edwards 2003). Такие крупные инфраструктурные проекты, как СМП, зачастую связаны с идеей государственной модернизации. Неслучайно именно поселки, относящиеся к структуре Главного управления Северного морского пути, столь разительно отличаются от окружающих поселков большей инфраструктурной представленностью – в них, как правило, есть все современные инфраструктуры, в то время как в соседствующих с ними поселках инфраструктура обычно ограничивается электричеством и телефонной связью². Поэтому в ситуации, когда модернизация, спускаемая сверху, приостанавливается, невозможно говорить только об экономическом кризисе для жителей поселка, она является также и кризисом значений, которые люди вкладывали в свой опыт и с помощью которых ретроспективно оценивали свой жизненный путь (Ferguson 1999).

Именно на этом аспекте влияния инфраструктур на социальные отношения сосредоточены работы, посвященные «обещанию инфраструктуры» (Harvey, Knox 2015; Netherington 2016; Appel, Anand, Gupta 2018) – открытой возможности того, что может в будущем принести своим появлением инфраструктурный проект, воплощающийся в широком спектре эмоций: надежды или пессимизма, ностальгии или фрустрации, желания или раздражения. Принципиально то, что оно адресовано от крупного агента, стоящего за созданием инфраструктуры, к ее пользователям, и это обуславливает тот факт, что оно не может быть понято вне политического порядка, который «создает» данную инфраструктуру (Larkin 2018).

Как показывают работы, выполненные в этом русле, инфраструктуры не только функционируют в настоящем, но и сообщают о будущем (Larkin 2013), при этом вне зависимости от степени их готовности – многие крупные инфраструктурные проекты находятся в состоянии постоянной незаконченности. Тем не менее они оказывают значительное социальное влияние и формируют повседневность связанных с ними групп (Harvey 2018). Отсутствие наблюдаемых изменений, как в случае взгляда на СМП локального сообщества Диксона, не означает отсутствия влияния на них представлений об этой инфраструктуре (сформированных как воспоминаниями о включенности поселка в эту инфраструктуру в прошлом, так и официальной риторикой, создающей образ будущего).

В статье на примере Диксона я рассматриваю, как ожидание реализации «нового национального проекта» Северного морского пути разворачивается в точке, где функционирование и идея СМП в советские годы фактически были градообразующими и жители которой испыты-

вают ностальгию по возможностям, которые мог бы принести этот инфраструктурный проект при сохранении прежней ситуации («nostalgic futures») (Carse, Kneas 2019). Будет показано, что хотя степень реальной востребованности «опорных точек» подобных Диксону изменилась, это никак не эксплицировано в публичной риторике. Администрация и жители поселка, таким образом, слышат «обещание инфраструктуры» на федеральном уровне (через СМИ, а также благодаря участию локальной администрации в арктических форумах и заседаниях краевой администрации), однако не получают конкретной информации о планах развития поселка и экстраполируют прошлую связь поселка с СМП на будущее его развитие. В центре внимания, таким образом, будет несоответствие между исторически сформированными ожиданиями и публичной риторикой, с одной стороны, и наблюдаемой реальностью – с другой.

Диксон: от «кухни погоды» через «столицу Арктики» к современности

Для начала рассмотрим, каким образом в связи с функционированием СМП формировался поселок и как жители Диксона исторически связывали свой поселок с идеей принадлежности к этой инфраструктуре. Историю поселка принято отсчитывать от 1915 г., момента открытия на острове Диксон радиостанции для связи с ледоколами «Гаймыр» и «Вайгач», осуществлявшими проход Северного морского пути и зимовавшими во льдах. С 1916 г. при радиостанции начали действовать гидрометеостанция и геофизическая обсерватория (именно с этими организациями связана известная формула «Диксон – кухня погоды»). С 1929 г. для обеспечения гидрографических исследований и работы Карских экспедиций (в первую очередь, ледовой разведки) на Диксоне появился постоянный авиаотряд. Впоследствии поселок разросся за пределы острова – на ближайший участок берега Енисейской губы, находящийся в полутора километрах от острова. Развитие его «материковой» части также было связано с СМП: в 1934 г. здесь начали строить порт, в 1939 г. была оборудована угольная база для морских пароходов, с конца 1930-х гг. по 1996 г. здесь базировался Штаб морских операций западного сектора Арктики, а в 1944 г. была создана Диксонская гидробаза. Он стал, по расхожему выражению жителей, «столицей» и «воротами» Арктики³.

Практически все появившиеся в поселке организации, включая Диксонстрой, задачей которого было жилищное строительство, были частью Главного управления Северного морского пути (ГУСМП). Объем полномочий ГУСМП в разные годы менялся: от курирования практически всех вопросов развития Севера до администрирования лишь

перевозок по Севморпути (McCannon 2007). Однако оно неизменно сохраняло под своей юрисдикцией арктические портовые поселки и в том числе обеспечивало их снабжение по более высоким стандартам, нежели в остальной стране. Ностальгические нарративы о позднесоветском периоде обычно касаются именно продуктового изобилия, обеспечиваемого централизованным завозом по СМП: *«Мы жили прекрасно. Мы цвели, мы просто здесь, не знаю, на самом деле, как на материке было сложно, а мы здесь процветали. У нас снабжение было, у нас Франция снабжение было <...>. Я не знаю, ГДР, Франция, Париж – все»* (ж., 1951 г. р., частный предприниматель).

Вплоть до 1990-х гг. вся деятельность по обеспечению функционирования СМП оставалась государственным проектом, координируемым одной организацией. При этом в связи со сменой технологий назначение Диксона как «опорной точки» менялось: например, роль угольной бункеровочной базы Диксон потерял в связи с появлением дизель-электрических и атомных судов, а ледовая разведка с помощью авиации потеряла свое значение в связи с переходом на спутниковый метод мониторинга. В 1990-е гг. объем грузоперевозок Северным морским путем резко снизился, а поселковые организации, с ним связанные, переживали постепенный упадок. С этими инфраструктурными процессами связан и кризис значений для поселка: *«На Северном морском пути мы были бы центром морского пути северного. Ну все, пока на углях ездили пароходы <...>. Потом, значит, было “Диксон – кухня погоды”, “Столица Арктики” и все остальное. Ну все, загнулася столица вся»* (ж., ок. 1963 г. р., сотрудник коммунальной службы).

Причалы для выгрузки генеральных грузов морского порта Диксон в настоящий момент выведены из эксплуатации, швартовка судов всех типов запрещена⁴. Общий износ портовых сооружений достигает 70%. Грузооборот порта – около 14 тыс. т в год, основной объем которого составляет продовольствие и топливо. Гидрографическая база и сеть гидрометеорологических станций претерпевают постоянные сокращения штата и реструктуризацию. Если в 1989 г. численность населения поселка составляла 4 449 человек⁵, то к 2018 г. в нем осталось лишь 548 жителей⁶. В связи с резким оттоком населения многие здания были законсервированы. На островной части поселка продолжают функционировать только аэропорт и метеостанция, все жилые дома и муниципальные учреждения закрыты. На материковой части отапливаются и снабжаются водой десять домов, в которых, тем не менее, многие квартиры пусты, поэтому речь идет и о дальнейшем сокращении числа жилых домов⁷. Авиасообщение осуществляется лишь один раз в неделю по маршруту Диксон – Норильск, при этом аэропорт требует срочного ремонта взлетно-посадочной полосы и обновления оборудования. Все пассажироперевозки и небольшой объем грузоперевозок (в основном это скоропортя-

щиеся товары, которые невозможно доставить иным средством транспорта) осуществляются самолетом. Основная масса товаров завозится по Енисею в летнюю навигацию, а в межнавигационный период снабжение обеспечивается благодаря договору с ФГУП «Атомфлот», ледоколы которого доставляют контейнеры с грузами (при этом на момент исследования продление этого договора было под вопросом). Единственным средством связи у диксончан, помимо стационарного телефона, является мобильная связь «Билайн», качество которой (во многом вследствие слишком высокой нагрузки) не позволяет жителям не только иметь доступ к мобильному интернету, но иногда и к услугам связи. Снижение численности населения отражается также на работе школы – с 2005/06 учебного года из-за малочисленности учащихся несколько разновозрастных классов были объединены в один.

С 2016 г. компания «ВостокУголь», на которую возлагаются большие надежды по улучшению социально-экономического положения поселка и работа которой связывается жителями с развитием СМП, проводит подготовку к добыче угля вблизи Диксона, однако начало работ откладывается в связи с юридическими проволочками⁸. В первый сезон их работ в 2017 г. жители поселка ощутили присутствие компании – при нынешней численности жителей приезд сотен рабочих был замечен не только визуально, но и сказался на том, что все товары в немногочисленных магазинах Диксона были раскуплены уже к осени. Кроме того, наглядным символом присутствия компании «Восток-уголь» в поселке стало облицованное стеклом здание возле пристани. Однако активная деятельность компании продолжалась всего год, после чего работы были приостановлены и на момент нашего приезда в Диксон в апреле 2018 г. никаких признаков ее базирования, помимо отремонтированного здания, там не оставалось.

Таким образом, поселок с самого момента своего появления был тем или иным образом связан (не только практически, но и риторически) с Северным морским путем и в целом с советской арктической повесткой. Эта связь стала частью идентичности диксончан в советское время, проявляясь как в до сих пор воспроизводимых ярких лозунгах, так и в зримом присутствии ее элементов в публичном пространстве. Северный морской путь прочно связывается у жителей с периодом процветания поселка, поэтому падение перевозок по СМП, а также в целом уровня жизни населения стало не только экономическим кризисом, но и кризисом значений, вкладываемых в свой опыт проживания в поселке.

Риторическое «встраивание» в СМП

Согласно отчету администрации ГП Диксон *«муниципальное образование способно развиваться только параллельно с реализацией круп-*

ных программ и проектов, направленных на дальнейшее исследование, разработку и добычу месторождений полезных ископаемых, модернизацию Северного морского пути и обеспечение национальной безопасности РФ»⁹. Из цитаты видно, что крупные «программы и проекты» представляются муниципальным властям способом выхода поселка из состояния кризиса, причем, учитывая отчетный характер документа, очевидно, что авторы скорее констатируют общеизвестный факт, чем предлагают новый взгляд на развитие поселка. Однако стоит задаться вопросом о том, каким образом сформированы эти ожидания. Если в случае с появлением в регионе конкретного промышленного или инфраструктурного объекта можно говорить об ожиданиях, формирующихся в диалоге с представителями компании (Harvey, Knox 2015) или в наблюдении за используемыми властью технологиями (Hetherington 2016), то источником ожиданий, связанных с развитием СМП, является в основном официальный дискурс (Гаврилова 2016). При этом представления оказываются достаточно неопределенными, поскольку этот дискурс не содержит сколько-нибудь точных ответов на вопрос о влиянии декларируемого развития на локальные точки, а непосредственное наблюдение за функционированием СМП жителям недоступно.

Наиболее типичный нарратив о поселке в связи с СМП представителей администрации – сложное наслоение множества мотивов:

«К.Г.: Что вы думаете о Северном морском пути? Вот так глобально.

Инф.1: Мы очень ждем, мы очень хотели бы быть участниками этого проекта.

Инф.2: Это все для нас. Если возобновится опять через Диксон, будет город и все большие инфраструктуры, будет возрождаться.

Инф.1: Мы тоже видим изменения климатические, мы тоже видим, что зимы мягче, лед тоньше, мы же верим в перспективность этого проекта. Она для нас серьезная. Она для нас насыщенная, это не виртуальные какие-то проекты, которые где-то должны происходить. Это вот под окнами. Хотелось бы вот прямо так. То есть, да, вот бухта Диксон, ну, гавань Диксон действительно удобна для отстоя судов, она удобна, при наличии инфраструктуры соответствующей для стоянки и для перебункеровки судов, то есть, для каких-то таких вещей, которые раньше обеспечивались за счет порта Диксон. <...> Когда вот только начиналось рассмотрение строительства порта Чайка, это здесь в 15-ти километрах, Востокуглем, это их инвестиционный проект, значит, пригоняли плавкраны. Ну, два раза в неделю строго плавкраны прятались в нашей бухте, потому что ветра́, они не могут осуществлять на рейдных форматах. Географически ну, мы чувствуем сопричастность, конечно, с Северным морским путем, не без этого» (Инф.1 – ж., ок. 1983 г. р., Инф.2 – ж., ок. 1973 г. р., сотрудники администрации).

В этой цитате мы видим обращение к целому ряду аргументов: заимствованный в официальном дискурсе аргумент о климатических изменениях, приводящих к облегчению судоходства в арктических морях, апелляция к прошлому этапу функционирования Диксона как поселка на СМП, в частности, выполнявшего функцию отстоя судов в шторм, а также упоминание о промышленной компании, приход которой связывается с СМП через обещание развития поселка. При этом подчеркивается географическая сопричастность поселка с Северным морским путем, что, казалось бы, могло вступать в противоречие с приведенными выше цитатами о том, что он не доходит до поселка или обходит его стороной, однако эти точки зрения могут сосуществовать в нарративах одного говорящего и зависят от контекста высказывания: географическая сопричастность выступает аргументом при необходимости обосновать «встраивание» поселка в СМП, а «проходящий мимо» Севморпуть используется для декларирования отсутствия наблюдаемых изменений.

Нарративы представителей администрации отличаются от нарративов остальных жителей большей ознакомленностью с официальным дискурсом и частой необходимостью обосновывать принадлежность к СМП. В рассуждениях жителей о роли поселка также можно увидеть, как заимствуются и креативно используются фрагменты официального дискурса об Арктике. Например, обоснованием полезности поселка для СМП является обеспечение государственной безопасности: *«...мое мнение, что Диксон – это форпост России, и он должен, независимо от того, чем там занимается, должен существовать. Пускай вообще ничего не делает. Вот он должен здесь быть как точка России, крайняя самая»* (м., 1963 г. р., сотрудник гидробазы). Также характерным высказыванием в этом ключе является попытка обосновать возвращение конкретных институций: «ракетчиков», «связистов», пограничников, ранее присутствовавших в поселке.

Таким образом, мы видим, что две основные стратегии «встраивания» в СМП на нынешнем этапе у жителей Диксона – это творческое переосмысление обещания инфраструктуры, черпаемого из официального дискурса, а также обращение к прошлому и попытка перенесения практического значения поселка на настоящее. Нарративы жителей поселка об СМП хоть и могут различаться спектром используемых мотивов, однако различий в выборе аргументов в зависимости от той или иной групповой принадлежности не прослеживается.

Функционирует ли СМП?

Как показали исследователи инфраструктуры, то, каким образом той или иной группой интересов определяется инфраструктура – составля-

ющие ее части, физические границы и функционал, – не является стабильным и навсегда данным, а находится под влиянием тех или иных социальных процессов (Carse 2012). Более того, даже определение объема той или иной инфраструктуры исследователем есть акт категоризации, который влияет на то, что попадает в поле зрения и рассматривается как часть социальной ситуации, а что остается за скобками и поэтому не может обладать каузальностью (Larkin 2013).

Однако, несмотря на трудности в очерчивании границ любой инфраструктуры, Северный морской путь отличается от других мегапроектов тем, что в данном случае даже трудно говорить о ее центральном ядре, конструирующем ее субъекте, а также составляющих ее практиках. В отличие от других «бутылочных горлышек» (Carse, Lewis 2017) морских перевозок – Суэцкого и Панамского каналов, СМП не представляет собой рукотворную инфраструктуру, а является естественным «сужением», ограничения которого связаны с такими природными инфраструктурами (Carse 2012), как глубины, толщина льда, специфические метеорологические условия и прочее, и это делает определение его объема еще более проблематичным. Несмотря на многочисленные обсуждения на официальном уровне его границ, практически никакого внимания не уделяется тому, что является его материальным воплощением. Различный функционал СМП предполагает разный объем инфраструктур, входящих в него. На примере Диксона это может означать, что как СМП могут рассматриваться и исключительно транзитные перевозки, и вывоз промышленной продукции, и «северный завоз». Поэтому вопрос о функционировании СМП напрямую связан с тем, что ситуативно под ним понимается.

Большое влияние на оценку работы инфраструктуры Северного морского пути жителями поселка оказывает то, что ее трудно наблюдать непосредственно – учитывая тот факт, что СМП является преимущественно грузовой инфраструктурой, наблюдение за ним ограничивается возможностями его практического использования. При этом исторические изменения в этих возможностях в сторону уменьшения интерпретируются как стагнация инфраструктуры в целом: *«Как для жителя обычного северного поселка для меня Северного морского пути не существует. А знаете почему? Он... он был в 1990-х, тогда была официальная возможность... Мы даже просто приезжали на атомный ледокол с Диксона. Да, вот, на вездеходе приезжаешь – он стоит в порту, мы могли просто на коммерческих официально абсолютно подойти к команде, да, там был специальный человек, и он мог часть продуктов, излишек... Излишков продать нам для магазина. Это первое. Второе – была возможность <...> выйти также на руководство Мурманского пароходства, которое раньше было. Штас там не пойми чо, там Росатомфлот»* (м., 1971 г. р., предприниматель). Мы видим, что при исчезновении прямого соприкосновения с этой инфраструкту-

рой – взаимодействия с экипажем ледоколов и сотрудниками снабжающих портов, сворачивания обменных отношений – Северный морской путь также дискурсивно исчезает.

На нынешнем этапе непосредственное соприкосновение с морским транспортом, в том числе в связи с изменением технологий в арктическом мореплавании, в поселке ограничивается летним завозом товаров и зимними поставками с помощью атомных ледоколов. Этим может объясняться разрыв между ожиданиями сообществ и наблюдаемой ими реальностью, и именно поэтому жителями поселка ставится под сомнение факт нынешнего функционирования СМП. Северный морской путь в высказываниях информантов ускользает из их поля зрения: «не доходит» до поселка или пролегает в нескольких километрах и при этом воображается консолидированным проектом. Ускользание его проявляется и в том, что жители поселка могут получать только косвенную информацию об этой инфраструктуре, более того, основываться приходится на размытых обещаниях, транслируемых на официальном уровне.

Заключение

Как я попыталась показать в этой статье, «встроенность» Диксона в Северный морской путь в советское время воплощалась и воображалась через разнообразные организации, занимающиеся поддержкой его функционирования. На современном этапе произошли изменения в технологическом функционировании СМП, в частности в сторону автономизации мореплавания, что снизило значимость портов, располагающихся вдоль трассы. В этом смысле применение термина «возвращение» по отношению к Северному морскому пути не совсем оправданно – нынешняя ситуация принципиально отлична от советской.

Смена материальной репрезентации, как известно, влечет за собой и изменение инфраструктурного обещания (Hetherington 2016). Действительно, объем понятия СМП на официальном уровне также изменился, однако важно, что произошла не просто смена одного обещания инфраструктуры на другое: современное обещание значительно более размыто, в зависимости от контекста употребления включая в себя транзитные перевозки, вывоз промышленной продукции или завоз продуктов. Эти два обещания не являются равными по статусу *future perfect* для локальных сообществ – нынешнее обещание им в значительно большей степени приходится домысливать, в том числе на основании обещания советского времени. В связи с этим переход от обещания инфраструктуры, транслируемого по центральным каналам, к практическим способам «встраивания» в Северный морской путь для диксончан проблематизирован: с одной стороны, неясен источник позитивных изменений, с другой – у жителей отсутствует возможность повлиять на ситуацию.

С этим связано парадоксальное одновременное сосуществование ощущения географической причастности и риторики удаленности от «основной трассы».

Примечания

¹ Все использованные в статье полевые материалы собраны совместно с К.А. Гавриловой в рамках госзадания Минобрнауки РФ № 33.2257.2017/ПЧ. Я благодарю ее за проведенную нами в рамках этого гранта работу, общий полевой быт, а также за многочисленные обсуждения материалов и черновиков текстов. Также я благодарна за содействие в исследовании бывшим и нынешним жителям поселка Диксон, в особенности Ю.В. Барышниковой, В.В. Михайлову, А.С. Сергееву и Л.В. Фищуковой.

² Сходное различие также было подмечено (Appel et al 2018) между городами колонистов и городами, создаваемыми для колонизированных народов (settlers town vs colonized people's town), – первые были значительно лучше оснащены современными инфраструктурами, нежели вторые.

³ Основные вехи в истории Диксона приведены по: (Дагинтен, Бабийчук 2015), а также по материалам официального сайта Таймырского муниципального района, статьи «Диксон. Историческая справка». URL: <https://www.taimyr24.ru/МО/Dikson/Histori/>, «Диксон. Социальная сфера»; URL: <https://www.taimyr24.ru/МО/Dikson/Social/>, «Диксон. Экономика», URL: <https://www.taimyr24.ru/МО/Dikson/Econom/> (дата последнего обращения: 03.03.2020).

⁴ Диксон АМПЗА – Морской порт Диксон // Официальный сайт Администрации портов западной Арктики. URL: <http://www.mapm.ru/Port/Dikson> (дата последнего обращения: 03.03.2020).

⁵ Всесоюзная перепись населения 1989 г. // Демоскоп. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (дата последнего обращения: 05.03.2020).

⁶ Федеральная служба государственной статистики, паспорт поселка Диксон. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/pass.aspx?base=munst04&r=4653155 (дата последнего обращения: 03.03.2020).

⁷ Итоги социально-экономического развития городского поселения Диксон за 9 месяцев 2017 года и ожидаемые итоги за 2017 год. Архив администрации пгт. Диксон, 2017.

⁸ ВостокУголь Диксон // ВостокУголь. URL: <https://vostokcoal.ru/assets/arkticheskaya-gornaya-kompaniya> (дата последнего обращения: 05.03.2020).

⁹ Итоги... 2017.

Литература

Гаврилова К.А. Северный морской путь в официальном российском дискурсе: стратегии определения функциональных и географических границ // Сибирские исторические исследования. 2020. № 3. С. 62–75.

Гаврилова К.А. Репрезентация российской Арктики в дискурсе арктических форумов // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 30–56.

Дагинтен А.А., Бабийчук Н.О. Такой известный – неизвестный Диксон: к 100-летию со времени основания. Дудинка: Центральная библиотека МБУК «Дудинская ЦБС», 2015.

Anand N. Accretion. Theorizing the Contemporary, Fieldsights. URL: <https://culanth.org/fieldsights/accretion> (дата публикации: 24.09.2015).

Appel H., Anand N., Gupta A. Introduction: Temporality, politics, and the promise of infrastructure // The promise of infrastructure / ed. by H. Appel, N. Anand, A. Gupta, Durham, NC; London: Duke University Press, 2018. P. 1–38.

Bowker G.C. Science on the Run: Information Management and Industrial Geophysics at Schlumberger, 1920–1940. Cambridge, MA: MIT Press, 1994.

- Carse A., Kneas D. Unbuilt and Unfinished: The Temporalities of Infrastructure // *Environment and Society*. 2019. Vol. 10 (1). P. 9–28.
- Carse A., Lewis J.A. Toward a political ecology of infrastructure standards: Or, how to think about ships, waterways, sediment, and communities together // *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2017. Vol. 49 (1). P. 9–28.
- Carse A. Nature as infrastructure: Making and managing the Panama Canal watershed // *Social Studies of Science*. 2012. Vol. 42 (4). P. 539–563.
- Edwards P.N. Infrastructure and modernity: Force, time, and social organization in the history of sociotechnical systems // *Modernity and technology*. 2003. № 1. P. 185–226.
- Ferguson J. *Expectations of modernity: myths and meanings of urban life on the Zambian Copperbelt*. Berkeley: Univ of California Press, 1999.
- Harvey P. Infrastructures in and out of time: The promise of roads in Contemporary Peru // *The promise of infrastructure* / ed. by H. Appel, N. Anand, A. Gupta. Durham, NC; London: Duke University Press, 2018. P. 80–101.
- Harvey P., Knox H. *Roads: An anthropology of infrastructure and expertise*. Ithaca: Cornell University Press, 2015.
- Hetherington K. Surveying the future perfect: Anthropology, development and the promise of infrastructure // *Infrastructures and Social Complexity* / ed. by P. Harvey, C. Jensen, A. Morito. London: Routledge, 2016. P. 58–68.
- Larkin B. The politics and poetics of infrastructure // *Annual review of anthropology*. 2013. № 42. P. 327–343.
- Larkin B. Promising forms: The political aesthetics of infrastructure // *The Promise of Infrastructure* / ed. by H. Appel, N. Anand, A. Gupta. Durham, NC; London: Duke University Press, 2018. P. 175–222.
- McCannon J. The Commissariat of Ice: The Main Administration of the Northern Sea Route (GUSMP) and Stalinist Exploitation of the Arctic, 1932–1939 // *Journal of Slavic Military Studies*. 2007. Vol. 20 (3). P. 393–419.
- Niewöhner J. Infrastructures of Society, Anthropology of // *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. 2nd ed. / ed. by James D. Wright. Oxford: Elsevier, 2015. Vol. 12. P. 119–125.

Статья поступила в редакцию 2 июля 2020 г.

Vasilyeva Valeriya V.

THE FLUID NORTHERN SEA ROUTE AND THE LOCAL COMMUNITY OF DIKSON: PROMISE OF INFRASTRUCTURE*

DOI: 10.17223/2312461X/29/6

Abstract. The article presents qualitative field research conducted in the seaport of Dikson on the Northern Sea Route (NSR). It explores Dikson residents' expectations which are historically linked to the NSR and associated with official discourse around NSR development. Local residents see the transition from the 'promise of infrastructure' spread by the media and regional authorities to practical ways of incorporating the port into the NSR infrastructure as problematic. This can be explained by the fact that they do not have any specific information about the NSR, and that the NSR is a complex infrastructure project with most of its operation and processes being invisible for the local community. Creatively rethinking official discourse, on the one hand, and appealing to historical forms of their belonging to the NSR, on the other, local residents rhetorically integrate Dikson into the NSR infrastructure.

Keywords: Northern Sea Route, NSR, Northeast Passage, infrastructure studies, promise of infrastructure, local Arctic communities, Dikson, Krasnoyarsk region

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI, project No. 18-05-60108, 2018 – 2021, titled 'Arctic connections: People and infrastructures') and the Research Programme of West-Siberian Interregional Scientific and Educational Centre.

References

- Gavrilova K.A. Severnyi morskoi put' v ofitsial'nom rossiiskom diskurse: strategii opredeleniia funktsional'nykh i geograficheskikh granits [The Northern Sea Route in Russian political discourse: Defining functions and geographical boundaries], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2020, no. 3, pp. 62–75.
- Gavrilova K.A. Reprezentatsiia rossiiskoi Arktiki v diskurse arkticheskikh forumov [Representation of the Russian Arctic in Arctic Fora Discourses], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2016, no. 4, pp. 30–56.
- Dagintin A.A., Babiichuk N.O. *Takoi izvestyi - neizvestnyi Dikson: k 100-letiiu so vremeni osnovaniia*. [The so well-known and unknown Dikson: Dedicated to the 100th Anniversary of the port's foundation]. Dudinka: Tsentralnaia biblioteka MBUK "Dudinskaia TsBS", 2015.
- Anand, N. *Accretion. Theorizing the Contemporary, Fieldsights*, URL: <https://culanth.org/fieldsights/accretion> (Publication date: 24.09.2015).
- Appel, H., Anand N., Gupta, A. Introduction: Temporality, politics, and the promise of infrastructure. In: *The promise of infrastructure* / Ed. by H. Appel, N. Anand, A. Gupta. Durham, NC and London: Duke University Press, 2018, pp. 1–38.
- Bowker G.C. *Science on the Run: Information Management and Industrial Geophysics at Schlumberger, 1920–1940*. Cambridge, MA: MIT Press. 1994.
- Carse A, Kneas D. Unbuilt and unfinished: The temporalities of infrastructure. *Environment and Society*, 2019, vol. 10(1), pp. 9–28.
- Carse A, Lewis J.A. Toward a political ecology of infrastructure standards: Or, how to think about ships, waterways, sediment, and communities together. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 2017, vol. 49 (1), pp. 9–28.
- Carse A. Nature as infrastructure: Making and managing the Panama Canal watershed. *Social Studies of Science*, 2012, vol. 42(4), pp. 539–563.
- Edwards P.N. Infrastructure and modernity: Force, time, and social organization in the history of sociotechnical systems. *Modernity and technology*, 2003, no. 1, pp. 185–226.
- Ferguson J. *Expectations of modernity: myths and meanings of urban life on the Zambian Copperbelt*. Berkeley: Univ of California Press, 1999.
- Harvey P. Infrastructures in and out of time: The promise of roads in contemporary Peru. In: *The promise of infrastructure*. / Ed. by H. Appel, N. Anand, A. Gupta, Durham, NC and London: Duke University Press, 2018, pp. 80–101.
- Harvey P. and Knox H. *Roads: An anthropology of infrastructure and expertise*. Ithaca: Cornell University Press, 2015.
- Hetherington K. Surveying the future perfect: Anthropology, development and the promise of infrastructure. In: *Infrastructures and Social Complexity* / Ed. by P. Harvey, C. Jensen, A. Morito. London: Routledge, 2016, pp. 58–68.
- Larkin B. The politics and poetics of infrastructure. *Annual Review of Anthropology*, 2013, no. 42, pp. 327–343.
- Larkin B. Promising forms: The political aesthetics of infrastructure. In: *The Promise of Infrastructure* / Ed. by H. Appel, N. Anand, A. Gupta, Durham, NC and London: Duke University Press, 2018, pp. 175–222.
- McCannon J. The Commissariat of Ice: The main administration of the Northern Sea Route (GUSMP) and Stalinist exploitation of the Arctic, 1932–1939. *Journal of Slavic Military Studies*, 2007, vol. 20(3), pp. 393–419.
- Niewöhner J. Infrastructures of society, anthropology of. In: *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. 2nd edition / Edited by James D. Wright. Oxford: Elsevier, 2015. Vol. 12, pp. 119–125.

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/29/7

ИУЛЬТИНСКАЯ ТРАССА: ПРОЕКТ РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ЖИЗНИ ЧУКОТСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СЕЛ*

Владимир Николаевич Давыдов,
Елена Андреевна Давыдова

Аннотация. Рассматривается один из крупнейших проектов развития транспортной инфраструктуры Чукотки – Иульгинская трасса. Описывая ее использование местными жителями в качестве транспортной артерии, а также ресурса приобретения материальных объектов, авторы анализируют, каким образом появление дороги оказало влияние на их практики мобильности и представления о пространстве. В фокусе внимания находятся стратегии ее эксплуатации жителями национальных сел для решения повседневных задач. Изменения в перемещениях людей и вещей привели к налаживанию системы снабжения продуктами питания и товарами, а также оказали влияние на практики распределения ресурсов между селами Иульгинского района. Авторы полагают, что данные системные изменения стали возможны благодаря интеграции данного транспортного объекта в серию других инфраструктурных государственных проектов, начиная от Северного морского пути и оленеубойного пункта до линий электропередач и торговых баз, располагавшихся вдоль трассы. Именно комплементарность дороги по отношению к другим материальным объектам превращает ее в незавершенный проект, уязвимый и зависимый от действий множества акторов. Несмотря на это, инфраструктурная неполнота трассы, компенсируемая другими проектами, способствует ее креативному использованию местными жителями.

Ключевые слова: транспортная инфраструктура, мобильность, ресурсы, снабжение, Чукотка, Арктика

Иульгинская трасса – автомобильная дорога протяженностью 207 км, связывающая морской порт Эгвекинот на побережье Берингова моря с континентальной частью Иульгинского района Чукотского автономного округа. Изначально она доходила до ныне упраздненного поселка Иульгин, обслуживающего рудник и горно-обогатительный комбинат, где велась добыча оловянной и вольфрамовой руды. Она являлась самой восточной автомобильной дорогой Советского Союза и использовалась круглогодично. Трассу поддерживали в рабочем состоянии и при необходимости ремонтировали. В постсоветский период ее поддержанию стали уделять меньше внимания, а обслуживаться в последние годы она стала

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10002). Авторы выражают благодарность за комментарии на раннюю версию статьи Н.В. Ссорину-Чайкову, О.А. Поворознюк и П. Швайцери.

только на участке Эгвекинот – село Амгуэма (91-й км). Несколько лет назад был начат проект реконструкции дороги: были отремонтированы ее первые шесть километров, соединяющие Эгвекинот с аэропортом «Залив Креста». Сейчас трасса является участком автодороги Эгвекинот–Мыс Шмидта, основная часть которой функционирует в виде зимника. Ряд отрезков Иультинской автодороги требует значительной реконструкции. В частности, на автомобиле из Эгвекинота по ней на сегодняшний день можно доехать только до 157-го км. Мост через реку Амгуэма был смыт весенним паводком в 1994 г. и не восстановлен. Большая часть расположенных вдоль трассы линий электропередач отключена, строения, обслуживавшие дорогу баз и поселков, заброшены.

Среди местных жителей до сих пор жива память о заключенных Чукотлага, которые строили эту дорогу в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Информанты не только рассказывали истории об этих людях, но и демонстрировали нам полуразрушенные казармы, стоящие вдоль трассы и являющиеся материальным воплощением прошлого – памятники советской эпохи. Как отметила А.Л. Цзин, «ландшафты ныне усеяны подобными развалинами по всему свету. А такие места, тем не менее, могут быть живы – невзирая на их объявленную смерть: заброшенные источники ресурсов иногда порождают новую многовидовую и многокультурную жизнь. Во всепланетарном состоянии неустойчивости у нас нет другого выбора – нам необходимо высматривать жизнь на руинах» (Цзин 2017: 21). Данная трасса с расположенными вдоль нее незавершенными и оставленными государством постройками (Ssorin-Chaikov 2016), продолжает жить своей особой жизнью и является одним из основных каналов мобильности в регионе. Именно строительство дороги оказало существенное влияние на изменение практик мобильности и использования пространства местными жителями.

Объекты транспортной инфраструктуры образуют систему, обеспечивающую перемещение людей и грузов. Будучи объединенными в различные системы, они позволяют существенно увеличить силы индивидов (Урри 2012а: 272). В данной статье мы проанализируем практики использования Иультинской трассы жителями национальных сел. Через рассмотрение «социальной жизни» (Appadurai 1986) данного инфраструктурного проекта в советский и постсоветский периоды мы покажем, каким образом строительство дороги, а также ее постоянное поддержание в действующем состоянии оказывали влияние на практики мобильности и снабжения местных жителей, меняя их представления о пространстве и способы аккумуляции ресурсов.

Инфраструктурное неравенство: трасса и распределение ресурсов

Дорога создала предпосылки для усиления инфраструктурного неравенства в регионе, оказала влияние на практики распределения ре-

сурсов. Появление трассы инициировало новую форму экономических отношений, предполагающую перемещение материальных объектов между находящимся на берегу Залива Креста портом и другими населенными пунктами. Оно позволило реализовать проект развития инфраструктуры села Амгуэма, расположенного на 91-м километре. Здесь важным фактором являлась не только возможность транспортировки строительных материалов, но и доступность данного населенного пункта для представителей органов власти. Вся его история тесно связана с историей Иультинской трассы. Она была необходима не только для налаживания транспортных связей между центром и поселком геологов Иультин, но также позволяла ускорить решение проблемы коллективизации и советизации местных оленеводческих семейно-родственных коллективов. Наличие дороги упрощало доступ членов коммунистической партии, которые проводили коллективизацию к чукотским стойбищам. На страницах дневников и фотографиях этнографа Варвары Григорьевны Кузнецовой, работавшей в амгуэмской тундре в течение трех лет – с 1948 по 1951 г., зафиксированы подобные визиты, в ходе которых различными методами, такими как уговоры, налогообложение, запрет на торговлю с не членами колхоза, а впоследствии и аресты, подталкивали оленеводов к вхождению в колхозы (АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 336. Л. 58–67; Д. 341. Л. 49; Д. 387. Л. 11; Д. 398. Л. 12 об.).

До строительства трассы доступ к стоянкам оленеводов в тундре был затруднен. Благодаря использованию водного транспорта, села Нутэпэльмен и Ванкарем, расположенные на побережье Северного Ледовитого океана, были более доступны для представителей советского государства, проводивших коллективизацию. Таким образом, на побережье советизация, понимавшаяся как русификация местного населения (Kertulla 2000; Gray 2005; Yamin-Pasternak et al. 2014: 625) началась значительно раньше, чем в тундре. До строительства дороги лучшее снабжение товарами было именно в прибрежных селах. В непосредственной близости от Ванкарема проводилась ярмарка, где тундровики-олeneводы обменивали мясо на товары, закупались продуктами. Показательными являются фотографии В.Г. Кузнецовой: ванкаремцы носили в основном одежду фабричного производства, в отличие от тундровиков, продолжавших использовать чукотскую меховую одежду (Колл. МАЭ РАН И 1454)¹. Коллективизация амгуэмской тундры последовала сразу же за строительством трассы. В этих местах она проходила, как и создание дороги, в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

Впоследствии в Амгуэме расположилась центральная усадьба совхоза «Полярник», куда вошли оленеводческие бригады из Нутэпэльмена. Население данного прибрежного села до сих пор сетует на то, что Амгуэма получила ресурс бывшего совхоза и, по их словам, «стала жить лучше», стала «богатым» селом. Наличие дороги ускорило его строительство и благо-

устройство, поскольку по ней можно было завозить стройматериалы. Ряд информантов, представители местной интеллигенции, полагают, что государство, создавая и поддерживая различные инфраструктурные проекты, «подкупило непокорных амгуэмских тундровиков», сопротивлявшихся вступлению в колхозы (Вдовин 1965: 345, 348; Андронов 2008; АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 336; Д. 342; Д. 349; Д. 361; Д. 396; Д. 403) и долго остававшихся недовольными действиями властей после коллективизации.

За пару десятилетий Амгуэма превратилась из оленеводческой стоянки с ярангами в крупный населенный пункт. В 1950-е гг. в селе были построены одноэтажные дома. Затем, начиная с 1970-х гг., реализуется проект строительства двух-, трех- и четырехэтажных блочных домов. В начале 2000-х гг. старые деревянные одноэтажные дома практически полностью были заменены собранными по канадской технологии каркасными домами, называемыми в регионе коттеджами Абрамовича. Строительство жилых домов продолжается и в настоящее время: в 2018 г. в селе Амгуэма был сдан в эксплуатацию новый двухэтажный дом для семей оленеводов. Все дома в данном селе, включая коттеджи, снабжены канализацией, центральным отоплением, водой.

В настоящее время численность населения Амгуэмы составляет более 500 человек. В селе работают три продуктовых и два промтоварных магазина, библиотека, дом культуры, дом детского творчества, тренажерный зал. В Амгуэме были построены средняя школа, интернат и детский сад. Далеко не каждое село на Чукотке имеет подобную инфраструктуру. Благодаря транспортной доступности, в нем регулярно бывают представители районной администрации, его посещают туристы, здесь проводят национальные праздники, в том числе Международный день коренных народов мира (9 августа), на которые приезжают гости из районного центра. Удобное пространственное расположение по отношению к транспортной инфраструктуре выделяет Амгуэму среди других национальных сел Иультинского района. В результате между Амгуэмой, с одной стороны, и прибрежными селами Ванкарем и Нутэпэльмен – с другой, наблюдается сильный контраст. Расположенные в береговых селах дома отапливаются углем, в них отсутствуют водоснабжение и канализация.

Современное крупное оленеводческое предприятие, являющееся наследником совхоза, также базируется в Амгуэме. Несмотря на то, что в береговых селах района в постсоветский период были созданы небольшие территориально-соседские общины, занимающиеся охотой на морского зверя (например, в Нутэпэльмене весной 2019 г. было только пять официально зарегистрированных охотников), государство в большей степени поддерживает оленеводство, продукция которого реализуется на рынке, в отличие от мяса морских животных. Так, окружные власти официально объявили оленеводство ключевой отраслью для обеспечения пищевыми продуктами в регионе (Грей 2016: 51).

По мнению многих жителей Чукотки, в том числе некоторых представителей власти и крупных производителей мясной продукции из Анадыря, МУП СХП «Амгуэма» является показательным и одним из самых благополучных. В частности, данное МУП получило премию «Предприятие года России» в 2015 г. На сегодняшний день именно из Амгуэмы удобно вывозить оленину в Эгвекинот и далее из порта Эгвекинот – в Анадырь. Другие оленеводческие предприятия района сейчас пригоняют свои товарные стада в новый оленеубойный пункт, построенный на 94-м км трассы – в непосредственной близости от Амгуэмы.

Таким образом, в процессе распределения ресурсов между селами района важную роль играла Иульгинская трасса. Она содействовала налаживанию механизмов управления, а также инфраструктурному развитию Амгуэмы. При этом другие села, находящиеся вдали от трассы в постсоветский период, когда сократились перевозки по навигации и авиасообщение, столкнулись с проблемой снабжения, транспортной изоляции, низкой заработной платы и безработицы.

Инфраструктура как средство доступа к ресурсам и как ресурс

Иульгинская дорога проектировалась как магистраль, ориентированная на транспортировку металла, который могло обеспечить открытое в 1937 г. участником Второй Чукотской экспедиции Главсевморпути В.Н. Миляевым комплексное месторождение вольфрама и олова (Романова 2018). Она была направлена прежде всего на вывоз добываемых металлов, соединяя Иульгинское месторождение с портом Эгвекинот. Трасса была призвана обеспечивать доступ государства к полезным ископаемым.

Строительство дороги оказало сильное воздействие на практики мобильности и представления о пространстве местных жителей. Следует отметить, что уже сразу после своего появления она стала центром притяжения для амгуэмских оленеводов. Как уже отмечалось другими исследователями, данная магистраль во времена В.Г. Кузнецовой «была достаточно оживленным местом» (Михайлова 2015: 52). На ней располагались различные базы-поселки для строителей, милиции, торговых, культурных работников. В дневниках В.Г. Кузнецовой чаще всего упоминается 87-й км, расположенный на котором рабочий поселок впоследствии получил название Дорожный. В середине XX в. он был самым крупным поселением на трассе. В дневниках исследовательницы упоминаются также базы на 32-, 68-, 103-, 145-, 178-м км дороги (АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 335; Д. 340; Д. 403), которые были в большей или меньшей степени обеспечены «благами цивилизации», такими как электричество, дома, магазины, бани, дома культуры. Для оленеводов такие базы являлись местами торговли, сюда они привозили, по большей части, олени туши, получая взамен «русские»

товары, такие как спирт, табак, махорку, чай, патроны, пуговицы и проч. (АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 335; Д. 349). Таким образом, с самого начала существования трассы местные жители стали соотносить свои перемещения с дорогой и расположенными на ней базами, стараясь по пути кочевий осуществить закупку необходимого.

Амгуэмские оленеводы активно используют Иультинскую дорогу для интенсификации своих перемещений. В частности, ее наличие увеличило количество маятниковых поездок между селом Амгуэма, районным центром и оленеводческими бригадами. Безусловно, появление новых средств передвижения также оказало воздействие на практики мобильности и представления о расстоянии местных жителей (Pelto 1973; Истомин 2015), но дело не только в наличии снегоходов и машин. Например, некоторые кочующие в Рыркайпийской тундре оленеводы ездят в Рыркайпий достаточно редко, иногда даже раз в несколько лет. На расположенную между селом и стоянками в тундре перевал-базу «Пламенный» они, по словам информантов, могут заезжать один-два раза в год. В Амгуэму же отдельные оленеводы приезжают чуть ли не еженедельно. Как правило, один раз в месяц кто-нибудь из членов бригады обязательно навестит село. Столь интенсивная мобильность стала возможна в том числе благодаря трассе. Нередко большая часть пути проходит именно по дороге, по которой перемещаться значительно быстрее, чем по тундре. Сами места оленеводческих стоянок часто располагаются неподалеку от данной магистрали и ведущих к ней дорог, что позволяет использовать автотранспорт для доставки продуктов оленеводам и вывоза тундрового мяса. Наиболее часто поездки совершают члены тех бригад, которые стоят в непосредственной близости от дороги.

Современные средства передвижения требуют топлива, а это, в свою очередь, создает необходимость его предварительной доставки в села и тундру. Наличие его запасов особенно важно для жителей села Амгуэма, поскольку автозаправочная станция располагается в районном центре. Люди, таким образом, за счет собственной мобильности самостоятельно решают проблему снабжения источниками энергии, но делают это не без помощи трассы, транспортных средств, в том числе государственных, и топлива.

Трасса не только является средством приобретения ресурсов, но и сама является ресурсом. Местные жители активно используют расположенную вдоль трассы заброшенную инфраструктуру. В постсоветский период многие постройки, а также старая линия электропередач, были брошены и превратились для местных жителей в источник строительных материалов и топлива. Использование тяжелой техники позволяет местным жителям привозить деревянные столбы на места стоянок или в село. Они активно применяются для строительства и отопления теплиц, количество которых в Амгуэме и Эгвекиноте в последние годы увеличилось. Амгу-

эмцы также используют заброшенные здания в поселке Дорожный, расположенном в четырех километрах от села, держат там сараи, гаражи и теплицы. Наличие топлива и строительных материалов в достаточном количестве, таким образом, косвенно стимулирует овощеводство. Например, в Нутэпэльне, где, нет системы центрального отопления, а дрова и бумага являются дефицитным ресурсом (жители «охотятся» за картонными коробками из магазина и разобрали большую часть старых советских колхозных домов на дрова), теплицы не прижились.

Инфраструктурный каскад: принцип комплементарности

Ни один из инфраструктурных проектов не способен быть полностью реализованным в изоляции от других проектов. В соединении с ними становится возможным его практическое использование (Star 1999). Большую роль в данном процессе играет государство. Поддержание дороги в действующем состоянии требует немало энергозатрат. Проект ее строительства не являлся чем-то автономным, а связан с другими крупными проектами (Северный морской путь, забойный пункт, Иульгинский ГОК, национальное село Амгуэма и т.д.). Если бы государство не обеспечило развитие инфраструктуры в регионе, целый ряд из них не был бы реализован (Эткинд 2020: 59).

Трасса функционирует именно как продолжение проекта Северного морского пути, позволяя перевозить привезенные по навигации товары, а также доставлять оленину в порт. Она является дополнительным каналом мобильности, позволяющим транспортировать топливо, вещи, материалы и продукты питания вглубь и на северный берег Чукотского полуострова. В данном контексте трасса без наличия морского сообщения не имела бы такого значения для государства и для местных жителей. Изначально она проектировалась для соединения олововольфрамового месторождения с морским портом.

Наличие «каскада» зачастую незавершенных инфраструктурных проектов предоставляет местным жителям «аффордансы» (Gibson 1979; Ingold 2000) – возможности для осуществления определенных практик. Люди постоянно «дополняют» движения по трассе перемещением вездеходов и трэколов для поставки товаров в северные прибрежные села Ванкарем и Нутэпэльмен. В этом смысле трасса является незавершенным проектом (Ssorin-Chaikov 2017: 22), она «удлиняется» и «достраивается» жителями с помощью имеющихся средств передвижения. Подобные перемещения всегда связаны с потенциальной опасностью поломок. Водителям нередко приходится ремонтироваться в пути. Для минимизации рисков местные жители стараются выезжать группами на нескольких транспортных средствах.

Таким образом, Северный морской путь – не единственный проект, обеспечивающий распределение товаров в регионе, он частично компенс-

руется за счет авиаперевозок и сухопутных перемещений. Трасса расширяет возможности данного проекта, создавая расположенные на земле ответвления от основного водного маршрута. Причем подобное его «дотраивание» приводит к появлению новых материальных объектов в регионе.

Мобильность материальных объектов: контейнеры и пищевые продукты

Материальные объекты нередко перемещаются вместе с людьми (Урри 2012b: 98). Поездки местных жителей по трассе часто связаны с перемещением вещей и пищевых продуктов, решением логистических задач, связанных с их приобретением и обменом.

Посредством Иультинской трассы на суше получают распространение отслужившие свой срок эксплуатации морские грузовые контейнеры, которые превратились в универсальный способ освоения пространства и стали обычной составляющей ландшафта прибрежных населенных пунктов Арктики. Для села Нутэпэльмен был характерен системный характер их распределения, где доставленным по навигации контейнером снабжался каждый вновь построенный коттедж. В данных контейнерах на Чукотку поставляли материалы для строительства новых свайных коттеджей, собираемых по канадской технологии. В Амгуэме же часть контейнеров, которые используются в качестве гаражей и сараев, расположены бессистемно и находятся в тех местах, которые часто были определены самими жителями, а не администрацией.

Подобное явление перераспределения ценностей и продуктов между местами на побережье и в тундре существенно отличается от хорошо известной в этнографии формы обмена между прибрежными охотниками и оленеводами (Bogoras 1904: 53; Krupnik 2000: 50). Фактически «оленьи рога на море» («Antler on the sea») (Kerttula 2000) дополняются инфраструктурной составляющей – контейнером в тундре. В рамках подобной мобильности, ключевой элемент офшорной экономики – металлический контейнер, используемый для морских грузоперевозок (Урри 2017), проникает вглубь полуострова. Привозные металлические модули позволяют местным жителям последовательно дотраивать и расширять имеющуюся в селах инфраструктуру, предоставляя им возможность самим создавать места для хранения вещей и продуктов.

Посредством трассы местные села регулярно снабжаются просроченными продуктами питания и промышленными товарами низкого качества, трудно поддающимися реализации в других местах. Несмотря на то, что дорога потенциально позволяет наладить снабжение Амгуэмы качественными и свежими продуктами, количество поставляемой в наиболее доступное село пищевых продуктов с истекшим сроком годности («просрочки») зачастую больше, чем в удаленных прибрежных се-

лах. Иными словами, наличие дороги позволило наладить регулярные поставки просроченных продуктов в Амгуэму. Таким образом, понятие «удаленность» остается объектом манипуляций и используется для получения доходов за счет увеличения стоимости продаваемых товаров, а также создает возможность сбыта просроченных продуктов питания.

В режиме официального законодательства просроченные продукты не должны выходить на рынок, а их продажа облагается штрафами. Тем не менее вместо затрат на утилизацию просроченной продукции, торговые предприятия налаживают ее массовые поставки в места с дефицитом снабжения. На Чукотке сложилась система распределения просроченных товаров, рыночная стоимость которых значительно превышает стоимость свежих продуктов в других регионах Дальнего Востока, расположенных южнее.

Благодаря трассе налаживается оборот не подлежащих реализации с точки зрения официальных правил товаров в удаленных от порта и районного центра селах, расширяя позволяющую уйти от официального законодательства и регулируемую неофициальными правилами сферу неформальной экономики. Большую часть товарооборота в магазинах района составляют просроченные продукты питания. Таким образом посредством «доставки проектов» неформальная экономика находит свою нишу на Чукотском полуострове, позволяя распределять в отдаленных местах нереализованные на «материке» продукты, получая прибыль вместо затрат, необходимых на их утилизацию. В Амгуэме «просрочка» имеет свою особую темпоральность – приобретает второй, а иногда третий шанс на реализацию: местные компании увозят в Амгуэму те продукты, которые не были реализованы в Эгвекиноте. Из сельских магазинов просроченные продукты нередко доставляются в тундру оленеводам.

Многие местные жители собственными силами восполняют недостаток качественного продовольствия и вещей. Они активно используют Иультинскую трассу для обеспечения себя необходимыми более дешевыми и свежими продуктами, а также товарами, совершая регулярные поездки в Эгвекинот. Наличие дороги также позволяет поддерживать и ускорять обмен «морскими» и «тундровыми», а также «чукотскими» и «русскими» продуктами. При этом их перемещение идет в различных направлениях: «чукотские продукты» в основном перемещаются из тундры в села и районный центр, «русские» – из районного центра в села и в тундру. Из тундры в села и Эгвекинот вывозят оленину, а также разные виды чукотской пищи для родственников и друзей.

Таким образом, инфраструктура обладает определенной гибкостью, позволяющей совмещать механизмы формальной и неформальной экономики. Она обеспечивает не просто поставки продуктов и товаров, но за счет репрезентации удаленности дает возможность найти новые рынки сбыта для продукции, которую сложно реализовать в других местах. В то же время трасса позволяет местным жителям самостоятельно

решать проблему снабжения за счет маятниковых поездок в районный центр и функционирования системы обмена.

Заключение

Рассмотренный в данной статье инфраструктурный проект влияет не только на населенные пункты, расположенные непосредственно в местах его реализации, он оказывает ощутимое воздействие на практики снабжения удаленных от районного центра и трассы сел. Инфраструктура Чукотки нуждается в постоянном обновлении и ремонте, при этом вывоз старых деталей и запчастей во многом является нерентабельным. Многие из привезенного, например деревянные столбы, металлические контейнеры, превращается в ресурс для местного населения. Иультинская трасса представляет собой пример креативного использования инициированного государством проекта (Bennett 2018). Подчеркнем, что проект трассы является «встроенным» (Star 1999) в сложившуюся сеть проектов, оказавшую сильное влияние на систему перераспределения ресурсов в районе. Например, появление дороги, а также строительство связанной с ней инфраструктуры привели к появлению новых населенных пунктов и баз. В советское время во многих из них действовали магазины, в которых отоваривались местные оленеводы. Кроме собственно перемещения, решался целый ряд задач, что позволяло наладить снабжение из нескольких пунктов распределения.

В постсоветский период сокращение финансирования одного из проектов неизбежно вызывало цепную реакцию, разрушая другие проекты. Например, с закрытием поселка Иультин в 1995 г. перестали поддерживать ЛЭП, а также часть трассы и деревянный мост через реку Амгуэма, и все эти объекты подверглись разрушениям. Тем не менее благодаря поддержке со стороны государства, в постсоветский период сохранялось функционирование части трассы, что позволяло местному населению посредством использования транспортных средств поддерживать регулярные маятниковые поездки, необходимые для обеспечения сел топливом, товарами и пищевыми продуктами.

Рассмотренные в данной статье материалы показывают, что в тех местах, где были сокращены или приостановлены инвестиции проектов, местные жители собственными усилиями утилизируют остатки неиспользуемой государством или добывающими компаниями инфраструктуры, а также самостоятельно налаживают каналы мобильности и снабжения. В этом смысле проекты развития инфраструктуры в условиях удаленности от центров распределения ресурсов, находясь в сильной зависимости от приоритетов внешнего финансирования, никогда не достигают полноты своей реализации, являются «незавершенными» (Ssorin-Chaikov 2016) и всегда сопровождаются локальными креатив-

ными инициативами. Транспортная инфраструктура, действующая по принципу каскада, в объединении с другими проектами не только увеличивает скорость перемещения людей и вещей, но позволяет наладить и ускорить потребление и утилизацию вторичных ресурсов (Ssorin-Chaikov 2017: 69–75), которыми выступают не только остатки незавершенного строительства, но и нереализованные в других регионах пищевые продукты и товары промышленного производства. Проекты развития транспортной инфраструктуры всегда находятся на пересечении интересов государства, добывающих компаний и местного сообщества.

Таким образом, в условиях Арктики транспортная инфраструктура предлагает местным жителям не только и не столько перспективу или «обещание» (Ssorin-Chaikov 2017: 99; Anand, Gupta, Appel 2018), но обеспечивает им возможности собственного творческого участия в «достройке» и адаптации для решения своих повседневных задач инициативных с помощью внешних сил проектов.

Примечание

¹ Коллекция МАЭ РАН И 1454. Фотонегативы по культуре и быту чукчей. Соб. Кузнецова В.Г. 1948–1951. 840 ед. хр.

Литература

- Андронов Б.М. Коллективизация по-чукотски. 1951–1952 гг. // Тропой Богораза: научные и литературные материалы / сост. и ред. Л.С. Богословская, В.С. Кривошеков, И.И. Крупник. М.: Институт наследия Геос, 2008. С. 102–126.
- Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (АМАЭ). Ф. К-1. Оп. 2. Д. 335, 336, 340, 341, 342, 349, 361, 387, 396, 398, 403. Кузнецова В.Г. Материалы из поездки к чукчам. 1948–1951 гг.
- Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л.: Наука, 1965.
- Грей П.А. Современное состояние оленеводства на Чукотке (пер. с англ. С.В. Соколовского) // Этнографическое обозрение. 2016. № 2. С. 44–56.
- Истомин К.В. Кочевая мобильность коми-ижемских оленеводов: снегоходная революция и рыночная реставрация // Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 17–25.
- Михайлова Е.А. Скитания Варвары Кузнецовой. Чукотская экспедиция Варвары Григорьевны Кузнецовой. 1948–1951 гг. СПб.: МАЭ РАН, 2015.
- Романова В.В. История открытия и освоения Иульгинского оловянно-вольфрамового месторождения // Известия высших учебных заведений. Геология и разведка. 2018. № 3. С. 65–73.
- Урри Дж. Мобильности. М.: Практикс, 2012а.
- Урри Дж. Офшоры. М.: Дело, 2017.
- Урри Дж. Социология за пределами обществ: Виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012б.
- Цзин А.Л. Гриб на краю света: о возможности жизни на руинах капитализма. М.: Ad Marginem Пресс, 2017.
- Эткнд А. Природа зла. Сырье и государство. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- Anand N., Gupta A., Appel H. (ed.). The Promise of Infrastructure. Durham: Duke University Press, 2018.
- Appadurai A. (ed.) The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

- Bennett M. From State-initiated to Indigenous-driven Infrastructure: The Inuvialuit and Canada's first Highway to the Arctic Ocean // *World Development*. 2018. № 109. P. 134–148.
- Bogoras W. The Chukchee. Material Culture. New York; Leiden: G.E. Stechert, E.J. Brill Ltd, 1904.
- Gibson J.J. The Ecological Approach to Visual Perception. Boston: Houghton Mifflin, 1979.
- Gray P. The Predicament of Chukotka's Indigenous Movement: Post-Soviet Activism in the Russian Far North. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Ingold T. The Perception of Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill. London; New York: Routledge, 2000. 452 p.
- Kerttula A.M. Antler on the Sea: The Yup'ik and Chukchi of the Russian Far East. Ithaca, NY; London: Cornell University Press, 2000.
- Krupnik I.I. Reindeer Pastoralism in Modern Siberia: Research and Survival During the Time of Crash // *Polar Research*. 2000. № 19 (1). P. 49–56.
- Pelto P.J. Snowmobile Revolution: Technology and Change in the Arctic. Menlo Park, California: Cummings Pub. Co., 1973.
- Ssorin-Chaikov N. Soviet Debris: Failure and the Poetics of Unfinished Construction in Northern Siberia // *Social Research*. 2016. № 83 (3). P. 689–721.
- Ssorin-Chaikov N. Two Lenins: A Brief Anthropology of Time. Chicago: Hau Books, 2017.
- Star S.L. The Ethnography of Infrastructure // *American behavioral scientist*. 1999. № 43 (3). P. 377–391.
- Yamin-Pasternak S., Kliskey A., Alessa L., Pasternak I., Schweitzer P. The Rotten Renaissance in the Bering Strait: Loving, Loathing, and Washing the Smell of Foods with a (re) Acquired Taste // *Current Anthropology*. 2014. № 55 (5). P. 619–646.

Статья поступила в редакцию 2 июля 2020 г.

Davydov Vladimir N. and Davydova Elena A.

THE IUL'TINSKAIA ROAD: INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT PROJECT IN THE LIFE OF CHUKOTKA' S NATIVE VILLAGES*

DOI: 10.17223/2312461X/29/7

Abstract. The article describes one of the largest infrastructure development projects in Chukotka – the Iul'tinskaia highway. Positioning the road used by the local people as a 'transport artery' and a resource for acquiring material objects, the authors analyse the impact the road has had on the people's mobility practices and perceptions of space. The focus here is native residents' practices of using the highway to perform their everyday tasks and changes in the local people's and material objects' mobility, which led to the establishment of a food and goods supply system and facilitated transformation of how resources are distributed between villages in the Iul'tinskii area. The authors argue that these systemic changes were possible due to the integration of the highway and a series of other infrastructural projects of the state, ranging from the Northern Sea Route and the reindeer slaughterhouse to power lines and trading centres located along the highway. The fact that the road is closely linked to other material objects turns it into an unfinished project dependent on the actions of numerous actors. Despite this, the infrastructural incompleteness of the road, offset by other projects, contributes to its creative use by the local people.

Keywords: transport infrastructure, mobility, resources, supply, Chukotka, Arctic

* The research was supported by the Russian Science Foundation (RNF, project No. 19-78-10002).

References

- Anand N., Gupta A., Appel H. (ed.). *The Promise of Infrastructure*. Durham: Duke University Press, 2018.
- Andronov B.M. Kollektivizatsiia po-chukotski. 1951–1952 gg. [Collectivization the Chukchi way, 1951–1952]. In: *Tropoiu Bogoraza: nauchnye i literaturnye materialy* [Following the footsteps of Bogoraz: Research materials and literature]. Moscow: Institut nasledii Geos, 2008.

- Appadurai A. (ed.) *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Arkhiv Muzeia antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN (AMAE) [The Archive of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences]. F. K-1, In. 2, C. 335, 336, 340, 342, 349, 341, 361, 387, 396, 398, 403. Kuznetsova V. G. Materialy iz poezdki k chukcham. 1948-1951 gg. [Kuznetsova V. G. Some materials from a field trip to the Chukchi, 1948-1951].
- Bennett M. From state-initiated to indigenous-driven infrastructure: The Inuvialuit and Canada's first highway to the Arctic Ocean. *World Development*, 2018, vol. 109, pp. 134-148.
- Bogoras W. *The Chukchee. Material Culture*. New York, Leiden: G. E. Stechert, E. J. Brill Ltd, 1904.
- Etkind A. *Priroda zla. Syr'e i gosudarstvo* [The nature of evil: A cultural history of resources]. Moscow.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020.
- Gibson J. J. *The Ecological Approach to Visual Perception*. Boston: Houghton Mifflin. 1979.
- Gray P. Sovremennoe sostoianie olenevodstva na Chukotke [The current state of reindeer herding in Chukotka]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2016, no. 2, pp. 44-56.
- Gray P. *The Predicament of Chukotka's Indigenous Movement: Post-Soviet Activism in the Russian Far North*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Ingold T. *The Perception of Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. London, New York: Routledge, 2000, 465 p.
- Istomin K.V. Kochevaia mobil'nost' komi-izhemsikh olenevodov: snegokhodnaia revoliutsiia i rynochnaia restavratsiia [Nomadic mobility of the Komi-Izhem reindeer herders: Snowmobile revolution and market restoration]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2015, no. 2 (47), pp. 17-25.
- Kerttula A. M. *Antler on the Sea: The Yup'ik and Chukchi of the Russian Far East*. Ithaca, NY and London: Cornell University Press, 2000.
- Krupnik I. I. Reindeer Pastoralism in Modern Siberia: Research and Survival During the Time of Crash. *Polar Research*, 2000, vol. 19(1), pp. 49-56.
- Mikhailova E.A. *Skitaniiia Varvary Kuznetsovoi. Chukotskaia ekspeditsiia Varvary Grigor'evny Kuznetsovoi. 1948-1951 gg.* [The wanderings of Varvara Kuznetsova. The Chukotka expedition of Varvara Grigor'evna Kuznetsova. 1948-1951]. St. Petersburg: MAE RAN, 2015.
- Pelto P. J. *Snowmobile Revolution: Technology and Change in the Arctic*. Menlo Park, Calif.: Cummings Pub. Co, 1973.
- Romanova V.V. Istoriia otkrytiia i osvoeniia Iul'tinskogo olivianno-vol'framovogo mestorozhdeniia [The history of the discovery and development of the Iul'tin tin-tungsten deposits]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Geologiya i razvedka*, 2018, no. 3, pp. 65-73.
- Ssorin-Chaikov N. Soviet debris: Failure and the poetics of unfinished construction in Northern Siberia. *Social Research*, 2016, vol. 83(3), pp. 689-721.
- Ssorin-Chaikov N. *Two Lenins: A brief anthropology of time*. Chicago: Hau Books, 2017.
- Star S. L. The Ethnography of Infrastructure. *American Behavioral Scientist*, 1999, vol. 43(3), pp. 377-391.
- Tsing A. L. *Grib na kraiu sveta: o vozmozhnosti zhizni na ruinakh kapitalizma* [The mushroom at the end of the world. On the possibility of life in capitalist ruins]. Moscow: Ad Marginem Press, 2017.
- Urry J. *Mobil'nosti* [Mobilities]. Moscow: Praxis, 2012a.
- Urry J. *Ofshory* [Offshores]. Moscow: Izdat. dom "Delo". RANKhiGS, 2017.
- Urry J. *Sotsiologiya za predelami obshchestva: Vidy mobil'nosti dlia XXI stoletiiia* [Sociology beyond societies: Mobilities for the twenty-first century]. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2012b.
- Vdovin I. S. *Ocherki istorii i etnografii chukchei* [Essays on the history and ethnography of the Chukchi]. Moscow-Leningrad: Nauka, 1965.
- Yamin-Pasternak S., Kliskey A., Alessa L., Pasternak I., and Schweitzer P. The Rotten Renaissance in the Bering Strait: Loving, Loathing, and Washing the Smell of Foods with a (re) Acquired Taste. *Current Anthropology*, 2014, vol. 55(5), pp. 619-646.

MISCELLANEA

УДК 572

DOI: 10.17223/2312461X/29/8

АНАЛИЗ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СКЕЛЕТА ЭСКИМОСОВ ГРЕНЛАНДИИ И КАНАДЫ В СВЯЗИ С АДАПТАЦИЕЙ К АРКТИЧЕСКОМУ КЛИМАТУ*

Светлана Борисовна Боруцкая,
Сергей Владимирович Васильев,
Маргарита Михайловна Герасимова

Аннотация. Приводится анализ пропорций тела и конечностей эскимосов Гренландии и Канады. Палеоантропологические материалы из коллекции Наполеона III были изучены в Музее человека в Париже (Франция). Для эскимосов Гренландии и Канады были характерны укороченные предплечья и голени, низкий рост, что является отражением экологической адаптации к холодным климатическим условиям. Палеопатологии черепов и посткраниального скелета связаны также с холодовым стрессом, отсутствием в пище достаточного количества витаминов и минералов. Основной вывод, полученный авторами, говорит об общей адаптированности гренландских и канадских эскимосов к суровым условиям Севера.

Ключевые слова: адаптация, пропорции конечностей, палеопатологии, эскимосы Гренландии и Канады, холодовой стресс

Введение

Адаптация человека к окружающей среде имеет многовекторный характер. Традиционно в антропологии изучается адаптация человека к климатическим условиям и проистекающей от них системы жизнеобеспечения. Региональные адаптивные типы независимы от расовой и этнической принадлежности. Они проявляются в виде тенденции к изменению структурных и функциональных признаков в направлении, наиболее благоприятном для существования в определенной среде, что, однако, не препятствует возможности существования человека в других экологических нишах. И все же тенденция эта весьма ощутима: как мы отмечали, миграция того или иного адаптивного типа в новую среду проходит далеко не безболезненно, поскольку его организм «настроен»

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-18-00327.

на совершенно определенное сочетание экзогенных факторов. Итак, адаптивный тип – это норма реакции, независимо (конвергентно) возникающая в определенных условиях среды обитания в популяциях, которые могут быть не связаны между собой генетически. Согласно этой гипотезе, достаточно четко выделяются несколько устойчивых комплексов биологических признаков, одним из которых является арктический вариант (Алексеева 1986).

Арктический адаптивный тип. Арктическим аборигенам присущи такие особенности, как высокая плотность сложения (телосложение массивное, особенно в верхней части туловища, туловище удлинненное, а ноги относительно короткие), крупная цилиндрическая грудная клетка, объемная костномозговая полость длинных костей при относительно небольшой толщине компакты. Повышена частота мускульного типа телосложения и увеличена толщина жировых складок. Характерен повышенный уровень жирового и белкового обмена (вместе с этим – холестерина крови, гамма-глобулинов и т.п.). Все это создает высокую теплопродукцию и низкую поверхность теплоотдачи, что может рассматриваться как приспособление к ведущему фактору среды – холодовому стрессу. Для ряда признаков получены весьма высокие и достоверные коэффициенты корреляции с холодовым индексом Бодмана (до 0,6–0,8 для таких признаков, как теплопродукция и тотальные размеры тела). Для арктических популяций характерно ускорение процессов роста, развития и старения, но и жизненный цикл человека несколько укорочен (Алексеева 1986).

Как известно, морфофизиологические характеристики эскимосов приняты за эталон адаптивного арктического типа, и они представляют собой пример наиболее долгого формирования адаптивного арктического типа в наиболее жестких условиях Арктики. С точки зрения антропологической систематики, эскимосы являются яркими представителями арктической расы. По сравнению с континентальными монголоидами, монголоидный комплекс признаков у них выражен несколько в ослабленном виде: чуть выше переносье, менее плоское лицо, чуть меньше эпикантус. Но ряд соматологических признаков высокого таксономического ранга сближает эскимосов с восточными и южными монголоидами, вместе с которыми они образуют тихоокеанскую ветвь монголоидной расы (Чебоксаров 1947).

Историография проблем и вопросов в изучении антропологии эскимосов

Обзор отечественной антропологической литературы 1940–1960-х гг. показал, что к этому времени были решены многие кардинальные проблемы, связанные с арктической расой: сформулировано и доказано ее

положение в системе монголоидных типов; доказана несостоятельность теории «эскимосского клина»; выделены в составе арктической расы локальные типы; подтверждена существующая в мировой литературе точка зрения о двух антропологических вариантах среди эскимосов – «западного» (азиатского) и восточного (гренландского), не обнаруживающих, однако, строгой географической локализации; показана значительная близость различных географически удаленных эскимосских групп.

Хотя расовое единство эскимосов выявляется достаточно отчетливо не только данными морфологического анализа, но и исследованиями групп крови (Левин 1959; Laughlin 1957), в отдельных, достаточно изолированных друг от друга и хронологически различных группах эскимосов наблюдаются значительные отличия в краниологических и остеологических характеристиках. Традиционно выделяются восточный или гренландский антропологический тип, характеризующийся резко выраженной долихокранией, высокоголовостью и очень узким носом, и западный или берингоморский – с умеренной брахикранией, более низким черепом и не столь узконосым.

По вопросу взаимоотношений двух вариантов, восточного или гренландского и западного или берингоморского, существует несколько точек зрения. Специфические особенности гренландского варианта ряд авторов рассматривает как следствие влияния специфических условий обитания и относительной изоляции. Берингоморский вариант, как менее специализированный, рассматривается как более древний (Дебец 1951; Hrdlicka 1945). Другие авторы склонны рассматривать именно сохранившийся в Гренландии долихоцефальный узконосым тип восточных эскимосов в качестве древнего (Левин 1958; Ford 1959). Алеш Грдличка, исследовавший более 2 тыс. эскимосских черепов (Hrdlicka 1942), особенно подчеркивал близость различных географических групп современных эскимосов, а Г. Шапиро, напротив, считал, что имеющее место значительное краниологическое разнообразие затушевывается сходством черт, имеющих адаптивный характер к условиям среды и питания исключительно мясной пищей. Это скафоцефалия, отогнутые скуловые дуги, мандибулярный и небный валик, массивная нижняя челюсть с широкой ветвью.

Единственный тогда ископаемый материал, связанный с эскимосами Чукотки из знаменитого Уэленского могильника, показал, что по основным расоводиагностическим признакам краниологический тип древнего населения побережья Берингова пролива близок к краниологическому типу современных эскимосов Гренландии и отличается от типа черепов современных азиатских эскимосов. Значительная древность резко долихоцефального типа, зафиксированного на материалах могильника Уэлен, представляла собой новый и весьма существенный аргумент в пользу того, что и в западной части территории расселения

эскимосов этот тип предшествовал мезокранному «западному» типу (Левин 1964). Публикация Г.Ф. Дебеца (Дебец 1975) более обширных материалов из Уэленского и Эквенского могильников, а также материалов из могильников Ипиутак и Тигара на территории Аляски рассматривает, каковы взаимоотношения между восточными и западными эскимосами и генетические, временные и территориальные взаимосвязи в среде эскимосской этнической общности. Так, Г.Ф. Дебец полагал, что особенности черепов из могильников Уэлен и Эквен дают основание для заключения о глубокой древности сочетания признаков, характерного для эскимосов и других представителей арктического типа. Лицо шире мозговой коробки, узкой, длинной, высокой и имеющей со стороны затылка крышевидную форму. В наиболее выраженной форме этот тип представлен у гренландских эскимосов. В целом древние серии Чукотки ближе к сериям современных эскимосов Гренландии и Лабрадора, чем к сериям современных чукотских эскимосов. В древности гренландский тип был представлен и на Аляске, и на Чукотке. Сопоставление черепов из древних погребений с современными сериями показывает более широкое распространение в древности долихокранного типа, что является аргументом в пользу его большей древности по сравнению с мезокранным западным (Левин 1958, 1964; Дебец 1975).

Знакомство с литературой показывает, что многие вопросы требуют более внимательного и тщательного рассмотрения. Так, уникальный материал из эскимосских могильников Уэлен и Эквен не получил заслуживающего резонанса в отечественной антропологической литературе для решения проблемы происхождения и формирования антропологического типа эскимосов, которая неотделима от проблемы происхождения эскимосов. В последней монографии, представляющей сводку палеоантропологических материалов, ее авторы ограничились утверждением, что эти уникальные материалы с Чукотки позволяют установить генетическую преемственность населения района крайнего Северо-Востока Сибири на протяжении двух тысячелетий (Алексеев, Гохман 1984: 63, 131).

Аналогичной точки зрения придерживалась Т.И. Алексеева, видя в антропологических особенностях черепов из этих могильников сохранение на всем протяжении их функционирования единого антропологического типа и отсутствие значимых морфологических различий в этих сериях. Так, Т.И. Алексеева объясняла это единство действием естественного отбора, способствовавшего сохранению данного типа как наиболее адекватного среде обитания в экстремальных арктических условиях (Алексеева 2003, 2008: 326). К сожалению, не все так очевидно. Прежде всего, черепа из древнеэскимосских погребений на Чукотке отличаются от современных чукотских эскимосских черепов из Наукана и не похожи на черепа чаплинских эскимосов. В такой же мере

древнее население Аляски, представленное двумя сериями из могильников на мысе Хоп, Ипиутак и Тигара (принадлежность последнего прямым предкам современных эскимосов не вызывает сомнений), демонстрирует существенные различия. Как показывает все предшествующее изложение, в этих жестких условиях обитали также люди несколько иных антропологических вариаций арктической расы.

Таким образом, в своих исследованиях и построениях, касающихся гренландских эскимосов, отечественным антропологам приходилось опираться на материалы, изученные и опубликованные зарубежными авторами. И тут возникает ряд сложностей. Антропологический материал из старых раскопок с американского побережья и островов, в основном изученный А. Грдличкой, не имеет точной датировки, автор ограничивался разбивкой на «древние» и «поздние» погребения. Не ясна также археологическая атрибутика погребений на мысе Барроу, древние погребения связаны вероятнее всего с культурой бирнирк, современные – какого времени и какой культурной традиции не указано (Левин 1958: 229, 235). Выяснение этих взаимоотношений – отнюдь не праздный вопрос. Он напрямую связан с генезисом арктической расы и формированием антропологического состава современных эскимосов. Все исследователи (и М.Г. Левин, и Г.Ф. Дебец, и В.П. Алексеев с Т.И. Алексеевой) рассматривали материал суммарно, не разбивая его на культурно-хронологические группы. Следуя схеме, предлагаемой С.А. Арутюновым и Д.А. Сергеевым, о последовательной смене культур (древнеберингоморская культура, бирнирк, пунук) и видя в них единую культурную линию преемственности, возможно рассмотрение всего антропологического материала в целом. Но не следует забывать, что есть и другие схемы преемственности и развития эскимосских культур: что древнеберингоморская культура развивается непосредственно в пунукскую, оквикская и бирнирская составляют особый эволюционный ряд.

Насчет происхождения эскимосского народа существует много теорий, расхождения в которых связаны со временем и местом формирования этой этнической общности. Часть исследователей, особенно отечественных, склоняется к мысли, что корни эскимосской культуры находятся в Азии (Левин 1958; Арутюнов, Сергеев 1969, 1975; Сергеев 1974). Другая – придерживается точки зрения, что формирование эскимосской этнической общности происходило на широкой прибрежной и островной территории от Алеутских островов до Гренландии (Чард 1962; Oswalt 1967; Bandi 1969). Сходные взгляды по вопросу о месте сложения эскимосской культуры и путях ее последующего распространения были высказаны и рядом отечественных археологов и этнографов (Диков 1964, 1971, 1979; Файнберг 1967, 1980; Василевский 1971, 1973).

Используя методы, основанные на совместном использовании редких аллелей и гаплотипов, генетики определили, что большая часть

американской Арктики была впервые заселена 5 000 л. н. группами людей, известными как палеоэскимосы. Впоследствии к ним присоединились и в значительной степени переселились около 1 000 л. н. предки современных инуитов и юпиков. Генетические отношения между палеоэскимосами и индейцами, инуитами, юпиками и алеутами остаются неопределенными (Flegontov et al. 2019; Sikora et al. 2019).

Интересны имеющиеся в литературе немногочисленные данные о массивности скелета различных групп эскимосов в сравнительном аспекте (Алексеева, Коваленко 1980; Eriksson, Lxugas, Zagorska 2003). Как показали авторы, средний балл массивности длинных костей скелета обнаруживает тенденцию повышения своей величины, т.е. увеличение массивности по мере возрастания неблагоприятных условий среды. Наибольшими баллами массивности костей характеризуются группы из Наукана, Северо-Востока Гренландии и мыса Барроу.

Особенностью скелетов азиатских эскимосов, изученных на материалах из заброшенного кладбища начала XX в. (Науканский могильник), является сочетание относительно небольших размеров длинных костей с развитым рельефом, крупными эпифизами и большими периметрами диафизов с относительно и абсолютно тонкими стенками диафизов и большим костномозговым пространством. Эти особенности связаны, с одной стороны, с необходимостью большой плотности скелета в условиях повышенных физических нагрузок, а с другой – с увеличением возможностей кроветворения в условиях гипоксии Севера (Алексеева, Коваленко 1980). Следует отметить, что у населения, оставившего могильники Уэлен и Эквен, уже сформированы многие особенности «скелетной конституции», типичные для арктического адаптивного типа (Fedosova 1991). Это значительный объем медуллярных полостей длинных костей скелета, относительная укороченность дистальных сегментов конечностей, брахиморфия. По сравнению с современными азиатскими сериями, серии из Эквена и Уэлена отличаются меньшими размерами длинных костей скелета и, таким образом, меньшими тотальными размерами длины тела (Добровольская, Бужилова, Медникова, 2008). Имеющиеся данные А. Грдлички (Hrdlicka 1945) также демонстрируют небольшую длину тела и длину бедра у гренландских эскимосов (главным образом северо-восток Гренландии), что можно рассматривать как следствие адаптационных процессов.

Г.Ф. Дебецем были изучены длинные кости 46 мужских скелетов и 38 женских из могильника Ипиутак и 118 мужских и 122 женских скелета из могильника Тигара. Впоследствии индивидуальные измерения и средние значения были подготовлены к публикации и опубликованы его ученицами М.С. Великановой и И.М. Золотаревой (Дебец 1975). Но этот огромный массив данных еще требует своего осмысления, впрочем, как и данные по Уэлену и Эквену.

Задачами нашего исследования было:

1. Выявить признаки морфологической адаптации к арктическим условиям в длине тела, пропорциях скелета, массивности длинных трубчатых костей канадских и гренландских эскимосов.

2. Выявить патологии черепов и посткраниальных скелетов у эскимосов Гренландии и Канады.

Материалы и методы

Нами была исследована серия остеологического материала, хранящаяся в фондах Музея человека в Париже. Было измерено 10 мужских и женских скелетов из старых заброшенных эскимосских кладбищ Гренландии и Канады (четыре мужских и два женских скелета из Гренландии, два мужских и два женских скелета из Канады), а также 94 отдельные длинные кости конечностей эскимосов из Гренландии. На предмет палеопатологии, помимо костей посткраниальных скелетов, было также исследовано 80 черепов гренландских эскимосов. Разрозненные кости мы изучали на предмет массивности и особенностей их отдельных структур, а также для определения прижизненной длины тела (по костям ног) и патологий. Коллекция составлена из сборов, главным образом, экспедиции принца Наполеона III (1856 г.) на западном берегу Гренландии и сборов французской миссии в 30-е гг. XX в. на восточном побережье Гренландии и Канады. Использован сравнительный материал авторов работы и других исследователей по остеологии саамов Кольского полуострова, людей из могильника на Большом Оленьем острове (Кольский Оленеостровский могильник, или КОМ) Баренцева моря, карел Муезерского района, других эскимосов, ненцев Тюменской области, русских Костромской области. Популяции людей, выбранные для сравнения, также обитают в условиях Севера или Приполярья, за исключением серии русских из Костромской области, где, в принципе, зимой тоже довольно холодно.

Результаты исследования

Пропорции конечностей. Четыре исследованных скелета гренландских эскимосов были сильно фрагментарными, что не позволило посчитать большинство индексов пропорций конечностей. Скелеты канадских эскимосов были лучшей сохранности, и это дало возможность провести полноценный анализ пропорций конечностей. Результаты расчета наиболее значимых индексов приведены в табл. 1, 2. Для сравнения, по возможности, использованы и приведены в таблице средние значения пропорций конечностей науканских эскимосов XIX в., саамов Кольского полуострова XIX – начала XX в., людей, оставивших мо-

гильник на Большом Оленьем острове Баренцева моря (кольские оленеостровцы, 2 тыс. до н. э.), карелов Муезерского района XIX – начала XX в., а также русских Костромской области (село Исупово, XVII–XVIII вв.) (Алексеева 1986; Васильев, Боруцкая 2004, 2006; Боруцкая 2006, 2014; Vasilyev, Borutskaya 2015). Некоторые из представленных народов обитали в условиях Крайнего Севера, некоторые – немного южнее (карелы, саамы). Кроме того, в табл. 1 представлен размах вариаций значений индексов для людей современного типа (Рогинский, Левин, 1978; Хрисанфова, 1978).

Т а б л и ц а 1

**Индексы пропорций конечностей мужских индивидов
из эскимосских и других могильников**

Индекс	Группа	N	X	Min	Max	Вариации у человека современного типа
Интермембральный	Гренландские эскимосы	–	–	–	–	60–84
	Канадские эскимосы	2	69,50	67,65	71,35	
	Науканские эскимосы	43	71,00			
	Саамы Кольского п-ва	12	72,67			
	Кольские оленеостровцы	11	72,81			
	Карелы Муезерского р-на	6	71,30			
	Русские Костромской обл.	70	70,10			
Луче-плечевой	Гренландские эскимосы	1	69,78	–	–	71–82
	Канадские эскимосы	2	73,68	70,97	76,39	
	Науканские эскимосы	43	74,80			
	Саамы Кольского п-ва	13	73,69			
	Кольские оленеостровцы	12	76,99			
	Карелы Муезерского р-на	6	74,05			
	Русские Костромской обл.	70	75,20			
Берцово-бедренный	Гренландские эскимосы	2	79,33	78,56	80,10	77–87
	Канадские эскимосы	2	80,14	79,35	80,92	
	Науканские эскимосы	43	78,40			
	Саамы Кольского п-ва	13	77,92			
	Кольские оленеостровцы	11	81,10			
	Карелы Муезерского р-на	8	77,79			
	Русские Костромской обл.	70	81,60			

Мужские скелеты. Интермембральный индекс канадских мужчин эскимосов имеет значения немного ниже среднего, что соответствует слегка укороченным верхним конечностям. Среднее значение этого индекса в разных северных группах в целом схоже с таковым эскимосов. Это соотношение имеет средние значения и немного ниже среднего. Таким образом, можно говорить о слегка укороченных верхних конечностях относительно нижних, однако, по всей видимости, интермембральный индекс некоторых отдельных индивидов мог быть и немного выше среднего.

Интересный результат получен при вычислении брахиального индекса, или индекса соотношения длин предплечья и плеча. Все полученные цифры соответствуют значениям средним и ниже среднего. То есть у большинства людей Севера, в том числе эскимосов, наблюдается относительное укорочение предплечий. В этом можно увидеть адаптацию к холодным климатическим условиям существования, когда укорачиваются медиальные отделы конечностей, за счет чего уменьшается испарение и охлаждение организма. В условиях Севера, наоборот, необходимо тепло сохранять.

Т а б л и ц а 2

**Индексы пропорций конечностей женских индивидов
из эскимосских и других могильников**

Индекс	Группа	N	X	Min	Max	Вариации у человека современного типа
Интермембральный	Гренландские эскимосы	—	—	—	—	60–84
	Канадские эскимосы	2	63,76	61,40	66,11	
	Саамы Кольского п-ва	8	73,06			
	Кольские оленеостровцы Русские Костромской обл.	5 50	70,28 72,20			
Луче-плечевой	Гренландские эскимосы	—	—	—	—	71–82
	Канадские эскимосы	2	75,90	75,09	76,70	
	Саамы Кольского п-ва	7	72,67			
	Кольские оленеостровцы Русские Костромской обл.	8 50	75,50 73,10			
Берцово-бедренный	Гренландские эскимосы	2	77,97	77,48	78,46	77–87
	Канадские эскимосы	2	75,23	68,34	82,12	
	Саамы Кольского п-ва	9	76,86			
	Кольские оленеостровцы	5	80,95			
	Карелы Русские Костромской обл.	2 50	78,08 80,30			

Берцово-бедренный индекс также имеет низкие значения у эскимосов Гренландии и Канады, как и у других северных популяций людей, которые мы исследовали или данные о которых мы использовали. Укороченная голень по сравнению с бедром также является адаптивным признаком к очень холодным условиям существования. Укороченные голени также содействуют меньшему испарению и сохранению энергии в организме.

Женские скелеты. Значения интермембрального индекса у канадских эскимосок очень низки, что соответствует сильно укороченным верхним конечностям. Из табл. 2 видно, что соотношение верхних и нижних конечностей у других северных групп ближе к среднему значению этого показателя у человека современного типа. Для гренландских эскимосок данный индекс определить не удалось.

По данным расчета луче-плечевого (брахиального) индекса, оказалось, что у канадских эскимосов соотношение предплечья и плеча близко к средним значениям этого указателя у человека вообще. Если посмотреть на другие сравниваемые с эскимосами группы, мы увидим, что, например, у саамов брахиальный индекс имеет очень низкие значения. И вот как раз у них в этом результате обнаруживается проявление адаптации к холодным условиям. Размер медиальной части руки, как своего рода рефрижераторного органа, уменьшен, что в конечном итоге способствует меньшему охлаждению организма и сохранению энергии. У канадских эскимосов подобный результат мы не наблюдаем, но надо, конечно, учитывать очень малое число наблюдений. Интересно, что относительное укорочение предплечья наблюдается даже у русских женщин Костромской области XVII–XVIII вв., причем здесь результат приближается к статистически достоверному, поскольку мы имеем большое число наблюдений.

Значения берцово-бедренного индекса, показывающего соотношение длин голени и бедра, у женщин всех исследованных групп Севера ниже среднего или даже очень низкие. Такие величины берцово-бедренного, или крурального, индекса соответствуют относительно укороченным голеням. Проксимальная и особенно медиальная части ноги аналогично сегментам руки выполняют еще и функцию испаряющего, или рефрижераторного, органа. Чем больше испарение, тем сильнее охлаждение организма, и наоборот. Поэтому в условиях холодного климата выгоднее иметь укороченные медиальные части конечностей. Что мы и наблюдаем в данном случае на примере ног людей северных групп. Нужно, конечно, отметить факт малого числа наблюдений у канадских и гренландских эскимосов. Но иного материала пока нет. И даже у этого небольшого количества индивидов мы видим признаки адаптации к холоду в пропорциях нижней конечности. Такую же адаптацию мы наблюдаем и у других северных групп.

Прижизненная длина тела, восстановленная по формулам Пирсона и Ли, Бунака, Дюпертной и Хеддена (Алексеев 1966), у гренландских эскимосов очень вариабельна – от низкой, до выше среднего (160,8–179,4 см) (табл. 3). В табл. 3 приведены результаты расчета длины тела для четырех индивидов с сохранившимися скелетами, при расчете роста по формулам, учитывающим длины бедра и голени. Кроме того, длина тела рассчитана и по отдельным костям ног (бедренным или большеберцовым). Затем выведен средний результат величины длины тела для всех мужских индивидов гренландских эскимосов. Для двух почти полных скелетов эскимосов из Канады определены варианты прижизненного роста 156,4 см, т.е. низкого, и 166,0 см – роста ниже среднего. По средним показателям гренландские эскимосы оказываются более высокорослыми, чем канадские, однако такие выводы делать не очень корректно из-за крайне малой численности групп.

По средним значениям длины тела самыми низкорослыми среди сравниваемых групп северных народов оказались саамы и ненцы. Вероятно, их можно считать наиболее адаптированными к условиям холода. В принципе данные определения длины тела северных народов указывают на то, для них более характерен именно низкий рост. Возможно, именно благодаря низкому росту люди оказываются более приспособленными к жизни в холодных условиях. Причиной этому может быть меньшее испарение влаги (пота) с меньшей площади тела и, таким образом, меньшее охлаждение организма. Русские из Костромской области уже заметно выше, но, правда, только по среднему показателю длины тела. Отдельные относительно высокорослые и низкорослые индивиды встречаются во всех сравниваемых группах. По средним же данным самыми низкорослыми оказались именно ненцы и саамы, но не эскимосы.

Таблица 3

Прижизненная длина тела мужчин эскимосов и мужчин из других серий, см

Группа	n	X	min	max
Эскимосы Гренландии (и с учетом определения роста по отдельным костям ног)	4	165,9	154,6	171,6
	28	166,3	154,6	179,4
Эскимосы Канады	2	161,2	156,4	166,0
Науканские эскимосы (начало XX в.)	20	162,7	–	–
Саамы XIX в. Кольского п-ва	14	159,5	152,3	166,9
Саамы пос. Ловозеро XX в. (по Т.И. Алексеевой)	–	156,8	–	–
Кольские оленеостровцы	16	164,5	158,9	171,5
Карелы XIX в. Муезерского р-на	9	164,8	156,9	170,1
Тюменские ненцы XX в. (по Т.И. Алексеевой)	–	159,9	–	–
Русские (Костромской обл. XVII–XVIII в.)	77	168,7	163,3	175,3

Таблица 4

Прижизненная длина тела женщин эскимосок и женщин из других серий, см

Группа	n	X	min	max
Эскимосы Гренландии	2	153,0	145,5	162,4
	39	152,9	145,5	162,4
Эскимосы Канады	2	158,8	154,1	163,5
Саамы XIX в. Кольского п-ва	9	145,7	141,7	151,4
Саамы п. Ловозеро XX в. (по Т.И. Алексеевой)	–	147,1	–	–
Кольские оленеостровцы	9	156,0	151,0	163,1
Карелы XIX в. Муезерского р-на	2	154,3	153,9	154,7
Тюменские ненцы XX в. (по Т.И. Алексеевой)	–	147,7	–	–
Русские (Костромской обл. XVII–XVIII в.)	55	155,1	148,9	163,1

Прижизненная длина тела была определена также для гренландских и канадских эскимосок (см. табл. 4). Для двух женщин из Гренландии был определен прижизненный рост 149,4 и 155,0 см, т.е. эти женщины характеризовались низким ростом и ростом ниже среднего. Для канадских эскимосок получены величины прижизненного роста 154,1 и 163,5 см. То есть первая женщина характеризовалась ростом ниже среднего, вторая – средним ростом. Если бы были исследованы более многочисленные серии и получены аналогичные результаты, то можно было бы говорить о большей низкорослости гренландских эскимосов и, таким образом, более выраженной экологической адаптации к холоду в длине тела у них.

В целом среди женщин из северных групп опять-таки наиболее низкорослыми по среднегрупповым показателям оказались саамы и ненцы. Средняя длина тела эскимосок близка к таковому карелок, кольских оленеостровцев и даже русских женщин Костромской области XVII–XVIII вв. То есть в плане длины тела эскимосские женщины не демонстрируют ожидаемую адаптированность к холоду, как саамы и ненцы.

Также можно сказать, что для канадских эскимосок были характерны очень узкие лопатки. У женщины среднего роста ширина плеч была средней, у низкорослой – малая. При этом величина плече-ростового индекса у обеих эскимосок получилась одинаковой. У мужчин восстановленная ширина плеч была порядка 35 см, т.е. небольшой. Обе канадские эскимоски также отличались относительной широкотазостью, особенно более низкорослая женщина. При этом у женщины среднего роста таз был очень высоким, почти как у мужчин. У второй женщины он, наоборот, был очень низким. Обоим женщинам был характерен очень широкий крестец.

Далее мы провели сравнение степени массивности, или так называемой прочности, длинных костей конечностей северных групп людей, в том числе эскимосов, с учетом размаха вариаций этих показателей у человека современного типа. Результаты представлены в табл. 5, 6. Для сравнения были использованы данные нашего исследования посткраниальных скелетов саамов Кольского полуострова XIX в., карелов Муезерского района XIX в. (только мужчин), кольских оленеостровцев 2 тыс. до н. э. Данные о среднегрупповом размахе вариаций показателей массивности костей получены из работ Е.Н. Хрисанфовой, Я.Я. Рогинского и М.Г. Левина (Рогинский, Левин 1978; Хрисанфова 1978).

Массивность (прочность) длинных костей у мужчин и женщин. Результаты расчета индексов представлены в табл. 5, 6.

Скелет рук. Массивность ключиц у гренландских эскимосов не определена. У канадских эскимосов отмечена массивность ключиц ниже среднего. У женщин-эскимосок из Канады массивность ключиц оказалась средней и низкой.

Таблица 5

Индексы массивности длинных костей мужчин некоторых северных групп

Кости	Группа	<i>n</i>	X	min	max	Вариации у человека современного типа
Ключицы	Гренландские эскимосы	—	—	—	—	20–30
	Канадские эскимосы	2	25,49	23,84	27,14	
	Кольские саамы	5	26,08			
	Карелы	5	27,48			
	Кольские олениостровцы	2	25,96			
Плечевые кости	Гренландские эскимосы	6	19,26	17,80	20,76	18–22
	Канадские эскимосы	2	20,62	19,36	21,88	
	Кольские саамы	13	19,92			
	Кольские олениостровцы	15	21,37			
	Карелы Муезерского р-на	6	19,88			
Лучевые кости	Гренландские эскимосы	5	16,03	15,73	16,26	14–18
	Канадские эскимосы	2	18,18	16,36	20,00	
	Кольские саамы	14	18,39			
	Кольские олениостровцы	14	17,87			
	Карелы Муезерского р-на	5	18,05			
Локтевые кости	Гренландские эскимосы	5	14,91	14,38	16,03	15–18
	Канадские эскимосы	2	17,28	17,07	17,48	
	Кольские саамы	12	16,79			
	Кольские олениостровцы	12	16,11			
	Карелы Муезерского р-на	6	15,57			
Бедренные кости	Гренландские эскимосы	18	20,31	18,10	21,69	18–21
	Канадские эскимосы	2	19,66	19,17	20,39	
	Кольские саамы	14	19,92			
	Кольские олениостровцы	16	20,87			
	Карелы Муезерского р-на	8	19,40			
Большеберцовые кости	Гренландские эскимосы	13	20,86	18,65	25,90	18–23
	Канадские эскимосы	2	21,61	19,41	23,81	
	Кольские саамы	13	21,57			
	Кольские олениостровцы	11	22,40			
	Карелы Муезерского р-на	6	19,91			

Таблица 6

Индексы массивности длинных костей женщин из северных групп

Кости	Группа	<i>n</i>	X	min	max	Вариации у человека современного типа
Ключицы	Гренландские эскимосы	—	—	—	—	20–30
	Канадские эскимосы	2	23,37	20,07	26,67	
	Кольские саамы	4	25,30			
	Кольские олениостровцы	2	23,57			
Плечевые кости	Гренландские эскимосы	13	18,89	16,84	21,41	18–22
	Канадские эскимосы	2	22,45	20,88	24,01	

Кости	Группа	n	X	min	max	Вариации у человека современного типа
	Кольские саамы	8	19,37			
	Кольские оленеостровцы	8	20,30			
	Карелы Муезерского р-на	2	17,65			
Лучевые кости	Гренландские эскимосы	6	15,55	13,09	16,59	14–18
	Канадские эскимосы	2	18,23	17,07	19,39	
	Кольские саамы	7	18,51			
	Кольские оленеостровцы	8	17,29			
Локтевые кости	Гренландские эскимосы	3	14,64	13,53	15,39	15–18
	Канадские эскимосы	2	16,51	15,00	18,01	
	Саамы	7	16,90			
	Кольские оленеостровцы	7	15,92			
Бедренные кости	Гренландские эскимосы	27	20,06	17,63	21,75	18–21
	Канадские эскимосы	2	19,11	17,82	20,40	
	Кольские саамы	9	19,85			
	Кольские оленеостровцы	10	20,48			
	Карелы Муезерского р-на	2	18,56			
Большеберцовые кости	Гренландские эскимосы	12	20,98	20,07	21,88	18–23
	Канадские эскимосы	2	21,02	19,02	23,01	
	Кольские саамы	9	21,20			
	Кольские оленеостровцы	5	21,00			
	Карелы Муезерского р-на	2	18,76			

Прочность плечевых костей у гренландских эскимосов оказалась средней и ниже среднего, у канадских эскимосов – средняя и выше среднего, однако число наблюдений в данном случае, к сожалению, невелико. Степень уплощенности середины диафиза плеча выражена в целом неплохо, сильнее – у гренландских эскимосов. У эскимосок из Гренландии массивность плечевых костей была средней и ниже среднего, у канадских женщин – средней и выше среднего, т.е. так же, как и у мужчин. Уплощенность диафиза плечевых костей гренландских эскимосок была различной – и сильной, и слабой, у канадских эскимосок уплощенность диафиза была выражена очень хорошо.

Массивность лучевых костей гренландских эскимосов средняя и ниже среднего, у мужчин-эскимосов Канады прочность лучевых костей – выше среднего и даже высокая. При этом у всех эскимосов очень сильно уплощен диафиз костей и очень хорошо выражен межкостный край. У женщин из Гренландии массивность лучевых костей была средней и ниже среднего, у канадских эскимосок – средней и выше среднего. И у всех эскимосок, так же, как и у мужчин из исследуемых групп Гренландии и Канады, очень сильно уплощен диафиз лучевых костей и сильно выступает межкостный край.

Прочность локтевых костей у гренландских эскимосов в целом оказалась очень малой, у эскимосов из Канады – наоборот, выше среднего.

При этом уплощенность диафиза костей у всех индивидов оказалась очень небольшой, межкостный край развит слабо, прочность локтевых костей в верхней части диафиза – в целом средней. У женщин-эскимосок из Гренландии можно констатировать слабую прочность диафиза локтевых костей, у канадских эскимосок – самую различную массивность: высокую, среднюю, низкую. Степень уплощенности и выраженности межкостного края костей, так же, как и степень уплощенности верхней части диафиза локтевых костей, у всех эскимосок оказалась самой различной, без определенных закономерностей.

Скелет ног. Массивность бедренных костей у эскимосов из Гренландии и Канады оказалась различной, но чаще средней и выше среднего. У женщин из Гренландии массивность диафиза бедра оказалась различной, а у эскимосок из Канады – средней и ниже среднего. У всех эскимосов (и здесь фигурирует большая численность) за исключением одного мужского и двух женских индивидов из Гренландии обнаружена сильная поперечная уплощенность диафиза и значительное развитие заднего пиялястра бедренных костей (индекс пиялястрии выше 100%). Уплощенность верхнего яруса тела бедренных костей у канадских эскимосов в основном средняя (кости – платимеричны), у гренландских эскимосов наблюдаются разные варианты, но следует отметить наличие множества случаев диафиза сверху практически цилиндрической формы или даже немного сплющенного поперечно (стеномеричные и эуримеричные кости). Подобные варианты платимерии бедренных костей мы наблюдали только в группах людей, также адаптированных к арктическим условиям (саамы Кольского полуострова и группа из некрополя на Большом Оленьем острове Баренцева моря). Возможно, хорошее развитие всех ярусов диафиза бедренных костей в сагиттальном направлении является адаптивным признаком к холодным арктическим условиям проживания. У эскимосок из Канады также обнаружена поперечная уплощенность диафиза бедра в верхнем ярусе. У гренландских эскимосок – разные варианты платимерии, но нередко и стеномерия.

Массивность большеберцовых костей у гренландских и канадских эскимосов и эскимосок оказалась средней, выше среднего и очень высокой. Возможно, в этом также заключается адаптация к холоду у эскимосов. Степень уплощенности диафиза костей (степень платикнемии) в группах мужчин-эскимосов оказалась самой различной – от платикнемичных костей до эурикнемичных. Большеберцовые кости женщин из двух групп в основном характеризовались средней (мезокнемичные) и слабой (эурикнемичные) уплощенностью.

Патологии скелетов. Довольно представительный материал черепов гренландских эскимосов позволил сделать нам достаточно достоверный палеопатологический анализ. Результаты исследования патологий черепов канадских эскимосов в силу их малочисленности в данной

работе не представлены. В табл. 7 указана встречаемость тех или иных патологий черепов, а в табл. 8 вынесены результаты анализа болезней зубо-челюстного аппарата. Черепа мужчин и женщин анализировались вместе. Для сравнения в таблицах приведены данные о соответствующих патологиях саамов Кольского полуострова XIX в., кольских оленеостровцев (Баренцево море) и карелов Муезерского района (Боруцкая 2005; Васильев, Боруцкая 2006; Шумкин и др. 2007; Боруцкая, Васильев, Хартанович 2011).

Таблица 7

Сопоставление результатов палеопатологического исследования черепов у эскимосов, саамов, кольских оленеостровцев и карелов Муезерского района (данные авторов статьи)

Патология	Эскимосы Гренландии	Саамы XIX в. Кольского п-ва	Кольские оленеостровцы	Карелы Муезерского района
Пороз структур свода черепа и лицевого скелета	10,0%	51,4%	почти 100%	7,7%
<i>Cribra orbitalia</i>	7,5%	26,1%	14,8%	1 случай
Патологии на стенке наружного слухового прохода, признаки воспаления среднего уха	4,0%	24,3%	–	7,7%
Утолщение барабанной части височной кости	57,5%	–	–	–
Артроз, артрит височно-нижнечелюстного сустава	3,75%	18,8%	–	–
Травмы, ранения черепа	–	14,4%	Ранение черепа, ушиб, 1 случай	–
Искривление носовой перегородки	10%	Описано как редкая встречаемость	–	Встречалось в единичных случаях
Редукция диплоэ свода черепа	8,75%	Редкая встречаемость	–	Редко

Патологии черепов. В 10% наблюдений нами отмечена повышенная васкуляризация костей черепа, в первую очередь свода и надглазничной области, что можно связать с реакцией организма на существование в холодных климатических условиях (низкие температуры, сильные холодные ветра, повышенная влажность на побережье, откуда происходит серия черепов). Однако сравнивая серию гренландских черепов с черепами саамов Кольского полуострова и кольских оленеостровцев (Баренцево море), мы видим, что процент реакции костей черепа эскимосов из Гренландии не так уж высок. Интересно, что у азиат-

ских эскимосов (могильники Эквен и Уэлен) сосудистая реакция на холод выражена более чем в 2 раза сильнее (Добровольская и др., 2008). Следует предположить относительно самые некомфортные климатические условия существования у кольских саамов и оленеостровцев Баренцева моря. У последних повышенная васкуляризация костей черепа встречается почти у всех индивидов.

У 7,5% взрослых индивидов обнаружена *Cribra orbitalia* – маркер заболеваний крови. Во много раз выше этот показатель у азиатских эскимосов (по данным Добровольской, Бужиловой и Медниковой (2008), могильник Эквен – около 80%, могильник Уэлен – около 50–55% для взрослых индивидов, мужчин и женщин в целом). По нашим данным, у кольских саамов процент встречаемости данной патологии более чем в 3 раза выше, чем у гренландских эскимосов, у древних оленеостровцев Баренцева моря – почти в 2 раза выше. Реже патология встречается у карел.

Интересные результаты получены при анализе проблем со структурами наружного слухового прохода. Имеются в виду наросты на стенке прохода, пороз, повышенная васкуляризация области над наружным слуховым проходом, сужение прохода, а также утолщение барабанной части височной кости, участвующей в образовании стенки прохода. Более чем на половине черепов гренландских эскимосов имеются утолщенные барабанные пластинки (части) височных костей (рис. 1). Вероятно, можно предположить данную патологию как результат определенного рода воздействия климатических условий на организм. Другие патологии области наружного слухового прохода у гренландских эскимосов встречаются значительно реже, в отличие от кольских саамов и даже карел. Подобные патологии не обнаружены у оленеостровцев Баренцева моря. Таким образом, по-видимому, можно говорить об особенности черепов гренландских саамов – наличие утолщенной барабанной части височной кости, и предположить эту патологию как реакцию на холодные климатические условия. Не исключено также, что особенность барабанной перепонки возникла не по причине реакции на холодный стресс, а является генетически обусловленной особенностью и именно особенностью части гренландских эскимосов.

Довольно часто в серии встречается искривление носовой перегородки, но трудно связать эту патологию с воздействием окружающей среды. В большом проценте встречается такое явление, как редукция диплоэ костей свода черепа, однако в основном это наблюдается на старых черепах, т.е. связано с возрастом, а не с климатом.

Травмы и ранения черепов гренландских эскимосов вообще не обнаружены. Это может указывать на мирное существование этих людей, отсутствие конфликтов внутри групп и между соседями. Интересно, что процент ранений весьма представительен у саамов Кольского полу-

острова. У них же довольно часто встречается патология височно-нижнечелюстных суставов, причину чего еще надо установить.

Рис. 1. Утолщение барабанной части височной кости

Таблица 8

Сопоставление результатов палеопатологического исследования зубочелюстного аппарата у эскимосов, кольских саамов, кольских оленеостровцев и карелов Муезерского района

Патология	Эскимосы Гренландии	Саамы XIX в. Кольского п-ва	Кольские оленеостровцы	Карелы Муезерского района
Пародонтоз	40%	77,5%	40,7%	30,77%
Эмалевая гипоплазия	5%	36,9%	29,6%	23,1%
Кариес	1 случай	32,4%	1 случай	7,7%
Прижизненная потеря зубов, редукция альвеолярных дуг	10%	23,4%	–	15,4%
Одонтогенный остеомиелит	10%	18,0%	11,0%	–
Зубной камень	–	12,6%	–	15,4%
Краудинг	1 случай	10,8%	1 случай	–
Нарушение процессов развития зубов, прорезывания, смены зубов	–	–	14,0%	–

Патологии зубочелюстного аппарата. Основная патология зубной системы всех исследованных северных народов – пародонтит, проявляющийся в порозе стенок альвеол, уменьшении высоты перегородок между альвеолами, уменьшении глубины альвеол (рис. 2). Следствием является расшатывание и потеря зубов. Процент эскимосских индивидов с прижизненной потерей зубов составил 10%. Основная причина данной патологии – нехватка витаминов, особенно витамина С, и определенных питательных и минеральных веществ. По этой причине скорость метаболизма сокращается, начинает разрушаться костная ткань. Народам Севера в пище не хватало овощей, фруктов и ягод – природных источников витамина С. Отсюда и реакция организма на эту недостаточность. Интересно, что худшая ситуация в плане перечисленных патологий отмечается у кольских саамов XIX в. Очевидно, они испытывали недостаток не только в витаминах, но и в определенных питательных веществах, не получаемых из местной пищи. Процент встречаемости пародонтита у кольских оленеостровцев и карел примерно одинаков. Хотя муезерские карелы жили в условиях леса, где довольно много произрастает разных северных ягод и проблем с получением витамина С должно быть меньше. Вероятно, карелы испытывали недостаток в иных веществах. Не исключено также, что на возникновение данной патологии могли оказать и климатические условия – холод и низкий уровень инсоляции.

Рис. 2. Пародонтит

Довольно высокий процент встречаемости имеет и такое серьезное заболевание зубной системы, как одонтогенный остеомиелит – сильный воспалительный процесс в костной ткани, ведущий к ее разрушению (рис. 3, 4). Спровоцировать его могли снижение иммунитета, что в условиях дефицита витамина С вполне вероятно, заболевания крови, уже имеющий место пародонтоз, кариес и др. Уровень встречаемости одонтогенного остеомиелита примерно одинаков у гренландских эскимосов и оленеостровцев Баренцева моря, живший в очень сходных условиях (побережье и острова Кольского полуострова, побережье Гренландии). Более высокий процент отмечен у кольских саамов XIX в.

Рис. 3. Одонтогенный остеомиелит

Рис. 4. Одонтогенный остеомиелит.
Эмалевая гипоплазия

Интересно отметить факт практически отсутствия кариеса у гренландских эскимосов и у кольских оленеостровцев (описано по одному случаю). При этом у саамов Кольского полуострова XIX в. кариес обнаружен у трети индивидов. У карелов процент не очень высок, около 8%, но это намного больше, чем у эскимосов и оленеостровцев. Не исключено, что на хорошее состояние непосредственно зубов (не пародонта) влияло питание морепродуктами.

На фоне крайне редкой встречаемости кариеса у двух народов Крайнего Севера, но, правда, сильно разделенных по времени, имеется большое различие в проценте наличия на зубах эмалевой гипоплазии. У эскимосов Гренландии эта патология замечена только у 5% индивидов (черепов) (см. рис. 4). У кольских оленеостровцев процентный показатель в 6 раз выше (29,6%), у саамов Кольского полуострова – еще выше, 36,9%, у карелов Муезерского района тоже велик – 23,1%.

Таким образом, можно предположить, что эскимосы Гренландии, прежде всего в детском возрасте, реже испытывали дефицит в еде и меньше болели. Интересно, что эмалевая гипоплазия эскимосов, оставивших могильники Эквен и Уэлен, была характерна в среднем для более 60% населения (Добровольская и др. 2008). Можно предположить, что азиатские эскимосы испытывали серьезный пищевой дефицит.

Необычным для гренландских эскимосов является отсутствие зубного камня, отсутствует он и у кольских оленеостровцев. У саамов и карел зубной камень обнаружен у более 10% населения.

В одном случае отмечено нахождение альвеолы первого верхнего правого премоляра вне альвеолярной дуги, сильно медиально в твердом небе (рис. 5).

Рис. 5. Расположение альвеолы первого правого верхнего премоляра вне альвеолярной дуги

Патологии посткраниальных скелетов. У многих индивидов отмечается остеопороз концов длинных костей, периостит тел длинных костей ног, возникших нередко в области ушибов. Развитию патологий способствовали климатические условия – холод и низкий уровень инсоляции. Имеются и другие патологии. Прежде всего это патологии разных суставов: артрозы, артриты. В первую очередь – тазобедренных и коленных суставов (рис. 6).

Рис. 6. Признаки деформирующего артроза и артрита правого тазобедренного сустава (на бедренной кости)

Выводы

В результате исследования скелетов канадских и гренландских эскимосов можно сделать следующие выводы.

1. Для эскимосов Гренландии и Канады были характерны укороченные предплечья и голени, что является отражением экологической адаптации к холодным климатическим условиям.

2. Отмечена относительная массивность лучевых, бедренных и большеберцовых костей, особенно у канадских эскимосов. К сожалению, выводы делаются на малом числе наблюдений.

3. Для эскимосов Гренландии и Канады был характерен рост от низкого до немного выше среднего у мужчин и от роста очень низкого до ниже среднего у женщин. Невысокий рост является отражением адаптации к условиям низких температур и сильных холодных ветров.

4. Палеопатологии черепов связаны с холодовым стрессом, отсутствием в пище достаточного количества витаминов и минералов. Основные патологии на черепках – утолщение барабанной части височной кости, а также повышенная васкуляризация костей свода черепа. Патологии зубочелюстного аппарата – пародонтоз, а также одонтогенный остеомиелит и прижизненная потеря зубов. Большинство патологий черепов у гренландских эскимосов встречаются реже, чем у азиатских эскимосов, саамов Кольского полуострова, кольских оленеостровцев Баренцева моря, карелов Муезерского района Карелии. Патологии костей посткраниального скелета (длинные кости) также обусловлены жизнью в условиях холода и низкого уровня инсоляции. Это часто встречающийся пороз концевых структур костей конечностей, остеоартроз, остеоартрит и периостит.

5. В целом можно отметить общую экологическую адаптированность гренландских и канадских эскимосов к суровым условиям Севера, связанным с холодовыми стрессами.

Литература

Алексеев В.П. Остеометрия. М., 1966.

Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984.

Алексеева Т.И. Адаптивные процессы в популяциях человека. М.: МГУ, 1986.

Алексеева Т.И. Древнее и современное население Берингии // Горизонты антропологии. Труды Межд. научной конференции памяти академика В.П. Алексеева. М.: Наука, 2003. С. 367–370.

Алексеева Т.И. Некоторые вопросы этногенеза и адаптации к окружающей среде // Антропозология Северо-Восточной Азии (Чукотка, Камчатка, Курильские острова). М.: Таус, 2008.

Алексеева Т.И., Коваленко В.Ю. Морфофункциональная характеристика посткраниального скелета азиатских эскимосов // Палеоантропология Сибири. М.: Наука, 1980. С. 131–153.

Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов. Уэленский могильник. М.: Наука, 1969.

- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья: (Эквенский могильник). М.: Наука, 1975.
- Боруцкая С.Б. Палеопатология позднеолитического могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря // Вестник антропологии. 2005. Т. 12. С. 98–105.
- Боруцкая С.Б. Остеометрический анализ скелетов могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря // Научный альманах кафедры антропологии. М.: Энциклопедия российских деревень, 2006. Т. 4. С. 120–133.
- Боруцкая С.Б., Васильев С.В., Хартанович В.И. Сравнительный анализ показателей посткраниального скелета и палеопатологий древнего и близкого к современности населения Кольского полуострова в связи с экологической адаптацией // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2011. Т. 4. С. 41–54.
- Боруцкая С.Б. Остеологическая характеристика саамов Кольского полуострова // V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России». Петрозаводск, 2014. С. 463–468.
- Васильев С.В., Боруцкая С.Б. Палеоантропология населения Костромской области XVII в.: По материалам могильника Исуново // Расы и народы: сборник. М.: Наука, 2004. С. 249–267.
- Васильев С.В., Боруцкая С.Б. Реконструкция физического типа и стрессовых влияний на население, оставившее могильник на Большом Оленьем острове (Баренцево море) // Первобытная и средневековая история и культура европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006. С. 376–381.
- Васильевский Р.С. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск: Наука, 1971.
- Васильевский Р.С. Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск: Наука, 1973.
- Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // ТИЭ. Нов. сер. Т. XVII. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропологические материалы из древнеберингоморских могильников Уэлен и Эквен // Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья. Эквенский могильник. М., 1975. С. 198–240.
- Диков Н.Н. Новые данные по археологии северо-востока Сибири. М.: Наука, 1964.
- Диков Н.Н. Древние культуры Камчатки и Чукотки. Новосибирск, 1971.
- Диков Н.Н. 1979. Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой. М.: Наука, 1979.
- Добровольская М.В., Бужилова А.П., Медникова М.Б. Изучение адаптивных процессов в группах древнего и современного эскимосского населения // Актуальные направления антропологии: сб., посв. 80-летию акад. РАН Т.И. Алексеевой. М., 2008. С. 101–107.
- Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // ТИЭ. Нов. сер. Т. XXXVI. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.
- Левин М.Г. Новые материалы по группам крови у эскимосов и ламутов // Советская этнография. 1959. № 3. С. 98–99.
- Левин М.Г. Об антропологическом типе древних эскимосов // Труды МОИП. Современная антропология. 1964. Т. XIV. С. 262–269.
- Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М.: МГУ, 1978.
- Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории северо-восточного побережья Азии: автореф. ... дис. д-ра ист. наук. М., 1974.
- Файнберг Л.А. Население Гренландии во II тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // От Аляски до Огненной Земли. М., 1967. С. 202–211.
- Файнберг Л.А. Происхождение эскимосов и алеутов / Этногенез палеоазиатских народов Северо-Восточной Азии // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980. С. 227–240.
- Чард Ч. Происхождение хозяйства морских охотников северной части Тихого океана // Советская этнография. 1962. № 5. С. 94–99.

- Чебоксаров Н.Н. К вопросу о происхождении китайцев // Советская этнография. 1947. № 1. С. 30–70.
- Хрисанфова Е.Н. Эволюционная морфология скелета человека. М.: МГУ, 1978.
- Шумкин В.Я., Хартанович В.И., Боруцкая С.Б., Васильев С.В., Колпаков Е.М., Мурашкин А.Н. Новые археологические и антропологические данные исследования могильника на большом Оленьем острове Кольского залива Баренцева моря // Человек в культурной и природной среде. Труды Третьих антропологических чтений к 75-летию со дня рождения академика В.П. Алексеева. М., 2007. С. 130–138.
- Bandi H.-G. Eskimo prehistory. College: University of Alaska Press; distributed by University of Washington Press, Seattle, 1969.
- Eriksson G., Lxugas L., Zagorska I. Stone Age hunter-fisher-gatherers at Zvejnieki, northern Latvia: radiocarbon, stable isotope and archaeozoology data // Before Farming: the archaeology and anthropology of hunter-gatherers. 2003. Vol. 1 (2). P. 123–156.
- Fedosova V.N. Ecological interpretations of the temporal variations of Asian Eskimo limb bones // Homo. 1991. Vol. 41, № 1. P. 45–58.
- Hrdlicra A. Catalogue of human crania in the United States National museum collections Eskimo in general // Smithsonian Institution U.S. National Museum. Washington, 1942. Vol. 91, № 3131. P. 169–429.
- Hrdlicka A. The Aleutian and Commander Islands and their inhabitatants. Philadelphie, 1945.
- Laughlin W.S. Blood groups of the Anaktuvuk Eskimos, Alaska // Anthropological Papers of the University of Alaska. 1957. № 6. P. 5–15.
- Sikora Martin, Pitulko Vladimir V., Sousa Vitor C., Allentoft Morten E., Vinner Lasse, Rasmussen Simon, Margaryan Ashot, de Barros Damgaard Peter, de la Fuente Constanza, Renaud Gabriel, Yang Melinda A., Fu Qiaomei, Dupanloup Isabelle, Giampoudakis Konstantinos, Nogués-Bravo David, Rahbek Carsten, Kroonen Guus, Peyrot Michaël, McColl Hugh, Vasilyev Sergey V., Veselovskaya Elizaveta, Gerasimova Margarita, Pavlova Elena Y., Chasnyk Vyacheslav G., Nikolskiy Pavel A., Gromov Andrei V., Khartanovich Valeriy I., Moiseyev Vyacheslav, Grebenyuk Pavel S., Fedorchenko Alexander Yu., Lebedintsev Alexander I., Slobodin Sergey B., Malyarchuk Boris A., Martiniano Rui, Meld-gaard Morten, Arppe Laura, Palo Jukka U., Sundell Tarja, Mannermaa Kristiina, Putkonen Mikko, Alexandersen Verner, Primeau Charlotte, Baimukhanov Nurbol, Malhi Ripan S., Sjögren Karl-Göran, Kristiansen Kristian, Wessman Anna, Sajantila Antti, Mirazon Lahr Marta, Durbin Richard, Nielsen Rasmus, Meltzer David J., Excoffier Laurent, Willerslev Eske. The population history of Northeastern Siberia since the Pleistocene // Nature. 2019. Vol. 570, is. 7760. P. 182–188.
- Oswalt W. Alaskan eskimos. San-Francisco, 1967.
- Flegontov Pavel, Altınışık N. Ezgi, Changmai Piya, Rohland Nadin, Mallick Swapan, Adamski Nicole, Bolnick Deborah A., Broomandkhoshbacht Nasreen, Candilio Francesca, Culleton Brendan J., Flegontova Olga, Friesen T. Max, Jeong Choongwon, Harper Thomas K., Keating Denise, Kennett Douglas J., Kim Alexander M., Lamnidis Thiseas C., Lawson Ann Marie, Olalde Içigo, Oppenheimer Jonas, Potter Ben A., Raff Jennifer, Sattler Robert A., Skoglund Pontus, Stewardson Kristin, Vajda Edward J., Vasilyev Sergey, Veselovskaya Elizaveta, Hayes M. Geoffrey, O'Rourke Dennis H., Krause Johannes, Pinhasi Ron, Reich David, Schiffels Stephan. Palaeo-Eskimo genetic ancestry and the peopling of Chukotka and North America // Nature. 2019. Vol. 570, is. 7760. P. 236–240.
- Ford G.A. Eskimo prehistory in the vicinity of Point Barrow, Alaska. By Steward T.D. Skeletal remains from the Vicinity of Point Barrow, Alaska // Anthropological Papers American Museum of Natural History. N.Y., 1959. Vol. 47, pt. 1.
- Vasilyev S.V., Borutskaya S.B. Kolsky Bay Sami osteoarcheology // News of Science and Education. Medicine. Biological Sciences. Ecology. Science and Education Ltd, Sheffield, UK, 2015. № 5 (29). P. 62–70.

Borutskaya Svetlana B., Vasilyev Sergey V., and Gerasimova Margarita M.

MORPHOLOGICAL FEATURES OF THE SKELETON OF THE ESKIMO OF GREENLAND AND CANADA ASSOCIATED WITH ADAPTATION TO THE ARCTIC CLIMATE*

DOI: 10.17223/2312461X/29/8

Abstract. The article provides an analysis of body and limb proportions of the Eskimos of Greenland and Canada. Human remains from the collection of Napoleon III were studied at the Musee de l'Homme (Paris, France). The Eskimos of Greenland and Canada were characterized by shortened forearms and tibia and low height, which indicates environmental adaptation to cold climatic conditions. The paleopathology of the skulls and the postcranial skeleton also points to cold stress and lack of vitamins and minerals in food. The article concludes that the Greenland and Canadian Eskimos were generally adapted to the extreme conditions of the North.

Keywords: adaptation, limb proportions, paleopathology, Eskimos of Greenland and Canada, cold stress

* The research was supported by the Russian Science Foundation (RNF, project No. 19-18-00327).

References

- Alekseev V.P. *Osteometriia* [Osteometry]. Moscow, 1966.
- Alekseev V.P., Gokhman I.I. *Antropologiya aziatskoi chasti SSSR* [The anthropology of the Asian part of the USSR]. Moscow: Nauka, 1984.
- Alekseeva T.I. *Adaptivnye protsessy v populiatsiakh cheloveka* [Processes of adaptation in human populations]. Moscow: MGU, 1986.
- Alekseeva T.I. Drevnee i sovremennoe naselenie Beringii [The ancient and contemporary population of Beringia]. In: *Gorizonty antropologii. Trudy Mezhd. nauchnoi konferentsii pamiati akademika V.P. Alekseeva* [Anthropological horizons. Proceedings of Scientific Conference held in memory of Academician V.P. Alekseev]. Moscow: Nauka, 2003, pp. 367-370.
- Alekseeva T.I. Nekotorye voprosy etnogeneza i adaptatsii k okruzhaiushchei srede [Some issues of ethno-genesis and adaptation to the environment]. In: *Antropoekologiya Severo-Vostochnoi Azii (Chukotka, Kamchatka, Kuril'skie ostrova)* [The anthropoecology of North-East Asia (Chukotka, Kamchatka, and the Kuril Islands)]. Moscow: Taus, 2008.
- Alekseeva T.I., Kovalenko V.Iu. Morfofunktsional'naia kharakteristika postkraniial'nogo skeleta aziatskikh eskimosov [Multifunctional characteristics of the Asian Eskimo postcranial skeleton], *Paleoantropologiya Sibiri* [The paleoanthropology of Siberia]. Moscow: Nauka., 1980, pp. 131-153.
- Arutiunov S.A., Sergeev D.A. *Drevnie kul'tury aziatskikh eskimosov. Uelenskii mogil'nik* [Ancient cultures of Asian Eskimos. The Uelen burial site]. Moscow: Nauka, 1969.
- Arutiunov S.A., Sergeev D.A. *Problemy etnicheskoi istorii Beringomor'ia: (Ekvenskii mogil'nik)* [Issues of the ethnic history of Beringomor'ie: The Ekven burial site]. Moscow: Nauka, 1975.
- Borutskaya S.B. Paleopatologiya pozdneneoliticheskogo mogil'nika na Bol'shom Olen'em ostrove Barentseva moria [The paleopathology of a Late Neolithic burial site on Bol'shoi Olenii Island in the Barents Sea], *Vestnik antropologii*, 2005, Vol. 12, pp. 98-105.
- Borutskaya S.B. Osteometricheskii analiz skeletov mogil'nika na Bol'shom Olen'em ostrove Barentseva moria [Osteometric analysis of skeletons from Bol'shoi Olenii Island in the Barents Sea]. In: *Nauchnyi al'manakh kafedry antropologii* [Scientific Almanac of Department of Anthropology]. Moscow: Izd-vo «Entsiklopediia rossiiskikh dereven'», 2006. Vol. 4, pp. 120-133.

- Borutskaja S.B., Vasil'ev S.V., Khartanovich V.I. Sravnitel'nyi analiz pokazatelei postkranialnogo skeleta i paleopatologii drevnego i blizkogo k sovremennosti naseleniia Kol'skogo poluostrova v sviazi s ekologicheskoi adaptatsiei [Comparative analysis of post-cranial skeleton parameters and the paleopathology of the ancient and pre-contemporary population of the Kola Peninsula in the context of environmental adaptation], *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 23: Antropologiya, 2011, Vol. 4, pp. 41-54.
- Borutskaja S.B. Osteologicheskaja kharakteristika saamov Kol'skogo poluostrova [Osteological characteristics of the Saami in the Kola Peninsula]. In: *V Vserossiiskaia konferentsiia finno-ugrovedov «Finno-ugorskie iazyki i kul'tury v sotsiokul'turnom landshafte Rossii». Materialy* [V Russian conference of Finno-Ugric scholars 'Finno-Ugric Languages and Cultures in the Sociocultural Landscape of Russia: Proceedings']. Petrozavodsk, 2014, pp. 463-468.
- Vasil'ev S.V., Borutskaja S.B. Paleoantropologiya naseleniia Kostromskoi oblasti XVII v.: Po materialam mogil'nika Ispovo [The paleoanthropology of the population of Kostroma region in the 17th century: Based on the materials collected on the Ispovo burial site]. In: *Rasy i narody: sbornik* [Races and peoples: A collection]. Moscow: Nauka, 2004, pp. 249-267.
- Vasil'ev S.V., Borutskaja S.B. Rekonstruktsiia fizicheskogo tipa i stressovykh vliianii na naselenie, ostavivshee mogil'nik na Bol'shom Olen'em ostrove (Barentsevo more) [The reconstruction of the physical type of and stress factors for the population that built the burial site on Bol'shoi Olenii Island (the Barents Sea)]. In: *Pervobytnaia i srednevekovaia istoriia i kul'tura evropeiskogo Severa: problemy izucheniia i nauchnoi rekonstruktsii* [The prehistoric and medieval history and culture of the European North: Research and reconstruction issues]. Solovki, 2006, pp. 376-381.
- Vasil'evskii R.S. *Proiskhozhdenie i drevniaia kul'tura koriakov* [The origins and ancient culture of the Koryaks]. Novosibirsk: Nauka, 1971.
- Vasil'evskii R.S. *Drevnie kul'tury Tikhookeanskogo severa* [Ancient cultures of the Pacific North]. Novosibirsk: Nauka, 1973.
- Debets G.F. *Antropologicheskie issledovaniia v Kamchatskoi oblasti* [Anthropological research in the region of Kamchatka], *TIE*, nov. ser. Vol. XVII. Moscow: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1951.
- Debets G.F. Paleoantropologicheskie materialy iz drevneberingomorskikh mogil'nikov Uelen i Ekven [Paleoanthropological materials from ancient Beringomor'ie burial sites of Uelen i Ekven]. In: Arutiunov S.A., Sergeev D.A. *Problemy etnicheskoi istorii Beringomor'ia. Ekvenskii mogil'nik* [Problems of the ethnic history of Beringomor'ie. The Ekven burial site]. Moscow, 1975. S. 198-240.
- Dikov N.N. *Novye dannye po arkheologii severo-vostoka Sibiri* [New data on the archaeology of North-East Siberia]. Moscow: Nauka, 1964.
- Dikov N.N. *Drevnie kul'tury Kamchatki i Chukotki* [Ancient cultures of Kamchatka and Chukotka]. Novosibirsk, Gos. Un-t., 1971.
- Dikov N.N. *Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoi Azii: Aziia na styke s Amerikoi* [Ancient cultures of North-East Asia: The intersection of Asia and America]. Moscow: Nauka, 1979.
- Dobrovol'skaia M.V., Buzhilova A.P., Mednikova M.B. Izuchenie adaptivnykh protsessov v gruppakh drevnego i sovremennogo eskimoskogo naseleniia [The study of adaptation in groups of ancient and contemporary Eskimos]. In: Aktual'nye napravleniia antropologii / Sb. posviashchennyi 80-letiiu ak. RAN T.I. Alekseevoi [Topical research areas of anthropology/ A collection dedicated to the 80th Anniversary of T.I. Alekseeva, Academician of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, 2008, pp. 101-107.
- Levin M.G. Etnicheskaja antropologiya i problemy etnogeneza narodov Dal'nego Vostoka [The ethnic anthropology and problems of ethno-genesis of the peoples of the Far East], *TIE*, nov. ser. Vol. XXXVI. Moscow: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1958.
- Levin M. G. Novye materialy po gruppam krovi u eskimosov i lamutov [New materials on blood types in Eskimos and Evens], *Sovetskaia etnografiia*, 1959, no. 3, pp. 98-99.

- Levin M.G. Ob antropologicheskom tipe drevnikh eskimov [On the anthropological type of ancient Eskimos], *Trudy MOIP. Sovremennaiia antropologiya*, Vol. XIV., 1964, pp. 262-269.
- Roginskii Ia.Ia., Levin M.G. *Antropologiya* [Anthropology]. Moscow: MGU, 1978.
- Sergeev D.A. *Problemy etnicheskoi istorii severo-vostochnogo poberezh'ia Azii*. Avtoref. ... diss. d-ra ist. nauk [Problems of the ethnic history of the north-eastern coast of Asia: A summary of the dissertation for the degree of 'Doctor of Sciences (History)']. Moscow, 1974.
- Fainberg L.A. Naselenie Grenlandii vo II tys. do n.e. I tys. n.e. [The population of Greenland in the 2nd millennium BC to the 1st millennium AC]. In: *Ot Aliaski do Ognennoi Zemli* [From Alaska to Tierra del Fuego]. Moscow, 1967, pp. 202-211.
- Fainberg L.A. Proiskhozhdenie eskimov i aleutov / Etnogenez paleoaziatskikh narodov Severo-Vostochnoi Azii [The origins of the Eskimo and Aleuts/ The ethno-genesis of the paleo-Asian peoples of North-East Asia]. In: *Etnogenez narodov Severa* [The ethno-genesis of the peoples of the North]. Moscow: Nauka, 1980, pp. 227-240.
- Chard Ch. Proiskhozhdenie khoziaistva morskikh okhotnikov severnoi chasti Tikhogo okeana [The origins of sea hunters' activities in the northern part of the Pacific], *Sovetskaia etnografiia*, 1962, no. 5, pp. 94-99.
- Cheboksarov N.N. K voprosu o proiskhozhdenii kitaitsev [On the origins of the Chinese], *Sovetskaia etnografiia*, 1947, no. 1, pp. 30-70.
- Khrisanfova E.N. *Evolutsionnaia morfologiya skeleta cheloveka* [Evolutionary morphology of human skeleton]. Moscow: MGU, 1978.
- Shumkin V.Ia., Khartanovich V.I., Borutskaiia S.B., Vasil'ev S.V., Kolpakov E.M., Murashkin A.N. Novye arkheologicheskie i antropologicheskie dannye issledovaniia mogil'nika na bol'shom Olen'em ostrove Kol'skogo zaliva Barentseva moria [New archaeological and anthropological data on the burial site on Bol'shoi Olenii Island in the Barents Sea]. In: *Chelovek v kul'turnoi i prirodnoi srede. Trudy Tret'ikh antropologicheskikh chtenii k 75-letiiu so dnia rozhdeniia akademika V.P. Alekseeva* [Humans in the cultural and natural environment. Proceedings of III Anthropological Readings dedicated to the 75th Anniversary of the birth of Academician V.P. Alekseev]. Moscow, 2007. S. 130-138.
- Bandi H.-G. *Eskimo prehistory*. College: University of Alaska Press; distributed by University of Washington Press, Seattle, 1969.
- Eriksson G., Lxugas L., Zagorska I. Stone Age hunter-fisher-gatherers at Zvejnieki, northern Latvia: radiocarbon, stable isotope and archaeozoology data, *Before Farming: the archaeology and anthropology of hunter-gatherers*, 2003, Vol. 1 (2), pp. 123-156.
- Fedosova V.N. Ecological interpretations of the temporal variations of Asian Eskimo limb bones, *Homo*, 1991, vol. 41, no. 1, pp. 45-58.
- Hrdlicka A. Catalogue of human crania in the United States National museum collections Eskimo in general. In: *Smithsonian Institution U.S. National Museum*. Washington, 1942, Vol. 91, № 3131, pp. 169-429.
- Hrdlicka A. *The Aleutian and Commander Islands and their inhabitants*. Philadelphia, 1945.
- Laughlin W.S. Blood groups of the Anaktuvuk Eskimos, Alaska. *Anthropological Papers of the University of Alaska*, 1957, no. 6, pp. 5-15.
- Sikora Martin, Vladimir V. Pitulko, Vitor C. Sousa, Morten E. Allentoft, Lasse Vinner, Simon Rasmussen, Ashot Margaryan, Peter de Barros Damgaard, Constanza de la Fuente, Gabriel Renaud, Melinda A. Yang, Qiaomei Fu, Isabelle Dupanloup, Konstantinos Giam-poudakis, David Nogués-Bravo, Carsten Rahbek, Guus Kroonen, Michaël Peyrot, Hugh McColl, Sergey V. Vasilyev, Elizaveta Veselovskaya, Margarita Gerasimova, Elena Y. Pavlova, Vyacheslav G. Chasnyk, Pavel A. Nikolskiy, Andrei V. Gromov, Valeriy I. Khartanovich, Vyacheslav Moiseyev, Pavel S. Grebenyuk, Alexander Yu. Fedorchenko, Alexander I. Lebedintsev, Sergey B. Slobodin, Boris A. Malychuk, Rui Martiniano, Morten Meldgaard, Laura Arppe, Jukka U. Palo, Tarja Sundell, Kristiina Mannermaa,

- Mikko Putkonen, Verner Alexandersen, Charlotte Primeau, Nurbol Baimukhanov, Ripan S. Malhi, Karl-Göran Sjögren, Kristian Kristiansen, Anna Wessman, Antti Sajantila, Marta Mirazon Lahr, Richard Durbin, Rasmus Nielsen, David J. Meltzer, Laurent Excoffier & Eske Willerslev. The population history of Northeastern Siberia since the Pleistocene, *Nature*, 2019, vol. 570, is. 7760, pp. 182-188.
- Oswalt W. *Alaskan eskimos*. San-Francisco, 1967.
- Flegontov Pavel, N. Ezgi Altınışık, Piya Changmai, Nadin Rohland, Swapan Mallick, Nicole Adamski, Deborah A. Bolnick, Nasreen Broomandkhoshbacht, Francesca Candilio, Brendan J. Culleton, Olga Flegontova, T. Max Friesen, Choongwon Jeong, Thomas K. Harper, Denise Keating, Douglas J. Kennett, Alexander M. Kim, Thiseas C. Lamnidis, Ann Marie Lawson, Icigo Olalde, Jonas Oppenheimer, Ben A. Potter, Jennifer Raff, Robert A. Sattler, Pontus Skoglund, Kristin Stewardson, Edward J. Vajda, Sergey Vasilyev, Elizaveta Veselovskaya, M. Geoffrey Hayes, Dennis H. O'Rourke, Johannes Krause, Ron Pinhasi, David Reich & Stephan Schiffels. Palaeo-Eskimo genetic ancestry and the peopling of Chukotka and North America. *Nature*, 2019, vol. 570, is. 7760, pp. 236-240.
- Ford G.A. Eskimo prehistory in the vicinity of Point Barrow, Alaska. By Steward T.D. Skeletal remains from the Vicinity of Point Barrow, Alaska, *Anthropological Papers American Museum of Natural History*. N.Y., 1959. Vol. 47, pt. 1.
- Vasilyev S.V., Borutskaya S.B. Kolsky Bay Sami osteoarcheology // *News of Science and Education. Medicine. Biological Sciences. Ecology*. Science and Education Ltd, Sheffield, UK, 2015, № 5 (29), p. 62-70.

УДК 902.01

DOI: 10.17223/2312461X/29/9

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ЦЕПОЧЕК ПРОИЗВОДСТВА БИФАСИАЛЬНЫХ ОРУДИЙ В ИНДУСТРИИ ЧАГЫРСКОЙ ПЕЩЕРЫ*

Алена Владимировна Шалагина,
Владимир Михайлович Харевич,
Серж Мори,
Мальвина Боманн,
Андрей Иннокентьевич Кривошапкин,
Ксения Анатольевна Колобова

Аннотация. В позднем–среднем палеолите Горного Алтая (MIS4) выделяется несколько индустриальных вариантов: денисовский, карабомовский и сибирячихинский. Два первых варианта представляют собой близкие в технико-типологическом отношении явления, характеризующиеся доминированием леваллуазского и параллельного расщепления и орудийными наборами с леваллуазскими, зубчато-выемчатыми орудиями и простыми скреблами. В свою очередь сибирячихинский вариант значительно отличается, в силу доминирования радиального и ортогонального расщепления, отсутствия техники леваллуа, а также специфического орудийного набора. В сибирячихинских индустриях доминируют конвергентные орудия – скребла типа *déjeté* и ретушированные остроконечники – что характерно для микокских технокомплексов, ассоциирующихся с неандертальским антропологическим подвидом. Также маркирующим признаком сибирячихинских комплексов являются плоско-выпуклые бифасиальные орудия. Целью данного исследования является реконструкция технологии изготовления асимметричных плоско-выпуклых бифасиальных орудий Чагырской пещеры посредством применения комплекса методов: анализа последовательности сколов, экспериментального моделирования и методов математической статистики. Использование комплексного подхода позволило решить частные задачи исследования, а именно восстановление основных этапов изготовления бифасиальных орудий, их верификация с помощью сопоставления результатов анализа экспериментальной и археологической коллекций, а также определение типов отбойников эффективных для изготовления бифасиальных орудий из местного галечного сырья. В результате проведенного исследования в индустрии Чагырской пещеры были реконструированы две технологические цепочки изготовления бифасиальных орудий в рамках плоско-выпуклой и плос-

* Статистические исследования и анализ последовательности сколов выполнены при финансовой поддержке НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2019-0009. Изучение экспериментальной коллекции и анализ костяной индустрии Чагырской пещеры выполнены при финансовой поддержке совместного российско-французского проекта РФФИ и Фонда «Дом наук о человеке» № 19-59-22007 ФДНЧ_а «Когнитивные способности и технология восточных неандертальцев: костяные индустрии в среднем палеолите Сибири».

ко-выпуклой альтернативной техник. «Длинная» цепочка применялась, в основном, при расщеплении галек, «короткая» – при модификации отщепов и тонких плиток. Экспериментальное моделирование позволило верифицировать сделанные выводы, а также определить различные типы инструментов, применявшиеся на отдельных этапах оформления бифасиальных орудий. В результате сравнения метрических параметров археологических и экспериментальных образцов в совокупности с результатами анализа последовательности сколов был сделан вывод о единичных эпизодах переоформления археологических орудий.

Ключевые слова: Горный Алтай, средний палеолит, сибирячихинский вариант, бифасы, анализ последовательности сколов, эксперименты.

Введение

При изучении каменного века Алтая неоднократно отмечалось, что алтайские среднепалеолитические комплексы проявляют значительное технико-типологическое сходство друг с другом. Большая часть индустрий является проявлением одной технологической традиции и различается по набору технико-типологических характеристик, на основе которых технокомплексы разделены на денисовский и карабумовский индустриальные варианты (Деревянко, Шуньков 2002; Рыбин, Колобова 2009). На общем фоне значительно выделяются индустрии пещер Окладникова и Чагырская, образующие сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая (Деревянко, Маркин, Шуньков 2013).

Сибирячихинский индустриальный вариант отличается от других вариантов среднего палеолита региона как по структуре каменных индустрий, так и по технико-типологическим показателям. Отличия фиксируются в технике первичного расщепления: в сибирячихинских индустриях с доминированием ортогонального и радиального расщепления не было выделено леваллуазских ядрищ, в отличие от денисовского и карабумовского технокомплексов. Разница в наборах технических сколов обусловлена применением различных редукционных цепочек. В отличие от других технокомплексов, доля орудий в которых обычно не превышает 5% (Rubin, Kolobova 2004), доля орудий в сибирячихинском варианте составляет от 18 до 25% без учета отходов производства. Орудийный набор сибирячихинских индустрий включает в себя различные типы скребел, остроконечников, двухсторонних орудий, зубчато-выемчатых и тронкированно-фасетированных изделий. Структура орудийного набора этого варианта принципиально отличается от орудийных наборов других вариантов, поскольку в ней представлены многочисленные конвергентные орудия (скребла типа *déjeté* и ретушированные остроконечники), а также выразительная серия бифасиальных изделий (Деревянко и др. 2018). Однако в орудийных наборах денисовского и карабумовского вариантов доминируют простые формы скребел, леваллуазские орудия, зубчато-выемчатые орудия и ретушированные сколы (Деревянко и др. 2013; Krivoshapkin et al. 2018).

В результате последних мультидисциплинарных исследований Чагырской пещеры было доказано, что комплексы сибирячихинского варианта разительно отличаются от других среднепалеолитических индустрий региона, что свидетельствует об их внерегиональном происхождении. При этом технико-типологические характеристики индустрии пещеры полностью соответствуют характеристикам микокского технокомплекса Центральной и Восточной Европы, что в свою очередь свидетельствует о миграции неандертальской популяции, носителей микокской культурной традиции, на Алтай (Kolobova et al. 2020).

В связи с этим особого внимания заслуживает изучение отдельных специфических элементов, которые определяют облик индустрии. В среднем палеолите Северной Азии плоско-выпуклые бифасиальные орудия ассоциируются исключительно с сибирячихинскими комплексами и являются безусловными культурно-хронологическими маркерами (Kolobova et al., 2019; Колобова и др. 2019b). В предлагаемой статье реконструируется технология производства сибирячихинских плоско-выпуклых бифасов в результате применения комплексного подхода, сочетающего анализ последовательности сколов, экспериментальное моделирование и математическую статистику.

Материалы и методы

Чагырская пещера расположена в среднегорье северо-западного Алтая и приурочена к левому борту среднего течения р. Чарыш. Богатый археологический материал, ассоциирующийся с сибирячихинским вариантом среднего палеолита, происходит в основном из средней части разреза, образованной слоями 6а, 6б, 6в/1 и 6в/2, и представляет собой единый технокомплекс. Коллекция бифасиальных орудий данного комплекса (рис. 1) насчитывает около 200 экз., что составляет 6% от орудийного набора (Деревянко и др. 2018). Бифасиальные орудия в соответствии с общими морфометрическими признаками подразделяются на бифасиальные скребла и острия. Особую группу составляют обушковые асимметричные бифасиальные изделия, которые по своему морфологическому облику соответствуют обушковым ножам *Keilmesser* (Joris 2006, 2012), характерным для Европейского микока.

В качестве основных исследовательских инструментов в данной работе были задействованы два метода: анализ последовательности сколов (*scar-pattern analysis*) и экспериментальное моделирование. Основу исследования составила выборка бифасиальных изделий из среднепалеолитических слоев Чагырской пещеры (34 экз.), а также коллекция бифасиальных орудий, полученных в результате экспериментов. Для сравнения метрических параметров археологических и экспериментальных объектов была применена математическая статистика.

Анализ последовательности сколов основан на детальном изучении совокупности всех негативов, фиксирующихся на поверхности каменного артефакта, с целью восстановления процесса его оформления (Pastoors 2000; Kot 2014; Шалагина, Колобова, Кривошапкин 2019). С помощью анализа последовательности сколов была изучена выборка, включающая 34 бифасиальных орудия из комплексов пещеры.

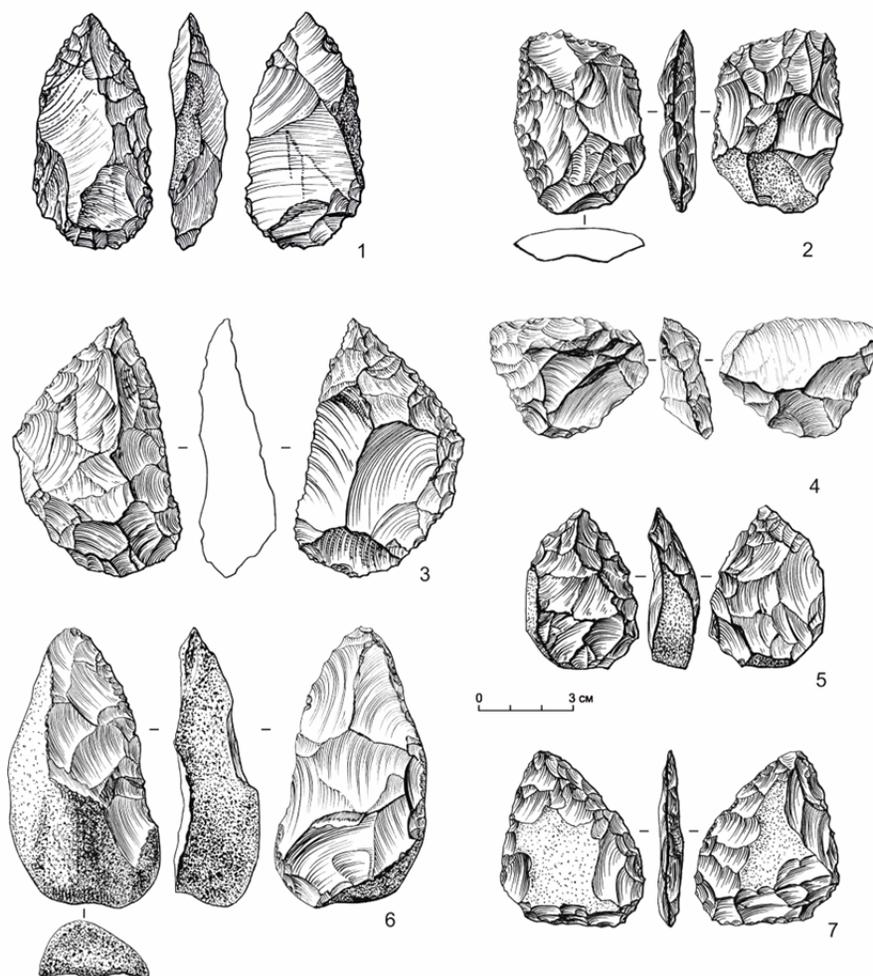

Рис. 1. Бифасиальные орудия из среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры

Для верификации технологических цепочек изготовления бифасиальных изделий, реконструированных в результате применения анализа последовательности сколов, было применено экспериментальное моделирование (Гирия 1997; Харевич и др. 2015). Проведенные экспе-

рименты основывались на представлениях о процессе изготовления бифасиальных орудий, сформированных в результате анализа последовательности сколов и технико-типологического анализа археологической коллекции. Среди задач экспериментов было выявление физических особенностей локального сырья, влияющих на последовательность оформления, а также определение типов отбойников и ретушеров, наиболее эффективных для первичного фасоннажа и оформления лезвий бифасиальных орудий на используемом сырье.

В качестве сырья в индустрии Чагырской пещеры в основном использовался галечник из русла р. Чарыш (песчаники, алевролиты, эффузивы, роговики и др.) (Derevyanko et al. 2015). Как показывает анализ, для изготовления интенсивно ретушированных орудий и бифасиальных изделий чаще всего отбиралось высококачественное сырье – яшмоиды и халцедонолиты (Геологический словарь... 1978: 214; Колобова и др. 2019а). В связи с этим, в экспериментах нами было задействовано 17 галек и мелких валунов различных пород, найденных в русловом аллювии р. Чарыш (яшмоиды, эффузивы, халцедонолиты, песчаники), из которых было изготовлено 22 бифасиальных орудия. Петрографическое определение пород было проведено Ph.D. М. Крайцаж (Институт геологических наук Польской академии наук, Исследовательский центр в Варшаве). Для первичного оформления орудий и создания лезвий были использованы твердый и мягкий минеральные отбойники, органический отбойник/ретушер из кости, а также апробирован органический отбойник из дерева (можжевельник). В качестве экспериментальных костяных инструментов были использованы фрагменты бедра, голени и плечевой кости коровы. Кости были расколоты посредством расщепления на наковальне и подверглись разной степени сушки. Конечным продуктом в редуцированной цепочке экспериментального расщепления стали реплики конвергентных бифасиальных орудий с обушком, аналогичные бифасиальным скреблам и острокопачкам из Чагырской пещеры.

Метрические параметры археологических и экспериментальных бифасиальных орудий были проанализированы при помощи методов математической статистики. Для проверки нормальности распределения выборок нами был применен критерий Шапиро – Уилка. В связи с тем, что не все метрические данные продемонстрировали нормальность своего распределения, для их анализа были применены непараметрические статистические тесты. Все тесты, а также построение диаграмм размаха были осуществлены в программе PAST. Для сравнения трех и более выборок бифасиальных орудий применялся критерий Краскела – Уоллиса, непараметрический вариант межгруппового дисперсионного анализа. Для сравнения двух выборок применялся критерий Манна – Уитни, непараметрический аналог *t*-критерия Стьюдента (Hammer, Harper, Ryan 2001).

Диаграммы размаха, или «ящички с усами», визуализирующие исходные данные по длине, ширине и толщине заготовок и в то же время демонстрирующие медианы выборок, их верхние и нижние квартили, также были построены в программе PAST.

Результаты анализа последовательности сколов

С помощью анализа последовательности сколов было проанализировано 34 бифасиальных изделия из нескольких стратиграфических подразделений Чагырской пещеры (6а, 6б и 6в/1). Все изделия имели законченную форму, среди них присутствовали 7 бифасиальных острий и 12 бифасиальных скребел. На 17 изделиях был отмечен обушок, из них на 6 изделиях обушки сохранили естественную галечную корку. В результате проведенного анализа для каждого изделия была составлена блок-схема, которая представляет собой реконструкцию последовательной цепочки отдельных этапов оформления орудия (рис. 2, 3). Под каждым блоком в схеме понимается группа негативов со схожими морфологическими характеристиками (сняты с одной ударной площадки, в одном направлении и т.д.), направленных на решение одной технологической задачи. В данной работе анализируются реконструированные совокупности блок-схем на примере нескольких наиболее типичных бифасиальных орудий.

Проведенный анализ показал, что все полученные блок-схемы можно разделить на две группы, которые соответствуют двум основным технологическим цепочкам оформления двусторонних орудий в Чагырской пещере: «длинной» и «короткой». Подобные цепочки были выделены и описаны для комплексов Восточно-Европейского микока, где их применение обусловлено рядом факторов, связанных, в первую очередь, с характеристиками первичных заготовок и продолжительностью утилизации орудия (Демиденко 2003; Чабай 2004, 2015).

Как показал анализ последовательности сколов, в индустрии Чагырской пещеры «короткая» технология применялась для модификации относительно тонких плиток и сколов-заготовок: на изделии оформлялось одно или два лезвия орудия, а на большей части орудия сохранялась желвачная корка. Данная цепочка включает в себя только этапы подправки плоской стороны и оформление рабочих участков на выпуклой стороне (рис. 2). В проанализированной выборке в рамках короткой технологии было обработано 15 бифасиальных изделий. В качестве заготовок для них были использованы небольшие галечные сколы толщиной 14–22 мм, а также плитка толщиной 8 мм. Длина изделий составляет 41–98 мм, ширина 35–54 мм. На семи изделиях фиксируется обушок, шесть из которых по своей морфологии относятся к группе обушковых ножей *Keilmesser*. Пять из семи обушков покрыты галечной коркой.

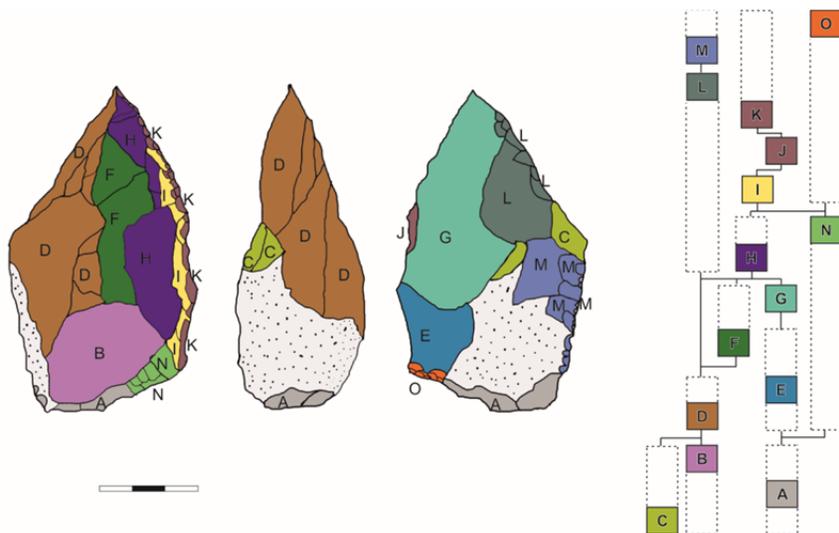

Рис. 2. Результат анализа последовательности сколов – «длинная» цепочка оформления бифасиального орудия из Чагырской пещеры

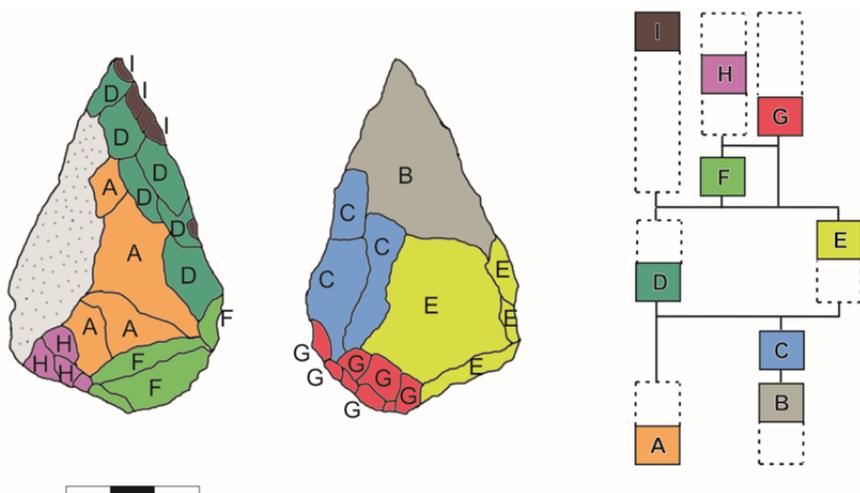

Рис. 3. Результат анализа последовательности сколов – «короткая» цепочка оформления бифасиального орудия из Чагырской пещеры

Более сложная «длинная» технология применялась для обработки относительно толстых галек или массивных галечных сколов. Сырье в процессе преобразования от преформы до конечного орудия проходило несколько последовательных этапов поверхностного оформления и ретуширования. Данная цепочка включает этапы начального формообразования, который представлен обычно одним-двумя негативами, после-

довательного плоского и выпуклого фасоннажа, оформление рабочих лезвий в плоско-выпуклой манере, в некоторых случаях базальное/дистальное утончение и оформление обушка (см. рис. 3). Также иногда фиксируются этапы переоформления, для которого производилась дополнительная подправка плоского фаса и обновление затупившегося лезвия. Было зафиксировано два орудия, подправленных после слома. В целом блок-схемы орудий, выполненных в рамках «длинной» цепочки, включают в себя от 10 до 18 блоков – групп негативов. В рамках данной цепочки было оформлено 17 бифасиальных орудий выборки. Толщина этих предметов варьирует от 14 до 27 мм. Длина составляет 41–120 мм, ширина 31–64 мм. Обушок фиксируется на шести изделиях, на двух из которых он ограничен по размеру $\frac{1}{4}$ частью длины заготовки. Галечная корка фиксируется на двух обушках.

Независимо от используемой цепочки, оформление бифасиальных орудий в Чагырской пещере производилось с помощью двух основных приемов: плоско-выпуклый и плоско-выпуклый альтернативный (Voëda 1995), при которых плоская сторона служила ударной площадкой для фасоннажа выпуклой стороны. Данные приемы использовались как на этапе фасоннажа, так и на этапе нанесения ретуши. В случае оформления орудий на сколах в рамках «короткой» цепочки иногда в качестве плоской стороны использовалась вентральная поверхность без дополнительной подправки.

Результаты экспериментов

Исходя из морфологии бифасиальных орудий Чагырской пещеры, а именно частичного сохранения галечной корки на одном из фасов и зачастую на обушке в ходе экспериментов (рис. 4) было использовано три варианта преформ: крупные первичные сколы, обушковые сколы со скошенной осью скальвания (*déjeté*), округлые и уплощенные гальки.

На массивных галечных отщепках было изготовлено девять орудий. Оформление орудия производилось в следующей последовательности. Сначала отщеповыми снятиями оформлялся плоский, вентральный фас заготовки, что позволяло уменьшить угол между фасадами и сделать его пригодным для снятия уплощающих сколов по дорсальному фасу. Далее следовало оформление выпуклой дорсальной стороны. После этого несколькими снятиями с плоской и выпуклой сторон оформлялось заостренное дистальное окончание. В завершении мелкой ретушью с двух сторон создавалось лезвие. Использование отщеповых заготовок позволило получить изделия с плоско-выпуклым сечением, которые по морфологии аналогичны археологическим бифасиальным орудиям (см. рис. 5, 4).

Рис. 4. Эксперименты по оформлению бифасиальных орудий:

- 1 – фасоннаж твердым минеральным отбойником;
- 2 – оформление лезвия мягким минеральным отбойником;
- 3 – оформление бифасиального орудия мягким органическим отбойником из дерева;
- 4 – оформление лезвия костяным ретушером

На некоторых заготовках (из эффузивов, халцедонолитов и яшмоидов) при бифасиальной обработке возникали сложности из-за наличия «вторичной корки», образованной полулунными трещинами, которые покрывают практически всю внешнюю поверхность галечного скола. Для того чтобы снять галечную корку и глубокие полулунные трещины на выпуклой стороне, требовалась более тщательная обработка плоской стороны. Без данного этапа декортикации было невозможно перейти к этапу оформления рабочего лезвия.

Редукционная последовательность оформления орудий на отщепях *déjeté* оказалась самой короткой. В рамках данной последовательности было создано пять орудий. Она предусматривала только небольшую подправку на плоской вентральной стороне и ретушь по выпуклому краю. Острое окончание орудия было получено в результате первичного расщепления и снятия скола-заготовки трапецевидной формы. В качестве обушка в данном случае выступала сохранившаяся ударная площадка. Такие изделия занимают промежуточное положение между односторонними скреблами/остриями и бифасиальными орудиями (рис. 5, 3).

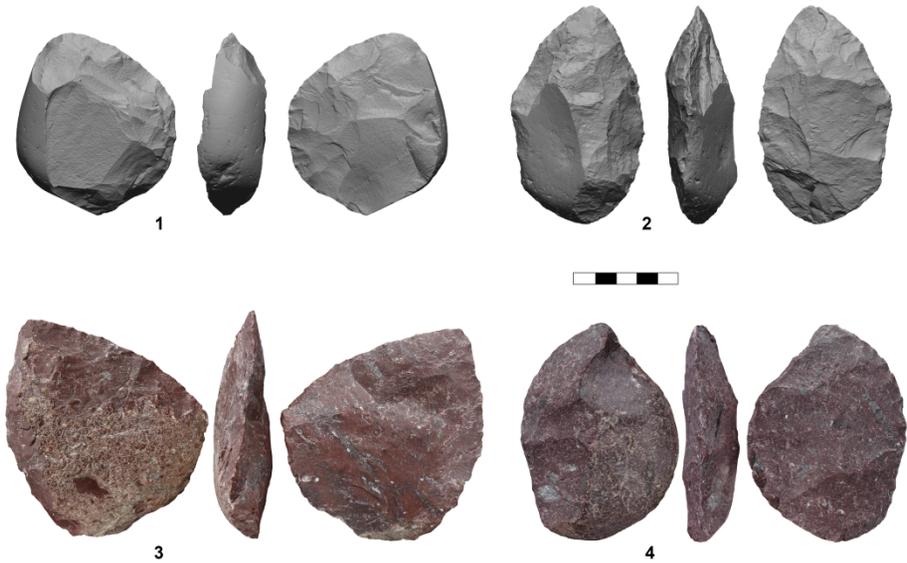

Рис. 5. Экспериментальные бифасиальные орудия: 1, 2 – трехмерные модели конвергентных бифасиальных орудий на гальках; 3 – фотография бифасиального орудия на сколе *déjeté*; 4 – фотография бифасиального орудия на галечном отщепе

При использовании галечных заготовок предпочтение отдавалось небольшим, уплощенным галькам. Всего в данных экспериментах было использовано шесть галек. Редукционная последовательность предусматривала следующие этапы обработки. Сначала производился этап декортикации. После декортикации следовал этап первичного фасоннажа, который производился на оба фаса в альтернативной манере. После этого крупными сколами производилось оформление плоского фаса. В том числе для уплощения выпуклой стороны на продольном крае отдельно создавалась ударная площадка. Далее следовало уточнение выпуклого фаса глубокими снятиями со специально подготовленной площадки и его обработка по всему периметру. Отдельным этапом оформлялось острие, которое требовало небольшой подправки на плоскую сторону и последующих снятий на выпуклую. Завершающим этапом было ретуширование лезвий на выпуклой стороне с единичными подправками на плоский фас. Обушком в таком случае служили остатки площадки, созданной для уплощения выпуклого фаса (см. рис. 5, 1, 2).

Редукционная последовательность на галечных заготовках оказалась наиболее трудозатратной и не всегда эффективной. Гальки из халцедонолита и яшмоидов сломались на этапе декортикации из-за множества внутренних заломов и наличия полулунных трещин под галечной коркой. Кроме того, при общей концепции плоско-выпуклого метода оформления второй фас бифасиальных изделий в

половине случаев сохранил выпуклость, что плохо соответствует археологической коллекции.

В ходе экспериментов было задействовано четыре типа отбойников: твердый минеральный, мягкий минеральный, костяной и деревянный отбойник из можжевельника. Часть орудий была изготовлена одним типом отбойника, часть – при использовании комбинации отбойников разных типов.

Твердый отбойник (см. рис. 4, 1) оказался наиболее эффективным для разжелвачивания и первичного фасоннажа, поскольку он позволяет удалять корку из полулунных трещин («вторичную корку»). На некоторых типах сырья твердым отбойником можно оформить и ретушь (средне- и мелкозернистые песчаники). В целом твердый отбойник формирует непроникающие снятия и тем самым образует много заломов. Поэтому эффективнее всего использовать его на подготовительном этапе и при необходимости исправлять ошибки в процессе расщепления (негативы занырывающих сколов или заломы).

Мягкий минеральный отбойник (рис. 4, 2) оказался эффективным для этапа фасоннажа и оформления ретуши, поскольку позволяет получать более покрывающие снятия, чем твердый отбойник. Особенно он эффективен на твердых, но хрупких яшмоидах и халцедонолитах. Твердым отбойником на халцедонолитах и яшмоидах оформить лезвие не удалось, поскольку он разрушает рабочий край и не формирует пространственные вглубь лезвия фасетки.

Как показало экспериментальное моделирование, костяные инструменты (рис. 4, 4) больше всего подходят для фасоннажа и ретуширования рабочего края, поскольку позволяют получить достаточно удлиненные снятия. Использование кости в качестве ретушера позволяет создать регулярный рабочий край, что невозможно достичь твердым минеральным отбойником. При этом удалить галечную корку костью практически невозможно, поэтому при необходимости снятия более массивных сколов и удаления включений и заломов требуется дополнительное использование твердого минерального отбойника. Несколько сухих и полусухих костяных инструментов сломалось в процессе оформления в области между рабочей зоной и основанием.

Деревянный отбойник (рис. 4, 3) был использован только при оформлении двух изделий для апробации на местном сырье. В качестве отбойника использовался ствол можжевельника. Дерево оказалось пригодным для фасоннажа, но на этапе декортикации для снятия полулунных трещин было необходимо дополнительное использование твердого минерального отбойника. Специальных подправок рабочей кромки в процессе расщепления не производилось. По своим характеристикам негативы от использования дерева ближе всего к мягкому минеральному отбойнику.

Обсуждение результатов

В ходе экспериментов были реализованы две основные последовательности оформления бифасиальных изделий, реконструированные с помощью анализа последовательности сколов – «длинная» и «короткая» редуционные цепочки.

Для верификации реконструированных последовательностей мы сопоставили результаты экспериментов, анализа последовательности сколов и технико-типологические характеристики бифасиальных орудий.

По своей форме, плоско-выпуклому сечению, наличию обушка, количеству лезвий, наличию галечной корки на обушках и основаниях экспериментальные орудия соответствуют тем, что фиксируются в археологической коллекции. Метрические параметры (длина, ширина, толщина) экспериментальных орудий в среднем больше, чем у археологических. Угол рабочих лезвий между плоской и выпуклой поверхностями археологических предметов острее, чем у экспериментальных; в большинстве случаев он варьирует от 35 до 65°, в экспериментальной коллекции от 45 до 70°.

Анализ последовательности сколов экспериментальных бифасиальных орудий показывает, что в основном «длинная» цепочка фиксируется на изделиях, выполненных из галек, а «короткая» – на предметах, сделанных на сколах. Три предмета на галечных сколах соответствуют «длинной» цепочке, поскольку для снятия «вторичной» галечной корки (полулунных трещин) на выпуклой стороне требовалась интенсивная обработка плоского и выпуклого фасов, за счет чего количество этапов оформления увеличилось. В целом количество технологических этапов (групп негативов), выявленных на экспериментальных изделиях «длинной» цепочки, меньше, чем на археологических предметах, и составляет до 10–12 блоков на схеме (рис. 6).

Выделение «длинной» и «короткой» технологических цепочек в рамках плоско-выпуклого метода изготовления бифасиальных орудий было обосновано в работах, посвященных восточно-европейскому и, в частности, крымскому микроку (Демиденко 2003; Чабай 2004, 2015; Весельский 2008). В крымском микроку выделение «короткой» и «длинной» цепочек связывается с рядом факторов, в первую очередь с метрическими параметрами заготовок.

Как правило, «короткая» цепочка применялась для преобразования тонких плиток (до 2 см) кремня, а «длинная» – для редукиции толстых плиток и желваков (Чабай 2015). В рамках данной работы было отмечено, что толщина экспериментальных и археологических орудий «длинной» и «короткой» цепочек, в отличие от крымского микроку, совпадает.

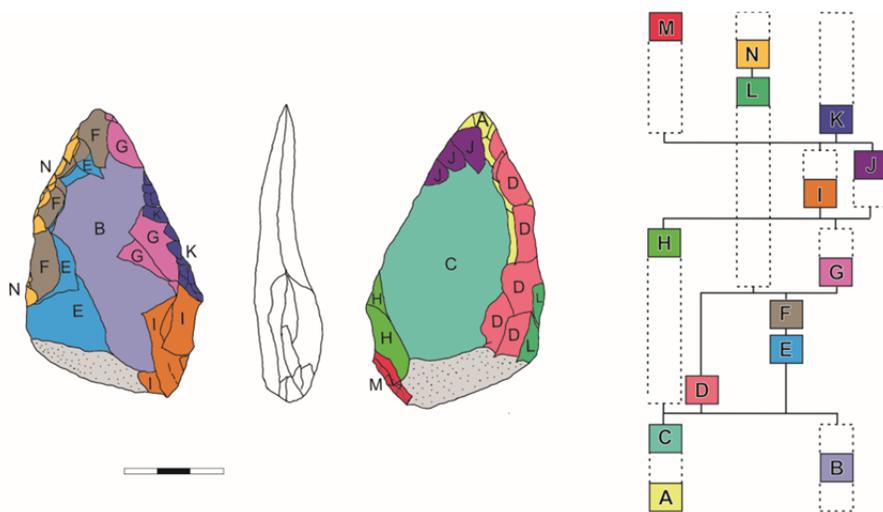

Рис. 6. Результат анализа последовательности сколов – цепочка оформления экспериментального бифасиального орудия

Метрические данные археологических и экспериментальных бифасиальных орудий приведены в диаграммах размаха (см. рис. 7), эти данные были использованы для проведения статистических тестов. Мы проверили нормальность распределения метрических данных с помощью критерия Шапиро – Уилка (табл. 1). Результаты проверки показали, что толщина археологических артефактов распределена не нормально, соответственно, было принято решение применять непараметрические тесты для всех выборок для обеспечения единообразного подхода.

Таблица 1

Значения критерия Шапиро – Уилка при определении нормальности распределения выборок метрических данных бифасиальных орудий

Параметр	Значение критерия Шапиро – Уилка	p
Длина археологических бифасиальных орудий	0,9441	0,0818
Ширина археологических бифасиальных орудий	0,9689	0,4325
Толщина археологических бифасиальных орудий	0,8675	0,0007
Длина экспериментальных бифасиальных орудий	0,9375	0,2373
Ширина экспериментальных бифасиальных орудий	0,9186	0,1064
Толщина экспериментальных бифасиальных орудий	0,9403	0,2671

Применение непараметрического теста Манна – Уитни для двух выборок к значениям длины, ширины и толщины бифасиальных изделий показало отсутствие статистических различий между археологическими орудиями «длинной» и «короткой» цепочек (табл. 2; рис. 7).

Такое подобие метрических параметров бифасиальных изделий «длинной» и «короткой» редуцированных цепочек, с одной стороны, может свидетельствовать об одинаковой степени их сработанности, а с другой – объясняться спецификой заготовок. В индустрии Чагырской пещеры «короткая» цепочка чаще всего реализовывалась не на плитках, а на сколах, поэтому изначальные параметры заготовок были гораздо толще.

Таблица 2

Значения непараметрических тестов Манна – Уитни (для двух выборок) и Краскела – Уоллиса (для четырех выборок) при сравнении выборок метрических данных бифасиальных орудий

Параметр	Значение теста Манна – Уитни	Значение теста Краскела – Уоллиса	<i>p</i>
Сравнение длины археологических бифасиальных орудий «длинной» и «короткой» цепочек	120,5	–	0,52
Сравнение ширины археологических бифасиальных орудий «длинной» и «короткой» цепочек	111,5	–	0,28
Сравнение толщины археологических бифасиальных орудий «длинной» и «короткой» цепочек	135	–	0,8
Сравнение длины археологических/экспериментальных бифасиальных орудий «длинной» и «короткой» цепочек	–	8,5	0,0364
Сравнение ширины археологических/экспериментальных бифасиальных орудий «длинной» и «короткой» цепочек	–	2,76	0,42
Сравнение толщины археологических/экспериментальных бифасиальных орудий «длинной» и «короткой» цепочек	–	14,61	0,0015

Наряду с этим оформление плоско-выпуклого бифасиального изделия из гальки, в целом, достаточно затратное с точки зрения экономии каменного сырья. Бóльший по сравнению со сколом объем галек теряется не только из-за множества подготовительных операций, но также и из-за того, что местное сырье, особенно высокого качества, содержит множество включений и внутренних трещин, что становится причиной сломов и сокращения размера изделия. В свою очередь изделия «короткой» цепочки часто изготавливались на массивных отщепах, в связи с

чем различия между метрическими параметрами «короткой» и «длинной» цепочек практически не фиксируются.

Результаты анализа последовательности сколов и наблюдение о том, что на экспериментальных орудиях фиксируется меньше групп негативов, чем на археологических, может свидетельствовать о переоформлении / подживлении археологических образцов. Данное обстоятельство проявляется и в метрических параметрах изделий, что можно зафиксировать путем сравнения археологической и экспериментальной выборок, поскольку в случае экспериментов бифасиальные орудия не подвергались использованию и переоформлению. Нами сравнивались четыре выборки бифасиальных изделий: археологические орудия «длинной» цепочки, археологические орудия «короткой цепочки», экспериментальные орудия «длинной» цепочки и экспериментальные орудия «короткой цепочки». Для сравнения четырех выборок применялся непараметрический тест Краскела – Уоллиса для нескольких выборок. Сравнение длины и толщины археологических и экспериментальных бифасиальных изделий продемонстрировало значительную разницу (см. табл. 2, рис. 7). При этом сравнение ширины археологических и экспериментальных бифасиальных изделий с использованием того же теста не показало значительных различий (табл. 2, рис. 7). Полученные результаты свидетельствуют о том, что археологические бифасы, вероятнее всего, переоформлялись, в результате чего редуцировалась их длина и толщина. Однако это было незначительное количество эпизодов переоформления, не более одного-двух, поскольку по ширине археологические и экспериментальные бифасиальные орудия статистически одинаковы.

Нужно отметить, что экспериментальные изделия, оформленные на гальках, в половине случаев имеют двояко-выпуклое сечение, несмотря на то, что сама обработка лезвий производилась в плоско-выпуклой манере. Плоско-выпуклого сечения удавалось достичь только путем оформления обушка на продольном крае изделия и последующего уплощения заготовки с него. Похожий прием создания обушка с последующим его удалением был зафиксирован в крымском микроке при ремонте преформы бифасиального орудия (Весельский 2009). Подтверждением использования этого приема в Чагырской пещере могут служить бифасиальные изделия с обушками, которые представляют собой оформленную площадку, при этом на некоторых предметах обушки практически удалены в процессе оформления (см. рис. 1, 3).

Использование различных типов отбойников показало, что на первых этапах эффективнее всего использовать твердый минеральный отбойник. Он лучше всего позволяет провести этап декортикации, особенно в тех случаях, когда на сырье фиксируется так называемая вторичная корка с полулунными трещинами. Для фасоннажа подходят как

твердый минеральный, так и мягкий минеральный отбойники. За исключением случаев, когда с яшмоидами и халцедонитами получалось работать только мягкими отбойниками. Использование твердого каменного отбойника приводило к разрушению сырья. Для ретуши рабочего края также подходят оба отбойника. Но для того чтобы сделать край более регулярным и острым, эффективнее всего подходит кость, которая обеспечивает проникающие распространённые снятия. Негативы на изделиях из археологической коллекции очень похожи на те, что фиксируются на экспериментальных изделиях, отретушированных костью. Однако для оформления рабочего лезвия костью в некоторых случаях требуется дополнительная подправка твердым минеральным отбойником.

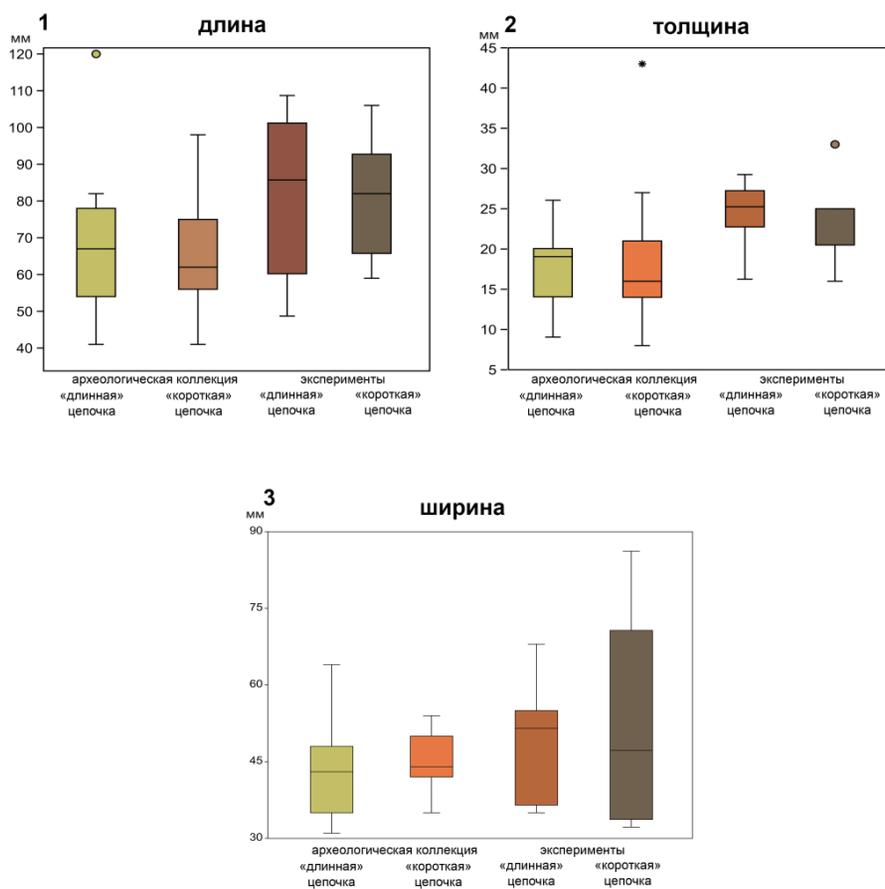

Рис. 7. Графики соотношения метрических параметров экспериментальных и археологических бифасиальных орудий, выполненных в рамках «длинной» и «короткой» цепочек: 1 – соотношение длины бифасиальных орудий; 2 – соотношение толщины бифасиальных орудий; 3 – соотношение ширины бифасиальных орудий

Активное использование костяных ретушеров в индустрии Чагырской пещеры подтверждается археологическим материалом. В отложенных пещеры было найдено более 1 000 костяных ретушеров, большая часть из которых сделана посредством фрагментации костей крупных и иногда мелких млекопитающих. Чаще всего это были плечевые кости, голени и бедренные кости бизона, гораздо реже лошади. Использование экспериментальных ретушеров из кости коровы разной степени сухости показало, что тот уровень сработанности, который фиксируется на археологических предметах, формируется достаточно быстро, в процессе оформления одного лезвия. Линейные и v-образные следы ударов, ориентированные поперек оси инструмента, на рабочей зоне экспериментальных изделий соответствуют тем, что обнаружены в коллекции. Также на сухих и полусухих экземплярах были зафиксированы небольшие выкрошенности, что тоже попадает под вариабельность следов на рабочей зоне археологических ретушеров.

Однако точное определение типов отбойников, использовавшихся при оформлении бифасиальных орудий в Чагырской пещере, требует детального изучения техники скола археологической и экспериментальной коллекции, для чего планируется проведение более широких экспериментов.

Заключение

Изучение бифасиальных орудий из Чагырской пещеры с помощью анализа последовательности сколов и серии экспериментов показало, что в традиции их изготовления реконструируется две основные редуционные цепочки: «длинная» и «короткая», что полностью соответствует данным по восточно-европейскому микоку (Чабай 2004, 2015). Использование цепочек в каждом конкретном случае было обусловлено разными типами заготовок. «Короткая» цепочка реализовывалась на плитках, сколах, иногда уплощенных гальках и была обусловлена наличием изначальной плоской стороны заготовки, с которой можно было при минимальной подправке начать оформление орудия. «Длинная» цепочка использовалась при оформлении бифасиальных орудий на гальках и галечных сколах, требовавших значительной подправки плоской стороны для удаления галечной корки и полулунных трещин на выпуклом фесе.

В отличие от восточно-европейского микока бифасиальные орудия «длинной» и «короткой» цепочек в индустрии Чагырской пещеры не отличаются по своим метрическим параметрам, что, вероятнее всего, свидетельствует об одинаковых метрических параметрах заготовок в рамках цепочек и о равной степени сработанности орудий. Статистическое сравнение метрических параметров экспериментальных непереоформленных

бифасиальных изделий продемонстрировало свидетельства в пользу единичных эпизодов поджигления археологических орудий.

Независимо от типа цепочки, оформление бифасиальных орудий в Чагырской пещере производилось с помощью двух основных приемов: плоско-выпуклого и плоско-выпуклого альтернативного. При изготовлении орудий на сколах это было обусловлено самой плоско-выпуклой формой заготовки. В случае изготовления бифасиальных орудий на гальках чаще всего плоско-выпуклая форма достигалась созданием вспомогательной ударной площадки на продольном крае изделия с последующим ее удалением для уплощения одного из фасов изделия. Данный прием также фиксируется в восточно-европейском микоке (Весельский 2009), а в индустрии Чагырской пещеры подтверждается наличием в коллекции изделий с характерным остаточным обушком.

Как показала серия проведенных экспериментов, вероятнее всего, при изготовлении бифасиальных орудий древние мастера использовали мягкий минеральный или твердый минеральный отбойник для обработки разных типов каменного сырья. Для ретуширования рабочего лезвия обычно применялись костяные ретушеры.

Изучение бифасиальных орудий в комплексах Чагырской пещеры, дополненное экспериментальным моделированием, позволило с высокой долей достоверности реконструировать несколько способов их изготовления. Зафиксированные технологические цепочки изготовления бифасиальных изделий в Чагырской пещере в целом соответствует цепочкам, известным в комплексах европейского микока, что интерпретируется нами как долговременное существование микокской традиции изготовления бифасиальных орудий (Kolobova et al. 2019, 2020). Все зафиксированные отличия между технологическими приемами в комплексах Чагырской пещеры и европейского микока обусловлены большим разнообразием каменного сырья, представленного в алтайской коллекции.

Благодарности

Авторы выражают благодарность франко-российской ассоциированной лаборатории ARTEMIR за компенсацию расходов по пребыванию российских участников во Франции во время реализации экспериментальной программы в провинции Дордонь и лично Хьюгу Плиссону за предоставленные фотографии экспериментов. Также авторы выражают благодарность младшему научному сотруднику лаборатории «ЦифрА» ИАЭТ СО РАН П.В. Чистякову за трехмерное сканирование экспериментальных орудий. Авторы благодарны сотруднику Института геологических наук Польской академии наук М. Крайцажу за петрографическое определение галечного сырья для экспериментов.

Литература

Весельский А.П. Реконструкция процесса изготовления двусторонних микокских орудий // Актуальные проблемы первобытной археологии Восточной Европы: матери-

- алы конференции (1–3 окт. 2008 г. Алушта) / Археологический альманах. № 20. Донецк: Донбасс, 2009. С. 88–109.
- Геологический словарь*: в 2 т. / отв. ред. К.Н. Паффенгольц. М.: Недра, 1978. Т. 2.
- Гиря Е.Ю.* Технологический анализ каменных индустрий (Методика микромакроанализа древних орудий труда. Ч. 2). СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1997.
- Демиденко Ю.Э.* Сколы обработки орудий, как индикатор особенностей и интенсивности процессов кремнеобработки и жизнедеятельности коллективов неандертальцев на стоянках среднего палеолита в контексте вариабельности индустрий крымской микокской традиции // Археологический альманах. 2003. № 13. С. 128–157.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Шуньков М.В.* Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. Т. 1, вып. 53. С. 89–103.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В.* Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 1. С. 16–42.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Колобова К.А., Чабай В.П., Рудая Н.А., Виола Б., Бужилова А.П., Медникова М.Б., Васильев С.К., Зыкин В.С., Зыкина В.С., Зажигин В.С., Вольвах А.О., Робертс Р.Г., Якобс З, Бо Ли.* Междисциплинарные исследования Чагьгьрской пещеры – стоянки среднего палеолита Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018.
- Колобова К.А., Маркин С.В., Шалагина А.В., Шнайдер С.В., Кривошапкин А.И.* Основные принципы отбора каменного сырья при производстве орудий в индустрии Чагьгьрской Пещеры // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019а. Т. 18, № 3. С. 53–61.
- Колобова К.А., Шалагина А.В., Маркин С.В., Кривошапкин А.И.* Определение бифасиального компонента в среднепалеолитических комплексах (по материалам Чагьгьрской пещеры) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019б. Т. 18, № 7. С. 98–111.
- Рыбин Е.П., Колобова К.А.* Средний палеолит Алтая: вариабельность и эволюция // Stratum plus. Культурная антропология и археология. 2009. № 1. С. 33–78.
- Харевич В.М., Акимова Е.В., Стасюк И.В., Томилова Е.А.* Технология производства пластин индустрии культурного слоя 19 стоянки Лиственка // Stratum plus. 2015. № 1. С. 321–331.
- Чабай В.П.* Средний палеолит Крыма. Симферополь: Шлях, 2004.
- Чабай В.П.* Специфические типы двусторонних орудий в микокке Крыма: стиль, стадия, случайность? // Следы в истории к 75-летию В.Е. Щелинского / отв. ред. О.В. Лозовская, В.М. Лозовской, Е.Ю. Гиря. СПб., 2015. С. 96–103.
- Шалагина А.В., Колобова К.А., Кривошапкин А.И.* Анализ последовательности сколов как инструмент реконструкции процесса изготовления каменных артефактов // Stratum plus. 2019. № 1. С. 145–154.
- Voeda E.* Caractéristiques techniques des chaînes opératoires lithiques des niveaux micoquens de Kulna (Tchécoslovaquie) // Paleo. 1995. № 1. P. 57–72.
- Derevianko A.P., Markin S.V., Kulik N.A., Kolobova K.A.* Lithic raw material exploitation in the Sibiryachikha facies, the Middle Paleolithic of Altai // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2015. № 43 (3). P. 3–16.
- Hammer Ø., Harper D.A.T., Ryan P.D.* PAST: Paleontological statistics software package for education and data analysis // Palaeontologia Electronica. 2001. № 4 (1). P. 1–9. URL: http://palaeo-electronica.org/2001_1/past/issue1_01.htm
- Jöris O.* Bifacially backed knives (Keilmesser) in the Central European Middle Palaeolithic // Axe age: Acheulian tool-making from quarry to discard / eds. by N. Goren-Inbar, G. Sharon. London, 2006. P. 287–310.
- Jöris O.* Keilmesser // Steinartefakte vom Altpaläolithikum bis in die Neuzeit / ed. by H. Floss. Tübingen: Kerns Verlag, 2012. P. 297–308.

- Kolobova K., Shalagina A., Chabai V., Markin S., Krivoschapkin A.* The significance of bifacial technologies in Altai Middle Paleolithic // *Anthropologie (France)*. 2019. Vol. 123, is. 2. P. 276–288.
- Kolobova K.A., Roberts R.G., Chabai V.P., Jacobs Z., Krajcarz M.T., Shalagina A.V., Krivoschapkin A.I., Li B., Uthmeier Th., Markin S.V., Morley M.W., O’Gorman K., Rudaya N.A., Talamo S., Viola B., Derevianko A.P.* Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia // *PNAS*. Jan. 2020. 201918047. DOI: 10.1073/pnas.1918047117
- Kot M.A.* The Earliest Middle Palaeolithic Bifacial Leafpoints in Central and Southern Europe: Technological Approach // *Quaternary International*. 2014. № 326–327. P. 381–397.
- Krivoschapkin A., Shalagina A., Baumann M., Shnaider S., Kolobova K.* Between Denisovans and Neanderthals: Strashnaya Cave in the Altai Mountains // *Antiquity*. 2018. Vol. 92 (365), e1.
- Rybin E.P., Kolobova K.A.* The structure of lithic industries and functionality of Paleolithic sites in Altay Mountains // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2004. № 4 (20). P. 20–34.
- Pastors A.* Standardization and individuality in the production process of bifacial tools – leaf-shaped scrapers from the middle Paleolithic open air site Sare Kaya I (Crimea) // *Neanderthals and Modern Humans – Discussing the Transition. Central and Eastern Europe from 50.000–30.000 B.P.* Mettmann: Neanderthal Museum, 2000. P. 243–255.

Статья поступила в редакцию 25 июня 2019 г.

Shalagina Alena V., Kharevich Vladimir M., Maury Serge, Baumann Malvina, Krivoschapkin Andrey I. and Kolobova Kseniya A.

RECONSTRUCTION OF THE BIFACIAL TECHNOLOGICAL SEQUENCE IN CHAGYRSKAYA CAVE ASSEMBLAGE*

DOI: 10.17223/2312461X/29/9

Abstract. There are three main cultural traditions in Altai’s Late Middle Paleolithic, dating back to MIS4: Denisovan, Kara-Bom, and Sibiriachikha. The Denisovan and Kara-Bom types are technologically and typologically similar and characterized by Levallois and flat parallel flaking, Levallois tools, notched and denticulate tools, as well as simple scrapers. The Sibiriachikha type significantly differs from them due to radial and predominantly orthogonal flaking accompanied by specific tool kit. In the Sibiriachikha assemblages, predominant are convergent tools such as déjeté scrapers and retouched points, typical for the European Micoquian assemblages, associated with Neanderthal human remains. The Sibiriachikha assemblages are characterized by the presence of tool-marker – plano-convex bifaces. The article presents research focused on the reconstruction of bifacial technology and conducted by means of scar-pattern analysis, experiments, and mathematical statistics. The research results allowed reconstructing and verifying the main technological stages in bifacial production, distinguishing two main technological sequences of bifacial production via plano-convex and plano-convex alternate techniques. In order to treat complete pebbles, the ‘long’ sequence was used, characterized by a significant amount of technical spalls and waste products such as cortical and partly cortical, *fasonnage* spalls, and bifacial thinning spalls. In order to produce bifaces from flakes and thin plaquettes, the ‘short’ sequence was used, characterized by fewer technical spalls and waste products. The experiments allowed verifying the obtained results and distinguishing concrete tools used in bifacial production. The combination of statistical analysis and scar-pattern analysis indicated isolated occasions of change in archaeological bifaces.

Keywords: Gornyi Altai, Middle Paleolithic, Sibiriachikha facies, bifaces, scar-pattern analysis, experiments

* The statistical analysis and scar-pattern analysis were performed as part of the Research Plan No. 0264-2019-0009 of the Institute of Archaeology and Ethnography (Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Novosibirsk, Russia). The study of the experimental collection and the analysis of bone assemblages from the Chagyr Cave were supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI) and Foundation Maison des Sciences de L'homme (project No. 19-59-22007 FDNCh_a, titled 'Cognitive abilities of and technology used by Eastern Neanderthals: Bone assemblages in the Middle Paleolithic of Siberia').

The authors are grateful to the French-Russian Associated Laboratory 'ARTEMIR' for funding the Russian research fellows' stay in France during the implementation of the experimental programme in the province of Dordogne and personally to Hugues Plisson for the provided photographs of experiments. The authors are also grateful to P.V. Chistiakov, Junior Research Fellow of the Laboratory 'TsifrA' at the Institute of Archaeology and Ethnography (Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Novosibirsk, Russia) for the 3D-scanning of experimental tools. Finally, the authors want to thank Maciej Krajcarz, Fellow of the Institute of Geological Sciences (Polish Academy of Sciences) for petrographic analysis of pebbles.

References

- Veselskii A.P. Rekonstruktsiia protsessa izgotovleniia dvustoronnikh mikokskikh orudii [Reconstructing bifacial Micoquian tool production]. In: *Aktual'nye problemy pervobytnoi arkheologii Vostochnoi Evropy: materialy konferentsii (1-3 okt. 2008 g. Alushta) / Arkheologicheskii al'manakh* [Current issues in the prehistoric archaeology of Eastern Europe: Conference proceedings (the city of Alushta, 1 to 3 October 2008)], no. 20. Donetsk: Donbass, 2009, pp. 88–109.
- Geologicheskii slovar' v dvukh tomakh* [Geological Dictionary in 2 volumes]. Ed. by K.N. Paffengol'ts. Vol. 2. Moscow: Nedra, 1978.
- Giria E.Iu. *Tekhnologicheskii analiz kamennykh industrii (Metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudii truda Ch. 2)* [Technological analysis of stone assemblages (micro-macro analysis of ancient tools, part 2)]. St. Petersburg: Izd-vo IIMK RAN, 1997.
- Demidenko Yu.E. Skoly obrabotki orudii, kak indikator osobennosti i intensivnosti processov kremneobrabotki i giznedeyatelnosti kollektivov neandertalcev na stoyankah srednego paleolita v kontekste variabelnosti industrii krymskoi mikokskoi tradicii. *Arheologicheskyy almanakh*, 2003, no. 13, pp. 128–157.
- Derevianko A.P., Markin S.V., Shun'kov M.V. Sibiriachikhinskii variant srednego paleolita Altaia [Sibiriachikha facies of the Middle Paleolithic in Altai], *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, 2013, Vol. 1, Is. 53, pp. 89–103.
- Derevianko A.P., Shun'kov M.V. Industrii s listovidnymi bifasami v srednem paleolite Gornogo Altaia [Leaf-shaped biface assemblages in the Middle Paleolithic in Gornyi Altai], *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, 2002, no. 1, pp. 16–42.
- Derevianko A.P., Markin S.V., Kolobova K.A., Chabai V.P., Rudaia N.A., Viola B., Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Vasil'ev S.K., Zykin V.S., Zykina V.S., Zazhigin V.S., Vol'vakh A.O., Roberts R.G., Iakobs Z, Bo Li. *Mezhdistsiplinarnyye issledovaniia Chagyrskoi peshchery – stoiarki srednego paleolita Altaia* [Interdisciplinary studies of the Chagyr Cave: Camps dating to the Middle Paleolithic in Altai]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2018.
- Kolobova K.A., Markin S.V., Shalagina A.V., Shnaider S.V., Krivoshapkin A.I. Osnovnye printsipy otbora kamennogo syr'ia pri proizvodstve orudii v industrii Chagyrskoi Peshchery [Basic principles of selecting stone raw materials in tool production found in the Chagyrskaya Peshchera], *Vestnik NGU. Seriya: Istorii, Filologiya*, 2019a, Vol. 18, no. 3, pp. 53–61.
- Kolobova K.A., Shalagina A.V., Markin S.V., Krivoshapkin A.I. Opredelenie bifasial'nogo komponenta v srednepaleoliticheskikh kompleksakh (po materialam Chagyrskoi peshchery) [Identification of bifacial components in the Middle Paleolithic techno-complexes

- (based on the Chagyrskaya Cave assemblages)], *Vestnik NGU. Seriya: Istorii, filologiya*, 2019b, Vol. 18, no. 7, pp. 98–111.
- Rybin E. P., Kolobova K.A. Srednii paleolit Altaia: variabel'nost' i evoliutsiia [The Middle Paleolithic of Altai: Variability and evolution], *Stratum plus. Kul'turnaia antropologiya i arkhologiya*, 2009, no. 1, pp. 33–78.
- Kharevich V.M., Akimova E.V., Stasiuk I.V., Tomilova E.A. Tekhnologiya proizvodstva plastin industrii kul'turnogo sloia 19 stoianki Listvenka [Blade production technology in the Layer 19 on the Listvenka site], *Stratum plus*, 2015, no. 1, pp. 321–331
- Chabai V.P. *Srednii paleolit Kryma* [The Middle Paleolithic of Crimea]. Simferopol': Shliakh, 2004.
- Chabai V.P. Spetsificheskie tipy dvustoronnikh orudii v mikroze Kryma: stil', stadiia, sluchainost'? [Distinctive types of bifacial tools in the Micoquian period in Crimea: Style, date, level of possibility]. In: *Sledy v istorii k 75-letiiu V.E. Shchelinskogo* [Traces in History, dedicated to the 75th Anniversary of V.E. Shchelinskii]. Eds. O.V. Lozovskaia, V.M. Lozovskoi, E.Iu. Giria. Saint Petersburg, 2015, pp. 96–103.
- Shalagina A.V., Kolobova K.A., Krivoshepkin A.I. Analiz posledovatel'nosti skolon kak instrument rekonstruktsii protsessa izgotovleniia kamennykh artefaktov [Scar-pattern analysis as a method for the reconstruction of sequences in lithic artifact production], *Stratum plus*, 2019, no. 1, pp. 145–154.
- Boeda E. Caractéristiques techniques des chaînes opératoires lithiques des niveaux micoquens de Kulna (Tchécoslovaquie), *Paleo*, 1995, no. 1, pp. 57–72.
- Derevianko A. P., Markin S. V., Kulik N. A., Kolobova, K. A. Lithic raw material exploitation in the Sibiriyachikha facies, the Middle Paleolithic of Altai, *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015, no. 43 (3), pp. 3–16.
- Hammer Ø., Harper D.A.T., Ryan P.D. PAST: Paleontological statistics software package for education and data analysis, *Palaeontologia Electronica*, 2001, no. 4 (1), pp. 1–9. URL: http://palaeo-electronica.org/2001_1/past/issue1_01.htm
- Jöris O. Bifacially backed knives (Keilmesser) in the Central European Middle Palaeolithic. In: *Axe age: Acheulian tool-making from quarry to discard*. eds. by N. Goren-Inbar, G. Sharon. London, 2006, pp. 287–310.
- Jöris O. Keilmesser. In: *Steinartefakte vom Altpaläolithikum bis in die Neuzeit*. ed. by H. Floss. Tübingen: Kerns Verlag, 2012, pp. 297–308.
- Kolobova K., Shalagina A., Chabai V., Markin S., Krivoshepkin A. The significance of bifacial technologies in Altai Middle Paleolithic, *Anthropologie* (France), 2019, Vol. 123, Is. 2, pp. 276–288.
- Kolobova K.A., Roberts R.G., Chabai V.P., Jacobs Z., Krajcarz M.T., Shalagina A.V., Krivoshepkin A.I., Li B., Uthmeier Th., Markin S.V., Morley M.W., O'Gorman K., Rudaya N.A., Talamo S., Viola B., Derevianko A.P. Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia, *PNAS*, Jan. 2020, 201918047. DOI: 10.1073/pnas.1918047117
- Kot M.A. The Earliest Middle Palaeolithic Bifacial Leafpoints in Central and Southern Europe: Technological Approach, *Quaternary International*, 2014, no. 326–327, pp. 381–397.
- Krivoshepkin A., Shalagina A., Baumann M., Shnaider S., Kolobova K. Between Denisovans and Neanderthals: Strashnaya Cave in the Altai Mountains, *Antiquity*, 2018, Vol. 92(365), e1.
- Rybin E.P., Kolobova K.A. The structure of lithic industries and functionality of Paleolithic sites in Altai Mountains, *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2004, no. 4 (20), pp. 20–34.
- Pastors A. Standardization and individuality in the production process of bifacial tools – leaf-shaped scrapers from the middle Paleolithic open air site Sare Kaya I (Crimea). In: *Neanderthals and Modern Humans – Discussing the Transition. Central and Eastern Europe from 50.000 – 30.000 B.P.* Mettmann: Neanderthal Museum, 2000, pp. 243–255.

УДК 398

DOI: 10.17223/2312461X/29/10

**НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ЭКСПЕДИЦИИ
БРАТЬЕВ Б.М. И Ю.М. СОКОЛОВЫХ
НА РУССКИЙ СЕВЕР «ПО СЛЕДАМ
РЫБНИКОВА И ГИЛЬФЕРДИНГА»
(1926–1928 гг.)***

Мариям Мустафаевна Керимова

Аннотация. Анализируются научное творчество, методы, методика и принципы полевой работы Б.М. и Ю.М. Соколовых. Основное внимание уделено знаменитой экспедиции на Русский Север «По следам Рыбникова и Гильфердинга», результаты которой внесли неоценимый вклад в развитие российской фольклористики и этнографии и прославили братьев Соколовых. Для иллюстрации их экспедиционной деятельности в Заонежье, Пудожском крае и Кенозерье к тексту статьи прилагаются ранее неизвестные письма выдающегося этнографа и фольклориста Бориса Матвеевича Соколова (1889–1930) (Керимова 2017: 16–28), хранящиеся в его семейном архиве.

Ключевые слова: Б.М. Соколов, Ю.М. Соколов, Русский Север, экспедиция «По следам Рыбникова и Гильфердинга», былинный эпос, полевая этнография, комплексные исследования, собирательская методика, коллективная запись

**Влияние «исторической школы».
Б.М. и Ю.М. Соколовы в поисках метода**

Братья-близнецы Борис Матвеевич и Юрий Матвеевич Соколовы, названные «русскими братьями Гримм» (Коккьяра 1960: 562), принадлежат к числу ученых, диапазон научных интересов которых был чрезвычайно широк и многогранен. Но больше всего прославились они как собиратели и теоретики-фольклористы, организаторы этнографической науки и музейного дела. Научные воззрения Соколовых формировались в русле основных концепций и установок «исторической школы» – господствующего направления в русской фольклористике конца XIX – начала XX в. Студенты историко-филологического факультета Московского университета, ученики профессора, а затем ординарного академика Императорской Академии наук В.Ф. Миллера, братья Соколовы восприняли методологию и проблематику этой школы. Школа В.Ф. Миллера «в известной мере противостояла и методике формалистического нанизывания отдельных фактов без стремления осмыслить

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

их, и приемам, выработанным теорией заимствования, не говоря уже о мифологической школе, против которой ожесточенно выступал и сам основоположник исторической школы и его ученики... Миллер выдвинул требование изучать историю былин и отражение истории в былинах, отвечая на вопросы: где, когда, на основе каких исторических фактов и под влиянием каких поэтических источников – чужих или своих – создавались произведения народного искусства» (Чичеров 1959: 94–95).

Фактически «историческая школа» не занималась идейно-художественным анализом произведений: она рассматривала лишь то, что отражается в былинах, сказках и других произведениях фольклора, не затрагивала вопрос о трактовании изображаемого и о том, с каких позиций оно освещается. Это приводило к утверждению, что героический эпос создан господствующими классами. «Позитивизм исследований, недостаточное внимание к идейной сущности народной поэзии неизбежно вели к аристократической теории происхождения былевого эпоса, к выдвиганию тезиса, что народ не творит, а лишь воспроизводит созданное господствующими классами» (Там же). Борясь с пережитками мифологической школы в фольклористике, представители «исторической школы» впадали в грубые методологические ошибки. В их работах сказывался недоучет поэтической природы фольклорных произведений, наивно реалистический подход к поэтическим образам, отождествление изображающей среды со средой изображаемой (Гофман, Минц 1948: 16). Используя преимущества и все ценное, что присутствовало в школе В.Ф. Миллера, братья Б.М. и Ю.М. Соколовы, тем не менее, исторический принцип (метод) старались увязать с мифологическим и сравнительным (и наоборот), что отнюдь не приносило «исторической школы».

В поисках метода они, опираясь на традиции русской дореволюционной науки, пытались соотнести ее достижения и выводы с запросами и потребностями нового времени. Как писал Ю.М. Соколов, больше всего сил тогда «было затрачено на установление исторической основы былин, а также на определение социальных слоев, в которых и для которых былины слагались» (Соколов 1927: 3). Следование основным принципам «исторической школы» при широком применении Б.М. и Ю.М. Соколовыми «историко-социологического» или «социально-экономического» метода, использовавшего формальный анализ фольклора, не меняло существа методологии «исторической школы», а лишь расширяло сферу исторических разысканий. Однако опыты социологического детерминирования фольклора, несмотря на ошибки в объяснении историзма ряда былин, отдельных видов сказок и обрядовой поэзии, позволили братьям Соколовым прийти к заключению, что вопрос о заимствованиях в крестьянском творчестве из творчества и быта других культурных классов следует значительно ограничить и пересмотреть. Исследователь творчества братьев Соколовых В.А. Бахтина отмечает,

что социологический анализ был предложен еще дореволюционной наукой, но в ней он присутствовал в ряду других подходов, и его понимание было более емким и широким (Бахтина 2000: 63). Представление об объеме и характере терминов «социология», «социологизация», «социальное» у братьев Соколовых претерпело изменения, совершив крен в сторону социального происхождения фольклора, связи поэтического текста с окружающей бытовой, экономической и общественной жизнью. Критически оценивая «историческую школу», Б.М. и Ю.М. Соколовы указывали на ее ограниченность, на отсутствие в работе исследователей, пользующихся этой методикой, должной конкретизации «в местном и бытовом отношении», на игнорирование социологических и историко-экономических аспектов (Померанцева 1971: 209).

Б.М. и Ю.М. (слева) Соколовы. Ранняя весна 1919 г.

Рис. 1. Фотография из книги: Из далеких двадцатых годов двадцатого века (исповедальная переписка фольклористов Б.М. и Ю.М. Соколовых). М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 5 (Введение. Бахтина В.А. Переписка Б.М. и Ю.М. Соколовых (20-е годы))

Ю.М. Соколов писал о том, что фольклорный вариант можно рассматривать не только по горизонтали в его переходе от народа к народу, но и по вертикали – от одной классовой среды к другой (Соколов 1928). Таким образом, братья Соколовы применяли социологический анализ для выяснения социального происхождения, поиска классовых корней как носителей фольклора, так и героев фольклорных произведений.

Начало и расцвет научного творчества Соколовых совпали со временем, когда преобладающее значение в науке имели полевая фольклористика и этнография, акцентирующие внимание исследователей на разных сторонах народного быта и культуры, на детальном изучении всех их аспектов. В советское время эти ученые фактически заложили основу качественно новому направлению полевых исследований, плодотворные принципы которых сохраняют свое значение по сей день. «Теоретические и методологические искания и установки» они ставили во главу своей деятельности, а результаты полевых исследований корректировали их научные позиции (Соколов 1931: 281) (см. рис. 1).

Эволюция эпической традиции. Принципы и методика исследовательской работы братьев Б.М. и Ю.М. Соколовых

Наставник братьев Соколовых В.Ф. Миллер, исследовавший еще с 1890-х гг. историю русского былинного эпоса, в качестве научной задачи поставил проблему генезиса и географического распространения эпоса. Решение ее требовало разысканий и новых записей былин. Теоретические рассуждения ученых-современников о значении Новгорода как центра происхождения северной былинной традиции привлекли внимание Б.М. и Ю.М. Соколовых к районам, ранее входившим в состав земель Великого Новгорода. Они в основном разделяли точку зрения В.Ф. Миллера на причины утраты былин в Новгородской губернии, но полагали, что остатки их должны сохраниться в промежуточных районах между Новгородом и живым очагом былинной поэзии – Онежской губернией. Выбрав северные районы Новгородской губернии местом обследования, они предприняли туда две экспедиции. Для первой поездки (лето 1908 г.) ими был избран Белозерский уезд, здесь они обследовали шесть деревень. Во второй поездке в Кирилловский уезд (лето 1909 г.) Соколовы провели этнографические наблюдения в 21 населенном пункте и записали фольклор в г. Кириллове. Сборник «Сказки и песни Белозерского Края», вышедший из печати в 1915 г., получил широкий научный резонанс. Помимо собранных 1 189 произведений фольклора его предваряли ценные очерки и научные статьи «За сказками и песнями» (из путевых впечатлений), «Белозерская деревня и ее быт», «Краткий очерк местного говора». Сборник был удостоен премии академика А.А. Шахматова, но его изъяли из продажи, и он был допущен Академией наук лишь для закрытого пользования. Причиной этому послужило то, что в нем содер-

жалось немало произведений социально-обличительного фольклора, а правдивое описание тяжелого положения белозерского крестьянства после революции 1905 г., представленное братьями Соколовыми в предва­ривших его очерках и статьях, придавало ему политическую окраску.

Комплексные исследования, а именно монографическое соби­рание фольклора, соединенное с этнографическим изучением района, – один из принципов экспедиционной деятельности Б.М. и Ю.М. Соколовых. Не случайно Ю.М. Соколов подчеркивал, что фольклористику «нельзя оторвать от этнографии», «синкретическая форма фольклорных произ­ведений, устная традиция большинства из них» связаны с бытом и хозяй­ством (Соколов 1926: 25–26), считал, что «во всяком поэтическом произ­ведении устного слова звучат и отголоски седой старины, и мотивы нового времени» (Соколов 1924: 280).

Братья Соколовы использовали приемы сближения с населением и особую методику исследований: объективность, полноту, точность записи произведений и сведений как в старшем, так и молодом поколении в есте­ственных условиях исполнения. Это обуславливало высокое научное каче­ство фольклорного и этнографического материала, раскрывало действи­тельную картину жизни. Такое полустационарное (непродолжительное и повторяющиеся в течение 3 лет), всестороннее изучение поэтической тра­диции определенного района исследователями Севера до Б.М. и Ю.М. Со­коловых практически не осуществлялось. Предшествующие публикации сосланного в 1859 г. в Олонецкую губернию революционера-этнографа П.Н. Рыбникова («Песни, собранные П.Н. Рыбниковым» (1861–1867 гг.)), А.Ф. Гильфердинга, дважды побывавшего в Олонецкой губернии (1871, 1872) («Онежские былины», 1873), А.В. Маркова, совершившего шесть поездок на Русский Север («Беломорские былины», 1901), А.Д. Григорье­ва, издавшего два тома: «Архангельские былины и исторические песни» (1904, 1939), Н.Е. Ончукова, 6 раз побывавшего в разных районах Русско­го Севера и опубликовавшего «Печорские былины» (1904) и «Северные сказки. Архангельская и Олонецкая губ.» (1908), охватывали многочис­ленные уезды, но они уделяли недостаточное внимание изучению бытова­ния фольклора и среды носителей.

Братья Соколовы понимали, что вопрос об эволюции эпического твор­чества может быть поставлен только при наличии материала, собранного в разные периоды, но непременно в одном и том же районе и в одной и той же социальной среде. Именно эта мысль сподвигла их, спустя более пол­века, совершить экспедицию «По следам Рыбникова и Гильфердинга».

Соколовы отмечали постепенное угасание былинной эпической тра­диции на Русском Севере, поэтому писали о неотложной задаче скорейшей его фиксации. Признаки отмирания эпической традиции они связывали исключительно с возрастом исполнителей, передававших свои тексты на запись. От пожилых людей, певших эпические песни лишь изредка, да еще

застигнутых собирателям врасплох, естественно, нельзя было ожидать совершенного исполнения, то же самое можно было бы сказать и о людях среднего возраста. Поэтому нужны были контрольные записи также и от людей моложе тех, от которых записывался фольклор в экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга». Однако такие попытки, насколько известно, не предпринимались ни на Кенозере, ни в других местах. Всюду собиратели делали записи почти исключительно от пожилых людей (Смирнов 2004: 305–322). Такого рода соображения привели Соколовых к убеждению, что со смертью старшего поколения былина навсегда замрет в устах северного крестьянства. Позднее ученик Б.М. Соколова В.И. Чичеров, анализирувавший былевую поэзию 1920-х гг., отмечал, что она сохранялась на Кенозере в виде застывшей традиции у учеников мастеров эпоса 60–70-х гг. XIX в. Ее хранители, воспринявшие варианты от известных сказителей, воспроизводили их с точностью, измеряемой их памятью, являясь исполнителями былин, почерпнутых некогда от прежних сказителей (Чичеров 2015: 36).

Братья Соколовы, независимо один от другого, стали использовать уникальную методику коллективной записи фольклорных произведений, о чем сообщали друг другу в переписке 1920 г. (Бахтина 2002). Понимание этой методики впервые было ими раскрыто в статье «Поэзия деревни» (1926). Она состояла в том, что участники экспедиции распределялись на группы по два-три человека с определенным жанровым заданием каждой. Материалы иных жанровых разновидностей также записывались, но попутно. В процесс фиксации должны были быть вовлечены все члены группы, а по окончании записи было необходимо произвести сверку, и таким образом достигался довольно точный текст и появлялась возможность взаимной проверки (Соколовы Б.М. и Ю.М. 1926: 43). Запись велась каждым из группы, и беловой текст появлялся в результате сведения (см. текст письма с. 19, 21) трех записей в одну. Как отмечал Ю.М. Соколов, только при коллективной записи возможно уловить и передать все сопутствующие пению или рассказыванию моменты. «Как описать мимику, жесты, интонацию певцов и рассказчиков? Как подметить все это, а подметив, сохранить и передать другим? Ведь один голый текст песни без соответствующей записи интонации, артистических приемов исполнения и т.д. – не точен, как и текст песни без нот» (с. 39–40). Позднее, уже после возвращения из экспедиций 1926–1928 гг., Ю.М. Соколов писал следующее о методике их работы: «Мы большей частью выбирали в районе, так сказать, базу (около волостного центра) и делали оттуда экскурсии в разных направлениях, возвращаясь на базу для отдыха и приведения в порядок собранного материала. Нередко приглашали хороших, много знающих сказителей к себе, чтобы вести запись в более спокойной обстановке. По деревням приходилось обычно работать в избах, битком набитых народом; всем интересно послушать фонограф, посмотреть, как отличается кто-нибудь из своих дере-

венских стариков, оценить искусство своих односельчан (нередко высказывались глубоко верные и принципиальные суждения) или – бывало и это – попросту даже поглазеть, как быстро бегают в наших руках карандаши... В своей записи мы не применяли стенографии... техника записи была обычно такова: в первой поездке двое писали первую половину строки, немного переходя за цезуру, двое других – вторую половину, начиная немного раньше цезуры. Во второй и третьей поездках (на Кенозеро и Водлозеро) экспедиция производила записи двумя отрядами, по 3 человека в каждом. Ввиду того, что при указанном способе записи некоторые недочеты (в виде пропусков) падали большей частью на середину стиха, работа стала распределяться между тремя участниками: на одного падало начало записи, на другого конец и на третьего, естественно захватывающего боковые области, середина стиха.

Таким образом, строку можно было записать с достаточной точностью. Не записывали мы сразу всей строки потому, что тогда пришлось бы останавливать сказителя или заставлять его петь значительно медленнее, чем обычно, а опыт нас уже научил, что точный и хороший текст можно получить от сказителя только тогда, когда сохранены условия привычного, естественного исполнения. Коллективная запись сама по себе, конечно, тоже более надежна, чем единоличная. Только по коллективной записи убеждаешься в том, как индивидуально, субъективно бывает иногда восприятие собирателя. Нередко у нас возникали горячие споры относительно отдельных звуков и даже слов, особенно же эвфонических частиц – да, дай, ай, ой, ах, эх, и, й, ну-й, нынь и т.п. Повторная проверка у певца не всегда может быть надежной, так как при исполнении эти частицы то и дело варьируют. Мы старались в ближайший срок после записи, по свежим следам, производить “сводку” и большей частью тут же начисто переписывали окончательный текст» (Соколов 1948: 6–7).

Итак, при методике коллективной записи, применяемой братьями Соколовыми, один и тот же текст прослушивался одновременно несколькими собирателями, но фиксироваться ими мог по-разному: только начальными стихами, серединой стихов, окончанием стихов, иногда, если успевали, полными стихами. Число сведенных в полевых условиях записей различалось: текст мог быть сведен единожды, в тетради только одного участника записи, но иногда он сводился в тетрадях двух и даже четырех собирателей. Встречались факты одновременной полной записи всего текста всеми присутствующими членами экспедиции, если необходимость разделения труда отпадала вследствие неторопливой манеры исполнения, повторения каждого стиха дважды, передышек певца и т.д. (Бахтина 2013: 31–40).

Как видим, эта экспедиция, преследовавшая основную цель сравнения эпической традиции прошлого и настоящего, не случайно привлекла пристальное внимание ученых и вызвала повторные поездки на Русский Север. За ней последовали экспедиции: Государственного инсти-

туда истории искусств 1926 г. под руководством К.К. Романова, студентов этнографического отделения Ленинградского историко-литературного института под руководством Д.А. Золотарева (1931 г.), экспедиция ученого-фольклориста и этнографа А.Н. Нечаева на Белое море (1938), издавшего «Сказки Карельского Беломорья» (1939) и множество книг русских народных сказок. Поездка на Кенозеро, осуществленная в 1940-х гг. сотрудниками Института этнографии АН СССР (Г.С. Маслова и др.), подтвердила исчезновение былин из устного бытования в кенозерских деревнях и селах (Чичеров 2015: 37). Затем последовали поездки студентов Московского государственного университета под руководством Э.В. Померанцевой (1956 г.), Ю.А. Новикова и Ю.И. Смирнова (1958–1959 гг.), поставивших перед собой цель выяснения состояния эпической традиции после посещения Кенозерья братьями Соколовыми, многочисленные экспедиции МГУ (1958–1970 гг.), также констатировавшие затухание традиции пения былин. Деревни Кижской волости неоднократно обследовались сотрудниками Карельского научно-исследовательского института (ныне Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН) (Кузнецова 2014: 290–291).

Маршрут, состав и итоги экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга»

Отправляясь в эту поездку, Соколовы имели за плечами огромный опыт полевой работы: разные уезды Тверской и Московской губерний (Ю.М. Соколов, 1920–1930 гг.), Саратовской губернии, экспедиции к многочисленным народам Волго-Камья, к шапсургам Адыгеи (Б.М. Соколов, 1919–1930 гг.). Экспедиция, о которой речь идет в данной статье, как уже отмечалось выше, носила комплексный характер: исследования эпической традиции и сбор полевой информации по разным сферам материальной и духовной культуры населения этого региона. Она стала самым значимым проектом фольклорной подсекции Государственной академии художественных наук (ГАХН) и Главнауки, финансировалась этими учреждениями и проходила в летние месяцы 1926, 1927, 1928 гг. В экспедиции 1926–1928 гг. применялся кустовой метод обследования деревень (см. текст писем). Как отмечает Т.Г. Иванова, обследование Заонежья через 60–70 лет после того, как там побывали первые собиратели, позволило фольклористам проследить изменения, произошедшие в течение нескольких десятилетий в песенно-эпической традиции, причем фиксировали они не только былины, исторические песни, духовные стихи, но и другие виды фольклора (Иванова 2009: 54–55). Кроме того, Соколовы никогда в своих многочисленных экспедициях не ставили четко обозначенной задачи ограничивать себя только сбором фольклорного материала, они рассматривали слитность его с обычаями и обрядами, ритуалами, религией, народными верованиями населения, акцентировали

внимание на топонимике изучаемого региона. Заслуга ученых состояла в том, что ими было поставлено в то время в качестве основной научной проблемы изучение состояния фольклора и народной культуры в целом в условиях социально-бытового окружения и тех процессов, которые совершались в традиционной народной культуре и поэтическом творчестве под влиянием Октябрьской революции (Коротин 1968: 124).

Состав и количество участников экспедиции менялись. В 1926 г. из-за серьезной болезни Борис Матвеевич Соколов не смог принять участие в поездке (маршрут: Кизи и Пудожский берег), поэтому экспедицию возглавил его брат Юрий Матвеевич. В ее состав вошли: научный сотрудник ГАХН, супруга Ю.М. Соколова В.А. Дынник, сотрудник Центрального музея народоведения в Москве (ЦМН) Ю.А. Самарин, писатель и журналист С.П. Бородин, его жена Э.Г. Бородина-Морозова и музыкант-этнограф С.М. Любский. В 1927 г. экспедицией руководили оба брата (маршрут: Каргопольщина – Кенозеро), вместе с ними в поездке участвовали: В.А. Дынник, С.П. Бородин, искусствовед, научный сотрудник ЦМН М.А. Ильин, студенты 2-го МГУ П.А. Грушников и В.И. Чичеров. В 1928 г. экспедицией руководил Б.М. Соколов (маршрут: Пудожский берег Онежского озера, р. Шала, Водлозеро, Сумозеро, Рагнозеро). В поездке этого года вновь принимали участие: С.П. Бородин, Э.Г. Бородина-Морозова, Ю.А. Самарин, В.И. Чичеров (От редакции 1948: 1), а также И.С. Ильинская, В.И. Яковлева, Н.Г. Аполлова (рис. 2).

Рис. 2. Экспедиция 1928 г. на берегу реки Шалы (у деревни Семеновское). Справа налево: Б.М. Соколов, Ю.А. Самарин, И.С. Ильинская, Э.Г. Бородина-Морозова, С.И. Бородин, В.И. Яковлева; внизу – В.И. Чичеров, Н.Г. Аполлова. Из книги: Онежские былины / под ред. В.И. Чичерова. М.: Гос. лит. музей, 1948. С. 8

Коллективно-комплексные экспедиции под руководством братьев Соколовых стали новым словом в методологии собирательской деятельности.

Особенностью их было органическое слияние этнографической и фольклорной работы, собирательских и исследовательских задач, культурно-просветительской работы в советских селах. Методика записи была поднята ими на непревзойденную для того этапа развития науки высоту. В центре научных разысканий братьев Соколовых стоял вопрос о современном состоянии и последующей судьбе эпического наследия Заонежья. Причины сохранности эпоса объяснялись ими природными условиями и устойчивостью местных традиций. Взгляд на былины как на историческое произведение, желание найти в них мотивы, созвучные времени, хозяйственному и бытовому укладу, обусловили не только жизненность эпоса, но и возбуждали у сказителя творческую активность. Соколовы установили, что творческая инициатива, характерная в основном для старшего поколения, уже не могла создать «поэтических школ», способных передавать другим свое знание и мастерство. Качественно новых вариантов, переданных блестящими исполнителями: Г.А. Якушовым, Ф.А. Конашковым, Н.С. Богдановой, которых слышали в этом регионе братья Соколовы, создано не было. Поэтому одним из итогов экспедиции стала констатация ими исчезновения былинной традиции. В то же время обратили внимание на широкое бытование в этом регионе баллад, духовных стихов, исторических песен, сказок. Экспедиция братьев Соколовых «По следам Рыбникова и Гильфердинга», преследовавшая цель сравнительного изучения былевой традиции, в классической форме сохранившейся на Русском Севере, привлекла внимание ученых не только в России, но и за ее пределами, стала одним из крупнейших достижений советской фольклористики. Многожанровый сборник «Песни и сказки Белозерского края» (1915) и экспедиция «По следам Рыбникова и Гильфердинга (1926–1928) прославили этих ученых.

Приведенные ниже письма* свидетельствуют о подвижнической работе по изучению фольклора Русского Севера, демонстрируют методику сбора былинного эпоса и этнографических материалов, передают атмосферу экспедиционной жизни, служат своеобразным автокомментарием личностных качеств Б.М. и Ю.М. Соколовых.

* Материалы семейного архива были получены от Марины Константиновны Масленниковой – родственницы супруги Б.М. Соколова Веры Юльевны Соколовой (1895–1956) и в настоящее время временно хранятся в личном архиве автора настоящей публикации. Этот архив содержит несколько десятков писем (1911–1930), посланных им из экспедиций и командировок, ответную корреспонденцию его супруги Веры Юльевны Соколовой и немногочисленную переписку Б.М. Соколова и его жены с братом Юрием и сыном Львом. В ней ученый предстает прежде всего как собиратель и исследователь российского этнографического и фольклорного наследия, организатор науки и музейного дела, как чуткий и любящий муж и отец. Впоследствии эти материалы будут переданы в Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), где отложился основной фонд братьев Соколовых (РГАЛИ. Ф. 483). Приведенные в статье письма написаны карандашом, трудно разборчивой скорописью. Орфография и пунктуация писем сохранены.

Письма Б.М. Соколова из экспедиций 1927 и 1928 гг.

I.

Москва 24.VI.1927

Дорогая, милая моя Верочка и Левочка!¹

Завтра еду в экспедицию. Дел было много по музею² и особенно с журналом³, что некогда было серьезно подумать про экспедицию. Но у меня славные ребята студенты – я на них возложил хлопоты. Я обязательно со своими еду завтра. Юра с Валеё⁴ может быть задержатся до понедельника, они не успевают завтра устроиться с закупкой нужных для экспедиции вещей. А я не хочу даже на лишний день оставаться, т.к. на меня навалются новые дела, заседания и прочее. А я устал до чертиков... Едем на Кенозеро⁵. Оно находится на краю северном Вологодской губернии – на границе с Карельской республикой с запада и Архангельской губернией с севера. Т.к. никак туда лучше и удобнее добраться, то едем на Вологду. В Вологде пробудем дня два, все выясню, куда давать в неделю раз телеграммы о здоровье, т.к. надеяться на скорое дохождение туда писем не приходится. И я буду стараться давать телеграммы. Во всяком случае, из Вологды напишу... Пришлось сейчас кое-что купить себе для северной экспедиции: 1) непромокаемый плащ, 2) сапоги, 3) теплую верхнюю фуфайку, 4) суровую толстовку с брюками, 5) клетчатую желтую рубашку. Беру с собой обе пары старых брюк и теплый свитер, и серый пиджак. Заграничные костюмы и белье оставил в Москве... <...>. Завтра мне обещали от Этномира⁶ дать аванс – 75 руб.; из них я тебе пришлю 50 руб. Думаю, тебе до меня хватит.

Купи (в Гайвороне⁷ – М.К.) украинской посуды – тарелок, мисок, кувшинов. Это для новой квартиры будет очень интересно – можно послать в Москву в особом ящике по железной дороге на Музей. Сшей себе украинский костюм, к тебе пойдет. Правда, сделай! <...>. Сотрудники музея почти все разъехались в экспедиции. Сейчас прошел слух, что Куфтин в день отъезда в экспе-

¹ См. рис. 3.

² С 1924 по 1930 г. Б.М. Соколов занимал пост директора Центрального музея народоведения (ЦМН) в Москве, переименованного в 1931 г. в Музей народов СССР. В 1948 г. коллекции музея были переведены в Ленинград и легли в основу Государственного музея этнографии народов СССР (с 1992 г. по н. в. – РЭМ).

³ Имеется в виду журнал «Этнография», главным редактором которого с 1926 по 1930 г. был академик С.Ф. Ольденбург, а ответственным секретарем – Б.М. Соколов.

⁴ Имеются в виду Ю.М. Соколов (1889–1941) и его супруга Дынник-Соколова Валентина Александровна (1898–1979), вторая жена Ю.М. Соколова, русский и советский литературовед и переводчица, член Союза писателей СССР. Основные ее исследования были посвящены истории французской литературы.

⁵ Экспедиция братьев Б.М. и Ю.М. Соколовых работала на Кенозере в конце июня – середине июля 1927 г. В этом же регионе Русского Севера в 1887 г. собрали богатый этнографический материал большие друзья семьи Соколовых Н.Н. и В.Н. Харузины. Они посетили Кивач, долину р. Шуи, Укшезеро, восточный берег Онежского озера, г. Пудож, озеро Купецкое, Волдозеро, Кенозеро, Выгозеро, Соловецкий монастырь, Кемский и Кандалакшский заливы (См. подробнее: Керимова М.М. Жизнь, отданная науке. Семья этнографов Харузиных. Из истории российской этнографии (1880–1930-е годы). М.: Восточная литература, 2011. С. 404–409).

⁶ Под Этномиром имеется в виду Этнопарк и Этногалерея Центрального музея народоведения. Музей открылся 1 июня 1924 г. в здании Мамоновой дачи на Воробьевых горах (ныне ул. Косыгина, д. 4). Его первым директором был назначен Б.М. Соколов. Музей состоял из двух частей Этногалереи и расположенного рядом Этнопарка (открыт 1 июня того же года).

⁷ Город в Кировоградской области Украины, где В.Ю. Соколова находилась на отдыхе с сыном Левой.

дицию к тунгусам¹ развелся со своей очаровательной супругой² <...>. Шиллинг³ завтра уезжает на один месяц в отпуск в Воронежскую губернию. Затем до 20 августа в Москве, а потом на один месяц уедет в экспедицию на Кавказ.

Нынче с большим трудом получил из Этномира (точнее взял в Музее под их обязательство выдать деньги в понедельник – 75 руб.), но к сожалению, 50 руб. из них послать тебе не могу, т.к. получился ряд непредвиденных расходов <...>, пришлось многое купить в дорогу. Посылаю тебе, т.о. 30 руб. Думаю, что Вам хватит. Я числа 16 думаю в Москву обязательно приехать, т.к. на 18. VII у меня назначено заседание Комитета⁴ в Академии.

На полях. Сегодня уезжаем все. Мне, главное, пришлось взять студента Грушников, частью на свои деньги, а частью на сбор среди профессоров. Но они тоже сейчас дать не могут, отдадут мне «после». Вот отчего приходится из Этномировских послать тебе только 30 руб. Пока всего хорошего. Крепко целую, обнимаю тебя и Левочку. Очень по Вас соскучился, но скоро увидимся. Не волнуйтесь, поправляйтесь и будьте здоровы и благополучны. Твой Борис.

Рис. 3. Фотография из книги: Из далеких двадцатых годов двадцатого века (исповедальная переписка фольклористов Б.М. и Ю.М. Соколовых). М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 13 (Введение. Бахтина В.А. Переписка Б.М. и Ю.М. Соколовых (20-е годы))

¹ Куфтин Борис Алексеевич (1892–1953) – российский археолог и этнограф, академик Академии наук Грузинской ССР (1946), профессор (1927). Специалист по народам Средней Азии, Сибири, Поволжья. В 1924–1930 гг. руководил отделом Сибири Центрального музея народоведения, в 1927–1928 гг. возглавлял экспедицию ЦМН по изучению палеоазиатских и тунгусо-маньчжурских народов.

² Имеется в виду Россова-Куфтина Агния Михайловна (1890–1980), первая жена Б.А. Куфтина, врач, этнограф. В 1924 г. совместно с ней Б.А. Куфтин провел экспедицию по Московской области, на материале которой была написана их совместная статья «У гончаров Дмитровского и Воскресенского уездов Московской губернии» (Б.А. Куфтин, А.М. Россова // Московский краевед. М., 1928. Вып. 5. С. 9–30).

³ Евгений Михайлович Шиллинг (1892–1953) – историк и этнограф, специалист по народам Кавказа. С момента создания Центрального музея народоведения (1924) был научным сотрудником отдела Кавказа и активным организатором сбора коллекций для нового музея, постоянно пополнял его предметами культуры и быта кавказских народов. С 1943 г. работал научным сотрудником (по совместительству) в секторе Кавказа Института этнографии АН СССР.

⁴ Для координации работ Академии наук в союзных и автономных республиках 3 апреля 1926 г. был образован Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик, в 1928 г. преобразованный в Комиссию экспедиционных исследований. В 1926 г. Б.М. Соколов был избран председателем Комитета по изучению искусств народов СССР при Государственной академии художественных наук (ГАХН).

II.

27.VI.1927 г. / Открытка

Дорогая, милая Верочка!

Пишу по дороге из Вологды к Няндоме (300 верст к северу еще). Оттуда лошадьми до г. Каргополя (80 верст), и оттуда на Кенозеро (еще 90 верст на лошадях). Наша база будет в д. Вершинино Кенозерской волости, где есть почтовое отделение, куда нужно писать.

Прписка. 27. VI. 3 ч. утра. Сидим на ст. Няндомы. Сейчас заняты наймом лошадей до г. Каргополя. Сии лошади будут дороже автобуса. Едем дружно. Очень рад, что со мной едут мои любимые студенты Грушников и Чичеров. Они несказанно рады и очень обо мне заботятся. Кроме них Юра, я, Валя, Ильинская, Бородин¹. Как-то Вы? Горячо любящий Вас Борис.

III.

1.VII.1927 г. Каргополь Вологодской губернии

Милая Верочка!

Вчера в ночь приехали в Каргополь, протрясясь 90 верст на телегах (2 суток) по плохой дороге от ж.д. станции Няндомы². Остановились здесь у одного учителя и сейчас хорошо выспались, взяв реванш за предыдущие бессонные ночи. Вчера осмотрели музей, город; устроили заседание с ответственными работниками и просвещенцами-краеведами. Все относится очень хорошо. Сегодня вечером выезжаем за 80 верст дальше на Кенозеро. На этом озере (на островах и вокруг) – около 30 деревень³, которые мы и будем замечать. На одной из остановок мы уже записали целую народную драму «Царь Максимилиан»⁴. Судя по всем данным на Кенозере мы вероятно, найдем не мало

¹ Бородин Сергей Петрович (1902–1974) – советский литературовед и прозаик, автор популярных исторических романов. До 1941 г. публиковался под псевдонимом Амир Саргиджан. Лауреат Сталинской премии второй степени (1942), народный писатель Узбекской ССР (1973). Вместе с Бородиным в экспедиции была его супруга Эрна Георгиевна Бородина-Морозова (1904–1974), переводчик по образованию, известна в первую очередь как собиратель фольклора. Участвовала в трех экспедициях «По следам Рыбникова и Гильфердинга» (1926–1928 гг.). Известна как публикатор своих записей (сборники «Былины М.С. Крюковой» в 2 т. и «Былины Печоры и Зимнего берега»), в 1936 г. собирала фольклор на Кузбассе и в г. Кемерово для сборника «Творчество народов СССР».

² До января 1917 г. Няндомы входила в Андреевскую волость Каргопольского уезда Олонецкой губернии с губернским центром в городе Петрозаводске и уездным – в Каргополе. С января 1917 г. по август 1929 г. Няндомы была включена в состав Каргопольского уезда Вологодской губернии.

³ В действительности в 1927 г. удалось обследовать около 40 деревень, в которых были произведены записи: Поромское, Першлахта, Телицыно, Щенник, Рыжково, Суетин-остров, Мыза у Суетин-острова, Усть-Поча, Мамоново, Майлахта-Ряпусово, Росляково, Федосово, Зехново, Вершинино, Щаниково, Спицино, Семеново, Городское (Бахтина В.А. Стихи Кенозерья (по материалам экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых 1926–1928 гг. «По следам Рыбникова и Гильфердинга»). Кенозерские чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия: сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции Архангельск, 2012. С. 31).

⁴ См.: «Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых. 1926–1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга» (Т. 2 / вступ. ст., подгот. текста, науч. коммент., справ. аппарат В.А. Бахтиной; отв. ред. В.М. Гацак; подгот. к печати нотировок Т.С. Шенталинской; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. М.: Наука, 2007, 2011). Этот том составляют жанры, собрание которых не определялось задачами экспедиции, их записывали «попутно», по предложению самих исполнителей. К ним относятся редкие варианты народной драмы «Царь Максимилиан», а также свадебный обрядовый фольклор, беседные песни-игры, похоронные причитания, заговоры, любовные и семейные песни, частушки, детский фольклор, сказки и несказочная проза (Подробнее об этом см.: Лойтер С.М. Экспедиция братьев Б.М. и Ю.М. Соколовых «По следам Рыбникова и Гильфер-

для себя интересного. Очень доволен я своими помощниками студентами; они очень ретивы на работу, очень отзывчивы, страшно рады, что я их взял, а главное, очень увлекаются нашей наукой. Обо мне заботятся как няньки. Я буду работать с ними особым отрядом. Это и им и мне гораздо больше улыбается. Не очень я доволен, что поехала Валя¹. Правда, в моем присутствии ей приходится сильно подтягиваться, а не быть дамой. Уж очень самолюбива и всячески старается, чтобы Юрий был «начальником» экспедиции. А тот, тоже, иногда ей поддается... Впрочем, это пустяки. Юрий будет работать с ней и Бородиным (не знаю за что его Юрий так выдвинул). Очень интересно нам с Юрием в этом крае. Ведь он прилегает (только севернее значительно) к уже обследованному нами Белозерскому краю. Много вспоминается. Как мы 18 лет назад еще студентами ездили по Северу². Леса, прекрасные, обширные как дворцы высокие крестьянские постройки, тихие без берегов глубокие реки, мягкость красот, тишина – это север. На солнце сейчас, увы, нельзя ехать, т.к. оводы до смерти могут замучить лошадей. Поэтому едем все время ночью, но ночей-то нет в нашем смысле слова, ибо здесь никогда не темнеет. Все светло – «белые ночи». Я ничего, люблю их. Едем в далекий район, но по простоте его называют северной Швейцарией – озера, острова, горы, говорят, нечто изумительное. Народ, с которым мы встречались, очень хороший. Все относится великолепно и сочувственно, начиная от властей и кончая крестьянами. Погода все время стоит исключительно солнечная, светлая, спокойная. Исключительно благоприятствует нашей поездке.

Как-то Вы, мои дорогие, здоровы ли? Поправились ли? Не очень ли уже засучали? Если жара, то возвращайтесь в Москву. <...> Например, мне бы очень улыбалось поехать по Волге до Саратова. Но отдаю все это в твои руки и на твоё рассмотрение. <...> О деньгах не думай, ведь по приезде я поучу: 1) все жалование из Университета (+ за июль); 2) в музее за 1 половину июля (+ 2 половину июля и 1 п. августа); 3) в Академии по комитету за июль – 50 руб. (+ за 2 пол. июля); 4) м.б. еще в Этномире что-нибудь... Т.о. получу 90 руб.+100+50 без вычетов, да + вперед 90+200+36: если захотим, то у нас будет денег 240+326=566. Ну, если уплатим за квартиру + пианино 50 руб., то хватит на трехнедельное путешествие по Волге. Ведь и ты, и Лева этому будете рады. Во всяком случае будут интересные, новые впечатления, а, кроме того, не придется мне ехать в Подольскую губ. Не лучше ли всем вместе м.б. еще куда-то поехать? Впрочем, как хотите. Мне очень хочется Вам доставить новые удовольствия, а самому Вас поскорее увидеть и придумать вместе что-то интересное.

Адрес мой: Кенозерское почтовое отделение, Каргопольск. у. Вологодской губ., Вершинино, для научной экспедиции проф. Б.М. Соколова

Адрес телеграфный: Ошевенское Каргопольского уезда, Вершинино, профессору Соколову.

Письма пишите чаще, закрытые и не очень большие. Лучше чаще. Здоровье мое хорошее, чувствую себя хорошо.

динг» и ее участница Е.В. Ржановская // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2012. № 1 (февраль). С. 61–66).

¹ Имеется в виду В.А. Дынник-Соколова.

² Речь идет о совместной экспедиции братьев Соколовых в студенческие годы (1908–1909) в Белозерский и Кирилловский уезды Новгородской губернии.

Приеду на Кенозеро, так будет жизнь планомернее. Правильнее будем ложиться спать. Это важно для самочувствия. Питаемся ничего – яйца, молоко, творог, сметана, простокваша. <...> Целую крепко. Обнимаю. Любящий Вас Б. Соколов.

/Притиска сбоку. Каргополь старинный захолустный город. Старые церкви. А сам город небольшой – вроде большого села. На реке Онеге.

IV.

9.VII.1927. д. Вершинино. Каргопольского уезда на Кенозере.

Дорогие Верочка и Левочка!

Пишу уже из одной деревни с Кенозера. Приехали сюда 4-го. Уж очень длинным был путь, много занял у нас времени. Вчера прибыли на Кенозеро и уже в первый же день записали две былины. Надеюсь на большую поживу. Чувствую себя хорошо, отсыпаемся после дороги. Ужас: комары, мошка. Я сплю одетым, в сетке на лице и в перчатках на руках, и то весь изъеден. А так чудесно. <...>

Телеграммы так ни одной не получил. Действительно заехали мы на край света, как говорят здесь крестьяне. Медведи заедают скот. Каждый день «режут» по 2–3 коровы в округе. Почта ходит 2 раза в неделю, телеграммы идут сначала почтой, потом телефоном, потом телеграфом¹. От того и от тебя телеграмм не получал. Сейчас мы с 5.VII переехали в д. Вершинино на мысу огромного озера (30 верст в длину) Кенозера. Это такая архаичность! Отдельные деревянные (б.ч. курные) избы с очень высоко поставленными окнами, деревянные часовенки в рощицах, кресты на дорогах. Сообщение на тряских телегах или на лодках.

Народ очень хороший. К нам относятся очень хорошо, очень приветливы и предупредительны как губернские, так и уездные и волостные власти. Хорошо понимают нашу научную задачу. Очень только устаешь, опрашивая и уговаривая мужиков «сказать старину». Урожай на них не очень большой. Уже былины явно вымирают, но все же за неделю активной работы (ибо неделя ушла на дорогу) мы записали 28 былин. Вообще я очень доволен севером. Я чувствую себя вполне здоровым, берегусь. Кушаю прилично – большей частью простокваша, яйца, уха, да еще топленое молоко. Сейчас спим в школе, где нет клопов и другой гадости. Столуемся у одной крестьянки. Очень чисто. Я кажется не похудел, а даже потолстел. Во всяком случае, выгляжу очень здоровым и свежим. Кашля и мокроты нет. Мошкара теперь пропадать стала. Погода все время прекрасная, даже великолепная. Удивительно везет нам. Живем дружно,² сейчас значительно дружнее, чем в самом начале. Я работаю особым отрядом² с двумя моими студентами, которые прямо милейшие, серьезные и искренне увлекающиеся наукой. <...>

Целую Вас обоих крепко, крепко и горячо обнимаю. Б. Соколов.

¹ Телефонной связи в конце XIX – первом 20-летию XX в. в этих местах не было, единственным средством связи был телеграф.

² Второй отряд возглавили Ю.М. Соколов и его супруга Валентина Александровна Дынник-Соколова.

V.

12. VII. 1927. Каргопольский уезд

Дорогая моя Верочка! Послезавтра уже двигаемся в обратный путь на Каргополь. После 18-го хочу попасть в Москву. Больно долго ехать на лошадах – ведь до станции Няндомы 200 верст. Работа идет успешно. По сегодняшний день записано уже 62 былины. Но еще есть надежда записать. Мой отряд действует очень энергично. Записали мы не мало и другого материала. Я очень доволен своими студентами. <...> Мой отряд значительно успешнее работает. Мы обошли 19 деревень, а они 10, а все что-то хотят показать, не нравится моя самостоятельность. Мы записали 42 былины... Ну ладно! У Юрия всегда был известный тон, а Валя разжигает. Сейчас сидит у нас компания «молодежи» от 82 до 95 лет. Интересно.

Очень соскучился по тебе и Левочке. Постараюсь день-два побыть в Москве и скорее к Вам. Целую крепко и обнимаю. Б. Соколов.

VI.

7. VII. 1928 г. Петрозаводск. Суббота.

Милые мои Верочка и Левочка!

Вчера приехали в Петрозаводск. Прекрасно. Путешествие от Ленинграда до Петрозаводска было интересно: Нева, Ладожское озеро, Свирь, Онежское озеро. 2 ½ суток. Ладожское озеро на этот раз было тихо, зато Онежское встретило нас здоровой качкой. Я лежал 4 часа; при первой попытке встать меня начинало мутить, но до рвоты все же дело не дошло. А потом озеро стихло. На Ладожском озере, да и на Онежском появилось ощущение моря. Ведь берегов не видно; необъятная морская даль. Прекрасно! Погода переменчивая каждый день. Но каждый день все же видно и солнце. Хорошо, что ты настояла взять ватный жилет и пальто. В этом году нельзя путешествовать так, как в прошлом – значительная разница в температуре, ночью холодно. Кампания дружная, всеми я доволен. Очень симпатичная жена Бородина. Очень внимательная, молчаливая. Я и про Маркелову¹, и Ильинскую² могу сказать тоже только хорошее. Варя³ и Володя⁴ – студенты прекрасные. Они влюблены в тебя и Леву. Тобой не нахвалятся – уж очень ты приветливая и ласковая. Жду Юшу (Ю.А. Самарин. – М.К.). Его не хватает, а кроме того, я так привык с ним рабо-

¹ Имеется в виду Аполлова (Маркелова) Наталья Геннадьевна (1898–1993) – научный сотрудник отдела Северной Азии ЦМН, жена известного этнографа-финноугроведа, исследователя культуры народов Поволжья Михаила Тимофеевича Маркелова (1898–1937) – ученика Б.М. Соколова по Саратовскому государственному университету, научного сотрудника Этнографического музея Саратовского края, с 1924 г. сотрудника ЦМН. Расстрелян в Томске в 1937 г. Результаты экспедиции в Заонежье вошли в первую монографию Н.Г. Аполловой (Маркеловой) «Очерки техники охот-промысла на Европейском севере Советского Союза». Кроме того, она была автором трудов по истории и этнографии народов Сибири и Средней Азии, впоследствии доктор исторических наук Института истории АН СССР.

² Имеется в виду Ирина Сергеевна Ильинская (1908–1980), молодая сотрудница ЦМН, впоследствии доктор филологических наук, преподаватель, автор учебников по русскому языку.

³ Вероятно, имеется в виду Варвара Ивановна Яковлева – студентка II курса МГУ.

⁴ Чичеров Владимир Иванович (1907–1957) – широко известный советский фольклорист, этнограф и литературовед, доктор исторических наук, профессор МГУ, ученик Б.М. Соколова. Во время экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга» – студент II курса МГУ. Участвовал в двух выездах этой экспедиции (1927, 1928 гг.).

тать и доверять. Завтра он должен приехать и привезти от Вас письма. И завтра дальше в путь; нынче осматриваем музей, а затем поедем автобусом осматривать знаменитые водопад Кивач. Обойдется по 5 рублей с человека. Все умоляют и обещают экономить на другом.

Как-то Вы? Нашли ли дачу? Какова погода, а главное, каково здоровье Ваше? Уехала ли мама¹ на Волгу. Как уехали Юра и Валя? Мне все интересно знать. Не скучайте, отдыхайте, поправляйтесь. Целую Вас, моих дорогих, крепко. Обнимаю. Жду Ваших карточек с Юшей. Жаль, что Лева мне не дал своей хорошей фотографии, которую мы снимали у хорошего фотографа. Снялась ли ты, Верочка, у хорошего фотографа? Будьте здоровы. Пишите мне по адресу: г. Пудож, Карельской АССР. Начальнику научной экспедиции проф. Б.М. Соколову. До востребования. Целую, целую. Ваш папа Боря.

VII.

8.VII.1928 г. Петрозаводск. 8 ч. утра
Милые мои Верочка и Левочка!

Сейчас собираемся отправиться дальше в путь к Пудожу. Ждем Самарина², который должен сейчас приехать; в 1 час дня должен отплыть пароход. Сегодня в 7–9 часов вечера мы должны прибыть на первую нашу базу в Семеновское. Здесь пробудем дней пять, работая в округе, а затем поедем в Пудож (25 верст от Семеновского). Самый интересный пункт это Водлозеро в 60 км от Пудожа. Там край конечный. Дальше леса и телеги не ходят; ходят лишь по тропинкам с проводниками. Медведей так много, что в прошлом году один медведь-нахал вскарабкался (!) во время пути по озеру в моторную лодку и чуть ее не потопил.

Вчера посвятил день знакомству с музеем и с целым рядом нужных людей. Был у зам. Наркома просвещения Карелии, у заведующего Статистическим бюро и председателя краеведческого общества и у многих других. Все любезны и дали удостоверения, указания, книги. Вечером состоялась моя беседа с учителями тех районов, куда едем; симпатичная публика. Приехали сюда на курсы, на днях уезжают домой, и там нас будут встречать и приветствовать. Вчера была у нас Настасья Степановна Богданова³ – сказительница. Очень обрадовалась нам. Покормили ее обедом в столовой. Очень расспрашивала о тебе и Левочке.

Погода неважная; через каждые 5 минут дождь. Ну, ничего! Публикой моей я в этом году доволен. Все дружны, веселы и слушаются. Все рвутся скорее за работу, за записи и пр<очее>. Некоторое осложнение с производством фотографических снимков. Оказывается, Карельская республика вся считается

¹ Мать Б.М. Соколова – Соколова Елизавета Павловна (1863–1939), дочь священника Спасо-Преображенского собора в г. Рыбинске.

² Самарин Юрий Александрович – научный сотрудник славяно-литовского отдела ЦМН. Ему в этой экспедиции было поручено собирать для ЦМН предметы крестьянского быта, сведения о местных промыслах и постройках (См.: Шиллинг Е.М. Государственный Центральный музей народоведения // Этнография. 1926. № 1–2. С. 268).

³ Анастасия Степановна Богданова (Зиновьева, 1858–1937), уроженка деревни Зиновьево Петрозаводского у. Олонецкой губ. (ныне – Медвежьегорский район), широко известная народная сказительница, блестящая исполнительница произведений устного народного творчества – былин, сказок, причитаний. Неоднократно выступала перед публикой в Санкт-Петербурге и Москве.

прифронтной полосой и без разрешения ГПУ снимать нельзя. Вчера ходил в ГПУ; сегодня обязались выдать разрешение.

Жду с нетерпением Ю.А.¹ с письмами и вестями от Вас. Как-то Вы? Уехали ли на дачу? Как погода? Уехал ли Юрий за границу? Крепко, крепко Вас, моих дорогих, целую и обнимаю.

/Притиска. Уехала ли мама по Волге? Что пишет Ирина²? О музее не спрашиваю – надеюсь, что там все благополучно, хочется отвлечься на время от забот о нем. Еще раз крепко целую. Ваш Борис.

VIII.

11.VII.1928 г. Устье на Онежском озере.

Милые мои Верочка и Левочка!

Вот третий день в работе. Уже в первой деревне, где остановились – нашли богатую поживу – прекрасных сказителей. Вот еще только начало третьего дня работы, а уже мы записали 36 былин. Это страшно много. В дальнейшем предстоит, видимо, еще больший улов. Сейчас с Чичеровым и Яковлевой сидим и записываем у замечательного сказителя – от него одного записали 15 былин. Писали вчера вечером до часу, а сегодня с 4-х часов утра. Спали прямо на полу, т.к. сама база в 10 верстах в д. Семеновской, а здесь рабочий поселок. Вчера ели прекрасную уху из свежих сига. Это целый рыбацкий интересный мир. Красота замечательная... Другой отряд – Самарин и Бородины работает в других деревнях. Ильинская с нами изучает рыбацкий промысел³. Маркелова осталась в г. Семенове – все обмеряет постройки. Совсем не спит – из кожи лезет, уж очень самолюбива, хочет отличиться.

Все живем дружно, бодро. Я очень доволен. Народ относится очень хорошо. Страшно все интересно. Погода теплая. Но еще не было ни одного дня без дождя.

Никак не ожидал, что мы сразу так много нашли былин и прекрасных. В этом отношении здесь интереснее, чем на Кенозере в прошлом году. Не знаю, как будет дальше. Завтра уедем дальше на Пудож, где думаем найти от Вас письма. С нетерпением жду узнать, как Вы устроились на даче. Я очень рад, что сейчас отвлекся от своих забот по музею. Как Юрий уехал, что пишет он из-за границы?

Сейчас пишу письмо, а старик-сказитель поет былины и плетет сети. Мы уже у него все переписали, а теперь слушаем так, для удовольствия.

/Продолжение письма. Семеновское 12.VII

Ночью вернулись на лодке (10 верст) обратно в Семеновское. Ночи белые, тихая гладь реки. А с раннего утра пришли к нам вчерашний сказитель и один

¹ Имеется в виду Ю.А. Самарин.

² Соколова Ирина Матвеевна (1896–1960) – родная сестра Б.М. Соколова, научный сотрудник отдела музееведения Исторического музея в Москве, специалист по керамике.

³ Б.М. Соколов, а также сотрудницы ЦМН Н.Г. Маркелова (Аполлова) и И.С. Ильина по особой программе осуществляли сбор предметов материальной культуры и данных о системе приемов и приспособлений для ловли рыбы, способах крашения домотканых изделий, особенностях архитектуры и конструкции крестьянских построек (См.: Бахтина В.А. Вступление. Незданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых. 1926–1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга: в 2 т. М.: Наука, 2011. Т. 2. С. 3–5).

из лучших сказителей, какие когда-либо были вообще, Якушов¹, у которого был Юра в 3-м году (три года тому назад. – М.К.) и записал 6 былин, а у него сейчас удалось записать еще 17 былин. Т.о. всего у одного 23 былины. Нынче все утро очень интересно: состязались два лучших сказителя. Замечательное содержание и напевы. Всего сейчас нами записано за 3–4 дня свыше 50 былин. В прошлом году нами записано за всю поездку было 75 №№, в 3-м году 116.

Можешь себе представить с каким «уловом», если пойдет все благополучно, мы вернемся из поездки нынешнего года. Здесь неожиданно сказалась особенно цветущая традиция былин. Пока мы все на первой нашей остановке. Не могу сказать, удастся ли завтра уехать в Пудож. На очереди у нас еще целый ряд лиц, у которых нужно производить записи былин. Я очень, очень доволен. Спать приходится шибко мало. Но чувствую себя прекрасно. Все в хорошем настроении. Массу работают. Погода нынче чудесная намечается, как будто лето. Здесь еще только что цветет сирень.

Из Пудожа напишу Юрию. Всего хорошего. Будьте здоровы, не скучайте. Поправляйтесь, отдыхайте. Люблю Вас, милых, и крепко целую. Ваш папа.

IX.

14. VII. 1928. Семеновское. Пудожский район Карельской респ.

Еще не уехали из Семеновского. Такой большой был «улов». Уже записано 80 былин! Это уже больше, чем за всю прошлую поездку, да еще всего за 5 дней! Дальше, думается, еще будет лучше.

У сказителя, у которого Юрий записал 7 былин, мы еще записали 31 былин. Такого случая еще в науке неизвестно. Вообще район этот в отношении былин оказался выше всех остальных.

Закупили и для музея экспонаты, главным образом, по рыболовству. Живем все дружно. Чувствуем себя хорошо, хотя работы уйма: все время или записываем, или «сводим» наши записи, так как каждую былинку записываем трое: один начало, другой середину, а третий конец. Хорошо, что у нас два отряда (6 человек), иначе не справиться бы с этим морем былин.

Погода нам пока благоприятствует: установилась теплая, ясная – лето. Нынче вечером уезжаем в Пудож и получу там Ваши письма. Как-то Вы?

Хочу устроится в Пудоже поудобнее: нельзя же все время спать на полу, на соломе, в дорожной пыли. Думаю (мечтаю) завтра помыться в бане, так как от купанья решил лучше воздержаться – все-таки вода еще холодная. <...> 17-го

¹ С талантливым народным сказителем Григорием Алексеевичем Якушовым (1862–1929) из д. Семеново Пудожского уезда участники этой экспедиции работали в 1926 и 1928 гг. Его репертуар превосходил репертуары других онежско-каропольских сказителей. В 1926 г. от него было записано 7 былин, в том числе «Добрыня и Алеша» и «Михайло Потык», в 1928 г. – 37 былин (более 1 000 стихов). Для творчества Якушова была характерна активизация роли былинных героев – символов воинской силы, преграждающей путь врагу и символ дремлющего протеста народа. Учителем Якушова, кого братья Соколовы сочли «одним из лучших сказителей былин, которых когда-либо знала Россия», оказался записанный Гильфердингом дядя по материнской линии П.Т. Антонов (Об этом сказителе см.: Соколов Ю.М. Русский фольклор. Л., 1941. С. 240–241). Он в свою очередь услышал былины от своего 100-летнего деда и соседа-сказителя Никифора Прохорова, по прозвищу Утка, которого записывал еще Рыбников, а затем и Гильфердинг (В.Н. Харузина в 1887 г. тоже слушала исполнение былин Н. Уткой и даже написала про него очерк (Былины. М.-Л., 1938. С. 235–237)). Интерес собирателей к проблеме преемственности сыграл свою роль в культивировании былин и поддержке их исполнительства.

хотим уехать на Водлозеро. Не скучайте. Скоро время пройдет и увидимся. Целую крепко и обнимаю. Ваш Борис.

X.

18.VII.1928. Пудож/Открытка
Дорогие Верочка и Левочка!

Вчера утром думали ехать за 60 верст в Водлозеро. В Пудоже и в округе былин оказалось очень немного, вероятно это было и при Гильфердинге. Но севернее надеемся найти вновь былинный оазис. Ваши письма получу при возвращении в Пудож, т.к. на Водлозеро почта ходит один раз в неделю по средам. Из Водлозера хотим ехать по реке 120 верст на лошадях. Целую Вас обоим крепко и обнимаю. Сердечно Вас любящий Борис.

XI.

23. VII.1928. Куганаволок¹ на Водлозере Пудожского района АКССР.
Дорогие мои, ненаглядные Верочка и Левочка!

Пишу Вам с края земли. Забрались в страшную глушь – на Водлозеро. Это в 60 верстах к северу от Пудожа (на самом деле Пудож не город, а деревенька). Приехали сюда в четверг 19-го. Ехали все время лесом – по дороге лишь одна деревня в 3 двора на Сумозере, да еще сторожка «Сердечкина избушка», т.к. сердце радуется приюту среди лесной глуши. Поселения на Водлозере <возникли> всего не более как 300 лет назад; главным образом они были образованы беглыми людьми, скрывавшимися от преследований власти. Дорога на Водлозеро проделана лишь 40 лет назад, а то была лишь лесная тропинка и ехать можно было лишь верхом или идти пешком. И сейчас в сторону от озера только такие дороги. Не далее, как сегодня отправил я трех наших мужчин: Самарина, Чичерова и Бородину верхом с проводником за 30 верст на Рагнозеро – страшно глухое место. Сам не поехал и девиц не пустил. Кругом здесь медведи; каждый день про них слышишь. Места дикие и красивые своею дикостью. Зайцев и диких уток видим каждый день. Ездим в деревни, которые расположены здесь главным образом на островах или наволоках (полуостровах). Ездим на лодках.

На озере островов сколько дней в году. Вчера были на Пречистенском погосте² – 6 верст отсюда. Он на острове – высоком, поросшем хвойным лесом. Две церкви деревянных и всего два дома. А кругом даль, тишина и чудеснейший закат. Таких красивых, диких северно-унылых и прелестных мест не видывал никогда. Поражает удивительная мягкость красот при общей суровости воздуха (здесь все время холодновато), гор, лесов и камней...

Питаются плохо. Хлеба почти нет. Привозят из Пудожа по 5 фунтов на человека в неделю. Мяса нет; яиц мало. Спасибо вчера один парень зайцев набил – их крестьяне не едят³.

¹ В 1927 г. Куганаволок получил статус административного центра Куганаволоцкого сельского совета Пудожского района.

² Деревянная церковь Петра и Павла (между 1752 и 1868 г.) в Пудожском районе, на острове Пога. Разрушена в 1940 г.

³ В Пудожском уезде мясо зайца в пищу не употребляли, он считался животным-демиургом. Ср.: Харузина В.Н. На Севере. Путевые воспоминания. М.: Типография Т-ва А. Левенсон и Компания, 1890. Гл. III: Водлозеро. С. 28–76.

Единственно хорошо – это свежая рыба. Но сейчас сенокос, и не в каждой деревне достанешь. Очень рад, что взяли провизию (в частности, чай, сахар, консервы, сухари) из Москвы, а то плохо бы было. Овощей (хоть картошки) совсем здесь нет – ужасно соскучились.

Живем мы сейчас на берегу озера в школе – большой старой северной высокой избе – но ветер во все дыры, а вой ветра здесь большой. А как за день наслушаешься вечных рассказов про медведя, леших, водяных (этих сказаний и верований здесь уйма), так почти жутко становится.

Тем не менее, все мы очень довольны экспедицией. Уже записано 117 былин! Правда на Водлозере и в Пудоже их оказалось значительно меньше, чем в Семеново на Шале, но и этого очень и очень довольно. Чрезвычайно интересно и в этнографическом отношении – быт северных рыбаков и лесорубов. Жесткая, тяжелая жизнь. Но народ исключительно приветливый, добрый, радужный. Для Музея собрали много экспонатов. Послезавтра уезжаем на север озера – еще дальше и будем обследовать деревни на том краю и затем – к домам. Я думаю, числа 2–3-го августа быть в Москве.

Ужасно соскучился без писем и газет. Ведь сюда почта ходит 1 раз в неделю по средам, и отсюда также. Надеюсь, что из Пудожа перешлю почту в эту среду. Т.о. газеты и письма приходят сюда на 10–11-й день! Почти как на Сахалин. Последние газеты читал от 14 числа в день отъезда из Пудожа. Сегодня послал тебе телеграмму, чтобы ты не скучала и не беспокоилась. Я здоров – как и все. У меня только вскочил проклятый фурункул под правой мышкой. Усердно меня лечит Яковлева и Ильинская, перевязывают кладут компрессы. Он уже прорвался и много гною вышло, но еще не совсем. Получить эту гадость не трудно, т.к. спать приходится все время (кроме 3-х дней в Пудоже) на полу, на соломе или грязных матрацах, да и в избах – сама понимаешь – не всегда чисто. Хорошо, что с нами много лекарств, бинтов, мазей, порошков. Живем все дружно все время работаем. В свободные от записывания и странствований часы – сидим и «сводим» былинные записи, т.к. каждую былинку мы записываем по трое.

Что делается на белом свете нам в этой глуши почти неизвестно. О матушка Русь!

От Юрия ни письма, да и вообще кроме твоих двух писем <...> за все время ничего не получал. Завтра утром едем в д. Варишпелда и Вама¹. Целую Вас еще и еще раз. Скоро увидимся. Ваш Борис.

ХII.

25. VII.1928. Куганаволок

Милые мои Верочка и Левочка!

Сейчас получил Ваши два письма от 4 и 15 июля из Дунино². Очень рад, что Вы живы, здоровы и поправляетесь. <...>

¹ Варишпилда (Варишпельда) – деревня Канзанаволоцкого сельского общества Водлозерской волости Пудожского уезда. Деревня Канзанаволок после революции оставалась административным центром Водлозерской волости, Вама – деревня Куганаволоцкого общества этой же волости.

² Деревня Дунино на живописном берегу Москва-реки вблизи Звенигорода была излюбленным местом дачного отдыха московской интеллигенции. Соколовы снимали здесь дачу.

Вчера ездили с частью сотрудников за 8 верст по озеру в д. Вавдиполье, а оттуда ходили за 5 верст в деревню Вама, куда и откуда нет иных путей, как только пешком или верхом на лошадях. Все время шли по болотам, ступал на положенные узенькие бревнышки и колышки. Были на водопаде (пороге) на р. Вама (здесь почти все реки порожисты), вроде как в Гайвороне, но только реки лесные.

Только вот недавно вернулись в Куганаволок. И другой отряд ездил за 20 верст в Рагнозеро, тоже вернулся с большими результатами.

Всего теперь записано 130 былин за экспедицию этого года, а всего наш сборник по количеству былин уже превзошел сборник Гильфердинга <...> День идет к концу. Завтра уедем в Канзанаволок за 12 верст, объедем деревни Северной части озера и вернемся через Куганаволок – Сумозеро – Пудож – Семеново – Онежское озеро – Петрозаводск, оттуда поедем железной дорогой в Москву.

Мой фурункул еще не прошел, уж очень оказался глубоким гной. Вышла масса, но еще самый корень идет, нынче ночью думаю вытянет. Спасибо Ильинской, она 3 раза в день делает перевязки и кладет компрессы. Это длительная история и из мало приятных. Но я надеюсь, через 2–3 раза еще компрессов все пройдет.

В смысле сытости так себе. Я не очень доволен, очень трудно раздобыть продукты. Консервы все вышли. В деревнях едим уху, а рыбу трудно есть, т.к. ее подают неочищенной. Яиц почти нет, охоты еще нет правильной, сейчас сенокос и рыбу не удят. В общем же все хорошо. Целую Вас крепко-крепко и обнимаю. Скоро увидимся. <...> Ваш Б.

Литература

- Бахтина В.А.* Вступление. Незданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых. 1926–1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга: в 2 т. М.: Наука, 2011. Т. 2. С. 3–5.
- Бахтина В.А.* Фольклористическая школа братьев Соколовых. Достоинство и превратности научного знания. М.: Наследие, 2000.
- Бахтина В.А.* Коллективная запись фольклорного текста (приоритет русской науки) // Комплексное собрание, систематика, экспериментальная текстология: материалы V Международной школы молодого фольклориста (6–8 июня 2001 года) / отв. ред. Н.В. Дранникова. Архангельск, 2002. 168 с.
- Бахтина В.А.* Собиратель как интерпретатор фольклорного текста (наблюдения над архивными материалами экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых «По следам Рыбникова и Гильфердинга» 1926–1928 годов) // Труды Карельского научного центра РАН. 2013. № 4. С. 31–40.
- Гофман Э., Минц С.* Братья М. и Ю.М. Соколовы. Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текста акад. Ю.М. Соколова, подготовка текста к печати, примечания и словарь В.И. Чичерова. М.: ГЛМ, 1948.
- Иванова Т.Г.* Государственная академия художественных наук и ее роль в истории русской фольклористики 1920-х годов // Этнографическое обозрение. 2009. № 3. С. 52–59.
- Керимова М.М.* Жизнь, отданная науке. Семья этнографов Харузиных. Из истории российской этнографии (1880–1930-е годы). М.: Восточная литература, 2011. С. 404–409.
- Керимова М.М.* Журнал этнографическое обозрение на переломе эпох // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 16–28.

- Коккьяра Дж.* История фольклористики в Европе. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.
- Кузнецова В.П.* Фольклорное наследие Кижской волости // Церковь Преображения Господня на острове Кижь: 300 лет на заонежской земле / сост. и подготов. И.В. Мельников. Петрозаводск, 2014. С. 290–291.
- Коротин Е.И.* Принципы организационно-собирательской работы в фольклористике 1920-ых годов // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М.: Наука, 1968. Вып. IV.
- Лойтер С.М.* Экспедиция братьев Б.М. и Ю.М. Соколовых «По следам Рыбникова и Гильфердинга» и ее участница Е.В. Ржановская // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2012. № 1 (февраль). С. 61–66.
- От редакции.* Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текста акад. Ю.М. Соколова, подготовка текста к печати, примечания и словарь В.И. Чичерова. М.: ГЛМ, 1948.
- Померанцева Э.В.* О теоретических взглядах Ю.М. Соколова // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М.: Наука, 1971. Вып. V.
- Соколовы Б.М. и Ю.М.* Пoesия деревни. Руководство для собирания произведений устной словесности. М.: Новая Москва, 1926.
- Соколов Ю.М.* Что поет и рассказывает деревня // Жизнь. 1924. № 1. С. 280.
- Соколов Ю.М.* Очередные задачи изучения русского фольклора // Художественный фольклор. 1926. № 1. С. 25–26.
- Соколов Ю.М.* По следам Рыбникова и Гильфердинга // Художественный фольклор: Орган фольклорной подсекции литературной секции ГАХН. М., 1927. Вып. II–III. С. 3–33.
- Соколов Ю.М.* О социологическом изучении фольклора (ответ проф. Ю. Поливке) // Литература и марксизм. 1928. № 2.
- Соколов Ю.М.* Фольклористика и литературоведение // Сб. «Памяти П.Н. Сакулина». М.: Никитинские, 1931. С. 281.
- Соколов Ю.М.* Русский фольклор. Л.: Учпедгиз, 1941. С. 240–241.
- Соколов Ю.М.* Заметки о фольклорной экспедиции 1926–1928 гг. // Онежские былины. Подбор былин и науч. ред. текстов акад. Ю.М. Соколова. Подготовка текста к печати В. Чичерова. М., 1948. С. 6–8.
- Смирнов Ю.И.* Былины Кенозера (по записям собирателей второй половины XIX века) // Кенозерские чтения – 2003: материалы конференции. Архангельск: Правда Севера, 2004. С. 305–322.
- Чичеров В.И.* Былины на Кенозере / науч. ред., сост. В.П. Аникин. Архангельск: ЗАО НП «Партнер», М-во природ. ресурсов и экологии РФ, ФГБУ «Нац. парк «Кенозерский», Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2015.
- Чичеров В.И.* Русское народное творчество. М.: Издательство Московского университета, 1959. С. 94–95.
- Шиллинг Е.* Государственный Центральный музей народооведения // Этнография. 1926. № 1–2. С. 268.

Статья поступила в редакцию 11 марта 2020 г.

Kerimova Mariam M.

UNKNOWN PAGES OF THE BROTHERS BORIS M. AND YURIY M. SOKOLOV'S EXPEDITION TO THE RUSSIAN NORTH 'FOLLOWING THE FOOTSTEPS OF RYBNIKOV AND HILFERDING', 1926–1928*

DOI: 10.17223/2312461X/29/10

Abstract. The article unfolds the history of research and expeditions undertaken by the brothers Boris M. and Yuriy M. Sokolov. On the basis of archival materials (12 letters from Boris M. Sokolov's previously unknown family archive) reconstructed are their methodology of fieldwork, principles of collecting folklore and ethnographic materials, their goals, objectives, and achieved results, among other things. The article reveals the large-scale work that the two brilliant folklorists and organizers of ethnography and museum affairs did in the USSR, and explores their personalities.

Keywords: Boris M. Sokolov, Yuriy M. Sokolov, Russian North, folk epics, field ethnography, comprehensive research, collection methods, collective recording

* The article is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow).

References

- Bakhtina V.A. *Fol'kloristicheskaia shkola brat'ev Sokolovykh. Dostoinstvo i prevratnosti nauchnogo znaniia* [The folklore school of the brothers Sokolov. Advantages and vicissitudes of scientific knowledge]. Moscow: Nasledie. 2000.
- Bakhtina V.A. *Vstuplenie. Neizdannye materialy ekspeditsii B. M. i Iu. M. Sokolovykh. 1926–1928. Po sledam Rybnikova i Gil'ferdinga. V 2 tomakh* [Introduction. Unpublished materials of Boris M. and Yuriy M. Sokolov's expedition from 1926 to 1928. Following the footsteps of Rybnikov and Hilferding. In two volumes]. Moscow: Nauka, 2011. Vol. 2, pp. 3–5.
- Bakhtina V.A. Kollektivnaia zapis' fol'klornogo teksta (prioritet russkoi nauki) [Collective recording of folklore texts as a research priority] In: *Kompleksnoe sobiranie, sistematika, eksperimental'naiia tekstologiya: Materialy V Mezhdunarodnoi shkoly molodogo fol'klorista (6–8 iunია 2001 goda)* [Complex collection of materials, systematization, and experimental text research: Proceedings of V International School of Young Folklorists (6 to 8 June 2001)]. Ed. by N.V. Drannikova. Arkhangelsk, 2002, 168 p.
- Bakhtina V.A. Sobiratel' kak interpretator fol'klornogo teksta (nabliudeniia nad arkhivnymi materialami ekspeditsii B.M. i Iu.M. Sokolovykh «Po sledam Rybnikova i Gil'ferdinga» 1926–1928 godov) [The collector as an interpreter of the folklore text (notes on the archival materials from the expedition by Boris M. and Yuriy M. Sokolov 'In the footsteps of Rybnikov and Hilferding', 1926–1928)], *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN*, 2013, no. 4, pp. 31–40.
- Gofman E., Mints S. *Brat'ia B. M. i Iu. M. Sokolovy. Onezhskie byliny* [The brothers Boris M. and Yuriy M. Sokolov. Onezhskie byliny]. Podbor bylin i nauchnaia redaktsiia teksta akad. Iu.M. Sokolova, podgotovka teksta k pečati, primechaniia i slovar' V.I. Chicherova. Moscow: GLM, 1948.
- Ivanova T.G. Gosudarstvennaia akademiia khudozhestvennykh nauk i ee rol' v istorii russkoi fol'kloristiki 1920-kh godov [The State Academy of Arts and its role in the history of Russian Folklore Studies of the 1920s], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2009, no. 3, pp. 52–59.
- Kerimova M.M. *Zhizn', otdannaiia nauke. Sem'ia etnografov Kharuzinykh. Iz istorii rossiiskoi etnografii (1880–1930-e gody)* [Life devoted to science. The family of the ethnographers Kharuziny]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2011, pp. 404–409.

- Kerimova M.M. Zhurnal etnograficheskoe obozrenie na perelome epoch [The journal 'Etnograficheskoe Obozrenie' at the turn of the epochs, 1889-1930], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2017, no. 1, pp. 12-29.
- Kokk'iara Dzh. *Istoriia fol'kloristiki v Evrope* [The history of Folklore Studies in Europe]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1960.
- Kuznetsova V.P. Fol'klornoe nasledie Kizhskoi volosti [The folklore heritage of Kizhskaya volost]. In: *Tserkov' Preobrazheniia Gospodnia na ostrove Kizhi: 300 let na zaonezhskoi zemle* [The Church of the Transfiguration of Our Lord on Kizhi Island: Celebrating 300 years of history]. Sostavlenie i podgotovka I.V. Mel'nikov Muzei-zapovednik «Kizhi». Petrozavodsk, 2014, pp. 290-291.
- Korotin E.I. Printsipy organizatsionno-sobirateľ'skoi raboty v fol'kloristike 1920-ykh godov [Principles of organizing work and collecting materials in Folklore Studies in the 1920s]. In: *Ocherki istorii russkoi etnografii, fol'kloristiki i antropologii* [Essays on the history of Russian ethnography, folklore research, and anthropology]. Moscow: Nauka, 1968. Is. IV, pp. 124.
- Loiter S.M. Ekspeditsiia brat'ev B.M. i Iu.M. Sokolovykh «Po sledam Rybnikova i Gil'ferdinga» i ee uchastnitsa E.V. Rzhanovskaia [The brothers Boris M. and Yuriy M. Sokolov's expedition 'Following the footsteps of Rybnikov and Hilferding' and expedition participant E.V. Rzhanovskaia], *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 1, pp. 61-66.
- Ot redaktsii. *Onezhskie byliny* [From the editors. Onezhskie byliny]. Podbor bylin i nauchnaia redaktsiia teksta akad. Iu.M. Sokolova, podgotovka teksta k pechati, primechaniia i slovar' V.I. Chicherova. Moscow: GLM, 1948, pp. 1.
- Pomerantseva E.V. O teoreticheskikh vzgliadakh Iu.M. Sokolova [On theoretical views of Yuriy M. Sokolov]. In: *Ocherki istorii russkoi etnografii, fol'kloristiki i antropologii* [Essays on the history of Russian ethnography, folklore research, and anthropology]. Is. V. Moscow: Nauka, 1971, pp. 209.
- Sokolov B.M. i Iu.M. *Poeziia derevni. Rukovodstvo dlia sobiraniia proizvedenii ustnoi slovesnosti* [The poetry of the village. Guidance on how to collect oral stories]. Moscow: Novaia Moskva, 1926.
- Sokolov Iu.M. Chto poet i rasskazyvaet derevnia [What the village sings and tells about], *Zhizn'*, 1924, no. 1, pp. 280.
- Sokolov Iu.M. Ocherednye zadachi izucheniia russkogo fol'klora [New tasks in the study of Russian folklore], *Khudozhestvennyi fol'klor*, 1926, no. 1, pp. 25-26.
- Sokolov Iu.M. Po sledam Rybnikova i Gil'ferdinga [In the footsteps of Rybnikov and Hilferding]. In: *Khudozhestvennyi fol'klor: Organ fol'kl. podseksii lit. seksii GAKhN* [Artistic folklore: Organ of the folklore subsection of the literary section of the State Academy of Arts]. Moscow, 1927, Vol. II-III, pp. 3-33.
- Sokolov Iu.M. O sotsiologicheskoi izuchenii fol'klora (otvet prof. Iu. Polivke) [On the sociological research into folklore (response to Professor Yu. Polivko)], *Literatura i marksizm*, 1928, no. 2.
- Sokolov Iu.M. Fol'kloristika i literaturovedenie [Folklore Studies and Literary Studies]. In: *Sbornik «Pamiati P.N. Sakulina»* [The collection 'In memory of P.N. Sakulin']. Moscow: Nikitinskie, 1931, pp. 281.
- Sokolov Iu.M. *Russkii fol'klor* [Russian folklore]. Leningrad: Uchpedgiz, 1941.
- Sokolov Iu.M. Zametki o fol'klornoii ekspeditsii 1926-1928 gg. [Notes on the folklore expedition of 1926-1928]. In: *Onezhskie byliny*. Podbor bylin i nauchnaia redaktsiia tekstov akad. Iu.M. Sokolov. Podgotovka teksta k pechati V. Chicherov [Omega epics. Selection of epics and scientific edition of the texts by academician Iu.M. Sokolov. Executive editor V. Chicherov]. Moscow, 1948, pp. 6-8.
- Smirnov Iu.I. Byliny Kenozera (po zapisiam sobiratelei vtoroi poloviny XIX veka) [Byliny of Kenozero (based on the notes of those who collected folk stories in the second half of the 19th century)]. In: *Kenozerskie chteniia – 2003: materialy konferentsii* [The Kenozero

-
- Readings – 2003: Conference proceedings]. Arkhangel'sk: Pravda Severa, 2004, pp. 305–322.
- Chicherov, V.I. *Byliny na Kenozere* [Byliny of Kenozero]. nauch. red., sost. V.P. Anikin; Arkhangel'sk: ZAO NP «Partner», M-vo prirod. resursov i ekologii RF, FGBU «Nats. park «Kenozerskii», Mosk. Gos. un-t im. M.V. Lomonosova, 2015.
- Chicherov V. I. *Russkoe narodnoe tvorchestvo* [Russian folklore]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1959.
- Shilling E. Gosudarstvennyi Tsentral'nyi muzei narodovedeniia [The state Central Museum of Ethnology], *Etnografiia*, 1926, no. 1–2, pp. 268.

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/29/11

**«КАК СКОРО ПТИЦА ЛЕТИТ...»
(ИЗ ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ
СИБИРСКИМИ НАРОДАМИ В 1920–1930-х гг.)***

Елена Валерьевна Перевалова

Аннотация. В статье, базирующейся на материалах Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Тобольского историко-архитектурного музея заповедника, Музея природы и человека в г. Ханты-Мансийске, Государственного архива г. Тобольска, Государственного архива Ямало-Ненецкого автономного округа, рассмотрены исторические основания и обстоятельства выстраивания диалога советской власти и туземного населения Крайнего Севера в 1920–1930-х гг. Несмотря на классовые противоречия на раннем этапе преобразований советская власть активно использовала имперскую систему управления сибирскими инородцами, хотя, по существу, советизация означала переподчинение пространства империи во всех сферах, включая подавление прежней элиты. Сочетание иллюстративных и документальных источников позволило, используя метод «крупного плана» в этноисторической реконструкции, нарисовать портрет Василия Тайшина, последнего представителя остяцкой княжеской династии, ставшего одним из главных этнических лидеров периода становления советской власти на Обском Севере. Обнаруживающие устойчивость традиции соотношения этничности и власти сохраняются в качестве элементов жизни современных сообществ обских угров и самодийцев, продолжая оказывать определенное влияние на современные политические системы и этнические процессы.

Ключевые слова: управление, инородцы, Обдорский инородческий отдел РИКа, обдорские князья, самоедские старшины, Василий Иванович Тайшин, печати, тамги, остяки (ханты), вогулы (манси), самоеды (ненцы), Северо-Западная Сибирь

Визуальный источник (рисунок, фотография) – это не просто выхваченный из потока времени миг, а целостное визуальное повествование и одновременно самопрезентация, позволяющая глубже постичь предмет исследования (см.: Bourdieu 1990). В сочетании с документом визуальный нарратив дает возможность более широкого использования метода «крупного плана» в историко-антропологических реконструкциях, позволяя персонифицировать и детализировать интерпретацию (см.: Головнёв 2007, 2010). Собранные в единую композицию иллюстративные и документальные источники из фондов Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН (фотоколлекция А. Байера, полевые материалы и этнографические коллекции Г.Д. Вербова), Тобольского ис-

* Статья подготовлена по гранту РФФИ № 18-39-20004 «Этнокультурные проекты и их лидеры на постсоветском пространстве» (рук. С.Ю. Белоруссова).

торико-архитектурного музея-заповедника (фотоколлекция Н.А. Варпаховского и др.), Государственного архива в г. Тобольске, Государственного архива Ямало-Ненецкого автономного округа и Музея природы и человека (Ханты-Мансийск) (документы конца XIX – начала XX в.) позволяют более обстоятельно, в лицах представить практики управления сибирскими народами в период слома имперской и создания советской государственной системы (1920–1930-е гг.).

«Бумага» с печатью и птичьим пером

Отправляясь зимой 1879 г. по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири на север Тобольской губернии с целью выяснения возможности прокладывания колесной дороги по нагорному берегу Иртыша из Тобольска в Самарово, член Сибирского военно-топографического отдела Н.К. Хондажевский получил от Русского географического общества задание по сбору сведений «о нахождении остяцких и самоедских стойбищ и положении инородцев». На оленье упряжке военного топографа была «надрезана... царская тамга, в знак того, что они выставляются согласно распоряжению начальства». По этому поводу Хондажевский в своих записях подмечал, что инородцы «...беспрекословно чтут так называемую царскую тамгу, заключающуюся в том, что на обтесанной палочке вырезают императорский вензель, т.е. букву “А” с двумя значками внизу. Получив подобную бирку, инородческие старшины немедленно исполняют предъявленные им требования, а предписаний на бумаге, несмотря на приложенные печати и прилепленный обрывок пера, при своей безграмотности, в толк не берут» (Хондажевский 1877–1878: 18, 22).

Упоминание о «бумаге» с приложением печати с птичьим пером встречается и в описаниях других исследователей Севера. По наблюдениям К.Д. Носилова, не владеющие грамотой вогулы всякое письмо принимали «неприменно за деловое и не иначе как от заседателей», а конверты с большими печатями и гербом – «за письма от самого государя». Любая корреспонденция «обыкновенно» заворачивалась в бумагу, а «сверху в бересто», чтобы «не подмочить “дела”». Перевозили такой сверток за пазухой от юрты к юрте по случаю. Но если на посылке или на конверте была «печать и у неё два перышка» как «знак экстренности дела», эти «бумаги» доставлялись до адресата в кратчайшие сроки (Носилов 1997: 72).

Сложившейся имперской системой срочного и действенного оповещения инородцев пользовались и представители духовной власти. Настоятель Обдорской миссии иеромонах Иринарх (И.С. Шемановский) писал: «Остяки и самоеды печати на бумаге придают большое значение. Бумага без печати ничего не значит, а с печатью же – много.

Если к печати на письме или конверте прикреплено гусиное перо или другое какое птичье, то бумага или пакет приобретает в их сознании особую важность и спешность. Ленивые, они при вручении им бумаги с припечатанным пером, быстро доставляют его по месту назначения. Как скоро птица летит, так скоро должна быть доставляема на место и бумага с птичьим пером, говорят они. Пакет с таким пером смело может быть доверен инородцам, они его всегда доставят тому, для кого он назначен» (Иринарх 2005: 26). В рассказанной Иринархом «истории с гусиным пером» описывается ситуация, когда он по настоятельной просьбе остяка написал «бумагу» и «для большего апломба приложил сургучную печать, к которой припечатал гусиное перо». В этом письме, адресованном жене инородца Обдорской волости Кунжольских юрт Ивана Григорьевича Сязина Дарье Николаевне, духовный отец наказывал «оставить худое дело» (внебрачную связь) и вернуться в семью к детям, поскольку они с мужем Иваном венчаны в церкви. Через некоторое время священник не без удивления узнал, что «бумага» с печатью и гусиным пером имела воздействие: осознавая важность документа, остяки «толпой заставили заблудшую вернуться к законному мужу» (2005: 25–26).

**Коллекция Г.Д. Вербова МАЭ № 4695.
Приказ № 158 от 30 января 1925 г.**

В первое десятилетие советской власти новые органы управления активно использовали старые, имперские, принципы и механизмы взаимодействия с коренным населением Северо-Западной Сибири. Они многое перенимали из опыта выстраивания диалога имперской администрации с туземцами (Первалова 2011). Упоминание о «грозном мандате с сургучной печатью и огромным гусиным пером» встречается в воспоминаниях участника становления советской власти на Обском Севере И.П. Волкова¹ при описании отхода большевиков под нажимом отрядов белогвардейцев из Обдорска на Марра-Сале и через Урал в марте 1921 г. (Архив МПиЧ. ХМ-44: 4–5). Имперскую систему оповещения остяцких юрт и самоедских тундр использовали для передачи своих приказов и распоряжений созданные при райисполкомах в начале 1920-х гг. инородческие подотделы.

В 1941 г. в Музей антропологии и этнографии РАН от Григория Давыдовича Вербова поступила небольшая ненецкая коллекция «предметов охоты и культа», зарегистрированная под № 4695-1–19. Повидимому, коллекция была передана в Кунсткамеру непосредственно перед уходом Вербова на фронт, а зарегистрирована уже после войны – в 1947 г. Вероятно, основу ее составили экспонаты, собранные в ходе последней экспедиции Вербова на Север. В одном из архивных дел сохранился рукописный документ «Г.Д. Вербов. Этнографическая экспедиция к

ненцам 1938–1939 г. Предварительный отчет» (Архив МАЭ), в котором указано, что экспедиция охватывала Таймырский, Ямальский и Ненецкий округа (маршрут Енисей–Таз–Пур–Обь–Печора–Мезень) и проводилась по договору с Институтом этнографии в связи с подготовкой 4-томного издания «Народы Сибири». И хотя средств на приобретение этнографических коллекций Вербов не имел, им все же было собрано 67 предметов, «главным образом по разделу “верования” и “шаманство”», помимо этого в дар музею планировалось дополнительно передать еще свыше двадцати экспонатов (Архив МАЭ: 31). Поскольку в задании по организации и проведению экспедиции был назван сбор данных «о первых этапах советизации тундровых районов», в том числе об «участии ненцев в революционном движении и Октябрьской революции и создании национальных округов», Вербов непременно должен был побывать в инородческом подотделе в Обдорске. Возможно, именно поэтому в актах передачи коллекции № 4695 в музей наряду с «шаманскими бубнами, луками и стрелами» последними номерами были буквально вписаны два интереснейших экспоната – «Оттиск печати на листе белой бумаги “Печать К. Тайшина”» в двух экземплярах (МАЭ. № 4695-18/1, 2) (рис. 1) и «Оттиск печати Обдорского инородческого подотдела за двумя печатями» (МАЭ. № 4695-19) (рис. 2).

Два оттиска (№ 4695-18/1 и 4695-18/2) идентичны: выполнены на листке белой бумаги сажей, как водилось в те времена. Точно такие же оттиски печати князей Тайшиных, равно как и других остяцких и самоедских старшин, встречаются на разного рода документах, например, в «Шнуровой книге с печатью Обдорской остяцкой и самоедской управ для записи приговоров, разбирательству тяжб и споров между инородцев и по поступкам их. 1981–1901 гг.» (Научный архив ТИАМЗ. ТМ-13428).

Более интересен второй экспонат из коллекции МАЭ № 4695-19 – это, конечно, не «оттиск», как указано в акте поступлений, а написанный от руки чернилами на ½ листа бумаги документ (бумага, сажа, сургуч, перо, чернила):

Приказ № 158. 30 января 1925 г. Настоящим Обдорский инородческий подотдел приказывает всем самоедским родовым и ватажным старшинам и зажиточному кочующему самоедскому населению явиться в г. Обдорск в инородческий подотдел для учета кочующего населения и участия в имеющей быть ярмарке с 15-го января по 15 февраля с./г.

Неисполнение настоящего приказа будет рассматриваться как уклонение от такового и будет наложено административное взыскание. При объявлении приказа отбирать тамгу <...> настоящий приказ запрещается.

Тайшин В.И. [тамга]

<... ...> [тамга]

Приказ завизирован двумя тамгами: одна в виде перевернутой буквы «Т», вторая в виде перевернутой и наклоненной вправо буквы «Т».

Рис. 1. Оттиски печати на листе белой бумаги
«Печать К. Тайшина» (бумага, сажа) (МАЭ. № 4695-18/1, 2)

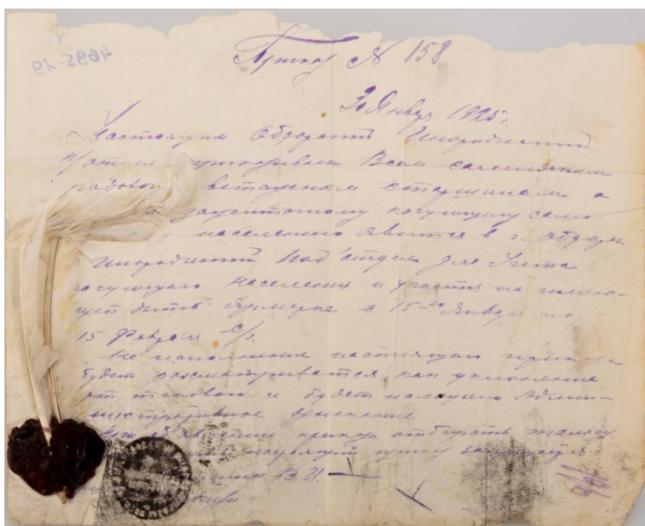

Рис. 2. Оттиск печати Обдорского инородческого подотдела «за двумя печатями»
(бумага, сажа, сургуч, перо, чернила) (МАЭ. № 4695-19)

Одна тамга стоит напротив имени В.И. Тайшина (Василия Ивановича) и принадлежит последнему. Этот факт не подлежит сомнению, поскольку тамги обдорских князей Тайшиных, в том числе и самого Василия Ивановича Тайшина, можно обнаружить и на других документах середины 20-х гг. XX в. (ГА ЯНАО. Д. 21. Л. 8 (20)). Второе имя на приказе написано неразборчиво, вероятно, это кто-то из остяцких или самоедских старшин (возможно, также из рода Тайшина, поскольку тамги в основе своей идентичны). Особенно интересны на этом документе круглый оттиск печати с использованием сажи (к сожалению, он размыт, прочитать что-либо не удалось, возможно, это печать инородческого подотдела) и сургучная печать, которая, как это было принято в отношении срочных и важных государственных бумаг, наложена на два птичьих пера.

В.И. Тайшин на фотоснимках Бейера

Две фотографии В.И. Тайшина, последнего из представителей обдорской княжеской династии, обладавшего реальными властными полномочиям, хранятся в фотофонде МАЭ РАН (Фотоархив МАЭ. № 1233-1-4) (рис. 3, а, б). Оба постановочных фотоснимка можно отнести к категории «портрет с окружением». Контент и контекст фотоизображений, а также названия-комментарии к ним содержат ярко выраженные знаки идентичности и самопрезентации (см.: Богданова 2012: 100–103). На одной из фотографий – «Народный судья (князь) Василий Иванович Тайшин с женою у своего летнего (берестом покрытого) чума, в праздничной одежде» (Фотоархив МАЭ. № 1233-2) – супруги Тайшины сняты на берегу реки. На фотографии «Вся семья Тайшина у чума» (Фотоархив МАЭ. № 1233-3) князь, его жена с ребенком на руках, девочка-подросток с собакой сняты на той же рыболовной стоянке (помимо берестяного чума в кадр попали вешала для сушки рыбы). Вероятно, это один из принадлежащих Тайшиным рыболовных песков, находившийся, как указано в актах поступлений фотоснимков, в трех верстах от Обдорска. Парадная одежда, в которую облачена семейная пара, – малица, подпоясанная ремнем с ножнами (у Василия), богатый (собранный из шкурок горностая и / или белки) *сах* и большой платок (у его жены). Обращает на себя внимание широкая *панда* (полоса опушки по подолу) малицы, поскольку, по воспоминаниям нижеобских хантов, одежду князей Тайшиных отличала пушистая опушка, для пошива которой они специально держали белых собак.

Визуальная презентация лидера остяцкого народа выполнена, вероятно, как обоюдное соглашение заинтересованного фотографа и снимаемого на камеру героя. Обе фотографии, как указано в актах и книге поступлений, сделаны в 1904 г. «А. Бейером из Екатеринбурга» и переданы им в дар музею в марте 1908 г. Отмечу, что в коллекции МАЭ № 1233 всего четыре фотографии этого автора: помимо упомянутых

двух снимков, есть еще два – «Чумы в миссионерском стане Хэ» [Самоедские чумы в миссионерском стане Хэ] (Фотоархив МАЭ. № 1233-4) и «“Кайбудея” – святое место в Варкутах, на лиственнице рога и черепа и оленей» (Фотоархив МАЭ. № 1233-1). Четыре фотографии попарно вставлены в паспорт по формату «вертикаль» и «горизонталь» (Фотоархив МАЭ. № 1233-3, 1233-1, 1233-2, 1233-4).

а

б

Рис. 3. Народный судья (князь) Василий Иванович Тайшин с женой у своего летнего берестяного чума, в праздничной одежде. Фотография А. Бейера, 1904 г. (Фотоархив МАЭ № 1233-2) (а); семья Тайшина у чума. Фотография А. Бейера, 1904 г. (Фотоархив МАЭ № 1233-3) (б)

В сопроводительном письме автора фотографий на имя руководителя музея указано, что снимки «самоедов» выполнены им во время «одной из поездок по ревизии метеорологических станций» Западной Сибири. Исходя из записи, становится понятной широкая географическая привязка снимков А. Бейера – устье р. Полуи (в 3 верстах от Обдорска), Варкуты (берег Обской губы в 150 верстах от Обдорска) и стан Хэ (берег Обской губы в 20 верстах от устья Надыма, в 200 верстах от Обдорска). В письме Бейера также содержится предложение о специальной фотосъемке для музея во время его поездок по Северу, если такое сотрудничество видится полезным (в этом случае желательно составление специальной «программы», по возможности возмещение затрат на пластины и получение казенных конвертов для их бесплатной пересылки) (см.: Акты к коллекции № 1233). Как удалось выяснить, Артур Робертович Бейер² с 1900 г. действительно служил метеорологом в Екатеринбургской магнитно-метеорологической лаборатории. Он активно интересовался Севером и даже побывал на Новой Земле и на архипелаге Шпицберген в качестве «физика» в составе российско-шведской экспедиции градусных измерений Шпицбергена (1899–1901) (Оноприенко 2012: 9). В Екатеринбурге А.Р. Бейер активно сотрудничал с Уральским обществом любителей естествознания, собирал этнографические коллекции (в 1904 и 1912 гг. он подарил УОЛЕ большую коллекцию вещей хантов и манси), а с 1906 г. являлся заведующим отделом этнографии УОЛЕ (Зорина 1996: 100, 101).

Василий Иванович Тайшин: крупный план

Имя представленного на снимках из фонда МАЭ Василия Ивановича Тайшина довольно часто фигурирует в архивных документах конца XIX – начала XX в. В переписке Тобольского губернатора, березовского окружного исправника и обдорского земского заседателя, связанной с вопросом сохранения за наследниками умершего 3 февраля 1886 г. обдорского остяцкого князя Ивана Матвеевича Тайшина княжеского достоинства и поднесенных в разное время от российских государей даров (жалованной грамоты Екатерины II, парадной одежды, медалей, оружия, кубка), отмечалось, что все реликвии после смерти князя были переданы его старшему внуку Ивану, поскольку сыновья его Иван и Марк «безупречным поведением не отличались», «оба пьянствовали» и в пьяном виде, по свидетельству очевидцев, были «характера буйного». В 1889 г., после смерти старшего сына Ивана Матвеевича Тайшина все трое внуков – Иван, Семен и Василий, были намерены ходатайствовать о признании их в княжеском достоинстве (ГА в г. Тобольске: 2–3 об., 13, 14). Семен Иванович Тайшин возглавлял Обдорскую остяцкую управу в 1891–1897 гг., Василий Иванович – в 1898–1920 гг. (Еманов 2004: 149), в 1922–1924 гг. он возглавлял инородческий подотдел Обдорского окрисполкома.

На последнем из дореволюционных снимков представителей обдорской княжеской фамилии Тайшиных – фотография «Остяцкий князь Тайшин» [Остяцкий князь Тайшин с сыновьями], сделанная в фотосалоне М.М. Уссаковской в Тобольске в 1910 г., – в длинном парадном халате с кортиком на поясе в окружении семьи представлен, вероятно, один из сыновей Ивана Матвеевича (Фотоархив ТИАМЗ. ТМ-15655). Возможно, он же снят в окружении остяков перед зданием Обдорской инородной управы на фотографии «Остяки и князь Тайшин в Обдорске», сделанной Н.А. Варпаховским во время экспедиция на р. Обь и Обскую губу в 1895–1896 гг. (Фотоархив ТИАМЗ. ТМ-15539/90). Сказать, кто из двух сыновей или трех внуков представлен на них, сложно, поскольку полного имени в аннотации к фотографии не указано. А вот на фотографии гласных Первой сессии Тобольского губернского земского собрания (1918 г.), среди которых названы князь Тайшин «от низовых остяков», Хему Хороля «от бродячих самоедов», Тазю Юганпелик, «самоед влиятельного рода» и два переводчика (Фотархив ТИАМЗ. ТМ-15656) (рис. 4), можно узнать Василия Ивановича Тайшина, который занимал довольно активную позицию с первых месяцев установления советской власти на Обском Севере.

Рис. 4. Гласные Первой сессии Тобольского губернского земского собрания: князь Тайшин, Хему Хороля, Тазю Юганпелик, самоед влиятельного рода и два переводчика (Фотоархив ТИАМЗ. ТМ-15656)

Известно, например, что по ходатайству «северных депутатов» (Василия Тайшина, Льва Ямзина, Хэму Хороля) Первая чрезвычайная сессия Первого Тобольского губернского земского собрания (1–10 февраля 1918 г., Тобольск) рассматривала проблемы территориально-этнического разделения Березовского уезда на волости, в том числе вопросы о выделении самостоятельных русско-зырянской и самоедско-остяцкой волостей в составе Обдорской волости, о признании остяков и самоедов «единственными законными владельцами природных угодий», об открытии потребительского общества в Обдорске и организации работы хлебозапасных магазинов (см.: Протоколы 1918: 1–6, 14–17, 19–21; Судьбы народов Обь-Иртышского Севера 1994: 52–53).

Фигура и деятельность В.И. Тайшина – это попытка адаптации и выстраивания отношений туземного населения Обского Севера с советской властью. Кратковременный союз Советов с местной элитой был направлен на поиск оптимальных форм управления. Коммунист М.С. Канев, встретившийся с «последним князем» обдорских остяков в октябре 1920 г., отзывался о нем уважительно. «Ростом Василий Тайшин был выше среднего. Лет ему было около шестидесяти, русский, плешивый, с двумя косами, сплетенными из не выпавших волос на затылке и по бокам головы, с пышными усами, коротко подстриженной круглой бородкой. Глаза всегда слегка прищурены. При беседе говорит рокочущим басом, изредка бросая на собеседника короткие изучающие взгляды»; «на собраниях он любил ораторствовать», говорил «горячо, убежденно», не любил «лести, взяток, всяких подношений», обожал «хорошую шутку, острое слово», был справедлив, жил, по обдорским меркам, скромно, так как имел всего 700–800 оленей; одевался «чисто, со вкусом: зимой в малицу с широким пышным подолом из длинношерстной собачей шкуры», поверх нее носил пеструю пыжиковую сорочку, подпоясанную поясом с ножом «с мамонтовой ручкой в мамонтовых ножнах», летом – «в суконный гусь... из разноцветных тонких сукон». Демобилизованного красноармейца-коммуниста «князь» подробно расспрашивал о ситуации в стране: когда закончится война между русскими, много ли войск у красных, у кого лучше оружие и на чем строится убежденность красных в победе, будут ли у новой власти «настоящие деньги» (т.е. медные, серебряные и золотые), и как будет организована торговля. Было очевидно, что у Тайшина хорошо поставлено оповещение обо всем происходившем на бывшей подвластной ему территории, и результаты «пресс-конференции» через несколько дней благодаря «беспроволочному телеграфу» будут известны не только живущим оседло по берегам Оби и ее притоков остякам и самоедам, но и кочевникам тундры (Канев 1995: 38, 41–44).

В первые два десятилетия своего существования Советы, несмотря на резкое противопоставление царскому режиму, были вынуждены ис-

пользовать прежние механизмы управления туземным населением. В 1920 г. в «инородческий стол» волостного ревкома вошли представители остяцкой княжеской династии Василий и Михаил Тайшины. По их инициативе общее собрание остяков и самоедов Обдорской волости приняло постановление «О восстановлении инородного суда и выборе народных представителей». Инородный суд должен был состоять из четырех выборных старшин от самоедов и трех – от остяков, местом судопроизводства определялся Обдорск, в тундре суд мог действовать «в лице двух судей». Судьями были избраны остяки Василий Тайшин, Миндзян Кылимов и Павел Пальдин, самоеды Никифор Сэрико и Махуци (Судьбы народов Обь-Иртышского Севера 1994: 63, 65, 301–302). По настоянию Тайшина «собрания» остяков и самоедов проводились, как и прежде, отдельно, в «управе» после установки зимнего пути, а к главному остяцкому старшине был прикреплен знающий местные языки представитель Обдорской парторганизации Семен Киселев (Канев 1995: 30–31). Этот сюжет сохранился в воспоминаниях северных хантов. Василия Тайшина в народе называли «судьей», он и его брат «судили и при красных»: «...зимой в Горнокнязевске, где находился его дом, собирались люди разных родов, за проступки наказывали розгами и били ладонями по лицу». За Василием «нередко приезжали из Обдорска», так как там находилась «управа», был у него и «свой толмач» (ПМА, р. Полуй, 1988; ПМА, Нижняя Обь, 2014).

В период восстания 1921 г. бывший старшина Обдорской остяцкой управы Василий Иванович Тайшин оказывал содействие в эвакуации партийных и советских работников из Обдорска (Еманов 2004: 149). Активность представителей княжеской династии во многом была вызвана деятельностью главы Обдорского волостного ревкома П.И. Сосунова, по инициативе которого 13 марта 1922 г. при Отделе национальных меньшинств Наркомнаца был образован Полярный подотдел по управлению и охране первобытных (туземных) племен Севера России (Полярный Север) (подробнее см.: Сергеев 1955: 214, 215). Основанием послужила резолюция Съезда ватажных старшин кочевого и оседлого населения Обдорского района Березовского уезда (3 февраля 1922 г., Обдорск), в которой отмечалось, что «инородческое население... охотно идет навстречу требованиям рабоче-крестьянской власти» и выполняет ее директивы, но желает делать это «непременно через своих инородческих представителей», «знающих своих соотечественников», что позволяет верно распределить «персональные повинности». В протоколе съезда также содержалось «настойчивое требование... об образовании национального управления» при «неприкосновенности национальных и религиозных чувств». «По обычаю» документ был заверен печатью и тамгами старшин Василия Тайшина и Никифора Вануйта (Судьбы народов Обь-Иртышского Севера 1994: 10, 71, 72).

Полярный подотдел под руководством П.И. Сосунова начал свою деятельность с подготовки конференции «туземных племен Полярного севера» (24–29 июля 1922 г., Самарово). В работе форума участвовали 15 делегатов-инородцев: Н.И. Вануйто, В.И. Тайшин, А. Серасхов, Г. Ямал, И.О. Хороля и Г.И. Артеев представляли Обдорскую волость, Н. Каюков и И. Каюков – Сургутский уезд, Т.П. Попов, С.П. Мазиков и Ф.М. Катанин – Кондинскую, Самаровскую и Реполовскую волости. На конференции впервые прозвучала идея предоставления «национальным меньшинствам» Полярного Севера административно-хозяйственной и культурно-национальной автономии, а постановление форума содержало конкретную программу организации землеустройства и хозяйственного развития северных территорий, административного управления и судопроизводства инородческого населения (Судьбы народов Обь-Иртышского Севера 1994: 10–11, 73–76).

Туземная элита Обского Севера, в том числе и представители княжеского рода Тайшиных, энергично включились в деятельность новых органов власти. В работе остяцкого «съезда» Обдорской волости 22 ноября 1922 г. принимали участие 42 представителя по «особому» и 124 участника по «прилагаемому» спискам. Председательствовали остяки Хатту Круптинский и Яков Шиянов, секретарствовал Григорий Артеев, присутствовал председатель окружного исполкома А.Я. Чупров. Первым вопросом был заслушан доклад Артеева и Тайшина о поездке на самаровскую инородческую конференцию. Затем обсуждались вопросы финансового положения «управы», содержания инородческого подотдела и использования построенных и приобретенных на средства инородцев зданий, отправления «советской гоньбы» и содержания станций по тракту Березов–Обдорск, приобретения муки в хлебозапасные магазины и сдачи рыбы летних уловов. При выборах нового состава «старшин» В.И. Тайшин просил освободить его от должности ввиду возраста и «долголетней службы». Однако председатель призвал его не оставлять «дело инородческое», которое «только начинает становиться на твердую почву при советском строительстве». И «при общем рукоплескании» съезд избрал старшинами В.И. Тайшина (Князевские юрты) и Ф. Пальдина (Харпослинские юрты), а их заместителями – остяков Ерио Калимова и Андрея Серасхова (Собские юрты). Имеющий огромный опыт административной работы старшина Василий Иванович Тайшин был избран представителем от остяков в Обдорский волисполком и возглавил инородческий подотдел (ГА ЯНАО. Д. 21. Л. 1–11 об.).

Осенью 1923 г. Тюменская губерния была упразднена, а ее территория, разделенная на три округа, вошла в Уральскую область. Обской Север (Обдорский, Березовский, Самаровский, Кондинский и Сургутский районы) был включен в Тобольский округ. Созданные при райисполкомах

инородческие подотделы постепенно превращались в «подсобный аппарат» местных органов власти в работе среди туземного населения. В 1923 г. среди членов волостного исполкома значатся В.И. Тайшин, А. Серасхов и К. Тибичи с окладом 781 руб. 20 коп. (ГА ЯНАО. Д. 70. Л. 12–12 об.; Д. 71. Л. 60, 96, 100, 156). Через выбираемых на собрания родов старшин подотдела проводились в жизнь «распоряжения властных структур, касающиеся инородческого быта», собирался сельскохозяйственный налог (ясак), выполнялись договоры «по советской гоньбе». По настоянию туземной элиты в 1925 г. президиум Тобольского окрисполкома постановил временно ввести «нагрудный знак для представителей и старшин туземных сельсоветов Обского района» (см.: Судьбы народов Обь-Иртышского Севера 1994: 80–81, 84, 85).

Туземная элита принимала активное участие в работе разного уровня советских форумов и организаций. В ноябре 1923 г. Н. Вануйта был делегирован на окружной съезд Советов (Тобольск) (ГА ЯНАО. Д. 64. Л. 126–126 об.), в марте 1925 г. В.И. Тайшин участвовал в работе одной из сессий областного Совета депутатов трудящихся (Екатеринбург) (Канев 1995: 30–31). В 1925 г. остяки Тайшин (Обдорский РИК) и Лянтин (Сургутский РИК) и самоед Няруй (Хэнский сельсовет) входили в состав Тобольского комитета Севера (см.: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР 1925: 103; Судьбы народов Обь-Иртышского Севера 1994: 93).

Однако в ходе развертывания революционных преобразований напряжение между старой туземной элитой и местными органами власти нарастало. В 1924 г. на 3-й сессии окрисполкома «остяко-самоедский старшина» В.И. Тайшин свидетельствовал, что советская торговля «сначала привлекла бедного инородца, а потом оттолкнула», так как «много было обмана». А на остяко-самоедском съезде в конце 1924 г. инородцы уже открыто высказались против открытия советскими хозяйственными организациями факторий и сбора ими «ясака» (Гриценко 2004: 149). В свою очередь закрепившаяся на Севере власть Советов стремилась к вовлечению в советское строительство все более «широкой массы инородческого населения», постепенно вытесняя представителей «отживающей системы княжеского и родового управления» (Судьбы народов Обь-Иртышского Севера 1994: 84).

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в связи с реализацией политического курса на форсированное строительство социализма (коллективизацию, индустриализацию) и «советизацию» тайги и тундры (раскулачивание и лишение избирательных прав части коренного населения, строительство культбаз и насаждение советской идеологии, борьба с шаманами, чрезмерно высокое налогообложение, произвол и злоупотребле-

ния властных структур и хозяйствующих органов на местах) ситуация резко изменилась. Образование округов сопровождалось ликвидацией органов местного самоуправления (родовых советов) и упразднением органов государственной власти, формировавших сбалансированную политику в отношении малочисленных народов Севера (Комитета Севера при ВЦИК и его представительств на местах). Переустройство туземного Севера на социалистических началах через коренное перестроение работы туземных и сельских советов обернулось для старой туземной элиты полным крахом. В кампаниях раскулачивания и подавления антисоветских мятежей 1930-х гг. туземная элита «из бывших» была подчинена и физически истреблена. По воспоминаниям родственников, в середине 1930-х гг. Василий Иванович Тайшин скрывался от Советов где-то под Лабытнангами, но его поймали, «посадили на катер, увезли куда-то, с тех пор о нем ничего не известно» (ПМ А.В. Головнёва, Нижняя Обь, 1997). В рамках советского треугольника «метрополия – местная администрация – туземцы» заметная роль отводилась новому «туземному активу», большая часть которого прошла через советскую систему образования. Для поддержания диалога с населением северных окраин более не требовалось специальной системы письма (в том числе и «бумаг», заверенных тамгами и скрепленных печатями птичьим пером), и ее постепенно вытеснили агитационный плакат и печатный документ (законодательные акты и документация советского делопроизводства).

Примечания

¹ Волков Иосиф Петрович (1894–1959) – эсер, офицер царской армии; начал гражданскую войну на стороне белых, затем перешел к большевикам. После ликвидации Колчака был принят в ряды РКП(б). В 1920–1922 гг. член Тобсеввоенревкома (комиссар), заведующий радиостанцией в Обдорске.

² Бейер А.Р. (1863 г.р., г. Доблен Курляндской губ.) с 1 декабря 1981 г. служил младшим наблюдателем Константиновской магнитно-метеорологической обсерватории в г. Павловске, с 1 октября 1900 г. перемещен в Екатеринбургскую магнитно-метеорологической обсерваторию на должность заведующего отделением предупреждения о метелях, с 29 апреля 1913 г. назначен инспектором Тифлисской физической обсерватории в должности коллежского асессора (см.: Архив РАН (Санкт-Петербургский филиал)). Однако не ясно, откуда у А.Р. Бейера возникло пристрастие к фотографии. Отмечу лишь, что фамилия Бейер хорошо знакома в фотографических кругах (например, Рудольф Бейер в середине 1860-х гг. содержал фотоателье в доме Мясликова на Малой Миллионной улице в Санкт-Петербурге, в 1867 г. перевёл мастерскую в дом Елисеева на углу Невского проспекта и набережной реки Мойки, а в 1872 г. – в дом Демидова) (см.: Бейер Иоган Рудольф 2020).

Источники

Акты к коллекции № 1233. Фонд Музея антропологии и этнографии.

Архив МАЭ. Ф. 2. Фонд Г.Д. Вербова. Оп. 1. Д. 106.

Архив МПнЧ. ХМ-44. Волков Иосиф. Борьба с бандитизмом на Тобольском Севере в 1921 году (воспоминания). 1956 г. Ч. 3.

Архив РАН (Санкт-Петербургский филиал). Ф. 4. Комитет правления АН; Правление АН; Управление делами АН СССР; Административно-хозяйственное управление ленинградских учреждений АН СССР. Оп. 0004. Т. 1. Д. 29.

- ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Тобольская казенная палата. Оп. 33. Д. 596.
- ГА ЯНАО. Ф. 5. Обдорский волостной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, с. Обдорск Березовского уезда Тобольского округа Уральской области. 1921–1924 гг. Оп. 1. Д. 21, 64, 70, 71.
- МАЭ. № 4695/1–19. Коллекция Г.Д. Вербова. 1941 г.
- Научный архив ТИАМЗ. ТМ-13428. Шнуровая книга с печатью Обдорской остяцкой и самоедской управ для записи приговоров, разбирательству тяжб и споров между инородцев и по поступкам их. 1981–1901 гг.
- ПМА – Полевые материалы автора. Экспедиция на р. Полуи, 1988 г.
- ПМА – Полевые материалы автора. Экспедиция на Нижнюю Обь, 2014 г.
- Фотоархив МАЭ № 1233-1–4 (Фотоколлекция А. Бейера. 1904 г.).
- Фотоархив ТИАМЗ. ТМ-15539/90 (Фотоколлекция Н.А. Варпаховского), 15655, 15656.
- Протоколы Первой чрезвычайной сессии Тобольского губернского земского собрания (1 февраля – 10 февраля 1918 года). Тобольск, 1918.
- Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О местных комитетах содействия народностям северных окраин» // Северная Азия. 1925. № 3.

Литература

- Бейер* Иоган Рудольф // Стереоскоп. URL: <https://stereoscop.ru/photograph> (дата обращения: 26.01.2020).
- Богданова Н.М.* Фотография как инструмент социологического анализа и практик конструирования визуальной самопрезентации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 2. С. 98–113.
- Головнёв А.В.* О киноантропологии // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 21–32.
- Головнёв А.В.* Крупный план в антропологии // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29). С. 14–20.
- Гриценко В.Н.* История Ямального Севера: в 2 т. Омск: Кн. изд-во, 2004. Т. 1.
- Еманов А.Г.* Тайшин Василий Иванович // Ямал: энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. Салехард, 2004. Т. 3. С. 149.
- Зорина Л.И.* Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929. Из истории науки и культуры Урала // Ученые записки Свердловского областного краеведческого музея. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1996. Т. 1.
- Иринарх (И.С. Шемановский).* Из дневника обдорского миссионера // И.С. Шемановский. Избранные труды / сост. Л.Ф. Липатова. М.: Советский спорт, 2005.
- Канев М.* Северные были // Ямальский меридиан. 1995. № 2. С. 30–31.
- Носилов К.Д.* У вогулов: Очерки и наброски. Тюмень: СофтДизайн, 1997.
- Онопrienko В.И.* Геологи на Крайнем Севере. 2-е изд., доп., исправл. Киев: Информационно-аналитическое агентство, 2012.
- Первалова Е.В.* Родовые канцелярии самоедских старшин (из практики управления туземным населением Северо-Западной Сибири) // Уральский исторический вестник. 2011. № 3 (32). С. 84–88.
- Сергеев М.А.* Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия / Акад. наук СССР. Т. 27.)
- Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.): сб. документов.* Тюмень, 1994.
- Хондажевский Н.К.* Зимнее исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарово и северных тундр между Обскою губою и Сургутом // Известия Восточно-Сибирского отделения РГО. 1877–1878.
- Bourdieu P.* Introduction // Photography: A Middle-brow Art. Polity Press, 1990.

Perevalova Elena V.

‘AS FAST AS THE BIRD FLIES...’ : ON THE STATE ADMINISTRATION OF SIBERIAN PEOPLES IN THE 1920S TO THE 1930S*

DOI: 10.17223/2312461X/29/11

Abstract. The article examines the historical basis for and circumstances surrounding the dialogue between Soviet authorities and the indigenous population of the Soviet North in the 1920s to the 1930s. In essence, the sovietization meant complete re-appropriation of social and geographical spaces once occupied by the Russian Empire, including suppression (or radical renewal) of the former elite and re-orientation toward the new ideology in remote northern territories such as the Obdorsk region; despite class-based conflicts of interest, the Soviet state had to rely on local ‘rulers’ (representatives of the Taishin dynasty) and family elders, actively using the imperial system of administration of Siberian inorodtsy. The article draws on both unpublished and published illustrative materials and documents from the collections of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera, Russian Academy of Sciences), Tobolsk Museum-Reserve for History and Architecture, the State Archive of the Yamal-Nenets Autonomous Region, the Museum of Nature and Man in the city of Khanty-Mansiisk, as well as on the author’s own field materials. The study of documents along with visual materials enabled productive use of the ‘close-up’ method in ethno-historical reconstruction; it also allowed presenting the portrait of Vasilii Taishin, the last representative of the Obdorsk ruling dynasty, one of the ethnic leaders during the rise of Soviet power in the Ob North.

Keywords: administration, inorodtsy, Obdorsk Subdivision of Local Executive Committee, Obdorsk rulers, Samoyed elders, Vasilii Ivanovich Taishin, stamps, tamgas, Ostyaks (Khanty), Voguly (Mansi), Samoyed (Nentsy), North-West Siberia

*The article is written as part of the project supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI) (project No. 18-39-20004, titled ‘Ethno-cultural projects and their leaders in the post-Soviet space’, Principal Investigator S.Yu. Belorussova).

References

- Beier Johann Rudolf, *Stereoskop*. URL: <https://stereoscop.ru/photograph> (Accessed 26.01.2020).
- Bogdanova N.M. Fotografiiia kak instrument sotsiologicheskogo analiza i praktik konstruirovaniia vizual'noi samoprezentatsii [Photography as a tool for sociological analysis of visual practices of self-presentation], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2012, Vol. 15, no. 2, pp. 98–113.
- Golovnev A.V. O kinoantropologii [On ciné-anthropology], *Antropologicheskii forum*, 2007, no. 7, pp. 21–32.
- Golovnev A.V. Krupnyi plan v antropologii [Close-up in anthropology], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2010, no. 4 (29), pp. 14–20.
- Gritsenko V.N. *Istoriia Iamal'skogo Severa: V 2 t. T. 1* [The history of the Yamal North in two volumes: Vol. 1]. Omsk: Kn. izd-vo, 2004.
- Emanov A.G. Taishin Vasilii Ivanovich. In: *Iamal: entsiklopediia Iamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga* [Yamal: Encyclopedia of the Yamal-Nenets autonomous region]. Salekhard, 2004, Vol. 3, pp. 149.
- Zorina L.I. Ural'skoe obschestvo liubitelei estestvoznaniia. 1870–1929. Iz istorii nauki i kul'tury Urala [The Ural Society of Natural History Lovers, 1870–1929. From the history of science and culture of the Urals]. In: *Uchenye zapiski Sverdlovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia. T. 1* [Scientific writings of Sverdlovsk Regional Museum of Local History. Vol. 1]. Ekaterinburg: Bank Kul'turnoi Informatsii, 1996.

- Irinarkh (I. S. Shemanovskii). Iz dnevnika obdorskogo missionera [From the diary of an Obdorsk missionary]. In: *I. S. Shemanovskii. Izbrannye trudy* [I. S. Shemanovskii. Selected works]. Compiled by L. F. Lipatova. Moscow: Sovetskii sport, 2005.
- Kanev M. Severnye byli [Northern stories], *Iamal'skii meridian*, 1995, no. 2, pp. 30–31.
- Nosilov K. D. *U vogulov: Ocherki i nabroski* [Among the Voguly: Essays and notes]. Tiumen': SoftDizain, 1997.
- Onoprienko V.I. *Geologi na Krainem Severe* [Geologists in the Far North]. 2nd ed. Kiev: Informatsionno-analiticheskoe agentstvo, 2012.
- Perevalova E. V. Rodovye kantseliarii samoedskikh starshin (iz praktiki upravleniia tuzemnym naseleniem Severo-Zapadnoi Sibiri) [Clan 'Chanceries' of the Samoyed elders (On the practices of administration of the native population of North-West Siberia)], *Ural. istor. vestn.*, 2011, no. 3 (32), pp. 84–88.
- Sergeev M. A. *Nekapitalisticheskii put' razvitiia malykh narodov Severa* [Non-capitalist development of the small-numbered peoples of the North]. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1955. (Trudy Instituta etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaia. Novaia seriia / Akad. nauk SSSR. T. 27.)
- Sud'by narodov Ob'-Irtyskogo Severa (Iz istorii natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva. 1822–1941 gg.). Sbornik dokumentov* [The fate of the peoples of Ob-Irtys North (From the history of building the nation and the state)]. Tiumen', 1994.
- Khondazhevskii N.K. Zimnee issledovanie nagornogo berega Irtysha ot Tobol'ska do Samarovo i severnykh tundr mezhdru Obskoiu guboiu i Surgutom [A wintertime study of the bank of Irtys River from the city of Tobolsk to Samarovo and northern tundra territories in-between the Gulf of Ob and the city of Surgut], *Izvestiia Vostochno-Sibirskogo otdeleniia RGO*. 1877–1878.
- Bourdieu P. Introduction. In: *Photography: A Middle-brow Art*. Polity Press, 1990.

УДК 394.1

DOI: 10.17223/2312461X/29/12

КОНТЕКСТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПИЩЕВЫХ НАРРАТИВОВ НА р. ИНДИГИРКЕ*

Николай Сергеевич Гончаров

Аннотация. В данной статье на основе полевых материалов, собранных автором в Аллаиховском улусе Республики Саха (Якутия) в 2019 г., рассмотрены примеры нарративов, в которых фигурируют пищевые ресурсы. Выделены контексты их употребления, отражающие связь пищи с территорией, этнокультурными группами, юридическими аспектами, исторической памятью, представлениями об энергии, духах и др. Многообразие тематических рамок и частоту воспроизведения перечисленных контекстов можно объяснить степенью актуальности и проблематичности достижения пищевой безопасности в российской Арктике вне крупных промышленных центров. Приведенные нарративы демонстрируют то, каким образом местные жители осмыслиют среду существования, используя пищевые определения и метафоры. Пища в статье рассматривается не в качестве физического объекта, а как понятие и знак, используемые для выстраивания отношений между людьми, животными, ландшафтом и духами. Выделенные сюжеты свидетельствуют о «текучей» и подвижной природе пищи как объекта, фиксируемого контекстуально и «рассыпаемого» по культуре.

Ключевые слова: Арктика, Республика Саха (Якутия), Индигирка, пища, питание, рыба, ресурс, дискурс, контекст, отношение

Пища является одним из наиболее актуальных компонентов окружающего пространства людей, поскольку представляет собой основной источник энергии и веществ, позволяющих человеку и человечеству существовать. Однако она обладает не только утилитарным и сугубо функциональным значением; также пища входит в многочисленные дискурсы и нарративы. В данной статье будет рассмотрен как раз второй аспект пищи – то, каким образом она используется в качестве знака: что позволяет маркировать, каким образом выражается, как люди осмысливают и используют пищу в повседневных речевых практиках. Поставленная задача решается преимущественно на материалах, собранных мною в поселке Чокурдах и селе Русское Устье Аллаиховского улуса Якутии, где проводилось полевое исследование в августе–сентябре 2019 г.

Нематериальной стороне пищевых ресурсов посвящена достаточно обширная антропологическая литература преимущественно европейских и американских авторов. Антропология питания рассматривает

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-78-10002 «Питание в Российской Арктике: ресурсы, технологии, инновации» (руководитель Е. А. Давыдова).

сюжеты, связанные с властью (Mintz 1985), идентичностью (Wilson 2006), памятью (Sutton 2001); особая сторона пищевых ресурсов – ритуальная – отражена, например, в работах С. Гришабер (Grieshaber 1997), Б. Плестер (Plester 2015), а структурно-символическая – в исследованиях К. Леви-Стросса (Леви-Стросс 2006), М. Дуглас (Douglas 1999, Дуглас 2000) и др.

Хотя в российско-советской научной традиции изучение особенностей питания местного населения различных регионов уже длительное время входит в сферу внимания исследователей (Крашенинников 1755; Георги 1799; Головнев, Киссер 2015: 65), тем не менее ключевой вехой в развитии данного направления называют (Кабицкий 2011: 3) труд «Этнография питания народов стран зарубежной Азии. Опыт сравнительной типологии» под редакцией С.А. Арутюнова (Этнография питания народов стран зарубежной Азии... 1981). Здесь нужно отметить, что уже в этой «программной» работе исследования материальных (физических) и знаково-ритуальных аспектов пищи находятся под одной обложкой. Такое пересечение наблюдалось и дальше: например, в книге «Традиционная пища как выражение этнического самосознания» дается следующая характеристика содержания сборника: «В их тематике (статей. – Н.Г.) основное место занимают роль питания в системе экологической адаптации, сохранность и отбор традиционных компонентов в структуре современного питания, соотношение витальных и знаковых аспектов в культуре питания» (Традиционная пища как выражение этнического самосознания 2001: 5–6). Также с материально-символической стороны перечисленные сюжеты рассматриваются в диссертационных исследованиях (см.: Якунчева 2004). В подборке первого номера «Этнографического обозрения» 2011 г., посвященного антропологии питания, были опубликованы статьи по символическим характеристикам питания (Фаис 2011; Габдрахманова 2011). Это показывает, что в отечественной науке уже достаточно давно существует и развивается традиция изучения нематериальной стороны пищевых ресурсов.

По теме питания в исследуемом регионе ценные данные оставили ссыльный эсер В.М. Зензинов, находившийся в Русском Устье в 1912 г. (Зензинов 1914), географ А.Л. Биркенгоф, бывший на Индигирке в составе экспедиции Наркомводтранса СССР в 1931 г. (Биркенгоф 1972). Позже разработкой этой темы в Аллаиховском районе активно занимались краеведы (в основном на материалах по Русскому Устью), бесспорным лидером среди которых был и остается А.Г. Чикачев (1990, 2010). Из современных исследователей, занимающихся антропологией питания на Северо-Востоке Сибири, назовем С. Ямин-Пастернак (Yamin-Pasternak et al. 2014), Е.А. Давыдову (2019), В. Ватэ (Ватэ, Давыдова 2018).

Регион

Аллаиховский район Якутии находится на северо-востоке республики, с севера омывается водами Восточно-Сибирского моря и моря Лап-

тевых. Главной водной артерией улуса является река Индигирка; также существует множество других рек, проток, озер и болот, испещряющих местный ландшафт (Зензинов 2014: 7–8). Физико-географически рассматриваемый ареал представляет собой тундровую зону с тянущимися до Бурулгинского Камня горными отрогами и сопками, за которыми Индигирка, разделившись на три протоки, течет вдоль чередующихся пологих и отвесных берегов, которые постепенно понижаются (Биркенгоф 1972: 27–34). В настоящее время на территории района находятся пять населенных пунктов, административным центром среди которых является поселок Чокурдах, основанный в 1936 г. В нем проживает около 2 085 человек (Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года), что составляет большую часть населения района (2 716 человек в 2018 г. проживало на территории улуса (Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 г.)). Поселок в этнокультурном плане разнообразен, поскольку в нем встречаются представители эвенов, якутов, русских, юкагиров и других групп, и, по причине их длительного существования в рамках одной территории, на современном этапе трудно провести строгие этнокультурные границы (ПМА 2019). В отношении материальных объектов следует отметить, что в Чокурдахе расположены основные точки районной инфраструктуры: больница, аэропорт, 11-летняя школа, банк и пр. (ПМА 2019). С мая по октябрь из Якутска в Чокурдах (и обратно) осуществляется три авиарейса в неделю, в зимнее время – два. Дважды в год на рефрижераторных судах привозят продукты питания, далее они доставляются по другим населенным пунктам улуса. Помимо вовлеченности в исполнение административно-инфраструктурных функций, местное население активно занимается охотой (главный объект промысла – северный олень) и рыболовством (в поселке существует производственный кооператив кочевая родовая община «Аллайха») (ПМА 2019).

Вторым рассматриваемым пунктом является село Русское Устье, в которое летом из Чокурдаха можно добраться лишь на лодке, а зимой – на снегоходе. Относительно времени его появления существуют разные точки зрения, так же как и о происхождении первопоселенцев. Более распространенной выступает версия о заселении нижнего течения Индигирки русскими приблизительно в середине XVII в., когда происходило включение территорий нынешней северной Якутии в состав Российского государства, а заселение шло с юга на север служилыми и промышленными людьми (Сафронов 1961: 65; Вахтин, Головкин, Швайццер 2004: 3). Другая точка зрения исходит из легенды, бытовавшей (и сейчас порой встречающейся) среди местного населения, о том, что их предки бежали с территории Новгородских земель, спасаясь от гнева Ивана Грозного в XVI в. (Зензинов 1914: 11–13; Чикачев 1990: 6).

Согласно этой версии первопоселенцы шли водным путем из Поморья, и приблизительно в конце XVI в. достигли устья Индигирки, где и обосновались. Поскольку в задаче статьи не входит выяснение точной даты появления села, отметим лишь то, что компактно проживающая группа русского населения обосновалась в дельте Индигирки в XVII в. Сейчас это небольшое село, где на 2019 г. проживало около 125 человек (даже в администрации не смогли назвать точное количество населения, потому что некоторые прописаны в Русском Устье, а живут в Чокурдах и по ряду других причин); подавляющая часть местных жителей, несмотря на сложную этнокультурную карту региона, считает себя русскими¹. Сезонная динамика численности населения неиндустриальной Сибири и Севера – весьма характерное явление (Андерсон 1998; Головнев, Куканов, Перевалова 2018). Для Русского Устья и Чокурдах она усиливается особенностями хозяйственной деятельности, когда в летнее время многие рыбаки постоянно проживают на промысловых участках или посещают их с большой частотой, а также выезжают на охоту в тундру. Село до сих пор существует во многом благодаря образованному в 1990-е гг. производственному кооперативу – родовой общине «Русское Устье», специализирующемуся на рыболовстве. Налаженная сеть сбыта рыбы в Якутск позволяет обеспечивать работой мужское трудоспособное население (ПМА 2019).

Территориальная удаленность от экономических и промышленных центров усиливается дополнительными изолирующими факторами, такими как весьма строгий пограничный режим, дороговизна авиабилетов (билет на самолет Чокурдах-Якутск стоит около 25 тысяч рублей в одну сторону), в летнее время сказывается очевидное отсутствие сухопутных дорог, связывающих поселки между собой и с другими районами; зимой ситуация меняется, поскольку появляется возможность перемещаться на снегоходах; к декабрю начинает работу автозимник (ПМА 2019).

Построенная в период существования СССР система снабжения и хозяйствования рухнула в 1990-е гг. Северный завоз прежнего образца, щедро обеспечивавший арктические территории продовольственными товарами и о котором у местных жителей старшего поколения остались тоскливо-восторженные воспоминания, давно в прошлом (Васильев, Грицевич, Селин 2009). Северянам пришлось встраиваться в специфику рыночной экономики, самим проявлять инициативу по созданию устойчивых экономических связей с другими регионами, налаживать поставки необходимых ресурсов, осваивать новые социальные роли (ПМА 2019). Приведенные ниже примеры зачастую также связаны с изменениями социально-экономического характера, повлекшими за собой иное отношение (со стороны государства, а затем и населения) к материальности, представлениям о порядке, связи человека и природы.

Одним из основных последствий произошедших трансформаций представляется отключение рассматриваемых территорий от экономической модели, выстроенной в годы советской власти. В результате усилились тенденции, связанные с актуализацией традиционного промысла – рыболовства, но уже в иной, капиталистической парадигме.

Манифестация территориальных особенностей

Нарративы, в которых участвуют пищевые ресурсы, различны. Первая группа примеров связана с особенностями выделения территории. Для охотничье-рыболовецких промыслов, являющихся неотъемлемой характеристикой местного населения, свойственно непосредственное взаимодействие человека в качестве охотника или рыбака с добываемой рыбой или дичью. Поэтому местам, на которых происходит добыча (участок тундры, реки или озеро), уделяется повышенное внимание: они известны промысловикам в деталях, возникающие изменения фиксируются и принимаются к сведению, территория охраняется, а с духами местности посредством подношений устанавливаются добрососедские связи. Внимание уделяется и такому важному аспекту, как вкусовые качества мяса и рыбы на конкретном участке реки. В Русском Устье мне неоднократно говорили о том, что именно русскоустыинская рыба является самой вкусной едва ли не во всей Якутии; вкусовые качества рыбы в Чокурдахе, расположенном 120 километрами выше по течению, значительно уступают ей. Кроме того, вкус одной и той же рыбы из двух соседних озер может различаться: «Там [в Чокурдахе] такой рыбы нету, как здесь. Даже тут вот на каждом озере. Раньше озера богатые были. У каждого озера своя рыба, свой вкус... здесь намного вкуснее... чище. А там покатная и такая вот – ну, плохая рыба, здесь не считается. Здесь ту рыбу не считают за рыбу» (ПМА 2019, м., Русское Устье). Или: «Ну да, отличается. Наверное, отличается! Потому что там [в Чокурдахе] когда наши живут... они говорят: “отправьте”, – и мы им отсюда рыбу отправляем на уху. Наша намного лучше потому что. Там еще она оседает, икряная бывает, из нее [ухи] не сварить никак» (ПМА 2019, м., Русское Устье).

Подобная оценка характерна не только для русскоустыинцев. Рыбаки из Чокурдаха также признают, что в низовьях реки рыба обладает лучшими качествами: «Здесь [в Чокурдахе] и там [в районе Русского Устья, где у информанта промысловый участок] рыбу сравнить – вообще вкус там лучше, чем здесь... Потому что с моря выходит рыба. Досюда [пока дойдет] – устает. Жир падает...». На мое высказывание о том, что в таком случае в верховьях реки рыба, наверное, совершенно плохая, собеседник ответил: «Там уже жир падает. Но они привыкли. А я там привык» (ПМА 2019, м., Чокурдах). Кроме того, существуют нарративы о

том, что рыбаки с нижней Колымы для достижения финансовой выгоды называют свою рыбу индигирской, поскольку она больше ценится при сдаче в пункт приема (ПМА 2019, м., Русское Устье).

Не только традиционные или природные пищевые ресурсы выступают в качестве территориальных маркеров. Ту же роль играют некоторые привозные продукты, которые с течением времени стали тесно ассоциироваться с Севером. В магазине Русского Устья продавщица спросила меня: «Ни разу не пробовали [сушеный картофель]? Это наша северная пища» (ПМА 2019). В данном случае тоже происходит маркирование пространства, привязывание ресурса к территории.

Приведенные примеры показывают, что аспект территориальности тесно связан с пищей для опрошенных информантов. Территория или, выражаясь более широко, пространство становится включенным в пищевой дискурс, но не только как источник ресурсов, необходимых для питания, а как дифференцирующая определенный ареал пищевых свойств характеристика. Помимо административного и географического факторов, Русское Устье отделяется от Чокурдаха (и других территорий) еще и по вкусовым особенностям местной рыбы; разные территории имеют разный вкус, разную пищевую наполненность и могут быть через нее выражены². Способы символического использования пищи в разных местах тоже вариативны – в Русском Устье чаще подчеркиваются вкусовые качества рыбы, в то время как в Чокурдахе акцент на это делается в меньшей степени (ПМА 2019).

Манифестация этнокультурной группы

Посредством обращения к элементам питания подчеркивается существование определенной этнокультурной группы, отличной от своих соседей (Традиционная пища как выражение этнического самосознания 2001). Среди русскоустыинцев наиболее ярким примером в этом отношении является рыбное блюдо тельно (или тельное). Для его приготовления используют муксуна (реже ряпушку): рыбу пластают, отделяют от кожи, перекручивают на мясорубке, подсаливают и взбивают до однородной массы; затем делят на две части, на одну из них кладут начинку (пережаренная рыба кожа и внутренности рыбы), прикрывают сверху второй частью, обмазывают края, чтобы получился цельный пирог без отверстий, и обжаривают с обеих сторон на растительном масле (ранее на рыбьем жиру) (ПМА 2019, ж., Русское Устье). Все информанты в Русском Устье, с которыми я разговаривал о пище, выделяли тельно как традиционное и, что важно, актуальное в настоящее время блюдо. Его особый статус подчеркивается тем, что в тельно стараются не добавлять ничего лишнего (например, лук), «чтобы не испортить» (ПМА 2019, ж., Русское Устье)³. «Тельно делают только у нас

[русскоустыинцев]. На Русском Севере тоже было, но они туда добавляли специи – быстро портилось» (ПМА 2019, ж., Чокурдах). Для того чтобы блюдо воспринималось как свое, должны соблюдаться необходимые детали. Например, уха по-русскоустыински готовится из минимума элементов, таких как рыба, соль, репе – лук. Если же добавляются картошка или укроп, то уха переходит в разряд нерусскоустыинской (ПМА 2019, ж., Русское Устье). Минимализм компонентов в приготовлении пищи не всегда приветствуется соседями: так, А.П. из Чокурдаха заметила, что ей не нравится тельно, поскольку оно слишком пресное (ПМА 2019, ж., Чокурдах).

Н. Н., говоря о традиционной культуре эвенов, описывал ее, упоминая в том числе особенности питания. Для этого демонстрировались некоторые блюда (например, внутренности оленя), которые преподносились как традиционные эвено-оленоводческие (ПМА 2019, м., Чокурдах). В этом процессе явно присутствовал момент театральной игры, когда значимость объекта питания не «была», но «разыгрывалась»⁴ с целью продемонстрировать смысл и положение дел. Н. Н. подчеркнуто театрально показывал, как едят олени внутренности: медленно подносил ко рту куски еды и пережевывал их. Репрезентация осуществлялась путем действия, связывающего объекты питания и смыслы.

Привязка некоторых блюд к одной этнокультурной группе может не разделяться представителями другой группы. Например, когда в Чокурдахе я рассказал про русскоустыинский «пережар», мне ответили, что такое блюдо существует и у эвенов:

«Инт.: В Русском Устье они еще пьют чай с мукой: пережаренная мука немного с маслом... тоже насыпают ее как [сухое] молоко, размешивают, могут просто в горячую воду, могут в чай. До такого густого состояния доводят и пьют.

Инф.: Это не чай, это уже каша эвенская... ну, ее очень долго надо эту муку... одна ложка такой муки и полстакана воды горячей – полная чашка будет; туда: сахар, масло. Это хорошая каша. Вот-вот столько съешь – и уже наешься, ниче не надо. В тундре очень хорошо. Это только у эвенов такое блюдо. В заречных районах [у якутов] вообще не знают, представления не имеют» (ПМА 2019, ж., Чокурдах).

В данном примере А. П. рассуждает в пространстве иных отношений: в плоскости якуты–эвены. Русскоустыинцы в нее не входят, поскольку А. П. (представительница якутского населения), живя в Чокурдахе, мало соприкасалась с ними в плане местной кухни; следовательно, и пища осмысливается ею в несколько иной территориальной ситуации (соответственно, с иными социально-культурными привязками). Она не отрицает наличия у своих соседей такого блюда, как пережар, но во время разговора со мной сразу поместила сказанное в рамки привычного ей эвено-якутского сосуществования. Однако для возникнове-

ния различий не всегда должен наличествовать объект соотношения. Русскоустынцам порой важно не доказать кому-то внешнему свою особенность, но маркировать свое сообщество для себя, для его укрепления. Поселок в данном случае представляет собой самостоятельное информационное поле (вернее, поле привычного), в котором существуют люди, книги о котором они читают и пр. Жители Чокурдаха (не являющиеся русскоустынцами), соответственно, находятся в своем пространстве привычного, и поэтому те же элементы питания (пережар) там работают иначе.

Одним из основных пищевых ресурсов для всех жителей Аллаиховского улуса является рыба. Однако не раз представители коренного населения подчеркивали связь с рыбой именно эвенского народа – как традицию, вырабатывавшуюся в течение длительного времени и имеющую большое значение сегодня: «Мы же от рыбы зависим: у нас картошки нет... Мы бедные, откуда мы можем покупать. Денег нет», а рыбу ели предки, родители, едят дети и внуки (ПИМА 2019, м., Чокурдах). В Чокурдахе и Русском Устье рыба фигурирует в широком спектре нарративов: от подледной рыбалки до изучения специфики местной ихтиофауны в школе. Наиболее распространенные слова приветствия мужчин в Русском Устье: «Рыба есть?», «Как рыба?» и т.д. (ПИМА 2019). Некоторым местным жителям это не нравится, и они критикуют своих соседей, поскольку у них будто не существует иных интересов и тем для разговора (ПИМА 2019). Похожее впечатление испытал и В.М. Зензинов в 1912 г.; он писал: «Только бы дал Господь какую едишку, а то чего еще нам!», – эта часто повторяемая индигирцами фраза много раз внушала мне уверенность, что ею исчерпывается все их мирозерцание – они живут, кажется, только для того, чтобы есть» (Зензинов 1914: 50). Как показал полевой опыт, такие суждения являются слишком преувеличенными, однако верно, что тема питания и в особенности рыбы занимает важное место в повседневных разговорах русскоустынцев.

Завершая рассмотрение пищи в первых двух контекстах, отмечу, что информанты, проговаривая данные нарративы, осуществляют связывание пищи с территорией и этнокультурными особенностями соответственно. Это сопряжение обосновывается и локально легитимизируется (легитимация происходит по-разному, для Русского Устья в частности большое значение имеет научная и публицистическая литература, например В.М. Зензинова или А.Г. Чикачева (ПИМА 2019)). На мой взгляд, описанное выше свидетельствует, что проводятся не границы, а устанавливаются связи; последние, в свою очередь, уже воспринимаются в качестве границ.

Юридические аспекты и манифестация права

С предыдущим аспектом питания связан дискурс, где фигурирует пищевой ресурс как выражение прав. Пожилой и уважаемый сообще-

ством эвен Н. Н. рассказывал историю, как однажды в 1991 или 1992 г. он присутствовал на съезде представителей коренных народов в Москве: «Я там выступал и сказал, что вот нам, рыбакам, охотникам и оленеводам – до пенсии мы не дотягиваем, потому что условия очень тяжелые, поэтому нам, сказал я, пенсию надо» (ПМА 2019, м., Чокурдах). Н. Н. представил местных жителей как рыбаков, охотников, оленеводов, т.е. людей, для нормального существования которым необходим доступ к объектам промысла. Однако возможность добычи пищевых ресурсов постоянно ограничивается извне, что вызывает негативную реакцию со стороны местного сообщества: «Ты табель должен написать, сколько для себя взял, сколько солил, сколько юколу делал. И все ты на план... включить должен. Если не включишь... штраф, потому что ты – браконьер, в бумаге это не показал. Что за такая жизнь? А я прошу, чтобы... жителям Арктики должно быть свободно. Если народ... хочет, чтобы люди жили здесь, чтобы не пустовала эта земля, вы должны обеспечить их всем» (ПМА 2019, м., Чокурдах).

Соотношение пищевых ресурсов с территорией и группой создает более объемную конструкцию, и для того чтобы привычные процессы протекали нормально, должны поддерживаться данные соотношения. Ограничения одного из них (например, человека и ресурсов) влияет на положение другого (человека и территории), поскольку территория воспринимается через соотношение с рыбой или дичью и без них теряет смысл: «Вот и все запреты. Куда катимся-то мы? Как мы можем жить, малочисленные народы?.. Зачем нам тогда... эти земли, территория... В своей территории не могу сыто кушать» (ПМА 2019, м., Чокурдах).

В этом плане следует упомянуть связь посредством пищи с внешними акторами: «Поэтому я все время там ругаюсь [в администрации]... Я говорю: даже ваш голос не слышно. Мясо, рыбу, не кушаете, что ли? И почему нас не защищаете? Вроде бы закон сделали, Ил Тумэн⁵ тоже, а этого не защищаете, для чего тогда сидите здесь?» (ПМА 2019, м., Чокурдах). В данном случае через поедание рыбы и мяса осуществляется связывание определенных людей (рыболовов) с ресурсом (рыбой и мясом), а через него – с группой людей, соотнесенных с этим ресурсом с другой стороны (администрация, рыбоохрана и т.д.). Мясо и рыба выступают посредниками коммуникации между местными жителями и административными лицами, но связи не симметричны: рыболов соотнесен с рыбой деятельностно, поскольку он ее добывает, и физически, так как она для него является пищей, в то время как контролирующие и законодательные органы власти не имеют такого типа связей с рыбой, ограничения на вылов которой они накладывают (зато имеют связи иного типа – более абстрактные, потому что объектом законодательного регулирования выступает не конкретная рыба, которую можно поймать и съесть, а ее образ, связанный с количественными и качественными

ными показателями). И когда Н. Н. в интервью заочно обращается к административным лицам, накладывающим ограничения: «Мясо, рыбу, не кушаете, что ли?» – он мыслит их со стороны конкретного соотношения, но вступает в символическое противостояние, поскольку попадает в дискурс борьбы за ресурсы.

В приведенных неоднократно повторявшихся примерах наблюдается формирование союза воображаемой рыбы и человека для обоснования прав на вылов физической рыбы. «Мы всегда ловили рыбу, она нас кормила, это наша традиционная еда» – этими словами обозначается «союз», или «альянс», между определенной группой людей – коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ – и рыбой. Последняя выступает в качестве союзника коренных малочисленных народов как объект, традиционно бывший с ними; и через это будто позволяющий себя выловить и съесть. Проведенные интервью демонстрируют широко распространенный дискурс мягкого доминирования человека над животным, когда в представлениях местных жителей человек неотделим от рыбы, как и рыба неотделима от людей, она с ними в одном кругу, образует единый комплекс связей. Доминирование проявляется в том, что человек заключает с рыбой «альянс», не учитывая ее агентности (в интервью информанты не рефлексировали на тему восприятия происходящего рыбой). Тем не менее рыбаками отмечалось то, что можно интерпретировать в качестве примеров учета рыбьей субъектности, в первую очередь это касается уменьшения количества рыбы или ухудшения ее качества, объясняемого информантами через изменения поведения рыбы, особенности взаимодействия разных ее видов, экологическими условиями и пр.

Отмечу, что, если в предыдущих двух контекстах пищевые ресурсы выступали ограничителями (через установление связей) территории или группы, то в этом примере, наоборот, пища является расширителем взаимодействующих акторов; заключается союз-целостность с потенциалом включения. Исходя из анализа некоторых локальных нарративов, следует, что в представлении местных жителей контролирующие вылов рыбы лица через поедание ресурсов и регламентацию хозяйственной деятельности тоже становятся причастными к установившемуся традиционному союзу людей и животных, но способ их соотношения иной.

Энергия и здоровье

Связь пищи с энергетическими характеристиками подчеркивалась неоднократно. Само понятие энергии в этом контексте не подвергалось рефлексии; оно скорее выражалось через аспекты питания и чаще было связано с пониманием необходимости восстановления организма человека, наполнения его определенными элементами для нормального существования и выполнения работы. Не всякая пища обладает необхо-

димым для людей потенциалом, наиболее энергетически ценной для местного населения является «этническая», «традиционная» пища, поскольку ее состав и способы приготовления формировались в соотношении с локальным сообществом веками⁶. К тому же, по словам местных жителей, это чистая пища, происхождение которой понятно, в отличие от того, что продается в магазинах: «Потому что испокон веков мы этим и питаемся, своей традиционной пищей... Например, мы городскую еду... для нашего желудка не воспринимает... новую какую-то. А своя этническая пища – она как бы восполняет все вот эти потребности организма... и по микроэлементам. ...вот рыба, например, мясо, дичь какую-то обязательно хочется» (ПМА 2019, м., Чокурдах).

Понятие энергии в пищевом выражении обретает структуру в темпоральном и деятельностном срезах: энергия – это не аморфное и застывшее явление; энергетический потенциал продуктов питания зависит от времени года: «Или же под весну, например, организм требует что-то кисленькое, и вот поэтому многие наши старики, ну и моего возраста и более пожилого возраста иногда [ели] прокисшую рыбу, подвальную» (ПМА 2019, м., Чокурдах). Также энергетическая актуальность раскрывается в соответствии с характером деятельности человека, что можно проиллюстрировать нашим диалогом с Н. Н., угощавшим меня оленьими внутренностями. Когда он заметил, что я прекратил прием пищи, оставив, по его мнению, слишком много еды на тарелке, то укоризненно спросил:

«Инф.: Че оставил?

Инт.: Да не... много...

Инф.: Ээ, мало же.

Инт.: Я съел тарелку с мясом.

Инф.: Ты не работаешь же здесь.

Инт.: Ну... я же физически не работаю.

Инф.: А вот там, в тундре, оленеводом работал бы, это б съел... и без жира ты не сможешь там, в тундре, быть, потому что он тепло дает, поэтому жира много надо» (ПМА 2019, м., Чокурдах).

На противоположной стороне находится «плохая», «вредная» энергия, которую человек получает при потреблении некачественных продуктов питания из магазина, воды из-под крана и пр. Некоторые информанты выражали серьезную озабоченность тем, что отсутствует контроль качества воды, существовавший в советское время. В результате этого возникает ситуация, когда человек не знает, что он ест / пьет, и тогда велика вероятность навредить себе. Ключевая черта «темной» (т.е. «вредной») энергии состоит в том, что происхождение продукта неизвестно, экспертных заключений, подтверждающих его качество, нет, это контрастирует с ситуацией в традиционном хозяйстве, когда охотник, рыбак или оленевод включен во всю цепочку формирования

пищевого ресурса (ПМА 2019, м., Чокурдах). Следовательно, от нездорового питания возникают заболевания. Одной из основных проблем здоровья населения в Аллаиховском районе является онкология (ПМА 2019). Некоторые из опрошенных предполагают, что это связано с вредностью продуктов, воды и образом жизни: как сказал М. И., кочевники, питавшиеся традиционной пищей, болели гораздо меньше (ПМА 2019, м., Чокурдах). В историческом контексте подчеркивалось значение кислой рыбы для профилактики и лечения цинги (ПМА 2019, м., Чокурдах)⁷. Не раз акцентировалось значение рыбы как источника питательных веществ и необходимых витаминов в настоящее время: «Витамины как мы можем [получать]? Вот от рыбы и получаем витамины. А местный народ не кушает этого: яблоко и т.д.» (ПМА 2019, м., Чокурдах). Медицинские работники обращали внимание на скудость питания аллаиховцев: «У местного населения нехватка клетчатки и молочной продукции», другие же информанты сообщали, что привыкли обходиться без молочной пищи, и сухого молока им вполне достаточно (ПМА 2019, ж., Чокурдах; ж., Русское Устье).

Пища (для) животных и мышиный дом

Особого внимания заслуживают сюжеты, связанные с представлениями людей о соотношении пищевых ресурсов с животными. Как было показано выше, исторически большое значение в Аллаиховском районе имела рыба, которой местные жители питались сами и кормили собак. Поскольку собачьи упряжки являлись основным видом транспорта, значение рыбы как пищевого ресурса удваивалось (Зензинов 1914: 33–34). Однако с появлением снегоходов собаки постепенно утратили свою роль, и в настоящее время никто не смог мне показать индигирскую лайку. Следовательно, не существует и необходимости кормить целые упряжки собак, в обратном случае рискуя остаться без добычи и средств к существованию. Но рассматриваемый аспект питания связан не только с домашними животными. Весьма примечательно он раскрывается на примере мышей или пауков, не в плане физического насыщения, а через то, как питание актуализирует онтологические перспективы этих животных (демонстрирует примеры представлений местных жителей о представлениях животных) (де Кастру 2017). Р. П.: «У нас пауки, получается, как рыбаки. В детстве мне отец говорил... мы в старом доме жили... там сыро... Они [пауки] там ходят. Он говорит: “Никогда не убивай паука... потому что он – рыбак, ставит сети (паутина-то), ловит рыбу. Мы тоже рыбаки – мы тоже сетки ставим, рыбу ловим”. И, получается, он [паук] тоже как сетки ставит, рыбу ловит – пишу себе... Я рыбак, и паук – тоже рыбак. Он ловит... ту же муху поймает – хавает, значит, живой» (ПМА 2019, м., Русское Устье).

Повествуя о пауке, Р. П. подчеркивает два параметра. Во-первых, паук – тоже рыбак, он плетет сети и ловит в них добычу. Во-вторых, эту добычу он ест, что свидетельствует о том, что он живет, акцентирует его живость. Первый пункт антропоморфизует животное, делает его более понятным и близким посредством деятельности; второй – через схожую человеку потребность в питании также способствует наделению паука субъектностью, близкой информанту в силу параллельности специфики жизнедеятельности паука.

Другой пример связан с грибами. Известно, что у коренных народов севера существовало особое отношение к этому царству живой природы; до второй половины XX в. грибы редко входили в рацион жителей высоких широт (Ацуси 1997). В культуре населения Северо-Восточной Сибири (чукчи, коряки, чуванцы) важное место занимал мухомор, который, по местным представлениям, обладал множеством полезных свойств (усиливал интуицию, повышал физические способности человека, служил лекарственным средством и пр.) (Батьянова, Бронштейн 2016: 48–49). Особое отношение к грибам было зафиксировано мной и в Аллаиховском улусе, в частности, жительница Чокурдаха, родившаяся в Русском Устье, сообщила, что раньше «грибы не ели, потому что считали, что это мышинный дом. Если раздавишь – дождь пойдет» (ПМА 2019, ж., Чокурдах). Подобное отношение характерно еще для второй половины XX в., в настоящее время, судя по собранным материалам, оно утратило свою прагматику: та же информантка сообщает, что сейчас она свободно ест подберезовики, маслята, не обращая внимания на представления, которые существовали в детстве (ПМА 2019, ж., Чокурдах).

И в первом и во втором случае причиной запрета употребления в пищу продукта или убийства животного является чужая онтология (другой мир, похожий на человеческий), к нарушению или уничтожению которой могут привести необдуманные действия. Антропологический контекст распространяется на других существ, и, что важно, не только на субъекты, но и на условия их существования. Пример с пауком похож на описанную выше ситуацию с рыбаками и контролирующими вылов лицами, когда последние становятся близкими к рыбакам, потому что они тоже «кушают мясо и рыбу». Но здесь разная «геометрия» отношений, поскольку вводящие ограничения представители контрольных органов едят ту же рыбу и мясо, что и рыболовы, в то время как во втором случае для пауков «рыбой и мясом» являются мухи, выловленные «рыболовецкой сетью» – паутиной.

Подход Вивейруша де Кастру, рассматривающего перспективизм как концепт «миноритарной антропологии» американских индейцев (де Кастру 2017: 11, 15, 19) в исследуемом мною регионе срабатывает не полностью. Приведенные примеры «перспективизма» в данном слу-

чае – это не тотальная модальность восприятия окружающего, но один из вариантов поведения и интерпретации видимого: указанные представления о пауках или грибах разделяются не всеми и не всегда. Однако даже при их наличии человек способен переключаться в рамках этих модальностей: гриб можно съесть, а паука раздавить; можно, но нежелательно. В качестве рамки для интерпретации здесь больше подходит гипотеза Р. Виллерслева, название статьи которого «Taking Animism Seriously, but Perhaps Not Too Seriously» (Willerslev 2013) говорит о том, что абсолютизация высказанной точки зрения информанта способна заслонить понимание, что у одного человека может быть несколько точек зрения, между которыми он переключается (2013). Впрочем, следует учитывать, что если В. де Кастру работал с индейцами, то Р. Виллерслев писал про колымских юкагиров.

Кормление духов

На нижней Индигирке в качестве пищи может выступать и не-пища, например табак или сигареты, в случае, если происходит кормление духов (ПМА 2019). Кормить следует реку, огонь, тундру для привлечения удачи, нормального существования на определенной местности. В принципе, это широко распространенный маркер коренного населения Сибири и Севера (Willerslev 2007; Сирина 2012). Процесс кормления духов (или мест) не унифицирован, он зависит от многих параметров, хотя по форме выглядит одинаково – люди берут еду или то, что они считают пригодным в качестве еды, и «передают» адресату. Но время, частота передачи, дополнительные элементы обряда определяются индивидуально. Русскоустыинцы говорят, что кормят реку один раз в году, когда проходит лед и рыбак впервые выходит на воду; то же касается и огня – кормление его происходит в момент возвращения рыбака на участок после зимнего перерыва. Однако и эта картина нестабильна, существуют небольшие отклонения, зависящие от конкретного человека: кто-то кормит огонь только раз, попав на свой участок, другой рыбак может совершать обряд, оказываясь на разных участках в течение одного года: «Когда речка прошла (прошел ледоход), мы делаем подарки – завязываем цветные ленты и в речку... [даем подарки реке]. Приезжаем на участок – там есть специальное место – палочка – на нее завязываем ленточки. Покормим тундру. Папа огонек кормит. Если на другой участок придет – тоже кормит» (ПМА 2019, ж., Русское Устье).

Несколько иначе кормление проходит у представителей эвенского населения. По словам Н. Н., кормить огонь необходимо каждый день до завтрака; и эта норма отличает эвенов от якутов, для которых время кормления очага не играет такой роли: «Мы утром кормим... печку, огонь. А якуты хоть днем, хоть ночью кормят. А наши говорят: “если

вечером ты кормишь, значит, черта ты кормишь тоже”. Утром должен» (ПМА 2019, м., Чокурдах).

Союз заключается не только с животными (рыбами), но также с духами и обрядами. Это расширенное понимание союза как процесса и ситуации проведения связей, когда переплетаются разные контексты: этническая принадлежность, территория, время, половые и возрастные аспекты (в тундре у эвенов вечером можно было кормить огонь, но лишь представителям старшего поколения (ПМА 2019, м., Чокурдах)) и др. Также в случае кормления духов могла трансформироваться перспектива – для них пищей являлись сигареты (или монеты (ПМА 2018, Жиганск)), и человек в таком случае воспринимал (по крайней мере, определял) сигареты как еду. Заслуживающей внимания представляется тема с наделением объекта спецификой еды, выражаемой посредством называния. Как отмечал А.Г. Чикачев, русскоустыинцы для обозначения рыбы использовали номинации «еда», «едишка», что определялось той ролью, которую играла рыба в рационе и жизнедеятельности населения низовьев Индигирки (Чикачев 1990: 87). Едой, однако, может быть не только рыба (что банально) или сигареты, но и деньги – для подчеркивания сильной, даже «органической» связи между субъектом и объектом: Н. Н., рассуждая о субсидиях, отчисляемых на поддержку и развитие культуры КМНС Аллаиховского улуса, посетовал, что выделенные деньги странным образом исчезают: «До сих пор нет. Куда дел, кто кушал [деньги]?» (ПМА 2019, м., Чокурдах). Следовательно, деньги тоже могут стать пищей в определенном контексте связей. Конечно, это метафоризация физического потребления продуктов питания, но целью данной статьи является рассмотрение нефизических аспектов пищи, того, как она проявляется в повседневных нарративах, поэтому отделение понятия от привычных физических носителей заслуживает внимания.

Пища как локальный объект исследований

Русскоустыинская школа в начале 2010-х гг. выиграла республиканский конкурс и получила средства на реализацию программы с уклоном в изучение местных особенностей культуры. Основная идея программы заключалась в преподавании ученикам материала о специфических чертах быта, хозяйства, языка, истории русскоустыинцев, в том числе данных о местной географии, зоологии, ботанике и прочем, а также в обучении некоторым «традиционным навыкам русскоустыинцев». В качестве неотъемлемого компонента изучения в программу входило написание небольшого исследования на одну из тем, отражающих локальную специфику. Мне удалось познакомиться с работой «Русскоустыинские блюда» в формате Powerpoint презентации. Она содержит

вводную информацию о питании русскоустыинцев, перечень традиционных блюд, среди которых тельно, кавардак, пережар и другие, а также их рецепты (ПМА 2019, Русское Устье). Презентация иллюстрируется фотографиями, сделанными в Русском Устье или поблизости (на рыболовецких участках), и отражает визуальные особенности блюд и технологии их изготовления. В данном случае представляет интерес не качество выполненного исследования, его репрезентативность и релевантность бытовавшим реалиям, но сам факт наличия подобного исследования, посвященного систематизации данных по местной пищевой традиции. Это исследование носит отпечаток локальности с точки зрения лексики: названия блюд, их деталей («пупки», «кавардак» и др.); технологии приготовления, перечня блюд (ПМА 2019, Русское Устье).

Изучение питания самим сообществом в данном случае представляет особый случай в ряду рассмотренных сюжетов, поскольку это иной уровень функционирования понятия, когда пища целенаправленно становится объектом осмысления. Также, конечно, это исследование сопряжено и с аспектами маркирования этнокультурных, территориально-социальных границ, поскольку связывает пищу с определенной группой, обозначает локальные особенности ее распространения.

Другие контексты

Пища и семейно-индивидуальные параметры. Выше были рассмотрены аспекты питания в плане выделения относительно крупных культурных или территориальных групп, однако пищевые особенности проявляются и на меньшем уровне, представленном семьей или отдельным человеком. Преимущественно примеры были собраны в Русском Устье, где информанты рассказывали о склонностях представителей той или иной семьи (или людей) к приготовлению определенного рода блюд. Так, наиболее авторитетна в этом плане П. А., которая снабжает едой не только своих родственников, но и гостей. Поскольку ей удается быстро приготовить вкусную еду в большом количестве, то к услугам П. А. также прибегает и администрация поселка в случае, когда нужно подготовиться к массовому общественному мероприятию. Иногда эта способность передается из поколения в поколение, но преемственность может и отсутствовать, жестких закономерностей здесь нет, как нет и гендерной предрасположенности. Существуют люди, у которых обнаруживаются явные способности в кулинарном деле, есть и те, кто не склонен к готовке и чей опыт в этом не поощряется сообществом (ПМА 2019).

Родственные и соседские связи играют большую роль в вопросе распределения пищевых ресурсов у народов Сибири и Севера (Сирина 2012: 316–317). С. И., ужиная у своей двоюродной сестры Н. П., сказал,

что в плане еды он «не бывает сдержанным, особенно в гостях у родственников» (ПМА 2019, м., Русское Устье). В первую очередь пища распределяется между близкими членами семьи, активно практикуется отправка еды родственникам в другой населенный пункт – из Русского Устья в Чокурдах или Якутск. Мне самому довелось стать посредником в передаче посылки с юколой, соленой рыбой и пирожками из Чокурдаха в Санкт-Петербург.

Пища и возраст. Возрастные параметры в нарративах информантов тоже могут связываться с питанием. Чаще всего это происходит в двух ситуациях: первая характеризуется контекстом навыков приготовления, которые с возрастом могут улучшаться или становиться хуже. Н. П., несмотря на то что уже давно замужем и активно занимается готовкой для семьи, отметила: «Тельно пока приготовить не могу – молодая еще» (ПМА 2019, ж., Русское Устье). А. П. сказала, что в последнее время оладьи им с мужем приносит знакомая, так как с возрастом А. П. утратила навык, и теперь они получаются не особенно вкусными и ненадлежащей консистенции: «У меня оладья че-то комками получаются... Дед [муж А. П.] уже кричит на меня: “оладья не делай!”» (ПМА 2019, ж., Чокурдах).

Второй аспект описываемых характеристик связан с рассказами о том, что у разных возрастных групп свои гастрономические предпочтения. Жители Чокурдаха и Русского Устья неоднократно сообщали, что в настоящее время рыбу в основном предпочитают представители старшего поколения, в то время как молодежи в большей степени импонирует смешанный рацион; среди молодых людей не наблюдается такого пиетета перед рыбными блюдами, как то описывается в литературе (Зензинов 1914: 61; Биркенгоф 1972: 65; Чикачев 1990: 92). «Мы когда ездим на рыбалку [на участок], папе делаем барчу (толченая юкола, залитая рыбьим жиром) и прочие традиционные блюда – ему нравится, а нам не очень» (ПМА 2019, ж., Русское Устье).

Пища и историческая память. Большое впечатление производят истории о советской инфраструктуре, в первую очередь касающиеся снабжения района. Для многих информантов время 1960–1980-х гг. сейчас является предметом ностальгии, поскольку тогда можно было, минуя Якутск, улететь в Москву, откуда напрямую в Аллаиховский район приезжали учителя и другие высококвалифицированные специалисты. Снабжение было «...замечательным – летал прямой рейс на Фергану. И в мае, в снегу, у нас уже стояли узбеки в тюбетейках и продавали фрукты» (ПМА 2019, ж., Чокурдах). Частота и вариабельность авиасообщения привязывали местных жителей к остальной стране, что выражалось даже в таких ярких формах: «Наша нельма на столе у генсека была [у Брежнева]» (ПМА 2019, м., Чокурдах). В пример приводились случаи, когда жители южных регионов СССР впервые сталкивались с

некоторыми видами фруктов именно в арктической Аллаихе: «...в 70-ом году приехала с Краснодара. Она говорит, что в первый раз тут увидела ананасы... Снабжение вообще было просто... просто... У нас не было карточной системы, когда уже Россия... СССР на карточках сидели, конец 80-х, у нас не было такого... самое лучшее снабжение было», «...обеспечение было круглогодично. В Чокурдахе был магазин “Овощи и фрукты” круглогодичный. Действительно, я на себе помню. К нам арбузы привозили на вертолете... арбузы, виноград» (ПМА 2019). Безусловно, современная ситуация в плане снабжения продовольствием весьма контрастирует с северным завозом советского времени и дает повод для иронии и ностальгии, что я наблюдал в беседах с жителями улуса.

Заключение

Насыщенность дискурсивного поля вариантами приведенных контекстов свидетельствует о месте пищевой тематики в жизни рассматриваемых сообществ. Территориальная удаленность от центров производства и реализации продуктов, слабо развитая и крайне дорогая система доставки товаров в арктические районы, а также наличие потенциальных ресурсов и традиции их добычи на местном уровне определяют способы формирования чувства пищевой безопасности жителей Чокурдаха и Русского Устья. Можно предположить, что часто возникающие разговоры о пище во многом обусловлены усложненным по сравнению с ситуацией в городской среде процессом поддержания необходимого рациона. Сюжеты, связанные с едой и питанием, зачастую фигурируют в диалогах местных жителей, являются предметом бурного обсуждения с представителями власти и природоохранных институций. С одной стороны, через них в значительной степени выражается отношение населения к текущей инфраструктурной, экономической и даже политической ситуации, а с другой – отражаются представления людей о своей культуре, традициях, таких категориях, как польза и вред, свое – чужое. Через пищу, вернее представления и разговоры о ней, происходит связывание региона и людей с другими социальными группами и территориями. Сфера вовлечения пищевых понятий выходит за пределы описания опыта, характеризуемого взаимодействием людей между собой, и тогда в дискурсах появляются тундра, реки, животные, грибы и духи.

Подчеркну, что в статье речь шла не о физических объектах, а о понятиях и знаках. Пища, попадая в культуру, перестает быть строго определенным объектом, каким она может казаться при обращении к словарю, и распадается на множество элементов подвижной природы: возраст, территория, память, энергия и пр. Внутри этого контекстного

разнообразия находятся связи: пища и территория, пища и группы людей, пища и духи, и усложненные: люди – пища – духи, люди – пища одного вида = насекомые – пища другого вида и пр. Из интерпретации перечисленных и иных видов соотношений возникают пауки-рыбаки и расширяющие сеть взаимосвязанных объектов метафоры, когда сигареты или монеты являются едой для духов. Пища в таком случае выступает как относительное (реляционное) понятие. Вивейруш де Кастру в рамках рассуждений о терминах родства пишет: «Моя сестра – это моя сестра потому, что она для другого [–] супруга: сестры не могут родиться сестрами, не родившись в то же время женами...». Отношения и то, что они связывают, не являются «данностью, – а [являются] чем-то учрежденным», «...“женщина” является термином – метаотношением, – образованным асимметричным отношением между... “сестрой” и “супругой” (то же самое, очевидно, применимо и к “мужчинам”)» (де Кастру 2017: 93). Такой подход можно распространить и на рассматриваемую тему в рамках данной статьи. В низовьях Индигирки пища становится «растекающимся» объектом (или «метаотношением», по де Кастру (2017: 93)): ее определение подвижно, зависит от точки зрения говорящего, определяемой его позицией в этих отношениях. Рассуждение о пище в конкретной форме (каждый из приведенных нарративов является примером этой формы) имплицитно предполагает определенное сочетание отношений, формирующих перспективу пищи в данный момент. Популярные контексты, рассмотренные в статье, являются частью целого, представленного набором отношений; это способы фиксации подвижных связей.

Примечания

¹ Однако в определении себя русскоустыинцами «русскими» иногда присутствуют сложности. Подробнее по этому вопросу см. (Вахтин, Головкин, Швайтцер 2004).

² См. про вкус в соседнем регионе (Ватэ, Давыдова 2018: 119–126; Yamin-Pasternak et al. 2014: 619–646).

³ О связи «чистоты» и ее высокого статуса см. (Dumont 1981).

⁴ О реализации смысла посредством театрализованного действия см. (Гофман 2000: 49–54; Мамардашвили 2015: 725–743).

⁵ Государственное Собрание Республики Саха (Якутия), однопалатный парламент Республики Саха (Якутия), представительный, законодательный и контрольный орган государственной власти Республики Саха (Якутия).

⁶ Безусловно, подобное отношение нельзя распространять на все население поселков, где я работал. Преимущественно информантами становились люди старшего поколения (от 40 лет), и не исключено иное отношение к «этнической» пище у молодежи. Однако приведенные примеры повторялись часто, поэтому и привожу их.

⁷ В. М. Зензинов подтверждает отсутствие цинги у русскоустыинцев: «Насколько могу судить, питаются индигирцы хорошо, и, быть может, этим объясняется отсутствие у них серьезных заболеваний. О цинге здесь никогда не было слышно» (1914: 68).

Источники

- ПМА 2018. Полевые материалы автора. Поселок Жиганск, Жиганский улус, Республика Саха (Якутия).
- ПМА 2019. Полевые материалы автора. Поселок Чокурдах, село Русское Устье, Аллаиховский улус, Республика Саха (Якутия).

Литература

- Андерсон Д.Дж.* Тундровики: экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск, 1998.
- Ацуси Е.* Культура питания гыданских ненцев (Интерпретация и социальная адаптация). М.: РАН, Институт этнологии и антропологии, 1997.
- Батьянова Е.П., Бронштейн М.М.* Мухомор в быту, верованиях, обрядах, искусстве народов Севера // Сибирские исторические исследования. 2016. № 1. С. 48–49.
- Биркенгоф А.Л.* Потомки землепроходцев. М.: Мысль, 1972.
- Васильев В.В., Грицевич А.В., Селин В.С.* Исторические тенденции и современные организационно-экономические проблемы «северного завоза». Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2009.
- Ватэ В., Давыдова Е.А.* Пища, эмоции и социальные отношения у амгуэмских чукчей // Кунсткамера. 2018. № 2. С. 119–126.
- Вахтин Н.Б., Головкин Е.В., Швайцлер П.* Русские старожилы Сибири. Социальные и символические аспекты самосознания. М.: Новое издательство, 2004.
- Габдрахманова Г.Ф.* Современный рынок мясных халяль-продуктов у татар // Этнографическое обозрение. 2011. № 1. С. 37–47.
- Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799. Т. 4.
- Головнев А.В., Киссер Т.С.* Этнопортрет империи в трудах П.С. Палласа и И.Г. Георги // Уральский исторический вестник. 2015. № 3 (48). С. 59–70.
- Головнев А.В., Кукунов Д.А., Первалова Е.В.* Арктика: атлас кочевых технологий. СПб.: МАЭ РАН, 2018.
- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000.
- Давыдова Е.А.* Пища как властный ресурс у амгуэмских оленеводов: по материалам В.Г. Кузнецовой // Этнографическое обозрение. 2019. № 2. С. 43–60.
- Де Кастру Э.В.* Канныбальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
- Дуглас М.* Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000.
- Зензинов В.М.* Старинные люди у холодного океана. М., 1914.
- Кабицкий М.Е.* Введение в тему: Антропология пищи и питания сегодня // Этнографическое обозрение. 2011. № 1. С. 3–7.
- Левин-Стросс К.* Мифология: Сырое и приготовленное. М.: Флюид, 2006.
- Мамардашвили М.К.* Метафизика Арто // Беседы о мышлении. М., 2015. С. 725–743.
- Сафронов Ф.Г.* Русские крестьяне в Якутии (17 – н. 20 вв.). Якутск: Кн. изд-во, 1961.
- Сирина А.А.* Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Вост. лит., 2012.
- Традиционная пища как выражение этнического самосознания / отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина.* М.: Наука, 2001.
- Фаис О.Д.* Поминальные трапезы в Италии // Этнографическое обозрение. 2011. № 1. С. 27–37.

- Чикачев А.Г. Русские на Индигирке. Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1990.
- Чикачев А.Г. Русское сердце Арктики. Якутск: Лит. фонд, 2010.
- Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года. М., 2018.
- Этнография питания народов стран зарубежной Азии: Опыт сравнительной типологии / отв. ред. С.А. Арутюнов. М.: Наука, 1981.
- Якунчева М.Г. Система питания и этикет питания мордвы конца XIX – начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2004.
- Douglas M. *Implicit Meanings: Selected Essays in Anthropology*. L.; NY., 1999.
- Dumont L. *Homo Hierarchicus. The Cast System and Its Implications*. Chicago, 1981.
- Griehaber S. Mealtime Rituals: Power and Resistance in the Construction of Mealtime Rules // *The British Journal of Sociology*. 1997. № 48 (4). P. 649–666.
- Mintz S.M. *Sweetness and Power: The Place of Sugar in Modern History*. N.Y., 1985.
- Plester B. Ingesting the Organization: the Embodiment of Organization Food Rituals // *Culture and Organization*. 2015. Vol. 21, № 3. P. 251–268.
- Sutton D. *Remembrance of Repasts: An Anthropology of Food and Memory*. Oxford: Berg, 2001.
- Willerslev R. *Soul Hunters: Hunting, Animism, and Personhood among the Siberian Yukaghirs*. Berkeley, CA: University of California Press, 2007.
- Willerslev R. Taking Animism Seriously, but Perhaps Not Too Seriously // *Religion and Society: Advances in Research*. 2013. № 4 (1). P. 41–57.
- Wilson T. Food, Drink and Identity in Europe: Consumption and the Construction of Local, National and Cosmopolitan Culture // *European Studies: A journal of European Culture, History and Politics*. 2006. № 22. P. 11–29.
- Yamin-Pasternak S., Kliskey A., Alessa L., Pasternak I., Schweitzer P. The Rotten Renaissance in the Bering strait: Loving, Loathing, and Washing the Smell of Foods with a (Re)Acquired Taste // *Current Anthropology*. 2014. Vol. 55, № 5. P. 619–646.

Статья поступила в редакцию 10 февраля 2020 г.

Goncharov Nikolay S.

CONTEXTS OF USING FOOD NARRATIVES ON INDIGIRKA RIVER*

DOI: 10.17223/2312461X/29/12

Abstract. The article studies narratives about food resources, and is based on field materials collected by the author in the Allaikhovskii ulus of the Republic of Sakha (Yakutia), in the villages of Chokurdakh and Russkoie Ustie in 2019. It demonstrates contexts of food consumption, examining the relationship of food and territory, ethno-cultural groups, legal aspects, historical memory, ideas about energy, spirits, etc. That these topics are diverse and are frequently reproduced can be explained by how pressing and problematic the issue of achieving food security outside large industrial centers is in the Russian Arctic. The narratives reveal how local people conceptualize their environment using definitions of and metaphors for food. Here, food is considered not as a physical object, but as a concept and a sign used to build relationships between people, animals, landscapes, and spirits. Aspects of it highlighted in the article point to the ‘fluid’ and changing nature of food as an object that is fixed in specific contexts and ‘dispersed’ within culture.

Keywords: Arctic, Republic of Sakha (Yakutia), Indigirka, food, nutrition, fish, resource, discourse, context, relation

* The article is written under the research project No. 19-78-10002 (Principal Investigator E.A. Davydova), entitled 'Nutrition in the Russian Arctic: Resources, technologies, and innovations', supported by the Russian Science Foundation (RNF).

References

- PMA 2018. *Polevye materialy avtora*. Poselok Zhigansk, Zhiganskii ulus, Respublika Sakha (Iakutiia) [Author's field materials 2018, the village of Zhigansk, Zhiganskii ulus, Republic of Sakha (Yakutia)].
- PMA 2019. *Polevye materialy avtora*. Poselok Chokurdakh, selo Russkoe Ust'e, Allaikhovskii ulus, Respublika Sakha (Iakutiia) [Author's field materials 2019, the village of Chokurdakh of Russkoe Ust'e, Allaikhovskii ulus, Republic of Sakha (Yakutia)].
- Anderson D. G. *Tundroviki: ekologiia i samosoznanie taimyrskikh evenkov i dolgan* [Tundra dwellers: The ecology and self-identification of the Taimyr Evenki and Dolgans]. Novosibirsk, 1998.
- Atsusi E. *Kul'tura pitaniia gydanskikh nentsev (Interpretatsiia i sotsial'naia adaptatsiia)* [Food culture of the Gydan Nenets: Interpretation and social adaptation]. Moscow, RAN, Institut etnologii i antropologii, 1997.
- Bat'ianova E.P., Bronshtein M.M. Mukhomor v bytu, verovaniakh, obriadakh, iskusstve narodov Severa [Amanita Muscaria in everyday life, beliefs, rituals, and art of the peoples of the North], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2016, no. 1, pp. 48-49.
- Birkengof A.L. *Potomki zemleprokhodtsev* [Descendants of pathfinders]. Moscow: Mysl', 1972.
- Vasil'ev V.V., Gritsevich A.V., Selin V.S. *Istoricheskie tendentsii i sovremennye organizatsionno-ekonomicheskie problemy «severnogo zavoza»* [Historical trends and current organization-related and economic issues of the 'severnnyi zavoz']. Apatity: izd. Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN, 2009.
- Vate V., Davydova E. A. Pishcha, emotsii i sotsial'nye otnosheniia u amguemskikh chukchei [Food, emotions and social relations among the Amguema Chukchi], *Kunstkamera*, 2018, no. 2, pp. 119-126.
- Vakhtin N.B., Golovko E.V., Schweitzer P. *Russkie starozhily Sibiri. Sotsial'nye i simvolicheskie aspekty samosoznaniia* [Russian starozhily in Siberia. Social and symbolic aspects of self-identification]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2004.
- Gabdrakhmanova G.F. *Sovremennyi rynek miasnykh khaliial'-produktov u tatar* [The present day market of halal meat products among the Tatar], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2011, no. 1, pp. 37-47.
- Georgi I.G. *Opisanie vsekh obitaiushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov, ikh zhiteiskikh obriadov, obyknovenii, odezhd, zhilishch, uprazhnenii, zabav, veroispovedanii i drugikh dostopamiatnostei* [The description of all the peoples of the Russian state, including their everyday rituals, customs, clothes, houses, activities, amusements, beliefs, and other notable features]. St. Petersburg, 1799. Vol. 4.
- Golovnev A.V., Kisser T.S. *Etnoportret imperii v trudakh P. S. Pallasa i I. G. Georgi* [Ethnoportrait of the Empire in the writings of Peter Pallas and Johann Georgi], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2015, no. 3 (48), pp. 59-70.
- Golovnev A.V., Kukanov D.A., Perevalova E.V. *Arktika: atlas kochevykh tekhnologii* [The Arctic: Atlas of nomad technologies]. St. Petersburg: MAE RAN, 2018.
- Goffman I. *Predstavlenie sebii drugim v povsednevnoi zhizni* [The presentation of self in everyday life]. Moscow: «KANON-press-Ts», «Kuchkovo pole», 2000.
- Davydova E.A. Pishcha kak vlastnyi resurs u amguemskikh olenevodov: po materialam V.G. Kuznetsovoi [Food as a power resource among the Amguema Chukchi: Studying V.G. Kuznetsova's field diaries], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 2, pp. 43-60.
- De Castro E. V. *Kannibal'skie metafiziki. Rubezhi poststrukturalnoi antropologii* [Cannibal metaphysics]. Moscow: Ad Marginem Press, 2017.
- Douglas M. *Chistota i opasnost': Analiz predstavlenii ob oskvernenii i tabu* [Purity and danger: An analysis of concepts of pollution and taboo]. Moscow: KANON-pretsts-Ts, Kuchkovo pole, 2000.

- Zenzinov V.M. *Starinnye liudi u kholodnogo okeana* [People living near the cold ocean]. Moscow, 1914.
- Kabitskii M.E. Vvedenie v temu: Antropologiya pishchi i pitaniia segodnia [Anthropology of food and nutrition today], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2011, no. 1, pp. 3-7.
- Levi-Strauss C. *Mifologiki: Syroe i prigotovlennoe* [Mythologiques. Le Cru et le cuit]. Moscow: ID «Fluid», 2006.
- Mamardashvili M. K. Metafizika Arto [Arto's metaphysics]. In: *Besedy o myshlenii* [Conversations about thought]. Moscow, 2015, pp. 725-743.
- Safronov F.G. *Russkie krest'iane v Iakutii (17 – n. 20 vv.)* [Russian peasants in Yakutia (17th to 20th centuries)]. Iakutsk: Knizhnoe izd-vo, 1961.
- Sirina A.A. *Evenki i eveny v sovremennom mire: samosoznanie, prirodopol'zovanie, mirovozzrenie* [The Evenki and the Evens in the contemporary world: Self-identification, natural resource use, and worldview]. Moscow: Vost. lit., 2012.
- Traditsionnaia pishcha kak vyrazhenie etnicheskogo samosoznaniia* [Traditional food as an expression of ethnic self-identification]. Eds. S. A. Arutiunov, T. A. Voronina. Moscow: Nauka, 2001.
- Fais O.D. Pominal'nye trapezy v Italii [Memorial meals in Italy], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2011, no. 1, pp. 27-37.
- Chikachev A.G. *Russkie na Indigirke. Istoriko-etnograficheskii ocherk* [The Russians on Indigirka River. A historical-ethnographic essay]. Novosibirsk: Nauka, 1990.
- Chikachev A.G. *Russkoe serdtse Arktiki* [The Russian heart of the Arctic]. Iakutsk: Lit. fond, 2010.
- Chislennost' naseleniia Rossiiskoi Federatsii po munitsipal'nym obrazovaniim na 1 ianvaria 2018 goda* [The population of the Russian Federation in municipal areas as of 1 January 2018]. Moscow, 2018.
- Etnografiia pitaniia narodov stran zarubezhnoi Azii: Opyt sravnitel'noi tipologii* [The ethnography of food habits in Asia: A comparative typology]. Ed. by S.A. Arutiunov. Moscow: Nauka, 1981.
- Iakuncheva M.G. *Sistema pitaniia i etiket pitaniia mordvy kontsa XIX – nachala XX v. Dis. ... kand. ist. nauk* [Mordovian food habits and etiquette in the late 19th to the early 20th centuries: A dissertation for the degree of 'Candidate of Sciences (History)']. Saransk, 2004.
- Douglas M. *Implicit Meanings: Selected Essays in Anthropology*. L.-NY., 1999.
- Dumont L. *Homo Hierarchicus. The Cast System and Its' Implications*. Chicago, 1981.
- Grieshaber S. Mealtime Rituals: Power and Resistance in the Construction of Mealtime Rules, *The British Journal of Sociology*, 1997, no. 48(4), pp. 649-66.
- Mintz S. M. *Sweetness and Power: The Place of Sugar in Modern History*. New York, 1985.
- Plester B. Ingesting the Organization: the Embodiment of Organization Food Rituals, *Culture and Organization*, 2015, Vol. 21, no. 3, pp. 251-268.
- Sutton D. *Remembrance of Repasts: An Anthropology of Food and Memory*. Oxford: Berg, 2001.
- Willerslev R. *Soul Hunters: Hunting, Animism, and Personhood among the Siberian Yukaghirs*, Berkeley, CA: University of California Press, 2007.
- Willerslev R. Taking Animism Seriously, but Perhaps Not Too Seriously, *Religion and Society: Advances in Research*, 2013, no. 4 (1), pp. 41-57.
- Wilson T. Food, Drink and Identity in Europe: Consumption and the Construction of Local, National and Cosmopolitan Culture, *European Studies: A journal of European Culture, History and Politics*, 2006, no. 22, pp. 11-29.
- Yamin-Pasternak S., Kliskey A., Alessa L., Pasternak I., Schweitzer P. The Rotten Renaissance in the Bering strait: Loving, Loathing, and Washing the Smell of Foods with a (Re)Acquired Taste, *Current Anthropology*, 2014, Vol. 55, no. 5, pp. 619-646.

УДК 32.019.5, 327.58
DOI: 10.17223/2312461X/29/13

БРЕКЗИТ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ КИПР*

Сергей Валерьевич Соколовский

Аннотация. На основе анализа литературы и интервью рассматриваются проблемы различных групп населения Кипра, затрагивающие гражданскую идентичность и возникающие в связи с брекзитом, в том числе экспатриантов британского происхождения, мигрантов и беженцев и детей от смешанных турецко-кипрских браков, что позволяет охарактеризовать современную ситуацию в отношении гражданской идентичности как многоаспектную.

Ключевые слова: Кипр, брекзит, суверенные территории, экспатрианты, мигранты, гражданская идентичность

Вхождение Республики Кипр после многолетних переговоров в Европейский Союз в 2004 г.¹ либерализовало экономические отношения с государствами-членами ЕС, но одновременно сделало эту страну заложником не контролируемых ее правительством кризисов, крупнейшими из которых до сих пор остаются финансовый кризис 2012–2013 гг. и последовавшая за ним экономическая рецессия. Этот кризис обусловил изменение отношения к стране среди значительной части образованной кипрской молодежи, оказавшейся без работы (уровень безработицы в 2017 г. немного превышал 11%²) или не получившей работу по специальности, и стимулировал их на поиск работы за пределами своей страны³.

В последние несколько лет катализатором кризиса в области гражданства и политики натурализации на Кипре оказался декларированный Великобританией выход из ЕС (брекзит). Существует и еще несколько менее обсуждаемых, но от этого не менее острых проблем в текущей политике натурализации в республике. Данная статья предлагает анализ этих проблем и строится как обсуждение нескольких связанных с ними тем: 1) изменения в положение британских экспатриантов в РК в связи с брекзитом; 2) экономические аспекты натурализации в связи с политикой правительства в отношении продажи вида на жительство (так называемое гражданство за деньги); 3) приграничные проблемы в контексте брекзита; 4) натурализация детей от смешанных турецко-

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

греческих семей и выдача европейских паспортов; 5) влияние экономического кризиса на социальную активность населения и гражданскую позицию. Статья основана на материалах экспертных интервью и анализе СМИ и существующей по этой теме научной литературы.

Этнологи фокусировали свое внимание главным образом на традиционной идентичности, ассоциируемой с различными аспектами культуры, языка и религии – комплексом характеристик, связанным с этничностью и этническим самосознанием. В социальных науках исследовались гражданские, региональные, локальные, профессиональные, сословно-статусные, досуговые и субкультурные, возрастные, гендерные и половые аспекты идентичности и затрагивающие их процессы. Ко всем этим типам идентичности приложимо понятие политики идентичности, охватывающее ее «высокий», или элитарный (уровень власти и элит), и низовой (уровень рядовых граждан и их организаций) уровни, поскольку в отношении каждого из перечисленных выше типов или регистров идентичности государство и его институты, а также центральные и региональные элиты вырабатывают определенное отношение и программу действий, а члены этнических, конфессиональных, языковых и прочих сообществ, оказавшихся в роли объектов политики, используют имеющиеся у них ресурсы и возможности, выстраивая собственную низовую политику. Гражданская идентичность, представляющая собой регистр общей идентичности человека, связывающий его с государством и его политикой, может быть уподоблена этнической в том отношении, что ее динамика в столь же значительной степени определяется политикой государств и низовыми стратегиями их граждан, а изменения во внутреннем и международном законодательстве и правоприменительных практиках сказываются на этой идентичности столь же существенно, что и на процессах этнической идентификации. Неудивительно, что резкие перемены в этой чувствительной сфере государственного управления могут затрагивать коренные интересы различных групп населения и приводить к масштабным конфликтам. В данной статье рассматривается влияние брексита на положение различных групп населения Кипра – экспатриантов британского происхождения, мигрантов и греков-киприотов, работающих на суверенных территориях размещенных на Кипре британских военных баз. Изменения в политике натурализации, вызванные брекситом, и другие влияния на гражданскую идентичность удобно разделить на прямые и косвенные. Последние редко являются очевидными, хотя и меняют судьбы людей столь же непреложно. Политика идентичности чаще рассматривается в контексте официальной политики государства по отношению к своим гражданам, хотя в ней участвуют не только официальные власти, но и сами граждане, их организации, и что учитывается еще реже – неграждане, находящиеся на территории государства в статусе беженцев

или перемещенных лиц, поскольку любое изменение в официальной политике в этой сфере отражается на их положении и судьбах, пожалуй, в большей степени (именно поэтому такие группы считаются уязвимыми).

Британские экспатрианты на Кипре и брекзит

По проведенным опросам, около 80% проживающих в странах Евросоюза британских экспатриантов серьезно опасаются, что их права на свободное перемещение, а также различные социальные льготы и пенсии пострадают от выхода Великобритании из ЕС. Правительство Соединенного Королевства неоднократно заявляло, что оно ожидает поддержки от 27 государств – членов ЕС, в которых проживают около 1,2 млн британцев, симметричной тем мерам поддержки, которую это правительство оказывает примерно 3 млн граждан ЕС, проживающим на территории Великобритании и ее владений.

Верховный Комиссар по британским делам Стивен Лилли (Никосия) сообщил, что, по его сведениям, кипрское правительство готовит законодательный акт, в соответствии с которым британским экспатриантам на территории республики предоставляется год для самоопределения и выбора статуса проживания, начиная с даты выхода Великобритании из состава ЕС⁴. По состоянию на май 2019 г. в Республике было зарегистрировано свыше 80 тысяч экспатриантов из Соединенного Королевства (в это число включены и те, кто имеет собственность на Кипре, но не проживает там постоянно). Все экспатрианты делятся на три категории, имеющие разные статусы проживания: 1) статус MEU1, обеспечивающий регистрацию в качестве резидента после трех месяцев непрерывного проживания; 2) статус MEU3 для резидентов, проживающих более пяти лет; 3) резиденты, проживающие более семи лет, имеют право на гражданство. Первые две категории должны в заявительном порядке получить документы, подтверждающие статус MEU1 или MEU3, чтобы их проживание оставалось законным. По сведениям моего кипрского коллеги в Европейской комиссии против расизма и нетерпимости (интервью от 3 апреля 2019 г.) правительство РК склоняется к принятию решения, в соответствии с которым всем британским резидентам, непрерывно проживавшим на территории страны более пяти лет, будет предоставлено право на гражданство. Кроме того, в соответствии с опубликованным Министерством внутренних дел регламентом такое право получают те британские граждане и члены их семей, которые будут непрерывно проживать на территории страны не менее пяти лет к 31 декабря 2020 г., а проживавшие на эту дату менее пяти лет получают право подавать документы на гражданство после истечения пятилетнего пребывания в стране, что обеспечит им прежний доступ к работе,

обучению, социальным услугам и пенсиям. Правда, опубликованный Министерством внутренних дел документ в отдельных своих положениях устарел уже через несколько месяцев после его публикации: в нем устанавливался переходный период с предполагаемой на момент его публикации даты брексита – 30 марта 2019 г., до 31 декабря 2020 г. Острота этой проблемы была отчасти снята в связи с переносом даты выхода на 31 октября 2019 г., а затем – на 31 января 2020 г., но сама проблема осталась.

Особую обеспокоенность экспатриантов вызывает не только проблема свободного и безвизового перемещения, но и вопросы, связанные с периодическими повышениями пенсий, которые до брексита благодаря соглашениям между государствами – членами ЕС происходили автоматически (в особенности страдают те, чьи пенсии обеспечиваются частными фондами), а также проблемы в области социального страхования и здравоохранения. По разным оценкам, несколько сотен тысяч экспатриантов, проживающих в ЕС, могут вернуться в Великобританию из-за проблем с обеспечением медицинского страхования, предоставляющего бесплатные медицинские услуги. Студенты-выпускники европейских университетов, имеющие британское гражданство, теряют шансы на работу в ЕС, поскольку работодатели учитывают возникающие в связи с брекзитом проблемы. Некоторые категории больных, имеющие так называемую PIP (personal independence payment) и постоянный медицинский уход, также опасаются потери этих льгот, поскольку они обеспечивались специальным соглашением между Великобританией и ЕС исключительно в рамках союзных отношений, судьба которых остается неопределенной. Аналогичные проблемы возникают и с пособиями на детей. Еще одной категорией экспатриантов, семьи которых потенциально пострадают от брексита, оказываются те, кто состоит в браке с гражданами других государств за пределами Евросоюза: автоматическое право на работу, которое имели такие супруги, исчезает, как только оба из них оказываются негражданами ЕС. Наконец, владельцы и сотрудники частных фирм, обслуживающих несколько европейских стран, должны будут получать разрешения на работу от каждого из этих государств. Однако наиболее неприятной для экспатриантов оказывается ситуация с медицинским страхованием, поскольку оно касается людей всех возрастов, – до сих пор постоянно проживающие в других странах Евросоюза британцы пользовались правом бесплатной медицинской помощи, так как все расходы в странах их проживания восполнялись Национальной службой здравоохранения Великобритании в соответствии с договором с ЕС, как, впрочем, и граждане других государств Союза, проживающие на территории Соединенного Королевства. В связи с этим на сайте британского правительства опубликованы разъяснения относительно прав и льгот разных категорий

граждан, затрагиваемых брекзитом, но обеспокоенность экспатриантов продолжает расти, поскольку решение всех этих вопросов пока не достигнуто⁵.

Таким образом очевидно, что общеевропейская идентичность покоится на значительном числе институтов и договорных соглашений, распад которых по причине выхода Великобритании из Европейского Союза воспринимается как угроза основным правам человека, включая право на свободное перемещение, право на образование и право на здоровье. Британские экспатрианты, долгое время воспринимавшиеся как привилегированная категория на фоне многих других мигрантских сообществ и диаспор, неожиданно превратилась в уязвимую группу, права которой сейчас используются как разменная карта в торге британского правительства с руководством ЕС. Эта неожиданная ситуация для привилегированного меньшинства позволяет обратить внимание на тот факт, что положение таких групп зависит не столько от их актуального статуса, который может оставаться относительно высоким, сколько от субъективных оценок ее членами его динамики. Существующий пакет льгот и привилегий, обеспечиваемый соглашениями между основными акторами, в моменты кризиса оказывается подверженным резким трансформациям, что воспринимается этим сообществом как уязвимость и угроза свободе и здоровью его членов. Такие пакеты привилегий могут рассматриваться как «интерсекциональность наоборот»: в то время как интерсекциональные уязвимости, накладываясь друг на друга, создают эффект мультипликации и лежат в основе феномена двойных меньшинств, льготы и привилегии создают элитные группы, члены которых в моменты кризисов испытывают весь спектр переживаний меньшинств и уязвимых групп, хотя остаются объективно членами привилегированного большинства.

Территориально-политические аспекты гражданства

Брекзит создал еще одну весьма специфическую проблему для граждан, регулярно пересекающих границы Великобритании в связи с их работой. Особенно острой она оказалась в двух случаях – нерешенной и до вхождения Великобритании в ЕС проблемы Гибралтара, британскую принадлежность которого, как известно, оспаривает Испания, и проблемы Северной Ирландии, границы которой с Ирландией в рамках ЕС были номинальными, но после брекзита снова становятся политическими и таможенными⁶. Масштаб проблемы британских баз на Кипре и соответствующих территорий, конечно, не может сравниться с масштабом проблемы статуса североирландской границы, однако и в этом случае брекзит создает весьма сложную ситуацию. Именно поэтому руководство ЕС санкционировало проведение двусторонних пе-

реговоров между Великобританией, с одной стороны, и Испанией, Ирландией и Кипром – с другой.

Рис. 1. Карта Кипра с британскими территориями

Великобритания располагает на Кипре по договору 1960 г. суверенными территориями с военными базами в Акротири и Декелии и станциями радарной и радиолокации: в районе сел Пафосского региона Друша (восточнее бухты Лара, на горном хребте Лаона) и Помос (на северных отрогах Тродоса), а также в самой высокой точке острова – горе Олимп; в селе Зиги на южном побережье острова недалеко от Лимассола (используется для вещания Би-Би-Си в арабские страны и Израиль), радарными станциями на мысах Греко и Кити и другими – всего около 40 дислокаций, занимающих в совокупности 254 кв. км, т.е. около 3% территории острова (см. рис. 1; Drevet, Theophanous 2012: 76). Командный центр британских вооруженных сил на Кипре находится в селе Епископи, на границе региона Лимассол и британской суверенной территории Акротири. Британская стратегическая доктрина предусматривает сохранение этих баз на неограниченное время⁷, хотя, по мнению экспертов, их сохранение определяется не столько интересами безопасности Великобритании, сколько американскими интересами (Drevet, Theophanous 2012: 26-28).

Базы в Акротири и Декелии остаются британскими территориями, границы с которыми становятся после брежита границами Великобритании с Евросоюзом, т.е. политическими и таможенными границами, которые ежедневно пересекают тысячи служащих, в том числе греки-киприоты, работающие на этих территориях по найму. Правда, в отличие от Гибралтара и Северной Ирландии, входящих благодаря членству Великобритании в Евросоюз, суверенные британские территории Акротири и Декелия имеют статус британских заморских владений, не

входящих в ЕС, и таким образом связанные здесь с брекзитом проблемы приобретают иной характер. Эти территории в соответствии со Статьей 1 Договора 1960 г. и Приложением А рассматриваются как принадлежащие Великобритании и не облагаются рентой или арендной платой, хотя в 1961–1964 гг. Великобритания и выплачивала кипрскому правительству определенные суммы, рассматривающиеся как грант, а не арендная плата⁸.

На территории этих баз, однако, применяется ряд норм европейского законодательства, что было оговорено в дополнительном протоколе к договору о вхождении Кипра в ЕС от 2004 г., в силу чего проблемы брекзита касаются и этих территорий. В соответствии со Статьей 2(1) этого протокола суверенные британские территории «включены в таможенную территорию [европейского] Содружества, и соглашения о таможенной и торговой политике применяются на территории суверенных баз». Кроме того, на этой территории действовало европейское законодательство о налоге на добавленную стоимость (VAT), а также законодательство, регулирующее сельхозпроизводство и рыболовство⁹.

На территории баз находятся не только военные порт и аэродром, но и сельскохозяйственные угодья, школы, фабрики, поселения с гражданским населением, включая около 7 700 проживающих здесь киприотов (CIA 2018), у которых в связи с брекзитом могут возникнуть проблемы с гражданством и работой. Например, на территории Декелии находятся два анклава Республики Кипр – деревни Ксилотимву и Ормидия, жители которых теперь окажутся за границей Евросоюза. Кроме того, еще около 15 тыс. киприотов с европейским гражданством работают на этих территориях, и их свободное перемещение и права на социальное страхование также становятся предметом переговоров и выработки соглашений, которые находились на грани срыва весной 2019 г., когда существовала угроза жесткого выхода Великобритании из ЕС. С 2008 г. территории этих баз входили в зону евро, а с брекзитом эта ситуация может измениться с пока плохо прогнозируемыми последствиями.

Суверенные территории британских военных баз на Кипре представляют собой остатки колониального порядка, возникшего в 1914 г. По мнению некоторых экспертов¹⁰, брекзит может оказаться поводом для Республики Кипр для уточнения статуса этих территорий или даже требования к их возвращению вместе с территориальными водами, хотя бы потому что права на территориальные воды и шельф имеют только полноценные субъекты международного права, т.е. самостоятельные государства, а не их заморские территории. Удивителен сам факт, что в рамках Евросоюза сохраняются колониальные отношения, при которых крупные европейские державы считают политически и этически оправданным безо всяких компенсаций навязывать свое военное присутствие не столь могущественным членам этого союза: данные опросов (Lordos,

Каумак, Тосси 2003–2004) свидетельствуют, что 74% греков-киприотов и 57% турок-киприотов выступают против присутствия этих баз на острове. Столь отрицательное отношение к британскому и американскому военному присутствию, особенно со стороны греков-киприотов, объясняется тем, что наличие этих баз на острове не предотвратило оккупацию Турцией Северного Кипра в 1974 г., когда Великобритания не обеспечила выполнения своих союзнических обязательств по Договору 1964 г., поэтому, как считают некоторые эксперты, Кипр вправе выйти из этого договора и потребовать возвращения территорий, занятых базами¹¹. Киприоты сетуют на то обстоятельство, что наличие этих баз скорее угрожает безопасности Кипра, втягивая его в региональные конфликты и геостратегические интересы крупных держав, и не приносят никаких выгод самой республике. Однако высокая доля британского капитала в экономике республики делает сценарий с выходом Кипра из договора маловероятным, из чего можно сделать заключение, что связанные с гражданством проблемы у кипрских жителей этих территорий будут иметь долгосрочный характер.

Гражданство для мигрантов и беженцев

Кипр проводит весьма консервативную политику в сфере натурализации мигрантов и беженцев, за что наряду с Мальтой неоднократно подвергался критике со стороны европейских структур – Совета Европы и его Комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью. Республика предоставляет беженцам, как правило, лишь так называемую вспомогательную или дополнительную защиту (*subsidiary protection*), предусмотренную для ситуаций, когда беженец рискует при возвращении не лично, а из-за принадлежности к определенной группе – расовой, религиозной, этнической и т.д. В последнее время она предоставлялась лишь беженцам из Сирии (5 274 человек на 2017 г.; CIA 2018). На острове присутствует значительное число трудовых мигрантов из Вьетнама, Филиппин, Шри Ланки, привлекающихся для работы в отелях, а также в качестве садовников, уборщиков, сиделок, сельхозработчиков. Мигранты из Болгарии, Румынии, Украины часто работают водителями такси, официантами, иногда – строительными рабочими. Полиция и другие органы надзора пытаются бороться с фиктивными браками (так называемыми удобными браками – *marriages for convenience*), и иностранцы, женившиеся или вышедшие замуж за граждан Кипра, с юмором рассказывают о внезапных визитах и обысках, учиняемых этими службами, пытающимися обнаружить свидетельства фиктивности брака. В 2017 г. Кипр занимал третье место в ЕС, после Люксембурга и Швеции, по показателям натурализации (6,4 человека на 1 000; Eurostat 2019), однако гражданство получали менее уязвимые в политическом и

экономическом отношении категории – выходцы из Западной и Восточной Европы. В силу этого беженцы и перемещенные лица рассматривают Кипр обычно лишь в качестве страны транзита, так как шансы задержаться в ней и получить гражданство очень низки. Та часть беженцев и перемещенных лиц, которая строила планы после подтверждения их статуса на переезд в Великобританию как государство – член Евросоюза (например, для воссоединения семей), после брекзита должна была от них отказаться и искать иные возможности.

В марте 2019 г. Центр полевых исследований Кипрского университета провел опрос среди более 1 400 киприотов (701 респондент из греческой общины и 707 – из турецкой) для выяснения отношения населения острова к мигрантам и беженцам. Был отмечен небольшой прогресс по сравнению с данными аналогичного опроса в 2015 г.: выросло число контактов с этими категориями населения, и киприоты в целом высказались в пользу социальной интеграции мигрантов как более предпочтительной формы их присутствия на острове, нежели их содержание в лагерях для беженцев. При этом доля тех, кто был против предоставления гражданства среди греков-киприотов, упала по сравнению с 2015 г. до 50,8%, в то время как у турок-киприотов она осталась фактически на прежнем уровне – 67,8%. Основные опасения связаны с возможным ростом преступности и ухудшением экономического положения¹². По данным Евростата, Кипр имел в первом квартале 2018 г. самый высокий в ЕС показатель на душу населения по числу впервые зарегистрированных заявителей – 1 551 человек на млн; за ним следовали Греция – 1 204 человека на млн, Мальта – 856 человек на млн и Люксембург – 753 человека на млн¹³.

Особую группу пополнения населения Кипра за счет миграционного притока составили желающие получить гражданство за счет инвестирования в экономику республики. После мартовского экономического кризиса 2013 г., когда пострадали банковские вклады граждан Кипра и иностранцев, превышающие 100 тыс. евро, кипрское правительство ввело так называемые золотые визы или «натурализацию инвесторов» – выдачу паспорта и гражданства в обмен на вклад в экономику острова. К 2017 г. Кипр привлек около 4 млрд евро за счет предоставления гражданства тем инвесторам, вклад в местную экономику которых был равен 2 млн евро, истраченным на приобретение собственности, или 2,4 млн евро – на инвестицию в бизнес, что обеспечивало гражданство и, как следствие, право на работу и проживание в любой европейской стране. В 2016 г. по этой схеме было выдано более 400 паспортов. Всего же в 2016 г., по данным Евростата, кипрское гражданство получили 4 660 человек (24,8% из них – бывшие граждане России; 15,6% – Греции и 7,2% – Великобритании), что было на 40% больше по сравнению с предыдущим годом. При этом с 2013 г. по схеме инвестирования было

выдано около 2 000 виз. Коэффициент натурализации (число получивших гражданство на 100 иностранцев) в случае Кипра составлял 3,2. Доля мигрантов в населении на 2017 г. – 8,7 человек на 1 000 (CIA 2018).

К проблемам мигрантов в сфере гражданства можно отнести и весьма специфическую проблему гражданства детей от смешанных браков на оккупированной Турцией территории Северного Кипра. В августе 2018 г., по сообщению Сенера Эльчиля, генерального секретаря Союза турко-киприотских учителей (KTOS – Kıbrıs Türk Öğretmenler Sendikası), министр внутренних дел Республики Кипр Константинос Петридес создал группу для работы с этим Союзом и пересмотра заявлений около 5 500 тыс. турок-киприотов, один из родителей которых родился в Турции, выразивших желание получить паспорт Республики Кипр. Накануне делегация Союза турко-киприотских учителей встретилась с министром для обсуждения проблем получения паспортов. Министерство при рассмотрении этих проблем разделило все заявления на две группы – на тех, чьи заявления не противоречили действующему законодательству, и тех, чьи основания на обретение гражданства ему не соответствовали. Сенер Эльчиль счел встречу полезной и в целом был удовлетворен позицией министра, однако поставил вопрос о соответствии кипрского законодательства в этой сфере нормам международного права.

Кипрские идентичность и гражданство, как и натурализация, осложняются на Северном Кипре колониционной политикой Турции, продолжающей посылать переселенцев с материка и предоставлять им гражданство непризнанной республики. Поскольку эта политика продолжается уже почти полвека, неудивительно, что переселенцы заключили немало браков с турками-киприотами, однако дети от этих браков, как и сами переселенцы не имеют автоматически кипрского, а стало быть, и европейского гражданства, и часто получают отказ в выдаче паспортов европейского образца. По оценкам Института исследований безгосударственности и интеграции (Institute on Statelessness and Inclusion) Маастрихтского университета, в случае Кипра около 15–25 тыс. человек в результате оказались без гражданства: официальные власти Кипра не отказывают им в приеме документов, но годами не рассматривают их обращения.

* * *

Рассмотренные ситуации с гражданской идентичностью и проблемами, возникающими в связи с выходом Великобритании из Евросоюза, позволяют охарактеризовать современное положение в этой сфере как многоаспектное, уникальное для каждой из рассмотренных категорий – британских экспатриантов, беженцев и мигрантов, лиц без гражд-

данства, работающих по найму на суверенных территориях британских военных баз киприотов, детей от смешанных браков и др. Во всех этих случаях, помимо низовой политики идентичности, реализуемой конкретными социальными группами и входящими в них индивидами, участвует множество политических акторов более высоких уровней – от профессиональных союзов, партий и неправительственных организаций до правительственных комиссий и служб, министерств, ведомств, парламентов и правительств вовлеченных в эту политику государств (Республика Кипр, непризнанная Турецкая Республика Северного Кипра, Великобритания, Турция, США), а также различных структур Совета Европы, Евросоюза и других европейских региональных организаций. В рассмотренных выше случаях, в зависимости от конкретной категории населения, на первый план выходят геополитические и военные (проблема статуса территорий военных баз и их персонала), политические и идеологические (борьба идеологий гражданского и этнического национализма на юге и севере острова), или экономические интересы (брекзит и ситуация британских экспатриантов на Кипре и в других странах Европейского Союза). Учет всех этих сил и факторов позволяет увидеть динамику гражданской идентичности населения Кипра во всей ее сложности.

Примечания

¹ Act concerning the conditions of accession of the Czech Republic, the Republic of Estonia, the Republic of Cyprus, the Republic of Latvia, the Republic of Lithuania, the Republic of Hungary, the Republic of Malta, the Republic of Poland, the Republic of Slovenia and the Slovak Republic and the adjustments to the Treaties on which the European Union is founded. European Union Document 12003T/ACT, 2004 (URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12003T%2FACT>).

² CIA World Factbook 2018. Washington: CIA, 2018.

³ Источник: беседы и интервью с молодыми (18–30 лет) греками-киприотами в Пафосе и Полисе (Пафосский регион, Республика Кипр), апрель–май 2019 г.

⁴ Browne B. High Commissioner looks to reassure British expats ahead of Brexit talks // Cyprus Mail Online. 2017. June 16. URL: <http://cyprus-mail.com/2017/06/16/high-commissioner-looks-reassure-british-expats-ahead-brexit-talks> (accessed: 22.11.2019).

⁵ URL: <https://www.gov.uk/government/publications> (accessed: 22.11.2019).

⁶ Dony M. Brexit. Public EU Law course. Bruxelles: Université Libre de Bruxelles, 2018.

⁷ Securing Britain in an Age of Uncertainty: The Strategic Defense and Security Review. London: Crown, 2010. P. 28.

⁸ Lang A., Miller V. Brexit: the talks begin // Briefing Paper. 2017. № 8017. House of Commons Library. July 12.

⁹ Yiolitis E. Back to base: what does Brexit mean for UK sovereign bases in Cyprus? Harneys article. September 2016.

¹⁰ Georgiou G., Tugwell P. Brexit Raises Questions About U.K. Sovereign Bases on Cyprus. Bloomberg. 2017. October 06. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-10-05/brexit-puts-question-mark-over-u-k-sovereign-bases-on-cyprus> (accessed: 22.11.2019).

¹¹ Palley C. Written evidence. House of Commons, Foreign Affairs Committee. 2nd report. 2005. February 22.

¹² Ioannidou L. Cypriots back supporting refugees but not giving citizenship // Cyprus Mail. 2019. March 08.

¹³ Eurostat. Acquisition of citizenship statistics. 2019. March. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Acquisition_of_citizenship_statistics; Universal Periodic Review. Cyprus. 2019. № 9. § 50. URL: www.ohchr.org/EN/HRBodies/UPR/Pages/CYindex.aspx (accessed: 22.11.2019).

Литература

CIA World Factbook 2018. Washington: CIA, 2018.

Drevet J.-F., Theophanous A. Cyprus and the EU: Appraisal and Challenges. Cyprus Centre for European and International Affairs // Notre Europe Policy Paper. 2012. № 58.

Eurostat. Acquisition of citizenship statistics. March, 2019 URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Acquisition_of_citizenship_statistics

Lordos A., Kaymak E., Tocci N. A people's peace in Cyprus: testing public opinion for a comprehensive settlement. Brussels: Centre for European Policy Studies, 2003–2004.

Статья поступила в редакцию 20 июля 2020 г.

Sokolovskiy Sergey V.

BREXIT AND CIVIC IDENTITY IN THE REPUBLIC OF CYPRUS*

DOI: 10.17223/2312461X/29/13

Abstract. The article is based on the analysis of the current literature and interviews that has been taken by the author in April–May 2019, and focuses on existing issues of European citizenship in the Republic of Cyprus, that have arisen due to the exit of Britain from European Union, or Brexit. It concerns mostly the changing situation for the resident British expatriates, particular groups of migrants and refugees, and children from mixed marriages. The territorial (the issue of new European borders that will emerge after Brexit), social, and economic aspects of citizenship are also discussed. Unique combination of factors, affecting civic identity, is outlined for each resident category affected by the crisis.

Keywords: Cyprus, Brexit, sovereign territories, expatriates, migrants, citizenship, civic identity

*The article is published as part of the Institute of Ethnology and Anthropology Research Plan (Russian Academy of Sciences, Moscow)

References

CIA World Factbook 2018. Washington: CIA, 2018.

Drevet J.-F., Theophanous A. Cyprus and the EU: Appraisal and Challenges. Cyprus Centre for European and International Affairs. Notre Europe Policy Paper, no. 58. 2012.

Eurostat. Acquisition of citizenship statistics. March, 2019 URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Acquisition_of_citizenship_statistics

Lordos A., Kaymak E., Tocci N. A people's peace in Cyprus: testing public opinion for a comprehensive settlement. Brussels: Centre for European Policy Studies. 2003-2004.

УДК 397, 303.01

DOI: 10.17223/2312461X/29/14

КОНЦЕПТЫ «РОД» И «РОДОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ»: ОПЫТ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ДЕФИНИЦИЙ*

Владимир Александрович Попов

Аннотация. В статье предлагается разграничить понятия «род» и «родовая организация» и признать в качестве собственно рода основную таксономическую единицу родовой организации, которая представляет собой совокупность иерархически соподчиненных социальных институтов (родовых институтов). Структурообразующими принципами всех родовых институтов являются экзогамия, унилинейность и корпоративность. Собственно род обладает наибольшей целостностью и характеризуется еще и локализованностью. В результате переосмысления существующих дефиниций формулируется определение рода как экзогамного, унилинейного и корпоративного социального института, представляющего собой локализованное подразделение родовой организации. Статья базируется на конкретном материале матрилинейных родовых институтов, функционирующих у аканских народов (Западная Африка).

Ключевые слова: род, родовая организация, экзогамия, унилинейность, корпоративность, первобытность, традиционные общества, неотрадиционализм, аканы

Введение

Среди множества нерешенных проблем генезиса, исторической динамики и функционирования первобытных форм социальной организации одной из самых актуальных по-прежнему является проблема родовой организации, о чем свидетельствует, например, недавняя дискуссия о роли рода и неородовой организации в современных неотрадиционных обществах Сибири и Северного Кавказа на XIII Международном конгрессе антропологов и этнологов России в Казани (2019: 1–10, 409–412; Неотрадиционализм 2019).

Действительно, кардинальный пересмотр теории родового строя во второй половине XX в. привел к весьма неоднозначной ситуации. С одной стороны, уже мало кто из исследователей отождествляет первобытность (первичную формацию) с родовым строем или ищет пережитки материнского рода в позднепервобытных и раннеклассовых обществах, поскольку вопрос о первичности и универсальности матрилинейной формы рода и, соответственно, австралийская контроверза перестали быть столь животрепещущими, а точнее, актуальны только для

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011-00644).

немногочисленных сторонников однолинейного эволюционизма (в том числе в марксистском варианте), трактующего материнский и отцовский роды в качестве обязательных и последовательных стадий в развитии первобытного («общинно-родового») общества.

С другой стороны, в специальной литературе обозначился большой спектр подходов к толкованию содержания самого концепта «род» – от полного отказа от термина «род» или попыток заменить его каким-либо термином-аналогом, распространенным в зарубежной литературе («клан», «линидж», «сиб», «генс», «септ», «десцентная группа», «рэмидж» и т.п.) (Крюков 1967; Коротаев, Оболонков 1990; Кожановская 1993), до весьма широкой трактовки рода, при которой теряется содержательная однозначность этого научного понятия (Коротаев, Оболонков 1989; Коротаев 1997; Артемова 1997, 2000). По сути, и то и другое – не более чем игра в термины, зачастую никак не связанная с конкретным материалом.

В то же время предлагается применять термин «род» для обозначения только одной из конкретных форм родственных институтов. Именно этот путь наиболее перспективен, поскольку, как известно, о терминах не спорят, а договариваются.

Род и родовая организация

Что же такое «род» в представлении большинства отечественных исследователей? Краткий анализ существующих определений в научной литературе 1960–2010-х гг. (Попов 1982а: 64; 2015а, 2015б; Дрэггер, Першиц 1986: 121–123; Коротаев, Оболонков 1990; Кожановская 1993; Артемова 1998в: 886–887; Алексеев, Першиц 1999: 139–145, 210–214, 275), при всех их формальных различиях, позволяет выделить некие инвариантные признаки: *экзогамия, однолинейный счет родства, общий предок, символы единства*. Другими словами, перед нами структурообразующие (т.е. необходимые и достаточные, или интегративные) принципы родовой организации.

Между тем если присмотреться к этому перечню принципов, то только экзогамия, пожалуй, не требует особых комментариев. Правда, Ю.И. Семенов считает, что более точным является термин «экзокойтия» (от греч. *экзо* – вне, *койтус* – половой акт), поскольку суть рода, по его мнению, заключается в акойтии – абсолютном запрете половых отношений между его членами (Семенов 1999: 22). Что же касается однолинейного счета родства и общего предка, то по существу это тавтология, так как унилинейность как форма линейного принципа счета родства предполагает генеалогию и, следовательно, происхождение от одного предка, а не от группы предков, как при латеральном счете родства.

Говоря о типах счета родства, следует обратить внимание на то, что современные представления о специфике ранних этапов развития об-

щества не допускают гипертрофизации значимости пола и сведения всего процесса перехода от первичной формации ко вторичной формации к смене только иерархии социальных ролей по признаку пола (от матрилинейности к патрилинейности). Переосмысление соотношения основных форм филиации (счета родства) обусловлено, в частности, осознанием принципиальной невозможности трансформации одной формы линейности в другую, т.е. матрилинейности в патрилинейность или, наоборот, патрилинейности в матрилинейность. Иначе говоря, стадийны структурообразующие принципы, а не конкретные формы их проявления. Поэтому менялась не форма, а принцип счета родства, т.е. генеалогический (линейный) принцип пришел на смену групповому (латеральному), что находится в корреляции с качественными различиями между историческими стадиями (типами) систем родства – первичной (классификаторской, групповой) и вторичной (линейно-степенной, вертикальной, описательной) (Алгебра родства: 5–205; Гиренко 1978; Попов 1982б, 1982в; Артемова 1998б; Кожановская 1998а, 1998б, 1998в, 1998г). Поэтому были все основания для того, чтобы «перенести акцент... на рассмотрение трансформации латеральных систем (где преемственность осуществлялась от группы к группе) в системы линейные (где доминирует индивидуальная преемственность)» (Girenko 1979: 815). Род же как унилинейный социальный институт, или генеалогический коллектив кровных родственников, происходит от одного реального (или мифического) предка.

Относительно символов единства можно предположить, что имеются в виду не только собственно символы (названия родов, тотемы, девизы, свой антропонимикон и прежде всего личные имена, ритуальные атрибуты и т.п.), но и те признаки, которые сплачивают людей и укрепляют социальную общность, т.е. создают феномен корпоративности, определяющий самоидентификацию членов рода и способствующий возникновению чувства группового единства (ср.: Артемова 1998а: 887). К ним, несомненно, следует отнести общий культ предков и связанную с ним обрядность, взаимные права и обязанности (в том числе и в связи с распоряжением собственностью рода).

Таким образом, если учесть вышеизложенные уточнения, то основными структурообразующими принципами рода следует признать *экзогамия*, *унилинейность* и *корпоративность*.

Аканские матрилинейные родовые институты

Если теперь обратиться к конкретному материалу, то, например, у многих земледельческих народов Тропической Африки зафиксировано несколько подразделений традиционной социальной организации, каждое из которых обладает тем единством свойств, которое позволяет отнести их с теоретическим понятием рода. Так, у бантуязычных майо-

мбе (Нижнее Конго) и западноафриканских аканов (ашантийцы, фантийцы, ачемцы, аквапимцы и др.) функционируют по три социальных института соответственно: *мвила*, *диканда*, *мвуги* (Richards 1950: 207–251) и *абусуапон*, *абусуа*, *яфуну* (Fortes 1950: 254, 258; 1970: 163; Попов 1980а, 1982а: 62–66), представляющие собой, по сути, некие иерархии подразделений матрилинейной родовой организации.

Рассмотрим подробнее весьма репрезентативный аканский материал.

Абусуапон – это экзогамное, нелокализованное подразделение, объединяющее кровных родственников, которые ведут свое происхождение от реальной или мифической прародительницы. Слово *абусуа* – синоним *моджа* («кровь»); у ашантийцев есть даже пословица: «Одна абусуа – одна кровь». Членами абусуапон являлись все кровные родственники по материнской линии, и членство это не могло быть утрачено. Исключение составляли только те, кто был отлучен от абусуапон. Правило экзогамии соблюдалось очень строго, и брак между членами одной абусуапон считался инцестуальным. В прошлом нарушители экзогамии наказывались смертью, ныне ограничиваются отлучением и принесением в жертву овцы.

Каждая абусуапон имеет свое название, девиз и тотем или несколько тотемов. Тотемом обычно служит какое-нибудь животное (леопард, лиса, дикий кот, собака, буйвол и др.), птица (попугай, сокол, гриф, ворона), рыба, пресмыкающееся (лягушка, красная змея), растение (плантен, стебель кукурузы) и даже пальмовое масло и красная глина. Эпоном запрещалось убивать и употреблять в пищу, следовало также стараться всячески избегать встречи с ним.

Все члены одной абусуапон, как живые, так и умершие (предки), обладали одинаковыми правами и обязанностями. Они несли коллективную ответственность за преступления и долги друг друга, имели право пользования землями, принадлежащими их абусуапон. Они также должны были придерживаться определенных норм поведения. В частности, каждому тотему приписывались символические значения, и членам абусуапон, имевшим данный тотем, надлежало своими действиями оправдывать его символику. Например, члены абусуапон Беретуо (тотем – леопард) должны были быть воинственными, Агона (тотем – попугай) – красноречивыми и т.д. Идеологическое единство членов одной абусуапон проявлялось также в некоторых обрядах и в общем культе предков.

Все абусуапон формально имели одинаковый статус, но в каждом вожестве (омане) одна из них могла иметь более важное значение. Например, Беретуо – в ашантийском омане Мампонг, а Ойоко – у всех ашантийцев, поскольку верховный правитель Конфедерации Ашанти (асантехене) избирался только из ее членов. Другими словами, уже имелась некая иерархия абусуапон и, в частности, произошло выделение династийных абусуапон.

Таким образом, основными компонентами абусуапон являются несколько поколений родственников (живых и умерших), связанных между собой экзогамией и матрилинейным счетом родства, а также одинаковыми правами и обязанностями, общим культом, обрядностью и символикой (имя, тотем, девиз), т.е. корпоративностью.

Каждая абусуапон состояла из локализованных сегментов – *абусуа*¹, включавших в себя родственников по материнской линии, которые прослеживали свою генеалогию в среднем на 4–5 поколений к одной прародительнице. Они часто называют себя потомками конкретной прародительницы, но особых названий у абусуа нет (за исключением омана Венчи, где такие названия были зафиксированы).

Абусуа представляла собой реальный коллектив людей, который имел свою землю, постройки, орудия труда, праздничную и церемониальную одежду, различные украшения и другие ценности. Все члены абусуа несли коллективную ответственность за поступки друг друга, а отказ в доверии и поддержке кому-либо из членов абусуа считался большим наказанием и применялся только как чрезвычайная мера. Одним из наиболее ярких выражений единства и солидарности членов одной абусуа были похороны умершего члена. В течение этой церемонии они соблюдали траурные табу и поровну оплачивали все расходы. У фантийцев в связи с этим есть соответствующая поговорка: «Члены абусуа – это те, кто делит затраты на похороны» (Christensen 1954: 20). Каждая абусуа имела свое кладбище или особое место на общем кладбище селения.

Во главе абусуа стоял *абусуапанин* (панин – «старший»), которого пожизненно выбирали на общем собрании всех членов. Абусуапанин руководил хозяйственной, бытовой и ритуальной деятельностью своей абусуа. Он являлся хранителем и распорядителем земель и другой собственности, организатором совместных мероприятий (похорон, праздников), арбитром в спорах между членами абусуа, а также представлял интересы своей абусуа в совете старейшин деревенской общины, в который входили главы всех ее абусуа. Как представитель прародителей он совершал ритуалы, связанные с почитанием предков, которые считаются настоящими хозяевами земли и гарантами благосостояния живущих членов абусуа. Управлял абусуапанин, советуясь со старейшими членами своей абусуа, а главной его помощницей была *обапанин* (как правило, сестра абусуапанин), в функции которой входило руководство делами женской части абусуа (браки, разводы, роды и т.д.).

Итак, абусуа как сегмент абусуапон имеет тот же структурно-компонентный состав, что и абусуапон, но детерминантными структурообразующими признаками абусуа являются не только экзогамия, корпоративность и матрилинейность, но и локализованность и потестарность.

Каждая абусау состояла из нескольких яфуну (букв. «чрево») – групп матрилинейных родственников, прямых потомков (во втором–третьем поколении) одной женщины или группы женских сиблингов. Яфуну являлся именно тем сегментом абусуапон, который непосредственно распоряжался землей, принадлежавшей всей абусуапон. Именно в яфуну реализовывались все права и обязанности членов абусау.

Краткое рассмотрение структуры и функций абусуапон, абусау и яфуну показывает, что эти социальные институты вполне можно рассматривать как три ступени в иерархии матрилинейной родовой организации, или родовой системы. Единого термина, который бы охватывал все подсистемы, у аканов нет, хотя, в принципе, таковым может служить слово «абусау», так как сами аканы называют этим термином и собственно абусау, и абусуапон, но не отождествляют их полностью.

Однако какой же из аканских родовых институтов является собственно родом? Ответить на этот вопрос нелегко, поскольку общее определение рода не учитывает структурные и функциональные особенности различных таксономических уровней родовой организации и историческую динамику подразделений рода, т.е. не указывает на специфические признаки собственно рода. Между тем вопрос этот заслуживает, как представляется, не меньшего внимания, чем, например, проблемы соотношения рода, семьи и общины и первичности / вторичности или однопорядковости матрилинейной и патрилинейной форм рода, поскольку он, несомненно, связан с проблемой генезиса и развития родовой организации как явления. Вероятно, следует различать род и родовую организацию, при этом последняя может быть определена как иерархическая совокупность родовых институтов.

В отечественной литературе имеется две схемы синхронного иерархического соподчинения родовых институтов или, в терминах Д.А. Ольдерогге, *линии родовых структур*. Сам Ольдерогге предложил следующую схему: *группа родов – род – подразделение рода – ядро домохозяйства (большой семьи)* (Ольдерогге 1972: 103). Н.А. Бутинов выделяет следующие ступени родовой иерархии: *клан – сиб (субклан) – род (матри / патрилиния, или линидж)* (Бутинов 1974: 146). Ранее он различал *род* и *малый род*, или *патри / матри / амбилинию* (Бутинов 1967: 178, 183).

Родовые институты аканов соответствуют следующим ступеням в этих иерархиях: абусуапон – род / клан; абусау – подразделение рода / сиба (субклан); яфуну – ядро домохозяйства (большой семьи) / род (линидж).

Иерархия Д.А. Ольдерогге отражает представление о разделении первичного большого рода на составные части по схеме: род – подрод – подподрод – подподподрод – (под)ⁿ род. Иерархия Н.А. Бутинова фиксирует процесс роста первичного рода в противоположном направле-

нии: род – надрод – наднадрод – наднаднадрод – (над)ⁿ род. Поэтому в первом случае род – это самая первая (высшая) ступень в иерархии родовых институтов, а во втором – последняя (низшая). Однако аканский материал (прежде всего, семантика слов, обозначающих отдельные ступени в иерархии аканских родовых институтов) не совсем соответствует двум прямо противоположным трактовкам механизма возникновения иерархии родовых институтов. Логика языка подсказывает следующее, по сути компромиссное решение проблемы: абусуа – род, абусуапон – надрод, яфуну – подрод (для сравнения: М. Фортес определяет абусуапон как клан, абусуа – как максимальный линидж, или локализованный матрилинидж, яфуну – как минимальный линидж (Fortes 1950: 254, 258; 1970: 163)).

Таким образом, получается, что собственно родом следует признать локализованную ступень в иерархии родовых институтов. Следовательно, локализованность – еще один структурообразующий принцип рода; именно этим род отличается от других подразделений родовой организации (ср.: Першиц 1992: 36).

Аканский патрилинейный институт нторо и проблема его атрибуции

Помимо матрилинейных родовых институтов у аканов функционирует еще один социально-родственный институт – *нторо*, который часто сближают с патрилинейными родовыми структурами, поскольку его системообразующей детерминантой является счет родства по отцу², и поэтому аканские общества часто квалифицируют как обладающие двойной филиацией (Herskovitz 1937; Murdock 1940: 557; Christensen 1954: 5; Augé 1975: 19).

Однако имеющиеся материалы не позволяют считать нторо экзогамным и линейным институтом, скорее он обладает признаками латеральности (в патрилатеральной форме), а не патрилинейной филиации, поскольку генеалогии нторо охватывали не более трех поколений, и все связи, как правило, ограничивались группой сиблингов отца и группой сиблингов эго (подробнее см.: Попов 1980б, 1982а: 49–55, 67–68; 1990: 85–87).

В XIX в. к одному нторо³ принадлежали все родственники, происшедшие от одного предка-мужчины, а также жены, жившие в домохозяйствах мужей. Одни исследователи считают нторо экзогамными (Rattray 1923: 46), другие же утверждают, что ограничение браков в пределах одного нторо было не таким строгим, как в абусуа; потомки одного мужчины в 5–6-м поколениях могли вступать в брак друг с другом (Manoukian 1950: 24; Meyerowitz 1951: 116). Поэтому нет оснований считать институт нторо аналогичным группировкам абусуа и

отождествлять его с патрилинейным родом, или кланом. Ведь членами одного нторо являлись не только потомки одного мужского предка, но и их жены. Другими словами, это не экзогамия, которая полностью исключала возможность того, чтобы супруги принадлежали к одному роду. По-видимому, нторо – *эктогамный* социальный институт, т.е. такая система, при которой человек не может вступать в брак с членом своей собственной группы, но его супруг включается в состав этой группы⁴.

Никакого хозяйственного значения группировки нторо не имели. Члены одного нторо не владели землями, постройками и другим имуществом и не имели взаимных обязательств. Их объединяли соблюдение определенных табу, набор общих имен, формы этикета и ритуалы, связанные с почитанием духа-покровителя конкретного нторо⁵.

Члены одного нторо находились в дисперсном состоянии и не встречались для ритуальных или каких-либо социальных целей, как и члены одной абусау. Все свои функции группировки нторо осуществляли в рамках деревенской общины или домохозяйства (большой семьи), причем в доколониальную эпоху на базе нторо фактически создавались военные отряды асафо. Подразделений у нторо не было. Показательно, что в XX в., когда возникло достаточно стимулов к развитию патрилинейности, институт нторо у ашантийцев утратил свою социальную значимость и воспоминания о нем сохранились только в устной традиции.

Таким образом, группировки нторо представляют собой несколько поколений родственников и свойственников, связанных между собой патрилateralностью, экзогамией, общей символикой, обрядностью и культом. Совершенно очевидно, что нторо никак нельзя определить в качестве родового института – он строится на совершенно иных структурообразующих принципах.

Заключение

Кратко суммируем основные положения предлагаемой для дальнейшего обсуждения трактовки рода и родовой организации:

1. Понятия «род» и «родовая организация» не являются тождественными и тем более синонимичными. Род – это основная таксономическая единица родовой организации, которая, в свою очередь, представляет собой совокупность иерархически соподчиненных социальных институтов (родовых институтов).

2. Структурообразующими принципами всех родовых институтов являются экзогамия, унилинейность и корпоративность. Собственно род обладает наибольшей целостностью и характеризуется еще и локализованностью.

3. Теоретическое определение рода может быть сформулировано следующим образом: *род – это экзогамный, унилинейный и корпора-*

тивный социальный институт, представляющий собой локализованное подразделение родовой организации. В отличие от общины род никогда не был производственной ячейкой, имел только брачно-регулирующие и ритуальные функции.

Примечания

¹ Формант *пон* (*бан*), имеющийся в слове *абусуапон*, означает «куча, набор вещей, большое дерево» и т.п. Он добавляется, как правило, тогда, когда необходимо противопоставить абусуапон ее сегменту – абусуа.

² Фантийцы называют группирования, аналогичные нторо, словом *эджабосом* («дух отца»).

³ Словом *нторо* обозначается также мужское семья.

⁴ Термин «эктогамия» предложен Ю.И. Семеновым (Семенов 1968: 83).

⁵ Первая часть большинства названий нторо – «босом, обосом» – переводится как «дух», вторая часть составляет имя духа, под покровительством которого находятся члены данного нторо. При этом именами духов, как правило, являются названия рек и других водоемов: Босомпра – дух реки Пра, Босомпо – дух моря и т.д. Считается, что члены группировок нторо – дети духов воды, от которых они получают свое нторо.

Литература

Алгебра родства. Вып. 3. СПб.: МАЭ РАН, 1999. 288 с.

Алексеев В.П., Перишц А.И. История первобытного общества. 5-е изд. М.: Высшая школа, 1999. 318 с.

Артемова О.Ю. Структурный, функциональный и стадийный подходы к проблеме родовой организации // Второй международный конгресс этнографов и антропологов. Резюме докладов и сообщений. Уфа: Восточный университет, 1997. Ч. 2. С. 25.

Артемова О.Ю. Корпоративная группа // Народы и религии мира: Энциклопедия. М.: БРЭ, 1998а. С. 887.

Артемова О.Ю. Матрилинейность // Народы и религии мира: Энциклопедия. М.: БРЭ, 1998б. С. 889.

Артемова О.Ю. Род // Народы и религии мира: Энциклопедия. М.: БРЭ, 1998в. С. 896–897.

Артемова О.Ю. В очередной раз о теории «родового быта» и об «австралийской контроверзе» // Ранние формы социальной организации. СПб.: МАЭ РАН, 2000. С. 25–50.

Бутинов Н.А. Этнографические материалы и их роль в изучении общины древнего мира // Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука, 1967. С. 168–191.

Бутинов Н.А. Общинно-родовая иерархия в Северо-Западной Меланезии // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР. Л.: Наука, 1974. С. 143–147.

Гиренко Н.М. К вопросу об эволюции систем родства у некоторых народов Экваториальной и Тропической Африки // *Africana*. Африканский этнографический сборник. Вып. 11. Л.: Наука, 1978. С. 13–53.

Дрэгер Л., Перишц А.И. Организация родовой // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 1: Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М.: Наука, 1986. С. 121–124.

- Кожановская И.Ж.* Что мы знаем о формах социальной организации в Полинезии? (Обзор зарубежной и отечественной литературы) // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 163–174.
- Кожановская И.Ж.* Латеральность // Народы и религии мира: Энциклопедия. М.: БРЭ, 1998а. С. 888.
- Кожановская И.Ж.* Матрилатеральность // Народы и религии мира: Энциклопедия. М.: БРЭ, 1998б. С. 889.
- Кожановская И.Ж.* Патрилатеральность // Народы и религии мира: Энциклопедия. М.: БРЭ, 1998в. С. 894.
- Кожановская И.Ж.* Патрилинейность // Народы и религии мира: Энциклопедия. М.: БРЭ, 1998г. С. 894.
- Кортаев А.В.* Сабейские этюды. М.: Восточная литература, 1997. 224 с.
- Кортаев А.В., Оболонков А.А.*, Родовая организация в социально-экономической структуре классовых обществ // Советская этнография. 1989. № 2. С. 36–45.
- Кортаев А.В., Оболонков А.А.* Род как форма социальной организации в работах дореволюционных русских и советских исследователей // Узловые проблемы истории докапиталистических обществ Востока. М.: Наука, 1990. С. 3–52.
- Крюков М.В.* О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации // Советская этнография. 1967. № 6. С. 83–94.
- Неотрадиционализм.* СПб.: Центр информатизации образования «КИО», 2019. 320 с.
- Ольдерогге Д.А.* Род и община // Проблемы использования природных и трудовых ресурсов развивающихся стран. М.: Мысль, 1972. С. 97–107.
- Перишц А.И.* Первобытный коллективизм: общая концепция и частные решения // Исследования по первобытной истории. М.: Наука, 1992. С. 26–42.
- Попов В.А.* Иерархия родовых институтов у аканов // Изучение преемственности этнокультурных явлений. М.: ИЭ, 1980а. С. 159–170.
- Попов В.А.* К характеристике ашантийского института второго // Страны и народы Востока. Вып. 21. М.: Наука, 1980б. С. 99–107.
- Попов В.А.* Ашантийцы в XIX в. Опыт этносоциологического исследования. М., 1982а.
- Попов В.А.* Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности // Советская этнография. 1982б. № 1. С. 68–78.
- Попов В.А.* Системы терминов родства аканов как этносоциологический источник // Africa. Африканский этнографический сборник. Вып. 13. Л.: Наука, 1982в. С. 50–79.
- Попов В.А.* Этносоциальная история аканов в XVI–XIX веках. М., 1990. 278 с.
- Попов В.А.* Род // Большая Российская энциклопедия. Т. 28. М.: БРЭ, 2015а. С. 575–576.
- Попов В.А.* Родовая организация // Новая Российская энциклопедия. Т. XIV (1). М.: Энциклопедия; ИНФРА-М, 2015б. С. 245.
- Семенов Ю.И.* О некоторых теоретических проблемах истории первобытности // Советская этнография. 1968. № 4. С. 75–86.
- Семенов Ю.И.* Введение во всемирную историю. Вып. 2: История первобытного общества. М.: МФТИ, 1999. 192 с.
- XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. Москва; Казань: ИЭА РАН; КФУ; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 516 + LV с.
- Augé M.* Les domaines de la parenté. Paris, 1975.
- Christensen J.B.* Double Descent among the Fanti. New Haven: Human Relations Area Files, 1954. 145 p.
- Fortes M.* Kinship and Marriage among the Ashanti // African Systems of Kinship and Marriage. L.: Oxford University Press, 1950. P. 252–284.
- Fortes M.* Kinship and Social Order. L.: Aldine, 1970. 334 p.
- Girenko N.M.* More on the Marxism and Matriarchate // Current Anthropology. 1979. Vol. 20, № 4. P. 814–815.

- Herskovitz M.* The Ashanti Ntoro: a Re-Examination // *Journal of the Royal Anthropology Institute*. 1937. Vol. 67. P. 287–296.
- Manoukian M.* Akan and Ga-Adangme Peoples of the Gold Coast. L.: Oxford University Press, 1950. 112 p.
- Meyerowitz E.* The Sacred State of the Akan. L.: Faber and Faber, 1951. 222 p.
- Murdock G.P.* Double Descent // *American Anthropologist*. 1940. № 4, pt. 1. P. 555–561.
- Rattray R.S.* Ashanti. Oxford: The Clarendon press, 1923. 348 p.
- Richards A.J.* Some Types of Family Structure among the Central Bantu // *African Systems of Kinship and Marriage*. L.: Oxford University Press, 1950. P. 207–251.

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2019 г.

Popov Vladimir A.

THE CONCEPTS OF ‘CLAN’ AND ‘CLAN ORGANIZATION’: RETHINKING DEFINITIONS*

DOI: 10.17223/2312461X/29/14

Abstract. The article proposes to distinguish between the concepts of ‘clan’ and ‘clan (gentile) organization’, and to recognize as clan the basic taxonomic unit of clan organization, which is a set of hierarchically subordinate social institutions (clan institutions). The structural principles of all clan institutions are exogamy, unilineality, and corporativeness. Clan has the greatest integrity, and can be localized. Examining matrilineal clan institutions functioning among the Akan peoples (West Africa), the article defines clan as an exogamous, unilineal, and corporate social institute, which is also a localized unit of clan organization.

Keywords: clan, clan organization, exogamy, unilineality, corporativeness, primitive society, traditional societies, neo-traditionalism, Akans

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR, project No. 18-011-00644).

References

- Algebra rodstva* [The algebra of kinship]. Vyp. 3. St. Petersburg: MAE RAN, 1999.
- Aleksejev V.P., Pershits A.I. *Istorija pervobytnogo obshchestva* [The history of prehistoric society, 5th edition]. Moscow: Vysshaja shkola, 1999.
- Artemova O.Yu. Strukturnyj, funktsional’nyj i stadial’nyj podkhody k probleme rodovoj organizatsii [Structural, functional and stadial approaches to the problem of gentile organization]. In: *Vtoroj mezhdunarodnyj kongress etnografov i antropologov Rossii* [Second International Congress of Ethnographers and Anthropologists. Summary of presentations]. Ufa: Vostochnyj universitet, 1997, ch. 2, p. 25.
- Artemova O.Yu. Korporativnaja grupa [Corporative group]. In: *Narody i religii mira: Entsiklopedija* [Peoples and religions of the world: Encyclopedia]. Moscow: BRE, 1998a, p. 887.
- Artemova O.Yu. Matrilinijnost’ [Matrilinearity]. In: *Narody i religii mira: Entsiklopedija* [Peoples and religions of the world: Encyclopedia]. Moscow: BRE, 1998b, p. 889.
- Artemova O.Yu. Rod [Gens]. In: *Narody i religii mira: Entsiklopedija* [Peoples and religions of the world: Encyclopedia]. Moscow: BRE, 1998c, pp. 896–897.
- Artemova O.Yu. V ocherednoj raz o teorii «rodovogo byta» i ob «avstralijskoj kontroverze» [On the theory of ‘gentile life’ and the ‘Australian controversy’]. In: *Rannije formy sotsial’noj organizatsii* [Early forms of social organization]. St. Petersburg: MAE RAN, 2000, pp. 25–50.

- Butinov N.A. Etnograficheskie materialy i ikh rol' v izuchenii obtshiny drevnego mira [Ethnographic materials and their role in the study of ancient community]. In: *Obtshina i sotsial'naja organizatsija u narodov Vostochnoj i Jugo-Vostochnoj Azii* [Community and social organization among the peoples of East and South-East Asia]. Leningrad: Nauka, 1967, pp. 168–191.
- Butinov N.A. Obtshinno-rodovaja ierarhia v Severo-Zapadnoj Melanezii [Community and gentile hierarchy in Northwestern Melanesia]. In: *Kratkoe sodержanie dokladov godichnoj nauchnoj sessii Instituta etnografii AN SSSR* [Summary of presentations at the annual scientific session of the Institute of Ethnography (USSR Academy of Sciences)]. Leningrad: Nauka, 1974, pp. 143–147.
- Girenko N.M. K voprosu ob evoljutsii sistem rodstva u nekotorykh narodov Ekvatorial'noj i Tropicheckoj Afriki [On the evolution of kinship systems in some peoples of Equatorial and Tropical Africa]. In: *Africana. Afrikanskij etnograficeskij sbornik. Vyp. 11*. Leningrad: Nauka, 1978, pp. 13–53.
- Dreger L., Pershits A.I. Organizatsija rodovaja [Gentile organization]. In: *Svod etnograficeskikh pohjatij i terminov. Vyp. 1: Social'no-ekonomicheskie otnoshenija i socionormativnaja kultura* [A set of ethnographic concepts and terms. Issue 1: Socio-economic relations and socio-normative culture]. Moscow: Nauka, 1986, pp. 121–124.
- Koshanovskaja I.Zh. Chto my znajem o formakh social'noj organizatsii v Polinezii? (Obzor zarubezhnoj i otechestvennoj literatury) [What do we know about the forms of social organization in Polynesia? (Scientific literature review)], *Etnograficeskoje obozrenije*, 1993, no. 2, pp. 163–174.
- Kozhanovskaja I.Zh. Lateral'nost' [Laterality]. In: *Narody i religii mira: Entsiklopedija* [Peoples and religions of the world: Encyclopedia]. Moscow: BRE, 1998, p. 888.
- Kozhanovskaja I.Zh. Matrilateral'nost' [Matrilaterality]. In: *Narody i religii mira: Entsiklopedija* [Peoples and religions of the world: Encyclopedia]. Moscow: BRE, 1998, p. 889.
- Kozhanovskaja I.Zh. Patrilateral'nost' [Patrilaterality]. In: *Narody i religii mira: Entsiklopedija* [Peoples and religions of the world: Encyclopedia]. Moscow: BRE, 1998, p. 894.
- Kozhanovskaja I.Zh. Patrilinejnost' [Patrilinearity]. In: *Narody i religii mira: Entsiklopedija* [Peoples and religions of the world: Encyclopedia]. Moscow: BRE, 1998, p. 894.
- Korotajev A.V. *Sabejskie etjudy* [Sabaean Studies]. Moscow: Vostochnaja literatura, 1997. 224 p.
- Korotajev A.V., Obolonkov A.A. Rodovaja organizatsija v social'no-ekonomicheskoj strukture klassovykh obtshestv [Gentile organization in the socio-economic structure of class-based societies], *Sovetskaja etnografija*, 1989, no. 2, pp. 36–45.
- Korotajev A.V., Obolonkov A.A. Rod kak forma social'noj v rabotah dorevoljutsionnykh russkikh i sovetskikh issledovatelej [Gens as a form of social organization in the works of pre-Revolution Russia's and Soviet researchers]. In: *Uzlovyje problemy istorii dokapitalisticeskikh obtshestv Vostoka* [Key problems of the history of pre-capitalist societies of the East]. Moscow: Nauka, 1990, pp. 3–52.
- Krjukov M.V. O sootnoshenii rodovoj i patronomicheskoj (klanovoj) organizatsii [On the relationship of gentile and patronymic (clan) organization], *Sovetskaja etnografija*, 1967, no. 6, pp. 83–94.
- Neotraditsionalizm* [Neo-traditionalism]. St. Petersburg: Tsentr informatizatsii obrazovanija «KIO», 2019.
- Olderogge D.A. Rod i obshchina [Clan and community]. In: *Problemy ispol'zovanija prirodnykh i trudovykh resursov razvivayushchikhsya stran* [Problems of using natural and labor resources of developing countries]. Moscow: Mysl, 1972, pp. 97–107.
- Pershits A.I. Pervobytnny kolektivizm: obshchaya kontseptsija i chastnyje resheniya [Primitive collectivism: general concept and particular solutions]. In: *Issledovanija po pervobytnnoj istorii* [Research on primitive history]. Moscow: Nauka, 1992, pp. 26–42.

- Popov V.A. Iyerarkhiya rodovyykh institutov u akanov [Hierarchy of clan institutions among Akans]. In: *Izucheniye preyemstvennosti etnokul'turnykh yavleniy* [Study of the continuity of ethnocultural phenomena]. Moscow: IE, 1980a, pp. 159–170.
- Popov V.A. K kharakteristike ashantiyskogo instituta Ntoro [On the characteristics of the Ashantian institute ntoro]. In: *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East]. Issue 21. Moscow: Nauka, 1980b, pp. 99–107.
- Popov V.A. *Ashantiysy v XIX v. Opyt etnosotsiologicheskogo issledovaniya* [Ashantians in the 19th century. Ethnosociological research experience]. Moscow: 1982a. 176 p.
- Popov V.A. Polovozrastnaya stratifikatsiya v etnosotsiologicheskikh rekonstruktsiyakh pervobytnosti [Age-sex stratification in ethnosocial reconstructions of primitiveness], *Sovetskaya etnografija*, 1982b, № 1, pp. 68–78.
- Popov V.A. Sistemy terminov rodstva akanov kak etnosotsiologicheskii istochnik [Systems of kinship terms of Akans as an ethnosociological source]. In: *Africana. Afrikanskij etnograficheskij sbornik. Vyp. 13*. Leningrad: Nauka, 1982c, pp. 50–79.
- Popov V.A. *Etnosotsial'naya istoriya akanov v XVI – XIX vekakh* [Ethnosocial history of Akans in the 16th – 19th centuries]. Moscow: Nauka, 1990. 278 p.
- Popov V.A. Rod [Clan]. In: *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. T. 28. Moscow: BRE, 2015a, pp. 575–576.
- Popov V.A. Rodovaya organizatsiya [Clan organization]. In: *Novaya Rossiyskaya entsiklopediya* [New Russian encyclopedia]. Moscow: Entsiklopediya; INFRA-M, 2015b, p. 245.
- Semenov Yu.I. O nekotorykh teoreticheskikh problemah istorii pervobytnosti [On some theoretical problems of the prehistoric period], *Sovetskaya etnografija*, 1968, no. 4, pp. 75–86.
- Semenov Yu.I. *Vvedenie vo vsemirnuju istoriju. Vyp. 2: Istorija pervobytnogo obshchestva* [Introduction to World History. Issue 2: The history of prehistoric society]. Moscow: MFTI, 1999.
- XIII Kongress antropologov i etnologov Rossii* [XIII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia]. Kazan', 2–6 iulia 2019 g. Moscow; Kazan': IEA RAN, KFU, 2019. 516 + LV p.
- Augé M. *Les domaines de la parenté*. Paris, 1975.
- Christensen J.B. *Double Descent among the Fanti*. New Haven: Human Relations Area Files, 1954.
- Fortes M. Kinship and Marriage among the Ashanti. In: *African Systems of Kinship and Marriage*. L.: Oxford University Press, 1950, pp. 252–284.
- Fortes M. *Kinship and Social Order*. L.: Aldine, 1970.
- Girenko N.M. More on the Marxism and Matriarchate, *Current Anthropology*, 1979, Vol. 20, no. 4, pp. 814–815.
- Herskovitz M. The Ashanti Ntoro: a Re-Examination, *Journal of the Royal Anthropology Institute*, 1937, Vol. 67, pp. 287–296.
- Manoukian M. *Akan and Ga-Adangme Peoples of the Gold Coast*. L.: Oxford University Press, 1950.
- Meyerowitz E. *The Sacred State of the Akan*. L.: Faber and Faber, 1951.
- Murdock G.P. Double Descent, *American Anthropologist*, 1940, no. 4, pt. 1, pp. 555–561.
- Rattray R.S. *Ashanti*. Oxford: The Clarendon press, 1923.
- Richards A.J. Some Types of Family Structure among the Central Bantu. In: *African Systems of Kinship and Marriage*. L.: Oxford University Press, 1950, pp. 207–251.

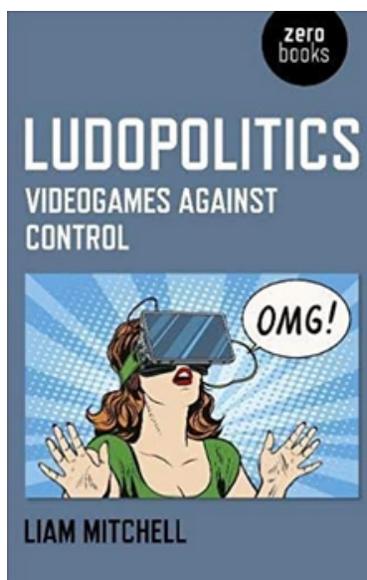
РЕЦЕНЗИИ

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/29/15

ЭДИП ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ФИВЫ: ВИДЕОИГРЫ ПРОТИВ ПОЛИТИЧЕСКОГО¹

Mitchell Liam. Ludopolitics
Videogames against Control.
John Hunt Publishing, 2018. 341 p.
ISBN 9781785354885

Монография «Лудополитика: видеоигры против контроля» – это результат недавнего проекта канадского исследователя культуры, профессора Лиам Митчелла. Основным фокусом работы было исследование цифровой технокультуры как, с одной стороны, испытывающей влияние, и, следовательно, являющейся определенным представлением современного состояния культуры, так и, с другой стороны, инструментом его переформления². В таком контексте Митчелл предлагает по-

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

² Проще, онтологически это можно представить следующим образом: цифровые технологии являются фактором взаимообуславливания специфического модуса бытийности, который, следуя за Феликсом Гваттари, можно представить как отношения молекулярного и молярного в системах комплексности: молекулярные элементы выпадают из существующих систем референциональности для того, чтобы посредством хаоти-

нятие *лудополитики*: игра представляется не только как часть характерного состояния технокультуры (фантазии власти и контроля), но и его критика в рамках не столько политической теории или философии, сколько в области прямого праксиса: здесь лудополитика говорит о важности непосредственного опыта, или конкретных способах, какими игроки и геймдизайнеры критикуют современный технокультурный момент, играя с и против желания контролировать. Такие способы критики редко принимают, сознательно или намеренно, политическую форму.

Книга состоит из пяти глав, посвященных последовательно (лудо)политическим механизмам собственно игры (глава 1 «Контролируя политическое»), геймдизайна (глава 2 «(гейм)Дизайн против контроля») и метаигровых практик (глава 4 «Игра против контроля» и глава 5 «Покемон играет с Twitch»); и в том числе одной «интермедии», посвященной подробному исследованию кейса игры «Bastion» (глава 3).

Для Митчелла цифровизация – это ответ человека на тревогу перед непредсказуемостью будущего и последующее желание это будущее контролировать (р. 7). Аналогичным образом устроена и видеоигра: в «Лудополитике» это закрытая система, идеальная и предсказуемая, способ сбежать из непредсказуемого мира, и, следовательно, не только набор представлений о существующем мире, но и представление того, каким человек хочет его видеть. Отсюда в качестве основной задачи исследования видеоигр Митчелл называет выделение способов переплетения современных культурных и политических феноменов вокруг стремления к достижению и возвышению технологического контроля (р. 2). Вместе с тем желание абсолютного контроля является невозможным, и, следовательно, игра является скорее фантазийным удовлетворением фрустрированной потребности. Реализовать свои невозможные желания игроку позволяют фантазии власти (*power fantasies*) (р. 27). Тем не менее признать невозможность такого желания будет все равно что для ребенка признать кастрированность матери: как необходимость избежать собственной кастрационной тревоги подталкивает фетишиста к отказу от апроприации собственной фалличности и продолжению наслаждения в материнском фаллосе (Lacan, Granoff 1956), так и необходимость избежать фрустрации и последующего ресентимента подталкивает игрока к исследованию все новых «идеальных и познаваемых

зации и создания множества аутоконсистентных систем с бесконечным потенциалом новых связываний оформить новые экзистенциальные ландшафты, где характер молярного и молекулярного взаимообусловлен: «...технологии, которые испытали влияние определенной модальности бытия далее сами влияют на такую модальность... часы в центре монастыря оформляют поведение людей в пределах зоны слышимости; они создают определенную конструкцию, способствующую определенным моделям поведения, при этом исключаящую прочие» (Mitchell 2018: 13).

миров» игры (р. 17). В качестве «симптома» желания знать, контролировать, расколдовать неизвестное – следует отметить, довольно первертного – Митчелл приводит, например: так называемый комплиционистский геймплей (р. 111).

Именно в таком контексте существует то, что Митчелл называет лудополитикой:

провокативный потенциал игры бросить вызов своим игрокам, выводя их в пространство неопределенности и ответственности, или пространства, где их способность контроля над миром ставится под вопрос <...> В этом контексте все игры – даже те, что, кажется, не затрагивают политические или этические темы – имеют определенный политический или этический потенциал; даже те, что кажутся таковыми в нарративном плане, могут не реализовать такой потенциал в своей механической форме (р. 59) (здесь и далее перевод с английского мой. – *Ин.М.*).

Наиболее очевидная инстанция лудополитики – это геймдизайн (разработка концепции и механик игры), причем, как подчеркивает Митчелл, критический потенциал геймдизайна будет наиболее эффективен в виде аффективной критики контролируемости людей и вещей в мире, компрометирующий ощущение контроля «в лоб», привлекая, таким образом, внимание к факту и мере собственного контроля игрока (р. 111–112). Менее очевидными выглядят лудополитические механизмы метаигровых практик (таких как трайфлинг, спойлспорт, читерство, спидраны и пр.¹). Митчелл указывает, что такие практики направлены на критику тотализирующего аспекта цифрового пространства: они ставят под вопрос границы хейзенгианской игры, тестируют ее, отрицают, но одновременно они же и способствуют ее воспроизводству (нарушение правил – или *spoilsports* – само становятся правилом) (р. 145). Интересной кажется попытка такой практики, как *tool-assisted speedrun* («спидран» с привлечением стороннего аппаратного и программного обеспечения), противопоставить «идеальному контролю» фантазии власти «театр» тотального контроля над игрой в качестве эстетического варианта политизации:

Практики *TAS* [*tool-assisted speedrun*], возможно, преследуют цель отчуждения контроля от игр и консолей – его привычных инстанций – но: 1) они используют свое относительное господство неконвенциональным для игры образом, часто не вписывающимся в нормальные каналы игры; 2) их тотальный контроль является эксплицитно неутилитарным, хотя контроль обычно связан с эффективностью и преднамеренностью; 3) они следуют принципам межличностной этики сотрудни-

¹ «Трайфлеры признают правила, но не цели; читеры признают цели, но не правила; игроки признают как правила, так и цели, спойлспорт не признает ни того, ни другого» (*Suits* 2014: 51).

чества и цитирования, которая обнаруживает агентность в межличностных отношениях и истории, нежели в полном властном индивиде (p. 200).

Игры за контроль

В сухом остатке идея Митчелла концентрируется вокруг двух концептов – власти и удовольствия – и отношению между ними (как сам автор, кажется, артикулирует это:

[в видеоигровых практиках] мы можем увидеть критику разных вариантов темы контроля (власти), формы критики, укорененной в и нацеленной на удовольствие (fun) (p. 215)).

Такая «оптика» закономерно влечет за собой эдипализацию исследуемого феномена – видеоигровых практик как особой формы поведения (или, ближе к аппарату Митчелла, праксиса) – и, следовательно, предполагает локализацию видеоигровой субъектности (игрока, дизайнера, трайфлера, да и самой игры) в рамках символического порядка. Вероятно, этим и спровоцировано ощущение некоторого противоречия между постулируемым предметом спекуляции (игра как форма аффективного праксиса) и используемым инструментарием в [текстуальном] **прочтении** (sic!) феномена игры: «реперными точками», проносимыми через всю книгу, для Митчелла становятся такие концепты, как мифопоэз (mythopoiesis), аллегоритм Голуэя и метафора Хейзинги.

В то время как конвенциональный невротический вариант (пост)эдипального функционирования подразумевает динамику закона / правила (Митчелл обращается к хейзингианской модели игры как строгого порядка), с одной стороны, и фантазийной трансгрессии – с другой, видеоигровая субъектность у Митчелла на самом деле следует другому пути, схожему с моделью перверсии (до-символический феномен), как ее видел Жак Лакан. Место трансгрессии здесь занимает отрицание – именно об отрицании кастрации говорит Митчелл, описывая «фантазийное удовлетворение потребности» в попытке избежать фрустрации и ресентимента – а «фантазия власти» (по Митчеллу, одна из основных определяющих характеристик видеоигры) становится фетишистской фантазией о наслаждении в материнском фаллосе (архаическая абсолютная власть).

Таким образом, субверсивный или эмансипаторный потенциал некоторых рассматриваемых Митчеллом практик, обращаясь к «факту и мере контроля игрока» (кастрации), будет едва ли успешнее попыток указать перверту на факт кастрации. Сам же механизм, который Митчелл называет лудополитикой, будет во многом схож с фрейдовским механизмом отрицания в своем «диалектическом аспекте». Так, лудополитика некоторых метаигровых практик, как, например, трайфлинга,

на самом деле оказывается самым обыкновенным диалектическим воспроизводством через отрицание. Интерпретация Митчеллом трайфлинга (игнорирование цели игры, для того чтобы исследовать ее возможности) как амбивалентной лудополитической практики, демонстрирующей одновременно и объективность игровых правил, и их оспариваемость, скорее является примером фрейдовского механизма отрицания (*disavowal*) как «полумеры, поскольку отрицанию всегда будет предшествовать признание» (Freud 1940: 203).

Игры против политики

Такую сложную цепочку – от символического «эдипального» до до-символического пре-эдипального – можно, заимствуя это из жаргона IT-специалистов, назвать «костылем». Я предполагаю, что необходимость такого «костыля» вызвана игнорированием одного факта, который, тем не менее, Митчелл неоднократно самостоятельно эксплицирует в тексте. Выстраивая собственную идею на хейзингианских позициях (игра=символический порядок), Митчелл неосознанно здесь и там артикулирует винникотианскую концепцию игры как досимволического пространства, где правят бал аффективный опыт, интересубъективные механизмы отражения, проекции и интернализации (Winnicott 1971):

Игра генеративна и непредсказуема, даже в рамках строго определенных правил – даже, возможно, особенно в них (p. 218).

Говоря о том, что видеоигра неспособна предоставить опыт отношения (p. 28), Митчелл игнорирует механизмы игры (*play*) как формы человеческого поведения. Как указывает британский психоаналитик Дональд Винникотт, удовольствие от игры основывается на ее способности к снятию внутреннего напряжения посредством помещения игрока в до-символическое пространство, где с человека снимается необходимость смыслопроизводства (*to make sense*), которая заставляет индивида психологически защищаться (Winnicott 1971)¹. Процесс игры по Винникотту можно определить как аффективное, досимволическое (до-смысловое) пространство. В процессе индивидуации, т.е. формирования независимого Эго и отделения себя от Матери, ребенок создает так называемые переходные объекты (*transitional objects*), не вполне относящиеся ни к внутренним, ни к внешним объектам. В значительной степени пространство игры повторяет ключевые характеристики переходного объекта: игра происходит на пересечении нашего внутреннего мира и внешней реальности; она разворачивается не строго в нашем воображении, но и не вполне во внешнем мире, а в том переходном пространстве, где наше

¹ Дональд Винникотт в своей теории интерпретирует психологические защиты как процесс смыслопроизводства (*to make sense*) (Winnicott 1971: 70).

воображение способно формировать внешний мир без ощущения излишнего затруднения, давления или тревоги (Ibid.).

Дональд Винникотт указывает на центральную роль игры в объединении и интеграции личности человека: поскольку созидательная сила человеческой психики проистекает не столько из формы и порядка, сколько из хаоса бессознательного (Winnicott 1971: 64), опыт игры как «нецеленаправленного состояния» (*non-purposive state*) (71) открывает пространство доверия и расслабления, где человеку не нужно вовлекать себя в постоянное болезненное смыслопроизводство, т.е. защищать себя. Таким образом, появляется место для подлинно свободных ассоциативных процессов, позволяющих интегрировать собственное Эго.

Однако такой процесс становится невозможным без другой, последующей стадии: созидательная творческая деятельность не приведет к интегрированному ощущению себя, если нецеленаправленный импульс, его бессмыслие, его не-символическое поведение, не будет принят – в терминологии Винникотта «отражены» (*reflected back*) – контрагентом игры. И если в классической перспективе таким актором выступает партнер по игре (друг, взрослый и др.), то в видео-игре сама игра берет на себя его функции: на это указывают некоторые неконвенциональные стратегии взаимодействия с игрой, когда игрок действует в рамках модели поведения, которую игра не предусматривает. То есть игрок выходит за пределы любых правил игры. К таким моделям можно отнести например так называемый геноцид – игровую модель, где игрок вне зависимости от предложенной разработчиками цели игры, ставит целью уничтожить всех персонажей и, при условии отсутствия в игре технических возможностей для такой модели взаимодействия, найти пути их обхода. Ключевым моментом здесь является продолжение игры: несмотря на нарушение игровой механики, игровое пространство не рушится, игра продолжается не сломавшись (сюда можно отнести и рассматриваемые Митчеллом метаигровые практики). Возможность такой модели взаимодействия наделяет видеоигру моментом того самого «отражения» – она способна принять бессмыслие игрока (что может быть более бессмысленным, чем уничтожить все живое, пренебрегая целями игры?) и, таким образом, создать пространство, свободное от психологических защит. Удовольствие от игры – это ощущение до-символического аффективного пространства; возможность существовать не как комплекс психологических защит, но как чистое выражение собственного бытия, собственной жизни (я есть, я живой, я существую в качестве Себя) (Winnicott 1971: 76), которое, однако, артикулируется только посредством общего пространства, обеспеченного зеркалом-другим.

Таким образом, эмансипаторный или критический, созидательный потенциал игры предшествует политическому. Неоднократно подчеркиваемое Митчеллом допущение, что лудополитические элементы игры редко принимают эксплицитно политическую форму, вероятно,

можно отнести к общей «болезни» нашей профессии; подобно тому, как подросток смеется над выражением «кончить школу», исследователь культуры занимается принудительным «вчитыванием» внеположного контекста – в данном случае политического – в предмет собственных изысканий. Бессознательно развивая репрессивную логику позднего капитализма, лишаящую субъекта свободы не желать (Žižek 2007: 93–94), Митчелл отказывает игре в свободе быть не-политической.

Книга Митчелла аккумулирует значительный массив разнопланового материала, изобилует множеством интересных наблюдений, однако избранная автором общая рамка часто заставляет его игнорировать многие из них либо создавать целую систему допущений. Книга «Лудополитика: видеоигры против контроля» заслуживает прочтения, но, я бы сказал, самого внимательного, каковое поможет отделить «зерна» оригинальной мысли автора от выскакивающих здесь и там «плевел» «герменевтики канона» – канона игровой и политической теории.

Литература

- Freud S. An outline of psychoanalysis // Standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. London: Hogarth Press, 1940. Vol. 23. P. 144–207.
- Lacan J., Granoff W. Fetishism: the Symbolic, the Imaginary and the Real // Perversions: Psychodynamics and Therapy. N.Y., MY: Gramercy Books, 1956. P. 265–276.
- Mitchell L. Ludopolitics: Videogames Against Control. John Hunt Publishing, 2018.
- Winnicott D.W. Playing and reality. London: Tavistock, 1971.
- Suits B. The Grasshopper: Games, Life and Utopia. Broadview Press, 2014.
- Žižek S. How to read Lacan. New York, London: W.W. NORTON & COMPANY, 2007.

Мартынов Иннокентий Алексеевич
Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензия поступила в редакцию 10 мая 2020 г.

Martynov Innokentiy A.

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

OEDIPUS ALWAYS RETURNS TO THEBES: VIDEOGAMES AGAINST THE POLITICAL*

Review of Mitchell Liam. *Ludopolitics Videogames against Control*. John Hunt Publishing, 2018. 341 p. ISBN 9781785354885

DOI: 10.17223/2312461X/29/15

*The review is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow).

References

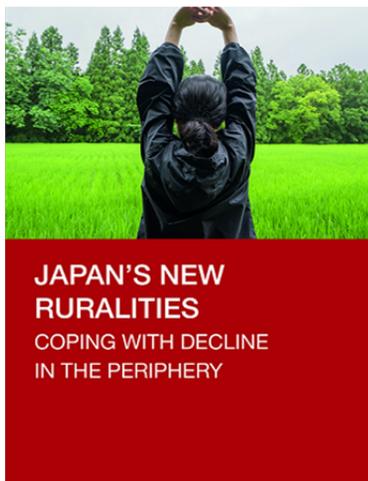
- Freud S. An outline of psychoanalysis. In: *Standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud, volume 23*. London: Hogarth Press, 1940, pp. 144–207.
- Lacan J., Granoff W. Fetishism: the Symbolic, the Imaginary and the Real. In: *Perversions: Psychodynamics and Therapy*. New York MY: Gramercy Books, 1956, pp. 265–276.
- Mitchell L. *Ludopolitics: Videogames Against Control*. John Hunt Publishing, 2018.
- Winnicott D.W. *Playing and reality*. London: Tavistock, 1971.
- Suits B. *The Grasshopper: Games, Life and Utopia*. Broadview Press, 2014.
- Žižek S. *How to read Lacan*. New York, London: W.W. NORTON & COMPANY, 2007.

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/29/16

(НЕ)ВЫМИРАЮЩИЕ СЕЛА ЯПОНИИ*

Manzenreiter W., Lützel R.,
Polak-Rottmann S. Japan's New
Ruralities. Coping with Decline
in the Periphery. London & New York:
Routledge, 2020. 311 p.
ISBN 9780367354183

Вышедшая в начале 2020 г. коллективная монография под редакцией Вольфрама Манценрайтера, Ральфа Лютцелера и Себастиана Полак-Роттманна предлагает новый взгляд на изучение японского села в современном глобализованном мире. Главы этой книги принадлежат ученым из разных стран и институций, однако она неразрывно связана с исследовательской традицией, выработанной в Венском университете.

В конце 60-х гг. ученые из Института японистики Венского университета реализовали масштабный полевой проект под руководством Александра Славика и Йозефа Крайнера. Этнографическое исследование региона Асо (префектура Кумамото, Япония) не только стало «мифом основания» института, но и оказало влияние на европейскую японистику в целом. Асо был выбран по ряду причин: с одной стороны, это был относительно изолированный горный район, слабо связанный с административным центром префектуры, с другой – он обладал символической значимостью, как место расположения храма Асо – одного из древнейших святилищ в Японии, – тесно связанного с

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

представлениями о происхождении японского государства (Lützel, Manzenreiter 2016: 7–8).

После состоявшегося в 2015 г. празднования 50-летнего юбилея института нынешние сотрудники института пришли к идее нового полевого проекта, посвященного изучению сельских регионов Японии. Начало было положено экспедицией в Асо в 2015 г. и последующей публикацией её результатов, а также воспоминаний и историографических работ, посвященных первому «Асо-проекту» в коллективной монографии «Асо: прошлое, настоящее и будущее венских проектов по исследованию сельской Японии» (Lützel, Manzenreiter 2016) – что является парафразом названия трехтомного сборника, в котором содержатся результаты проекта 60-х гг.: «Асо. Прошлое и настоящее сельских местностей Японии» (Slawik et al. 1975; Pauer 1976; Kreiner, Kaneko 1982). Проблематика нового проекта выросла из разрабатывавшейся ранее в Институте восточноазиатских исследований (бывш. Институт японистики) темы «счастья в Японии», а также в ответ на два доминирующих в Японии взгляда на деревню: сельские местности рассматривались либо как депрессивные, кризисные регионы, либо в ностальгическом ключе, как социальная утопия. Исследователи же предположили, что уровень удовлетворенности жизнью непосредственно связан с уровнем социального капитала сообщества (Lützel, Manzenreiter 2016: 13).

Поиск взвешенной тональности в оценке современного состояния японской деревни прослеживается и в дальнейших исследованиях австрийских ученых. В 2018 г. под редакцией Лютцелера вышел сборник «Сельские регионы между упадком и возрождением» (Lützel 2018), в который вошли материалы, посвященные как японской, так и австрийской деревне. В коллектив авторов наряду с сотрудниками Института Восточноазиатских исследований вошли и исследователи австрийских сельских регионов, и японские ученые. В сборнике, как отражено в названии, ставится под вопрос обоснованность описания (в том числе и научного) сельских регионов как депрессивных и обреченных на вымирание. Авторы задаются вопросами, действительно ли невозможно возрождение села, страдают ли сельские жители от изоляции и неудовлетворенности жизнью и нет ли возможности замедлить или даже повернуть вспять угасание этих регионов. Исследования, представленные в этом сборнике, в основном посвящены взаимовлиянию трех ключевых факторов, определяющих состояние села: структурных условий (демография, экономика, инфраструктура), уровня удовлетворенности жизнью и силы социальных связей (социального капитала) (Lützel 2018: 8).

Монография 2020 г. отличается ещё большим разнообразием авторов – в их интернациональном коллективе участвуют сотрудники университетов Японии, Австрии, Германии, Великобритании, Турции и США. Одновременно книга стремится к цельности за счет ограничен-

ного одной Японией поля и четко прописанных теоретических установок. Уже в самой заглавии книги «Новые сельскости Японии: справляясь с упадком на периферии» отражен позитивный взгляд на ключевую проблему – состояние сельской местности. «Сельскость» как состояние региона, сельская реальность, может принимать самые разнообразные формы, именно поэтому в названии это слово намеренно употреблено во множественном числе.

Важной идеей книги является необходимость изучать село на уровне локальных сообществ, поскольку анализ общенациональных социологических, экономических и других тенденций не позволяет объяснить разницу в состоянии отдельных периферийных областей, и большинство авторов в той или иной мере используют этнографические методы сбора материала, хотя и не ограничиваются ими.

В качестве теоретической рамки выступает комбинация двух концепций: концепция периферизации Манфреда Кюна и концепция «глобального села» Майкла Вудса.

Кюн в своей программной статье (Kühn 2015) рассуждал о терминах «периферия» и «периферизация», подчеркивая, что первое понятие пришло в социальные науки из географии и тесно связано с пространственными соотношениями центр – окраина, причем пространственное положение считается фиксированным фактом, в то время как «периферизационный подход описывает «социальные отношения», имеющие пространственные последствия», иными словами – процессы образования периферий. Это динамичные процессы, среди которых можно выделить социальные, экономические, политические или коммуникативные; их можно рассматривать в любом масштабе – как международном, так и в рамках одного города, причем районы, подвергающиеся периферизации, не обязательно находятся на географической периферии. Экономический аспект периферизации заключается, в первую очередь, в недостатке инноваций, квалифицированной рабочей силы и инвестиций, однако Кюн отмечает, что экономические теории часто делают акцент на упадке, упуская из виду возможности «де-периферизации» и «ре-централизации». Социология чаще имеет дело с близким по значению понятием «маргинализация» и говорит о поляризации между богатыми и бедными городскими районами. Идея о бедности как социальной характеристике городской маргинальности может быть использована и на региональном уровне, где периферийные сообщества беднеют в результате деиндустриализации, оттока квалифицированных специалистов, сокращения населения и недостатка инвестиций. В политическом плане периферии оказываются зависимыми от центров власти, где принимаются решения, хотя такой дуализм не позволяет описать все многообразие форм политических взаимоотношений между «центрами» и «перифериями» (2015: 368–373). Кюн приходит к выводу, что

периферизация – это не столько пространственный факт, сколько общественная конфигурация, сформировавшаяся в неравных отношениях власти и подчинения, которые привели к неравномерному развитию.

Авторы «Новых сельскостей» совмещают периферизационную оптику Кюна с концепцией «глобального села» («global countryside») Вудса (Woods 2007). Отталкиваясь от идеи «глобального города» Саскии Сассен (Sassen 1991) и призыва Дорин Мэсси (Massey 2005) к социальному пониманию пространства, Вудс предлагает концепцию, которая помогла бы исследовать, как локальные акторы взаимодействуют с глобальными сетями. Результат этих взаимодействий всегда гибриден. Вудс, подчеркивая умозрительность своего концепта, тем не менее, выделяет 10 возможных характеристик глобального села, среди которых есть экономические (интеграция первичного и вторичного секторов экономики в протяженные торговые сети национального или международного масштаба; корпоративная интеграция местных производителей; привлечение инвестиций; развитие туризма), социальные (село как поставщик трудовых мигрантов и как принимающая сторона; социальная поляризация), политические (смещение центров политической власти на недостижимый для местных жителей уровень; сельская местность как оспариваемое пространство: противостояние местных жителей глобальным процессам, конфликты между логикой разных аспектов глобализации) и экологические (новые способы природопользования, как экологичные, так и эксплуатационные; изменения ландшафта) (Woods 2007: 492–494). Наличие каких-либо из этих характеристик говорит о том, что глобальные сети, потоки, акторы взаимодействуют и сочетаются с локальными и образуют новые гибридные формации. Таким образом, конкретные местности изменяются, но при этом сохраняют своеобразие. Кроме того, влияние глобализации должно рассматриваться в историческом контексте, как длящийся процесс. Глобализация преобразует сельские местности не с помощью политики доминирования, а через микрополитику переговоров и гибридизации; локальные акторы при этом сохраняют свою агентность (Woods 2007: 500–502).

Обе концепции, выбранные в качестве теоретической рамки для «Новых сельскостей», выносят на первый план не столько состояние территорий, сколько процессы, происходящие на них. Они удачно сочетаются, позволяя использовать разнообразные исследовательские методы – от этнографий до анализа больших социологических и демографических данных – и уделять внимание как структурам, так и агентности (р. 12).

Книга состоит из четырех разделов. Первый раздел посвящен изменениям в первичном секторе экономики, происходящим под влиянием как глобальных, так и местных факторов. Разнородные на первый взгляд кейсы (молочное производство на Хоккайдо, рисоводство, рыб-

ные промыслы) объединяют общие тенденции: семейные предприятия приходят в упадок, вынуждены объединяться и индустриализироваться, что не только влечет за собой изменения в экономической и социальной структуре региона, но и влияет на ландшафт и экосистему; сети сбыта продукции изменяются; для большинства местных жителей сельское хозяйство становится в лучшем случае дополнительным источником дохода, но при этом регионы разными способами сохраняют свои традиционные производства. Эти регионы обнаруживают сходство не только между собой, но и с другими «угасающими» сельскими местностями мира, и так же оказываются одновременно отрезаны от национальных экономических центров и вовлечены в глобальные сети и процессы, что иллюстрирует идеи Вудса. Например, Хансен анализирует ситуацию в Токати, регионе Хоккайдо, в котором, пока одни семейные молочные фермы разорялись и закрывались, другие объединились, чтобы пользоваться льготными займами, и за 20 лет выросли в 15 раз: производство стало индустриализованным, что привело к появлению регулярного наемного труда (в основном трудовых мигрантов, японских и зарубежных), усиленной эксплуатации как рабочих, так и коров и как следствие – к нарушению социальных связей как в человеческом, так и нечеловеческом сообществе; перевод скота на искусственные корма был обеспечен засеиванием бывших пастбищ кормовыми монокультурами, вследствие чего были уничтожены экосистемы. Одновременно в соседнем заповеднике в отсутствие естественных врагов увеличилась популяция оленей, которые выходят пастись на заброшенные поля, принадлежащие закрывшимся молочным хозяйствам, становятся причиной ДТП, выедают подлесок, что вызывает эрозию почв и горные обвалы, и могут служить источником болезней и паразитов для домашнего скота и людей. Поэтому принимаются меры по развитию охоты, и коммерческая охота становится дополнительным заработком для все большего числа местных жителей, которые не только получают награду за добытых оленей, но и продают мясо и шкуры в рестораны крупных городов (р. 27–47).

Во втором разделе рассматриваются государственные попытки поддержать село. Учитывая, что политические проекты, направленные на усиление местной автономии, далеко не всегда ведут к улучшению положения сельских местностей, авторы исследуют попытки децентрализации и диверсификации в разных сферах и роль в них государственных инициатив, отталкиваясь от концепции периферизации. С одной стороны, поддержка таких программ, как децентрализация производства энергии (Фельдхоф и Кремерс, р. 103–123) или налаживание электронных систем обмена данными пациентов между медицинскими учреждениями (Брукш, р. 140–158), тормозит процесс периферизации районов, создавая рабочие места, уменьшая зависимость от центров, и

повышает уровень жизни, обеспечивая доступ к услугам. Кроме того, исследование Уэно, Осуга и Манценрайтера (р. 124–139) показывает, что политическое участие государства (в виде субсидиарной политики, например) является значимым и позитивным фактором в поддержке уровня социального капитала в сельской местности, хотя оно не способно переломить негативную тенденцию его показателей. С другой стороны, Брукш отмечает, что создание систем телемедицины в периферизированных регионах ярче выделяет границы этих регионов внутри национальной системы здравоохранения, а Йенч демонстрирует, как разные проекты развития туризма в винодельческом районе Косю (префектура Яманаси) – предлагаемые префектурой, муниципалитетами и разного размера объединениями виноделов – конкурируют между собой, и как за счет вмешательства и неудачных инициатив со стороны префектуры, не только не нивелируются границы *между* муниципалитетами для достижения общих целей, но и появляются новые линии разделения *внутри* них, препятствующие совместному действию (р. 159–174). Хотя Йенч и не концептуализирует этот кейс через теорию социального капитала, его рассуждения резонируют с ней, демонстрируя важность социальных связей и кооперативного действия для борьбы с периферизацией.

В третьем разделе исследуются особенности миграции из города в село – процесс, имеющий важную роль и в теории «глобального села», и в концепции Кюна. Из указанных здесь работ следует, что два основных фактора, привлекающих в глубинку новых жителей, – это романтизированное представление о деревне и связанные с ним ностальгические настроения, а также неудовлетворенность городской жизнью в отсутствие карьерных перспектив. Две основные группы населения, дающие сельской местности новых жителей, – это пенсионеры, желающие провести остаток жизни на природе, и молодые люди 20–30 лет, находящиеся в поисках приносящей большее удовлетворение работы или по другим причинам не принявшие городской образ жизни. Городские жители приносят с собой новые идеи для бизнеса, понимание современных трендов и другие инновации, поскольку сами являются представителями глобализированной культуры, и таким образом способствуют созданию гибридного пейзажа «глобального села». Однако их влияние на де-периферизацию села ограничено, поскольку такие переселенцы очень немногочисленны. Тем не менее каждое изучаемое сообщество смогло если не переломить негативные демографические и экономические тренды, то, по крайней мере, замедлить их разными способами. Где-то усилиями как местных жителей, так и приезжих расцвел экотуризм (Функ, р. 177–195), где-то неожиданно позитивное воздействие оказала многолетняя протестная кампания против возведения новой АЭС, привлекающая активистов со всей страны, разделяющих жиз-

ненные идеалы местных жителей и готовых интегрироваться в местное сообщество (Такэда: 196–211), а где-то благодаря политической воле местной администрации города смогли избавиться от образа депрессивных, выработать привлекательный имидж и создать привлекательные условия для миграции (Левеких: 212–229, Райхер: 230–244). Стоит отметить, что все авторы этого раздела рассматривали только внутренних мигрантов и не касались проблемы появления в сельских местностях иностранцев (за исключением разве что туристов).

Тексты, вошедшие в четвертый раздел, раскрывают новые грани сельской жизни в Японии и подтверждают спорность устоявшихся представлений о нем, в первую очередь таких, как употребление дихотомии село – город и использование преимущественно демографических и прочих статистических данных для анализа проблем сельской местности. Авторы предлагают иные концептуальные подходы к изучению села. Так, Трафаган (р. 247–261), оставаясь в целом в глобализационном дискурсе Вудса, спускается на микроуровень, выстраивая свои рассуждения вокруг биографии одной информантки, открывшей на бывшей молочной ферме своего отца джелатерию. Через призму частной судьбы он демонстрирует деполяризацию японского села, в котором оказалось возможно выстроить бизнес, отражающий интернациональное самоощущение и опыт хозяйки вопреки расхожим представлениям о традиционности сельской местности: возвращение этой женщины в село было обусловлено вовсе не тягой к традиционности, напротив, ее заведение, нарочито «западное», да и причины, побудившие ее бросить работу в Токио после 20 лет, – стремление избежать давления стеклянного потолка и весьма патриархальных социальных и бизнес-традиций, процветающих в городе. Ее джелатерия, как и само сделанное из местных продуктов мороженное, представляется Трафагану «репрезентацией гибридизированной материальности локальных и глобальных потоков» (р. 259). Озцен (р. 262–275), напротив, больше опирается на периферизационную логику и представляет «метод анализа поселений Токуно» – альтернативный социологический подход, позволяющий полнее охватить социальные сети, которые тянутся из села в город и остаются функциональными. В свою очередь Найт (р. 276–294) в своем анализе пытается уйти от антропоцентризма и подходит к теме периферизации сельской местности с точки зрения взаимоотношений деревни с лесом, а не с урбанистическим центром. Каждый автор предлагает свою оптику, с помощью которой можно рассматривать протекающие в селе процессы и обнаруживать ускользающие с первого взгляда аспекты, оставаясь при этом в рамках теоретической рамки монографии.

В целом исследования, собранные в этом томе, демонстрируют эвристический потенциал взятых авторами на вооружение концепций

«глобального села» и периферизации. Первая позволяет вынести за рамки привычную и уже малопродуктивную дихотомию село – город и рассматривать происходящие в сельских местностях разнородные процессы, описывая новые гибридные сельские реальности и их изменчивость. При этом акцент, который Вудс делает на роли местных акторов, не просто допускает, но в некоторой мере даже требует применения этнографических методов и проведения антропологических исследований. Пожалуй, главы, авторы которых использовали именно антропологический подход (например, Хансен, Гансфорт, Трафаган, Найт и др.), давали наиболее выпуклую картину сочетания различных взаимовлияний и их последствий в конкретной локации и нагляднее демонстрировали тезис о множественности «сельскостей», вынесенный в название книги.

Оптика периферизации позволяет выделить факторы, способствующие депрессивному положению села, и поставить под вопрос догму о неизбежном вымирании деревень, обнаруживая процессы и факторы, способствующие их ревитализации. При этом и причины, и решения проблемы периферизации чаще всего носят глобализированный характер, но местные сообщества при наличии политической воли и социального капитала обладают свободой находить подходящие именно им решения, делающие облик их местности уникальным, будь то развитие экотуризма, создание площадки для художественных выставок, привлекающей художников и любителей искусства (Функ), или популяризация собственного бренда города и создание хорошей школы, которая может похвастаться связями с лучшими университетами страны (Левеверих). Таким образом, «Новые сельскости» косвенно подтверждают и упомянутый выше тезис, выдвинутый еще на стадии разработки проекта «Асо 2.0» (Lützeler, Manzenreiter 2016: 13), – о значимости социального капитала для уровня жизни в селе и перспектив развития местности в целом. Уменьшение социального капитала отрицательно влияет на агентность и не позволяет местным сообществам бороться с периферизацией. Авторы, приводившие примеры хоть сколько-нибудь успешных де-периферизационных процессов, говорили о важности инициативы и совместных действий членов локальных сообществ (все авторы третьего раздела, Йенч, а также Найт).

Выбранные теоретические рамки достаточно широки для такого разнородного проекта, каким стали «Новые сельскости Японии», в котором представлены исследования очень разные – такие как анализ предпринимательской деятельности одной женщины, и изучение крупных государственных проектов по диверсификации производства электроэнергии или налаживанию сети телемедицины. С другой стороны, они задают дискурс, которым могут оперировать ученые разных дисциплин, создавая базу для успешной междисциплинарной кооперации.

Многообразие исследовательских методик может создать ощущение некоторой разнородности вошедших в монографию текстов, однако эта же особенность делает «Новые сельскости» актуальной книгой для специалистов всех социогуманитарных специальностей, интересующихся состоянием села в современном мире или вопросами глобализации.

Литература

- Kreiner J., Kaneko M.* Aso. Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in Süd-japan. Bd 3. 1982.
- Kühn M.* Peripheralization: Theoretical Concepts Explaining Socio-Spatial Inequalities // *European Planning Studies*. 2015. № 23 (2). P. 367–378.
- Lützel R., Manzenreiter W.* Aso: Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan. Wien, 2016.
- Lützel R.* Rural areas between decline and resurgence: Lessons from Japan and Austria. Vienna, 2018.
- Massey D.* For space. London: Sage, 2005.
- Pauer E.* Aso. Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in Süd-japan. Bd 2: Der landwirtschaftliche Gerätebestand des Aso-Gebietes. 1976.
- Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton: Princeton University Press, 1991.
- Slawik A., Kreiner J., Linhart S., Pauer E.* Aso. Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in Süd-japan. Bd 1: Einführung und Überblick. 1975.
- Woods, M.* Engaging the global countryside: Globalization, hybridity and the reconstruction of rural place // *Progress in Human Geography*. 2007. № 31 (4). P. 485–507.

Любимова Наталья Сергеевна
Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензия поступила в редакцию 18 августа 2020 г.

Lyubimova Natalia S.

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(UN)DYING RURAL COUNTRYSIDE OF JAPAN*

Review of *Japan's New Ruralities. Coping with Decline in the Periphery*. Ed. by W. Manzenreiter, R. Lützel and S. Polak-Rottmann. London & New York: Routledge, 2020. 311 p. ISBN 9780367354183

DOI: 10.17223/2312461X/29/16

*The review is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow).

References

- Kreiner J., Kaneko M.* Aso. *Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in Süd-japan*. Bd. 3. 1982.
- Kühn M.* Peripheralization: Theoretical Concepts Explaining Socio-Spatial Inequalities, *European Planning Studies*, 2015, no. 23 (2), pp. 367–378.
- Lützel R., Manzenreiter W.* Aso: *Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft eines wiener Forschungsprojekts zum ländlichen Japan*. Wien, 2016.

-
- Lützel R. *Rural areas between decline and resurgence: Lessons from Japan and Austria*. Vienna, 2018.
- Massey D. *For space*. London: Sage, 2005. 232 p.
- Pauer E. *Aso. Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in SüdJapan*. Band 2: Der landwirtschaftliche Gerätebestand des Aso-Gebietes. 1976.
- Sassen S. *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton: Princeton University Press, 1991.
- Slawik A., Kreiner J., Linhart S., Pauer E. *Aso. Vergangenheit und Gegenwart eines ländlichen Raumes in SüdJapan*. Band 1: Einführung und Überblick. 1975.
- Woods, M. Engaging the global countryside: Globalization, hybridity and the reconstruction of rural place, *Progress in Human Geography*, 2007, no. 31 (4), pp. 485–507.

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/29/17

**ЗВУКИ НАВАХСКОГО КАНТРИ:
О МУЗЫКЕ, ЯЗЫКЕ И О ТОМ,
ЧТО ЗНАЧИТ «БЫТЬ НАВАХО» В 21-М В.¹**

Jacobsen K.M. The sound of Navajo country: Music, language, and Diné belonging. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2017. 200 p. EBOOK
ISBN: 978-1-4696-3187-5

Название книги Кристины М. Джейкобсен, ассоциированного профессора этномузикологии в Университете Нью-Мексико (г. Альбукерке, штат Нью-Мексико, США), можно прочесть по-разному: «Звуки навахского кантри...» – кантри-музыки, которая входит в объект исследования автора, и «Как “звучит” Страна навахо...» – Нация Навахо (*Navajo Nation*) – полуавтономное объединение, резервация индейцев навахо (самоназвание – Динэ) в юго-западной части США. И первый, и второй варианты прочтения важны для понимания авторского анализа, представленного в книге, и требуют дополнительного пояснения.

Звук является центральным концептом для области, именуемой *Sound Studies* (исследования звука), – обширного междисциплинарного исследовательского пространства, оформляющегося в этом качестве с 2000-х гг. (см., например: Pinch, Bijsterveld 2012; Sterne 2012). Звук по-

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

нимается здесь в самом широком смысле – это целые звуковые ландшафты, звук как повседневный, сенсорный опыт; музыка, саунд-арт, речь, шум, отсутствие звука. Рассматриваются характеристики звука, режимы и технологии его производства, записи, хранения и циркуляции, его восприятие (*listening*). Именно звук, «принимаемый всерьез», и стягивает это разнородное пространство, и задается им как объект исследования.

Такая тотализация звука характерна и для исследовательского подхода Джейкобсен, улавливаемого во втором варианте прочтения названия книги. В анализе современной идентичности навахо и связанного с нею понятия аутентичности (подлинности) главным этнографическим материалом для автора становится звук, а вопросом – *Что значит быть навахо и «звучать по-навахски» в 21-м в.?* В частности, Джейкобсен исследует кантри-музыку, исполняемую навахо, и устную речь в среде навахо во всем ее многообразии. В том числе – разговоры о навахском языке, истории происхождения навахо, речи официальных представителей навахо, краткие беседы на улице и в общественных местах, личное общение в ходе репетиций, звукозаписи и выступлений на сцене с навахскими кантри-бэндами (Джейкобсен – музыкант), полуструктурированные интервью с музыкантами, музыкальные композиции, песни, шутки и реплики музыкантов со сцены, радиоэфир и радиоинтервью на территории резервации и стендап-шоу в исполнении навахо. Вспоминая Марселя Мосса, Джейкобсен осмысляет звук навахского кантри как «тотальный звучащий факт» (*total sonorous/sonic fact*) (р. 21), указывая, тем самым, на тотальность, (кажущуюся) непроблематичность и обязательность его присутствия в среде навахо. И в этом ее восприимчивость к звуку, его акцентирование перекликаются со стратегиями *Sound Studies*. Однако если в *Sound Studies* звук едва ли «слышен» как возможность и средство выявить или провести социокультурное различие (*difference* и *othering*), Джейкобсен напрямую связывает его с идентичностью. Ее анализ резонирует с изысканиями на стыке социокультурной и лингвистической антропологии и этномузикологии (Feld et al. 2004; Weidman 2014) – и первый вариант прочтения названия ее книги отражает этот резонанс.

При этом автор не реализует конкретных методологических программ, скажем, лингвистической антропологии (Feld et al. 2004) или, условно, антропологии звука (Feld, Brenneis 2004), но, скорее, руководствуется своим подходом. В ее теоретико-методологическом синтезе звук – это и голос (*voice*), как «голос поющий» (*singing voice*), так и «голос говорящий» (*speaking voice*). Музыка, язык и речь исследуются в единстве своего звучания, в попытке понять, как «социальные идентичности индексируются и выражаются в сплетении музыкальных и вербальных практик», и как сама «материальность звука сопрягается с

социальностью звуковой практики» (*vocal practice*) (Feld et al. 2004: 340). Представляется, что для Джейкобсен важно и то, что голос не просто маркирует социальную идентичность, может не просто ее «отражать» или «выражать», но выступает средством, технологией ее (вос)производства (Weidman 2006: 13). Значение материальности голоса, его физических характеристик, эстетики признается, но акцент делается на их связи с «социальной жизнью» голоса, его социокультурной обусловленности (Feld et al. 2004: 341). Голос может использоваться и в качестве инструмента сопротивления идентичности, переопределения «социального тела» (*the body social*): голос – как «способ писать [говорить, петь] против эссенциализации... в защиту [идеи] перформативности [социальных идентичностей] и творческой агентности [способности человека творчески, свободно переопределять идентичность, расширять ее понимание, указывать на социально-конструируемую природу идентичности и конструируемую не всегда в пользу ее субъекта]» (Ibid.) (перевод цитат мой. – Е.К.).

В этом конструктивистском ключе Джейкобсен вслушивается в навахское кантри и речь и развивает свой анализ того, как сегодня звук и голос в среде навахо наделяются социальным смыслом и ценностью, интегрируя одних и исключая других из «социального гражданства» (*social citizenship*) (Marshall 1950).

Книга содержит введение, пять глав и эпилог. Все ее части связаны нитью авторской проблематизации вопроса о том, как «звучит» навахская земля сегодня. На основе материала, собранного между 2008 и 2011 гг. (и немного дополненного автором в период написания книги), Джейкобсен отвечает, что звучит эта земля в стиле кантри, кантри именно навахского, и методично показывает, как различаются кантри «по-навахски» (*sounding “Navajo”, “mono”, “rez”*) и «слишком белое» кантри (р. 105). Для первого, хард-кантри, характерно «хонки-тонк» звучание, звуки электрогитары, наколенной слайд-гитары (*lap steel guitar*), громких ударных и достаточно быстрый темп, позволяющий танцевать популярный и сегодня парный танец тустеп (*the two-step*). Вокал здесь – носовой, с применением техники тванга (*twang*), при этом голос – низкий, порой, с хрипотцой, грубый и – исключительно мужской. «Слишком белое» кантри, в свою очередь, характеризуется так называемым нэшвиллским, «сглаженным», мелодичным звучанием; отличается более лиричным вокалом, часто включает бэквокал. Возникшее в середине 1950-х гг. в г. Нэшвилл штата Теннесси, вместе с позднее оформившимся поп-звучанием кантри, выросшим в целую музыкальную индустрию, такое кантри не нашло и не находит отклика у навахо-поклонников хард-версии этого жанра.

Кнтри-музыка, появившаяся в резервации в 1930–1940-е гг., исполненная эстетики рабочего класса юга и юго-запада США, полюбились

многим навахо; вместе с ней ковбойская шляпа и родео дополнили ставший органичным для них и, как показывает Джейкобсен, широко воспетый ими образ «индейца-ковбоя» (р. 2). Первые собственные хард-кантри-бэнды (*rez country bands, chapter-house bands*) создаются в резервации в 1950–1960-е гг. – золотой век нации, период ее активного, самостоятельного политического, экономического и культурного развития, в том числе более широкого, чем сегодня, использования навахского языка самими навахо. Именно по этому времени, по наблюдениям Джейкобсен, ностальгируют сегодня многие жители резервации старше 40 лет. Хард-кантри 1950–1980-х гг., определяемое ими как «традиция навахо 20-го века» (р. 32), позволяет этим людям на индивидуальном уровне переживать былые времена нации и свою молодость (р. 65). На коллективном же уровне – как читатель может предположить из последующих глав книги – постоянное воспроизведение по радио, на развлекательных площадках и в сопровождении разных общественно значимых мероприятий на территории резервации, делают эту музыку «национальным проектом» (*nationalist project*) Нации Навахо, ее эстетическим каноном (р. 114). Играть, слушать, любить такое кантри сегодня – значит сигнализировать свою навахскость, быть своим (*belong*).

В ходе всего повествования Джейкобсен стремится обнажить противоречия в голосах вокруг кантри и идентичности, означиваемых как навахские. Из ее работы становится понятно, что подлинно навахской кантри-музыка может быть воспринята в исполнении тех, кто сам ведет сельский образ жизни, определяемый как традиционный: имеет ранчо, занимается физическим трудом, знает изнутри все тяготы жизни в резервации. В то же время понятие-прозвище “*jaan*” в навахском языке («деревенщина», «деревня») в анализе автора обнаруживает неоднозначное отношение самих навахо к идентичности «человека из захолустья» (р. 4). В том, как навахо используют это понятие, автор усматривает не чуждое им стремление к благополучной жизни среднего класса, их желание дистанцироваться от образа человека, который не образован, «не знает ничего, кроме» как работать в сельской глубинке, и не интересуется жизнью вне нее (р. 42).

Джейкобсен выявляет и маркируемые в географических терминах различия, проводимые в среде навахо. Например, между навахо штата Аризона – территории, как многие навахо верят, исконно навахской, где сохранена культурная преемственность поколений навахо, а также находится столица Нации Навахо, г. Уиндоу-Рок – и навахо штата Нью-Мексико, в особенности его административной части под названием «Восточное агентство» с центром в г. Краунпойнт – «окраине» резервации (р. 38). Джейкобсен указывает на то, что классовые и географические различия-границы легитимируются как с одной, так и с другой

стороны. Рассекают они и звуковое пространство наважской кантри-музыки: к примеру, по наблюдениям Джейкобсен, наважские коллективы из нью-мексиканской части резервации с меньшей вероятностью могут выиграть музыкальное состязание (*Battle of the Bands*), если то проходит в аризонской ее части, чем наважские кантри-бэнды Аризоны.

Автор также показывает, что в терминах наважский–ненаважский демаркируется не только наважская музыка, но и речь. Речь распадается на наважский Аризоны и Нью-Мексико с их лексическими отличиями. Разделяется на «старую», воспринимаемую как эталон (*old Navajo*), и менее «эталонную» современную наважскую речь. Вторая противопоставляется манере говорения на наважском, олицетворяемой «человеком из захолустья», воспринимаемой как более прямолинейная, без изысков и наважской выразительности (p. 75). Англоязычная речь с выраженным наважским акцентом (*Navajo English*) диссонирует со среднезападным, стандартным образцом англоязычной речи навахо, и последняя, в свою очередь, – со смешанной англо-наважской речью (*Navadlish*) (p. 62). Через анализ отдельных коммуникативных ситуаций автор демонстрирует, что быть навахо – значит непременно владеть наважским языком. Она подчеркивает, что все эти различия социально значимы среди навахо, однако приводит лишь одиночные примеры того, как значение того или иного из них реализуется в повседневной жизни навахо.

Как и подлинность наважского кантри, подлинная наважскость зачастую предстает как категория фиксированная и ориентированная в прошлое. Между тем Джейкобсен отмечает, что границы, разделяющие подлинно и неподлинно наважское, в повседневной коммуникации возникают лишь тогда, когда они, так или иначе, нарушаются или игнорируются (p. 114). Наряду с тем, чтобы показать, какой сегодня мог бы прозвучать ответ на вопрос «*Что значит быть навахо?*» в резервации – на который, как можно предположить из выкристаллизовывающейся в тексте авторской перспективы, навахо могли бы ответить иначе, обратившись к своему более инклюзивному культурному опыту до контакта с американской государственностью – Джейкобсен преследует и другую цель. Дать зазвучать на страницах своей книги тем наважским голосам, которые пытаются переопределить, означить по-новому наважскую идентичность, легитимировать в качестве наважских те элементы – прежде всего, но не только, звука – которые не вписываются в ее нынешние, жесткие рамки.

Один из таких голосов обозначен уже в первой главе: Кэндис Крэйг (*Candice Craig*) – наважская певица кантри и музыкант родом из г. Краунпойнт (Нью-Мексико), которая своей музыкой бросает вызов ныне существующему образу наважской женщины: поет в грудном регистре, характерном для мужского вокала, применяя вокальную технику тванг,

и использует надрывное, прерывистое звучание голоса для более сильного эмоционального эффекта (*cry breaks*), исключая вибрато, часто ассоциируемое с женским вокалом и более лиричным кантри в мужском исполнении. Она также меняет слова в текстах исполняемых ею кавер-версий популярных песен кантри так, чтобы подчеркнуть свою навахскую идентичность, в том числе в качестве навахской женщины в собственной ее интерпретации.

Еще один голос принадлежит дяде Кэндис по отцу – навахскому певцу, музыканту и стендап-комедианту Винсенту Крэйгу (*Vincent Craig*), чье творчество Джейкобсен рассматривает во второй главе о навахском языке и речи. Пародирование им густого навахского акцента в английском и, например, фигуры необразованного, немногословного «человека из захолустья» – полюбилось одним навахо резервации, которые, по словам Джейкобсен, могут вместе с Винсентом «подмигивать», говоря о навахо (pp. 44–45), т.е. относиться иронично к самим себе. И в то же время оно абсолютно не принимается другими.

Одну (третью) главу книги автор целиком посвящает Радмилле Коду (*Radmilla Cody*) – певице смешанного навахо-афроамериканского происхождения, 46-й «Мисс Нации Навахо» 1997–1998 гг., родом из г. Лупп (Нация Навахо, Аризона). Сквозь призму ее резонансной истории Джейкобсен показывает сложный путь чернокожей Радмиллы в обществе навахо, и ее путь к исполнению традиционных навахских песен на навахском языке, но не с характерным для навахского женского голоса носовым звучанием, а в манере, выдающей вокальное образование Радмиллы в церковном хоре и отражающей влияние на ее голос афроамериканских исполнителей в стиле *Rhythm & Blues*.

Блюзовое и даже рок-звучание творчества другой навахской певицы и музыканта, руководителя собственного музыкального коллектива *The Mother Earth Blues Band*, Чаки Бигей (*Chucki Begay*, изображена на обложке книги), исследуется Джейкобсен в четвертой главе. Чаки сознательно не «подыгрывает» доминирующему, мужскому канону навахского кантри. Противопоставляя ее музыкальный подход подходу Томми Байя (*Tommy Bia*), солисту и руководителю кантри-бэнда *Native Country*, твердо придерживающемуся хард-звучания навахского кантри, автор анализирует расхождения в эстетических и социокультурных ориентирах этих музыкантов и их аудиторий. Примечательно, что именно с *Native Country* Джейкобсен, в качестве музыканта, провела большую часть своей этнографической работы.

Примечательно и то, что практически все инакозвучающие голоса книги, которые автор сводит в пятой главе, – женские. И исходят они из одного и того же поколенческого пласта, от среднего до старшего возраста, с которым Джейкобсен и связывает формирование современного навахского канона кантри в резервации. У читателя может сло-

житься впечатление, что на современном этапе навахское кантри и идентичность переосмысливаются, прежде всего, навахскими женщинами – впечатление не просто о неоднородности взглядов навахов, даже близких по возрасту, на самих себя и свою жизнь, но неоднородности, как автор дает основания предположить, во многом происходящей из разнящихся гендерных ожиданий. Хотя, по утверждению Джейкобсен, интерпретации себя и социокультурные ожидания у навахов обусловлены, помимо гендерных, и классовыми, и географическими, и поколенческими разрывами. Но если классовые и географические аспекты (само)идентификации в анализе автора представлены, пусть и не так выражено, как гендерные, то поколенческие разрывы из него, по сути, выпадают. Точнее, Джейкобсен проговаривает лишь «ностальгию» навахов среднего и старшего возраста. Как и что говорят и слушают, и как выражают себя сегодня более молодые навахы, составляющие значительную часть населения резервации, из книги не узнать. Присутствие молодежи здесь лишь обозначено и обозначено, главным образом, собирательно, в виде разрозненных упоминаний.

Книга Джейкобсен, будучи основанной на исследовании столь широко заданного ею самой поля, дает достаточно материала для критического осмысления читателем исследовательских подходов, выбранных автором, в частности ее риторических стратегий и стратегий этнографической репрезентации. Джейкобсен всецело сосредоточена на систематической денатурализации и деэссенциализации разных понятий, которыми навахы оперируют сегодня («культура», «кровь», «фенотип», «традиция», «настоящий навах», «подлинно навахский» и др.), в том числе через указание на связь этих понятий с колониальным прошлым и настоящим навахской нации. При этом она концептуализирует и излагает материал в таких терминах, как «политика идентичности», «политика аутентичности», «политика различий», «языковая политика», «политика социального гражданства», «политика культуры», «политика индигенности» и т.п. – концепциях также не индигенных; остается вопрос – разделяют ли /разделили бы навахы осмысление их жизни сквозь призму «политик»? В дополнение, деконструируя одни понятия («культура», «идентичность» и др.), автор выстраивает свою аргументацию, основываясь на других понятиях (социальный класс, территория, поколение), которые также могли бы быть деконструированы. В целом центр тяжести повествования в книге преимущественно смещен в сторону концептуализации, в ущерб этнографическому материалу как таковому: голоса людей «из поля» звучат, но как бы на заднем плане, лишь вторят словам автора. И, порой, сливаются воедино в авторских обобщениях («многие навахы», «некоторые навахы» и т.п.), когда становится и вовсе непонятно, исходит ли высказывание от автора или от ее информантов, и кого именно. Однако Джейкобсен, несомненно, уда-

ется находить слова для описания разных, в том числе деликатных, ситуаций и осторожного, но, все-таки, проговаривания отчужденности альтернативных навахских голосов.

В работе практически не рассматривается, как то, что говорят навахо о современной навахской идентичности, материализуется в самой ткани их повседневной жизни. Анализ остается на уровне слов, и если автор и обращается к уровню практик, то лишь практик эстетического производства кантри. Этнографических примеров, которые бы иллюстрировали тотальность звучания навахского кантри в его хард-версии и позволили бы подкрепить выдвинутый автором тезис о навахском кантри как «тотальном факте» звукового пространства резервации, в работе нет. Также, за исключением, пожалуй, главы о Радмилле Коуди, книга не передает глубины непосредственного опыта людей, испытывающих социальное отчуждение, к которому Джейкобсен, как кажется, стремится привлечь внимание. Лишь по касательной автор говорит об этом, например, констатируя, что музыканты, экспериментирующие со звуком, не имеют доступа к радиоэфиру и площадкам в резервации, вынуждены искать свою аудиторию за ее пределами. Обозначая, что «ставки» социального отчуждения высоки, автор не раскрывает их (р. 25–26), возможно, сознательно.

Таким образом, Джейкобсен, в основном, дает показательные, но краткие, разрозненные примеры людей и ситуаций вне связного этнографического контекста, не прослеживает конкретные социальные взаимосвязи (или отсутствие таковых) и, как можно предположить, материальные следствия этого. Несомненный плюс работы, однако, в глубоком осмыслении автором того, что звук может быть своим или чужим, что материальность, воплощенность голоса (говорящего и поющего), конкретные параметры его звучания сопряжены с его социальным значением и значимостью: альтернативные женские голоса в кантри и альтернативное звучание навахского кантри исключены из широкого публичного пространства резервации. Важно и предлагаемое автором осмысление того, что социокультурные значения могут творчески переопределяться в звуке и посредством голоса.

В целом книга заставляет по ходу чтения неизменно желать более развернутой этнографической контекстуализации, погружения в живой, этнографический контекст. Несмотря на это, тонкие наблюдения автора, вынесенные ею из продолжительного полевого исследования, ее внимательное отношение к разным аспектам навахской истории и настоящего, составляющие основу книги, позволяют многое узнать о навахо. Их социокультурный опыт в изложении Джейкобсен, как сам по себе, так и в рамках разнообразных современных исследований коренного населения разных территорий (*Critical Indigenous Studies*, *Native Studies*), будет интересен и широкой, и более специализирован-

ной читательской аудитории. Полезной книга может быть и антропологам, думающим о том, как интегрировать звук, в особенности музыкальный, и голос в свою этнографическую работу.

Литература

- Feld S., Brenneis D. Doing anthropology in sound // *American Ethnologist*. 2004. № 31 (4). P. 461–474.
- Feld S., Fox A.A., Porcello T., Samuels D. Vocal anthropology: From the music of language to the language of song // *A companion to linguistic anthropology* / ed. by A. Duranti. Blackwell Publishing Ltd., 2004. P. 321–345.
- Marshall T.H. *Citizenship and social class*. Cambridge: Cambridge University Press, 1950.
- Pinch T.J., Bijsterveld K. *The Oxford handbook of sound studies*. New York: Oxford University Press, 2012.
- Sterne J. *The sound studies reader*. New York: Routledge, 2012.
- Weidman A.J. *Singing the classical, voicing the modern: The postcolonial politics of music in South India*. Durham: Duke University Press, 2006.
- Weidman A.J. Anthropology and voice // *The Annual Review of Anthropology*. 2014. № 43. P. 37–51.

Карагеоргий Елена Михайловна
Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензия поступила в редакцию 19 мая 2020 г.

Karageorgii Elena M.

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

THE SOUND OF NAVAJO COUNTRY: ON MUSIC, LANGUAGE, AND WHAT IT MEANS TO BE NAVAJO IN THE 21ST CENTURY*

Review of Jacobsen K.M. *The sound of Navajo country: Music, language, and Diné belonging*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2017. 200 p. EBOOK ISBN 978-1-4696-3187-5

DOI: 10.17223/2312461X/29/17

*The review is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow).

References

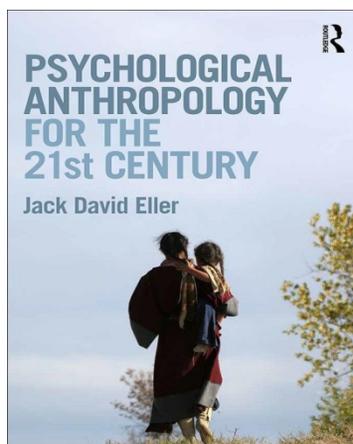
- Feld S., Brenneis D. Doing anthropology in sound. *American Ethnologist*, 2004, no. 31(4), pp. 461–474.
- Feld S., Fox A.A., Porcello T., Samuels D. Vocal anthropology: From the music of language to the language of song. In: A. Duranti (Ed.), *A companion to linguistic anthropology*. Blackwell Publishing Ltd., 2004, pp. 321–345.
- Marshall T.H. *Citizenship and social class*. Cambridge: Cambridge University Press, 1950.
- Pinch T.J., Bijsterveld K. *The Oxford handbook of sound studies*. New York: Oxford University Press, 2012.
- Sterne J. *The sound studies reader*. New York: Routledge, 2012.
- Weidman A.J. *Singing the classical, voicing the modern: The postcolonial politics of music in South India*. Durham: Duke University Press, 2006.
- Weidman A.J. Anthropology and voice. *The Annual Review of Anthropology*, 2014, no. 43, pp. 37–51.

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/29/18

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ВВЕДЕНИЕ И РЕКОНСТРУКЦИЯ

Jack David Eller. Psychological Anthropology for the 21st Century. Routledge, London and New York, 2019. vii, 257 p. ISBN: 978-1-138-59378-7

Как следует из аннотации, книга Джека Дэвида Эллера представляет собой введение в психологическую антропологию. В ней рассматриваются важнейшие темы, теории, фигуры и публикации и в исторической ретроспективе, и с точки зрения современных тенденций в антропологии в целом. Психологическая антропология сегодня мало чем отличается от других антропологий, которые самоопределяются не по предмет-объектному признаку, а по принципу тяготения к тому или иному языку описания и объяснительной модели социальных феноменов, с которыми они имеют дело.

Эллер отмечает в одной из глав работы, что в антропологии, как в физике, на каждое действие приходится свое противодействие, реакция: когнитивные антропологии (этнонаука и структурализм) после Второй мировой войны питались отрицанием бихевиористского и функционалистского наследия школы культура-и-личность, в свою очередь, когнитивная антропология была отвергаема в целом антипсихологической реакцией приверженцев изучения культуры в креберовском ключе: культура не «в голове», она есть информация, она носима человеком, но не содержится в нем. Один из «водоразделов» в отношениях с психологией, как его видели антропологи, в своей предельной, грубой версии был сформулирован именно Кребером: ментальное от-

носится к индивидуальному, а культура и общество над-индивидуальны, «суперорганичны», противостоят «личности в Истории». Культура и общество меняются без вмешательства человека, когда они «готовы и голодны» до изменений. Эту позицию, как и культурологию Лесли Уайта Эллер называет адвокатурой онтологической независимости культуры от психологии (р. 90).

К этим полюсам, которые структурируют историю психологической антропологии, у Эллера добавляется и традиционное деление ее на временные этапы: первая половина XX в. и вторая – начало XXI в., а иногда большая часть XX в. до начала 70-х гг. и «в дальнейшем», когда всю психологическую антропологию, если не всю антропологию вообще, можно, с точки зрения Эллера, назвать постгирцевской, постсперберовской и постбурдианской (р. 113).

Книга распадается на две большие части: 1) развитие психологической антропологии и 2) современные проблемы психологической антропологии. В главах первой части конструируется история психологической антропологии как гипотетически связанной дисциплины, а во второй психологическая проблематика дается в хронологически-концептуальных дихотомиях: самость и личность «тогда и потом», «на раннем этапе и сегодня», и то же самое про эмоции, измененные состояния сознания, ментальные заболевания, когнитивные схемы.

Такая подача выглядит и вполне традиционной для формата обучающего «введения» в дисциплинарное пространство – «этапы развития и проблемы», и в то же время представляет собой результат ретроспективного переосмысления данного формата, и в этом ее ценность. Так, в главе о «современных проблемах» появляются отдельным подразделом эмоции, что, очевидно, является приметой современного взгляда на тематическую разметку дисциплины.

Эллер предпочитает рассматривать историю психологической антропологии не как смену парадигм, а как историю противостояния в неустанных попытках установить связь между глубинными проблемами человеческой культуры и индивида – противостояния между психологическим подходом и такими доминантами в антропологии, как функционализм и структурный функционализм.

Именно ориентация на поиск связи между индивидуальным и коллективным в культурном контексте сделала психологическую антропологию уязвимой для вечных нападок со стороны других антропологий и других психологий, в первую очередь по причине неопределенности двух основных концептов, между которыми они перебрасывали мостик: «культура» и «личность». Со времен Эдварда Тейлора и вплоть до 60-х гг. антропология «уточняла» понятие культуры через выделение аспектов поведения человека как существа социального, научающегося социально и передающего результаты своего научения из поколения в

поколение. Еще более дробно и неопределенно понятие «личность» со всем тем шлейфом терминов, который ее сопровождает: *personality, mentality, mind, character, self, person, cognition*. Роберт Ле Вин выделил пять взглядов на проблему соотношения индивидуального и коллективного, личности и культуры (LeVine 1973). Это, конечно, «суперорганическая» апология культуры за счет полного отрицания «роли личности» у Кребера и в «культурологии» Лесли Уайта. Затем это – противоположный полюс – психологический редукционизм, берущий начало из фрейдизма, согласно которому культура – эпифеномен «внутреннего мира» индивида. Третью позицию занимают лидеры направления культура-и-личность, которые, по сути, отвергали концептуальное различие между тем и другим, и культура для них была «личностью, написанной с заглавной буквы». Четвертые – это, по выражению Эллера, «антропологически информированные психологи и психиатры» (р. 11) наподобие Абрама Кардинера, которым личность представлялась медиатором между первичными и вторичными институтами культуры. И, наконец, пятые, например Мелфорд Спиро и А. Ирвинг Халлоуэлл, занимают примиряющую позицию и видят личность и социокультурные институты как две взаимодействующие и взаимозависимые друг от друга системы.

О манере представления материала и размышления о нем в книге Эллера говорят названия параграфов, например, в главе о началах психологической антропологии: «Франц Боас, психологический антрополог», «Зигмунд Фрейд, антропологический психолог», «Бронислав Малиновский: тестирование Фрейда в поле» (р. 21–26). Подкупает в таком изложении научных позиций и концепций представление их огромного потенциала для последующих дискурсов. Так, например, Люсьен Леви-Брюль традиционно располагается в поле исследований восприятия и мышления «первобытных народов» как автор концепции «дологического мышления», откуда автоматически попадает на ценностном ландшафте антропологии в число допотопных ретроградов, отрицавших за аборигенами право называться полноценными людьми. Если, однако, следовать правилам изложения Эллера, то Леви-Брюль вполне вписывается также в число предшественников онтологического поворота в социальных науках конца XX–XXI в. (р. 19–21). Леви-Брюль был на стороне особенного строя «примитивной ментальности» в дискуссиях о психологических, социальных и культурных универсалиях и различиях, т.е. полностью укладывался в нишу антропологии с ее акцентом на разнообразии, но при этом был порицаем за ложный и крайний релятивизм. Леви-Брюль был фактически не прав, когда писал, что «первобытные люди видят мир теми же глазами, что и мы, но воспринимают его другим умом» (Levy-Bruhl 1966: 24–25), но делал он это, возражая против максимы Фрезера про первобытного мыслителя как «плохого ученого», исходящего из ложных посылок и приходящего к

ложным выводам. Эллер оставляет читателям возможность для самостоятельных интерпретаций такого рода высказываний и указывает на удивительные параллели между авторами разных концепций в прошлом и настоящем: сам Леви-Брюль опроверг ряд своих утверждений в конце жизни, приводя примеры того, что и западный, «цивилизованный» человек может демонстрировать дологическое мышление или руководствоваться «законом партиципации», но Выготский и Лурия активно ссылались на него, утверждая, что «отсталые народы» страдают от недостатка абстрактного мышления и метафоричности в языке. Закон же партиципации просто звучит как преамбула к современному упражнению в «другой онтологии»: первобытное мышление не делает четких различий между самостью и ее отсутствием, одним и другим объектом или разными типами объектов и феноменов. Дерево или тьюрунга австралийских аборигенов могут быть частью человеческой личности или самостоятельной личностью.

Взаимоотношения психологии и антропологии в начале обеих дисциплин были, с точки зрения Эллера, тесными и многообещающими и испортил картину тот факт, что антропология 20–30-х гг. XX в. слишком зависела от одной психологической модели – фрейдистского психоанализа, хотя, надо признать, что выбор в те времена по степени влиятельности моделей был невелик, а задача отстроиться от концепций «дегенеративных рас», «лицевого угла» и «криминального атавизма» стояла остро.

Подход к составлению эпистемологической карты психологической антропологии как поля битвы антропологов за и против психологизма Эллер демонстрирует и в главе «Мышление в символах, тело и практика», где рамкой его рассуждений становятся избирательные отношения антропологии с философией (р. 93–115). Избирательность состоит в том, что они возникают на волне противодействия психологизации. В результате концепция мышления как публичного акта и знания как практики, а не факта и пропозиции заимствуется Клиффордом Гирцем у Гилберта Райла для того, чтобы вырвать объект антропологии из лап бихевиоризма, фрейдизма, когнитивизма и приблизить к изучению символического пространства человека, обладающего «культурным телом» и практикующего мышление. Опираясь на философию символизма, Гирц дал свое понимание культуры: она – не некая добавка к уже органически готовому человеческому существу, а «ингредиент в процессе производства этого животного как такового» (Geertz 1973: 47). Трудно сказать, согласились бы Гирц или Мэри Дуглас с включением их Эллером в аллею славы психологической антропологии, но связка символа с телом как практикой служит для последнего оправданием.

Антропология осуществляла дальнейший дрейф от психологии, странным образом при этом все время сближаясь с ней. От семантизации символа к «неявному знанию» Дэна Спербера, от интерпретации

как инструмента знания и понимания к экзегезе – расширению знания с помощью практики, рождающей каждое новое объяснение как очередной символ. Ключевой тезис Спербера контра Леви-Стросс, Фрейд и др.: символы – это не знаки, спаренные с интерпретацией в кодовую структуру, а задача мышления – не в извлечении смысла символической репрезентации, а в нахождении ей нового места в памяти и действительности (Sperber 1979). Дальнейшее развитие тема культурных репрезентаций как персонально усвоенных символов получила в исследованиях Джаната Обейсекера. Вслед за ним к условной «истории психологической антропологии» добавляется Эллером и Пьер Бурдые, чья концепция габитуса как забытой истории индивидуальной включенности в «большие» истории, но воплощенной и передающейся телом, помещается в контекст философии и практики воплощенного знания, например, Жана Пиаже и Мориса Мерло-Понти.

Линза, сквозь которую Эллер рассматривает проблематику психологической антропологии в предметных главах, – это критика ее этноцентризма и универсализма. Проверка универсальности условно западных концепций мышления, сознания, личности всегда была одной из задач психологической антропологии, в частности кросс-культурной антропологии, но сама эвристичность, этичность, рефлексия такой установки занимали мало места, а когда оказались в фокусе внимания, дисциплинарные границы психологической антропологии ожидаемо размылись. Так, в вопросах об универсальности концепции личности к последней через слеш добавляется, а потом и просто заменяет ее концепция самости (self). При том что это не одно и то же, сама проблематика получает таким образом, апгрейд. К старому вопросу о том, различаются ли концепции личности / самости кросс-культурно, и, если да, то как, добавляются по-новому сформулированные, например: в чем различие между нормативной концепцией личности в культуре и самопредставлением и индивидуальным опытом себя или: признаются ли в культурах другие, нечеловеческие личности? Если да, то какого рода и как люди контактируют с ними? С одной стороны, дублируется старая практика: определение самости не уточняется, с другой – переназвание само по себе открывает дополнительные исследовательские перспективы.

Эллер составляет карту разнообразия тех исследовательских сюжетов, которые связаны с изучением личности / самости в антропологии. Например, культурные формы производства самости, важнейшей из которых является наррация, когда самость разворачивается как рефлексивное осознание человеком своего присутствия в мире, включая чувство прошлого и будущего. Или проблемы индивидуалистского или коллективного акцента в самости: насколько сама «западная» концепция последовательно «индивидуалистична», и что делает другие концепции обязательно «коллективистскими»? И, наконец, вошедшая в

антропологию благодаря Мерилин Стратерн проблематика дивидов, или многосоставной личности (*partible person*) (Strathern 1988).

Та же логика – как меняется старое содержание? – прослеживается и в главе, посвященной изучению эмоций. Несмотря на то что данная исследовательская тематика возникла давно, эта сфера динамично развивается и меняется в зависимости от исследовательской фокусировки: от обозначения базовых и вторичных эмоций и чувств до вопросов представления эмоций в классификации, исследовании и терапии эмоциональных расстройств (*emotional disorders*). Эллер выделяет разные исследовательские акценты в изучении эмоций, из которых наиболее влиятельными в антропологии были когнитивистский и лингвистический: эмоции – это форма когнитивного восприятия, возбуждающего тело и ум, мысли, ощущаемые телом (*embodied thoughts*) (Rosaldo 1984). Культура может способствовать гипер- или гипосознанию тех или иных эмоций: одни эмоции более культурно артикулированы, чем другие. Некоторые эмоции часто культурно «невидимы», например вина; отдельные эмоции, например гнев, имеют не только социальное, но и политическое значение и последствия (Lindholm 2005). Глава насыщена примерами и ссылками на различные исследования, из которых ясно, что эмоции имеют множество определений, выражений и практик. Эллер отмечает, в частности, работы Лилы Абу-Луход, в которых был сделан акцент на особенностях индивидуальных и коллективных категоризаций эмоций в разных обществах: в западном сознании эмоции «считаются», только когда они «аутентичны», «искренни», глубоки и персональны, но у бедуинов, например, существует жанр поэзии, который служит проводником для выражения персональных чувств и конфиденциальной коммуникации (Abu-Lughod 1986). Кросс-культурные исследования показывают, что, например, страх имеет когнитивное и эпистемологическое измерение: то, чего индивиды и общество боятся, зависит от знания и веры в то, что представляет собой опасность; природа страха темпоральна: человек боится не только настоящих страхов, но и тех ран прошлого, которые несет; страх имеет пространственное выражение (Low 1997; Leheny 2006).

Книга Джека Дэвида Эллера дает возможность проследить извилистое движение антропологической мысли о восприятии и рефлексии, личности / самости, эмоциях, чувствах человека в культурном окружении, которую можно обобщенно и условно назвать психологической антропологией. Сегодня, когда все эти сюжеты, сопровождаемые и подкрепляемые постоянными прорывами в области нейронаук, опять сделались одним из центральных фокусов антропологии, такое «введение» в историю и современную исследовательскую практику представляется интересным и полезным.

Литература

- Abu-Lughod L.* *Veiled Sentiments: Honor and Poetry in a Bedouin Society.* Berkeley: University of California Press, 1986.
- Geertz C.* *The Interpretation of Cultures.* New York: Basic Books, 1973.
- LeVine R.A.* *Culture, Behavior and Personality: An Introduction to the Comparative Study of Psychological Adaptation.* Chicago: Aldine Publishing Company, 1973.
- Leheny D.* *Think Global, Fear Local: Sex, Violence and Anxiety in Contemporary Japan.* Ithaca; New York; London: Cornell University Press, 2006.
- Levy-Bruhl L.* *How Natives Think.* New York: Washington Square Press, 1966.
- Lindholm Ch.* *Anthropology of Emotion // A Companion in Psychological Anthropology: Modernity and Psychocultural Change / eds. by C. Conerly, R.B. Edgerton.* Malden, MA; Oxford: Blackwell, 2005.
- Low S.* *Urban Fear: Building the Fortress City // City and Society.* 1997. № 9 (1).
- Rosaldo M.* *Toward an Anthropology of Self and Feeling // Culture Theory: Essays on Mind, Self and Emotion / eds. by R. Schweder, R. LeVine.* Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
- Sperber D.* *Rethinking Symbolism.* Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Strathern M.* *The Gender of the Gift: Problems with Women and Problems with Society in Melanesia.* Berkeley: University of California Press, 1988.

Миськова Елена Вячеславовна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Рецензия поступила в редакцию 11 марта 2020 г.

Miskova Elena V.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

PSYCHOLOGICAL ANTHROPOLOGY: INTRODUCTION AND RECONSTRUCTION

Review of Jack David Eller. *Psychological Anthropology for the 21st Century.* Routledge, London and New York, 2019. vii, 257 p. ISBN: 978-1-138-59378-7

DOI: 10.17223/2312461X/29/18

References

- Abu-Lughod L.* *Veiled Sentiments: Honor and Poetry in a Bedouin Society.* Berkeley: University of California Press, 1986.
- Geertz C.* *The Interpretation of Cultures.* New York: Basic Books, 1973.
- LeVine R.A.* *Culture, Behavior and Personality: An Introduction to the Comparative Study of Psychological Adaptation.* Chicago: Aldine Publishing Company, 1973.
- Leheny D.* *Think Global, Fear Local: Sex, Violence and Anxiety in Contemporary Japan.* Ithaca, New York and London: Cornell University Press, 2006.
- Levy-Bruhl L.* *How Natives Think.* New York: Washington Square Press, 1966.
- Lindholm Ch.* *Anthropology of Emotionю In: Conerly C. and R. B. Edgerton eds. A Companion in Psychological Anthropology: Modernity and Psychocultural Change.* Malden, MA and Oxford: Blackwell, 2005.
- Rosaldo M.* *Toward an Anthropology of Self and Feeling.* In: Schweder R. and R. LeVine, eds. *Culture Theory: Essays on Mind, Self and Emotion.* Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
- Low S.* *Urban Fear: Building the Fortress City, City and Society,* 1997, no. 9(1).
- Sperber D.* *Rethinking Symbolism.* Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Strathern M.* *The Gender of the Gift: Problems with Women and Problems with Society in Melanesia.* Berkeley: University of California Press, 1988.

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/29/19

«СКВОТТЕРСКАЯ СЦЕНА» В ОПТИКЕ ЭТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА

Grohmann S. The Ethics of Space: Homelessness and Squatting in Urban England. Chicago: HAU Books, 2020. 281 p. ISBN 9781912808380

THE ETHICS OF SPACE
Homelessness and Squatting in Urban England

Steph Grohmann

В монографии Штеф Громан «Этика пространства: бездомность и сквоттинг в городах Англии» идет речь о сквоттинге как форме коллективной борьбы с бездомностью. А кроме того, о сквоттинге как политическом действии, этической системе, образе жизни, этнографическом поле – любой из вариантов тематического описания будет уместным. Основные события книги разворачиваются в Бристолле, где с 1970-х гг. функционирует одна из крупнейших и заметных в Великобритании ассоциаций сквоттеров.

Заголовок книги обещает работу с темой, которая для российского академического поля остается крайне маргинальной и незаметной. В британской же литературе бездомности посвящено значительное число работ, тема институционализована в виде исследовательских центров и коллективных проектов (в одном из таких в университете Эдинбурга работает сейчас автор рецензируемой монографии).

«Этика пространства» – это этнографическое исследование, которое Громан осуществляла в течение 18 месяцев 2010–2011 гг., будучи сама бездомной. В этой работе соединились две формы аутсайдерства – аутсайдера-этнографа, который знакомится с правилами коллектива, и

аутсайдера-бездомного, который в сложной жизненной ситуации ищет сколько-нибудь безопасное место. Выселение из квартиры стало отправной точкой для долговременного участия аспирантки, приехавшей из Австрии и находившейся в крайне прекарном положении, в жизни нескольких групп сквоттеров. События разворачивались на фоне обсуждения закона о криминализации сквоттинга в Великобритании, которое, в свою очередь, сопровождалось многоуровневой борьбой между консерваторами и либералами, между обладателями собственности и заселяющими их пустые помещения политическими активистами, между носителями буржуазных и антикапиталистических ценностей.

«Этика пространства» выводит на первый план те вопросы трудно переводимой на русский язык области housing studies, на которые прежде мало обращали внимание. Один из них – социальные смыслы сквоттинга. Даже при наличии в Великобритании разветвленной системы государственной поддержки бездомных (хостелов, шелтеров и других сервисов), сквоттинг дает нечто более важное, чем материальные ресурсы, – это чувство общности и пространство для самоопределения (р. 68). Вместе с самоопределением появляются многочисленные проекты самоорганизации и взаимопомощи, безденежного обмена, сквоттерских магазинов и общественных пространств. Групповая идентичность, которая опирается на исторические нарративы диггерства и поисков справедливости, выражается и в самоназвании «сцена». Громан напоминает, что сквоттерские сцены (несмотря на глобальные масштабы распространения) – очень локальное и культурно укорененное явление. Так, сквоттинг в виде захвата земель в Эквадоре имеет выраженный деколониальный подтекст (Alsayuad 1993), а британские сквоттеры борются за свое право на дом и безопасность в условиях преобладания рыночной логики.

Как убедительно показано в книге, политическая борьба – это не форма и не цель, а прямой результат сквоттинга. Сквотирование пространств – это коллективное действие, которое бездомные и политические противники капитализма предпринимают для сопротивления неолиберальным порядкам. Громан фокусируется на том, что составляет невидимую часть этой борьбы: жизнь сообщества и условные «правила внутреннего распорядка», превращающие сквот в «дом». Шаг за шагом исследовательница описывает способы нахождения нового места проживания, привыкание к совместности, решение бытовых конфликтов, осмысление каждой новой общности, а также соотносимость личных границ и коллективных задач. Все эти вопросы складываются в этическую систему коммунальной жизни и в практики превращения новой локации в безопасное и «домашнее» место.

Жизнь в сквоте требует от каждого балансирования между разными социальными ролями. Соотнесение социальных ролей тем важнее, что

среди наблюдаемых британских сообществ сквоттеров сохраняются привычные читателю паттерны социального неравенства. Например, с попаданием в ряды бездомных, женщины продолжают страдать от повседневного сексизма и насилия. Кроме гендера, значимы статус в обществе и обладание нужными документами: на сквотирование пространств часто решаются бездомные с британским гражданством и очень редко – люди с миграционным опытом и расовыми отличиями от белого большинства (pp. 72–73). По мнению Громан, возможная причина такой диспропорции – полицейский произвол в отношении черных британцев, который при условии участия в сквоттерском движении сделал бы их главными мишенями полицейского насилия.

Книга подкупает структурой и стилем. Кроме академически выверенных введения, отдельных глав и заключения, книга содержит этнографические виньетки. Эти виньетки включают эпизоды из исследовательского дневника и вводят этнографический материал, который анализируется в следующей за виньеткой главе. Это рассказы от первого лица о поисках крыши над головой, знакомстве с будущими единомышленниками, перемещении от сквота к жизни в трейлере с сопутствующими фазами дискомфорта, стыда, депрессии. Кроме содержательного перехода от локации к локации и ввода нового эмпирического материала, виньетки также позволяют лучше понять настроение и эмоции человека, оказавшегося в ситуации бездомности. Читателю с академическим бэкграундом может показаться знакомым эпизод с «караваном» Громан в городском парке («караваном» называют трейлер, приспособленный для проживания). Описывая чувства от найденного на двери трейлера «объявления войны» (ультимативного требования от лица горожан покинуть парк), исследовательница делится испытанным в тот момент восторгом: «Отличный материал! Прикреплю его в приложение к диссертации как наглядное свидетельство!» (p. 202). Осмысление того, что теперь снова придется искать новое место для парковки дома на колесах, пришло к исследовательнице гораздо позже, чем радость от обнаружения полевого артефакта.

Кроме насыщенного описания повседневности сквотов и тщательной этнографической проработки темы неравенства, исследовательница обсуждает принципы антропологии этики. Согласно позиции авторов, работающих в русле этического поворота в антропологии, например школы ординарной этики (Lambek 2010), моральная чувствительность является неотъемлемым элементом человеческого существования. Штеф Громан показывает, что способы осмысления себя как моральных субъектов внутри коллектива позволяют сквоттерам структурировать собственную повседневность, быть эффективными в политической борьбе и в других способах выражения агентности.

Литература

Lambek M. (ed.). *Ordinary ethics: Anthropology, language, and action*. Fordham Univ Press, 2010.

Alsayyad N. Squatting and culture: A comparative analysis of informal developments in Latin America and the Middle East // *Habitat International*. 1993. № 17 (1). С. 33–44.

Вятчина Мария Васильевна
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Рецензия поступила в редакцию 17 августа 2020 г.

Vyatchina Maria V.

Kazan (Privolzhskiy) Federal University

‘SQUATTING SCENE’ THROUGH THE LENS OF THE ETHICAL TURN

Review of Grohmann S. *The Ethics of Space: Homelessness and Squatting in Urban England*. Chicago: HAU Books, 2020. 281 p. ISBN 9781912808380

DOI: 10.17223/2312461X/29/19

References

Lambek M. (ed.). *Ordinary ethics: Anthropology, language, and action*. Fordham Univ Press, 2010.

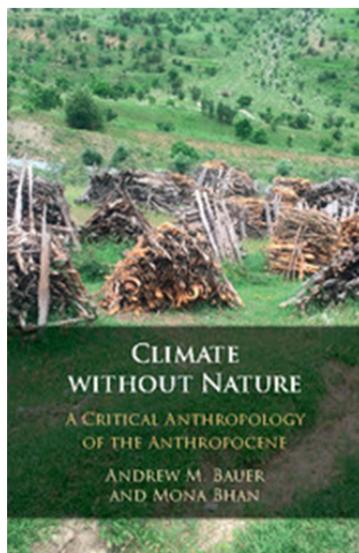
Alsayyad N. Squatting and culture: A comparative analysis of informal developments in Latin America and the Middle East, *Habitat International*, 1993, no. 17 (1), pp. 33–44.

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/29/20

ДИНАМИЧЕСКИЕ АССАМБЛЯЖИ АНТРОПОЦЕНА: О МАТЕРИАЛЬНОСТИ КЛИМАТА, ПОСТ-ПРИРОДЕ И ПОНЯТИИ ААВОНАВА СРЕДИ СУННИТОВ-ДАРДОВ¹

Bauer Andrew M., Bhan Mona.
Climate without nature: a critical
anthropology of the Anthropocene.
New York, NY, USA: Cambridge
University Press, 2018. xvi, 167 p.
ISBN 9781108525633 (online),
9781108423243 (print)

Что происходит в наших отношениях с материальным миром, когда земля нагревается, погода меняется, ледники тают, засуха не прекращается, а уровень мирового океана продолжает расти? Ответ на этот вопрос дает недавно опубликованная издательством Кембриджского университета книга «Климат без природы: антропология антропоцена». Этот труд является совместной работой доцентов кафедр антропологии Стэнфордского университета Эндрю Бауэра и Университета ДеПау Моны Бхан.

За последнее десятилетие термин «антропоцен» стал поистине вирусным, потеснив многие ранее модные в социальных науках темы. Однако несмотря на растущее количество публикаций, это понятие остается одним из самых проблемных и неопределенных. Авторы ста-

¹ Работа написана в рамках проекта РФФ «Антропология экстрактивизма: исследование и проектирование социальных изменений в регионах ресурсного типа» (грант № 20-68-46043, рук. Д.А. Функ).

вят своей задачей не только критически проанализировать идеи антропологии антропоцена, но и создать коммуникативный мост между исследованиями новой материальности и антропоцена (р. 6). Они утверждают, что антропологический анализ того, как люди дифференцированно взаимодействуют со множеством нечеловеческих субъектов окружающей среды (nonhuman environmental actors), позволит более комплексно изучить процессы ее трансформации. В частности, они призывают провести подобное исследование, используя понятие ассамбляжей (assemblages) или совокупностей, из которых состоят конфигурации этих сложносоставных взаимоотношений. Данные совокупности крайне изменчивы и ситуативны, поэтому предсказать их появление затруднительно. Авторы также стремятся критически переосмыслить саму концепцию антропоцена, показав, что «природа», «культура», «среда» и другие родственные понятия, используемые теоретиками антропоцена, не являются застывшими во времени, изначальными и само собой разумеющимися, но исторически и социально обусловлены.

В широком смысле понятие «антропоцен» определяет современный период развития геологической истории, характеризующийся беспрецедентным воздействием человека на экосистему. В рамках этого подхода человечество рассматривается не только как биологический вид и социальный организм, но и как геофизическая сила (Chakrabarty 2009). Антропология антропоцена включает в себя изучение проблем изменения климата, использования ресурсов, взаимодействия человека с экосистемами, наукой, техникой и технологиями, анализ антропогенных трансформаций среды и ландшафта и многое другое (см., например, Соколовский 2018). За последние пятнадцать лет антропоцен получил не только дисциплинарный статус в академии, но и обзавелся кафедрами, собственными журналами, сотнями публикаций и бесчисленными конференциями. Неудивительно, что у антропоцена появились не только поклонники, но и критики (Nagaway 2015). Основная критика исходит от антропологов, занимающихся постгуманитарной антропологией и мультивидовой этнографией, а также изучением гибридных форм коопераций между человеком, животными, машинами и предметами материального мира. В антропоцене они усматривают угрозу исследованиям неиерархических способов взаимодействия между нечеловеческими субъектами, а также возврат к антропоцентричности, от которой пытаются уйти ученые, работающие в русле онтологического поворота (см. дискуссию в Nagaway et al. 2015). Скептицизм вызывает и «библейский посыл» антропоцена как новой эпохи, которая приведет к гибели жизни на Земле, если человечество вовремя не одумается и не вырабатывает альтернативные способы взаимодействия со средой (см. комментарии Скотта Ф. Гилберта в упомянутой дискуссии). Антропологи, изучающие сообщества коренных народов, справедливо указывают на то,

что в некоторых индигенных культурах само понятие «человек» (anthropos) является проблематичным, так как может включать в себя неорганические и альтернативные западным представлениям формы жизни (р. 12–13). Исследователи критической теории и капитализма дополняют: антропоцен игнорирует социальные, классовые и экономические различия между группами. Смещение фокуса исследования с роли глобальных корпораций в сторону общемировой ответственности перед природой деперсонализирует проблему изменения климата.

Авторы данной монографии пытаются примирить разные подходы современной социальной антропологии, включая упомянутые новую материальность, критическую теорию, АСТ и постгуманизм, с помощью «материализации» климата, рассматриваемого в качестве ключевого субъекта антропоцена. Они также стремятся исследовать климат как исторический продукт гетерогенных по своей природе ассамбляжей, состоящих из «тел, материалов и организмов», в которых люди являются лишь составной частью (р. 28). Они также отмечают уникальность феноменологии климата в разных сообществах. Иными словами, если климат как феномен глобален, то его переживание всегда ситуативно и локально. Будучи антропологами, авторы не ограничиваются лишь теоретизированием, но используют собственные полевые материалы, собранные в Юго-Восточной Азии.

Структурно книга состоит из шести глав, включая введение и заключение. В главе под названием «Создавая ассамбляж антропоцена» (Assembling Anthropocene) авторы обсуждают один из самых проблемных вопросов теории антропоцена: с какого исторического события можно говорить о возникновении эпохи Антропоцена? Они рассматривают таких претендентов, как изобретение атомной бомбы, парового двигателя, земледелие, животноводство, добыча огня и другие поворотные моменты в истории человечества. Однако в итоге приходят к выводу о том, что точка отчета и границы Антропоцена, когда человечество становится геофизической силой, никогда не будут установлены, так как люди всегда были включены в сеть взаимоотношений между организмами и материей. Авторы спрашивают: что если мы проанализируем влияние деревьев или бактерий на геофизические, химические, социальные и экологические процессы и мировые события? Не должны ли мы будем тогда признать поражение человечества как основной геофизической силы? Они заключают, что на протяжении всей истории взаимоотношения человека со средой эти отношения приводили к конкретным социальным, экологическим и геофизическим последствиям, которые и должны исследовать антропологи. Этот тезис и является темой данной монографии.

Третья глава под названием «О почвах, камнях и отношениях» (On Soils, Stones, and Social Relationships) представляет собой экскурс в

социоматериальную историю юга Индии. Авторы подчеркивают, что археология, являясь наукой о материальных артефактах, может помочь исследовать историографию *Природы*, которую принято противопоставлять *Культуре* (р. 50). Тезис о преодолении этого разграничения служит одним из способов выделения эпохи Антропоцена. Напротив, авторы ставят под сомнение само существование границы между *Природой* и *Культурой* (Latour 1993). На примерах мегалитических сооружений, ирригации, развития животноводства и культивации риса они показывают, что, начиная с каменного века, человечество через культурные практики и в тесном контакте с окружающей средой вносило существенные изменения в социоэкологические условия своего обитания. Эти изменения стали возможны с помощью комплексных взаимодействий с различными компонентами и ассамбляжами среды, включая ее нечеловеческих субъектов, а также затрагивали глобальные экологические процессы. Например, развитие животноводства способствовало увеличению метана в атмосфере – одна из современных причин глобального потепления. Более того, сам ландшафт создавался с помощью соединения (*assembling*) разнообразных материй и материалов в рамках определенных контекстов и таких местах, которые не только позволяли продуктивно использовать среду, например выращивать рис, но и одновременно ограничивали хозяйственную деятельность и доступ к ресурсам. Политически это способствовало укоренению социального неравенства.

Таким образом, авторы делают следующий вывод: уже в доиндустриальную эпоху взаимоотношения человека со средой были настолько многогранными, что их нельзя четко отнести в тот или иной «лагерь» в рамках бинарной пары *Природа / Культура*. Этот тезис раскрывается в следующей главе на примере этнографического материала.

В главе «О ледниках и траве, о погоде и благоденствии» (*On Glaciers and Grass and Weather and Welfare*) речь идет об известной этнологом триаде пища – одежда – жилища, которую авторы рассматривают в контексте экологических отношений между человеком и другими акторами окружающего мира (*aabohawa*). Эта глава написана на материалах, собранных в долине Гюрез в Гималаях – место жительства суннитов-дардов. Нечеловеческие субъекты в мире дардов являются составной частью социального порядка, в котором трава, деревья, лес, реки, снег, ледники и даже пыль выступают в качестве союзников, но в то же время могут неожиданно и по своему усмотрению вторгнуться и нарушить жизнь людей (р. 97). В этой главе помимо исследований новой материальности сказывается влияние экологической антропологии, постколониальной теории и онтологии нечеловеческих субъектов. Например, с тактильного, материального и даже чувственного описания деревянного жилища в культуре дардов авторы переходят к обсуждению роли леса в жизни местных жителей:

Лес был местом, куда жители Гюрез обращались в поисках еды, дров и источника физического и экономического существования. Пожилые гюрезцы вспоминали, что каждый год в мае, когда отступала зимняя хандра, они поднимались в лес, чтобы собрать ценные разновидности грибов, которые ежегодно приносили им существенный доход. Аналогично к началу июня и в июле они собирали несколько килограммов зеэга (тмина) для продажи на рынке. Летом женщины собирали траву, чтобы запастись ею на зиму, поскольку зимой рыночные цены на траву резко возрастали и это делало ее недоступной для большинства семей (р. 81) (перевод мой. – Н.М.).

Значительная часть этой главы посвящена ледникам, служащим еще одним источником получения дров из высокогорного леса, что облегчает труд местным женщинам и снимает с семей часть финансовой зависимости. Авторы утверждают, что ледники для дардов наделены моральными качествами, обладают сакральной силой и могут влиять на жизнь людей не только духовно, экономически, но и физически. Например, ледники могут перегородить дорогу или заблокировать реку. Авторы также показывают, как строительство дамбы в Гюрезе может нарушить эти сложившиеся связи и в то же время стимулировать появление новых нарративов об изменении климата, который гюрезцы понимают как комплексное явление, учитывающее их взаимоотношения с лесом, ледниками, животными, джинами и другими сущностями.

Наконец, в заключительной главе под названием «Социальное благодеяние без Природы Антропоцена» (Social Welfare without the Anthropocene's Nature) авторы возвращаются к обсуждению периодизации эпохи Антропоцена. В данной главе критически осмысливается дискурс *Природы* как онтологически другого, противопоставленного *Культуре* и человеческой деятельности по производству продуктов этой культуры. На протяжении всей книги авторы стремятся показать, что разделения между *Природой* и *Культурой* никогда не существовало. Соответственно, и точка отчета для наступления эпохи Антропоцена отсутствует. Более того, антропоцен предполагает недифференцированный взгляд на феномен влияния человека на окружающую среду, в то время как социоматериальная история демонстрирует, что это влияние всегда было дифференцируемым, политическим и основанным на различных формах неравенства. Авторы предлагают сместить фокус исследования с концепта *Природы* на изучение социоматериальных отношений и дискурсивных практик взаимодействия между человеком и другими акторами окружающего мира. Более того, они считают, что эти отношения должны быть рассмотрены на разных уровнях, включающих в себя экономику, политику, класс, гендер и многие другие социальные параметры. Это, в свою очередь, повлечет за собой изменения как языка описания взаимодействия человека со средой, так и саму

концептуализацию проблемы изменения климата и политики охраны окружающей среды. Авторы заключают, что без доминантной концепции пассивной *Природы* акторы окружающего мира, включая нечеловеческие сущности, получают *действие*, требующее отношения к ним как к полноценным участникам процесса трансформации среды.

Подводя итог, отмечу, что работа «Климат без природы: антропология антропоцена» является не только превосходным введением в современные дебаты об антропоцене, но и своеобразным ассамбляжем, о котором пишут авторы. Эту работу можно читать на нескольких уровнях: как собственно теорию антропоцена, которая вынесена в заглавие, как мультилокальное этнографическое исследование, написанное на материалах полевой работы в нескольких сообществах и регионах Индии, как экскурс в материальную историю юга Индии, наконец, как пример работы, написанной в стиле новой материальности и постгуманитарной антропологии. Авторы утверждают, что антропология со всеми ее многочисленными направлениями должна внести существенный вклад в теорию антропоцена и противостоять упрощенному взгляду на современность как на этап пост-*Природы*. В заключении они приходят к выводу о том, что если человечество и должно начать действовать, чтобы предотвратить глобальные катастрофы, то только как гетерогенный ассамбляж и через динамические отношения с нечеловеческими сущностями и материями (p. 139).

Литература

- Соколовский С.В. Тела и технологии сквозь призму техноантропологии // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 99–116.
- Chakrabarty D. The climate of history: Four theses // Critical Inquiry. 2009. № 35. С. 197–222.
- Haraway D. Anthropocene, Capitalocene, Plantationocene. Chthulucene: Making kin // Environmental Humanities. 2015. № 6. P. 159–165.
- Haraway D., Ishikawa N., Gilbert, S., Olwig K., Tsing A.L., Bubandt N. Anthropologists are talking – about the Anthropocene // Ethnos. 2015. № 81 (3). P. 535–564.
- Latour B. We have never been modern. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993.

Мамонтова Надежда Александровна
географический факультет
Университета Северной Британской Колумбии /
Институт этнологии и антропологи РАН

Рецензия поступила в редакцию 10 августа 2020 г.

Mamontova Nadezhda A.

Department of Geography at the University of Northern British Columbia, Prince George, Canada

DYNAMIC ASSEMBLAGES OF THE ANTHROPOCENE: ON THE MATERIALITY OF CLIMATE, POST-NATURE, AND THE NOTION OF AABOHAWA AMONG THE SUNNI DARDS*

Review of Bauer Andrew M., Bhan Mona. *Climate without nature: a critical anthropology of the anthropocene*. New York, NY, USA: Cambridge University Press, 2018. xvi, 167 p. ISBN 9781108525633 (online), 9781108423243 (print)

DOI: 10.17223/2312461X/29/20

*The review is written as part of the project supported by the Russian Science Foundation (RNF), titled 'The anthropology of extractivism: Research and design of social changes in resource-type regions' (project No. 20-68-46043, Principal Investigator Dmitriy A. Funk).

References

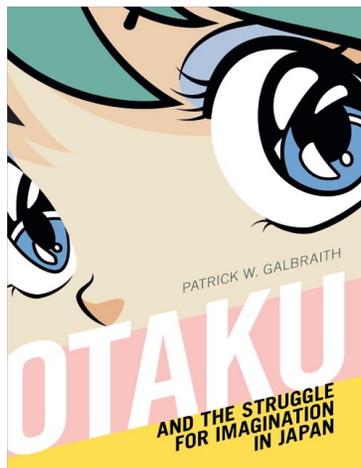
- Sokolovskiy S.V. Tela i tekhnologii skvoz' prizmu tekhnootropologii [Bodies and technologies through the prism of techno-anthropology], *Antropologicheskii forum*, 2018, no. 38, pp. 99–116.
- Chakrabarty D. The climate of history: Four theses, *Critical Inquiry*, 2009, no. 35, pp. 197–222.
- Haraway D. Anthropocene, Capitalocene, Plantationocene. Chthulucene: Making kin, *Environmental Humanities*, 2015, no. 6, pp. 159–165.
- Haraway D., Ishikawa N., Gilbert, S., Olwig K., Tsing A.L., Bubandt N. Anthropologists are talking – about the Anthropocene, *Ethnos*, 2015, no. 81(3), pp. 535–564.
- Latour B. *We have never been modern*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993.

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/29/21

ОТАКУ И БОРЬБА ЗА ВОООБРАЖЕНИЕ В ЯПОНИИ

Galbraith P.W. Otaku and the Struggle for Imagination in Japan. Duke University Press, 2019. 336 p. ISBN 9781478007012

Американский антрополог Патрик У. Гэлбрейт в своей работе «Отаку и борьба за воображение в Японии», вышедшей в издательстве Дюкского университета в 2019 г., подводит итог многолетних исследований феномена отаку. В ней, вопреки получившим распространение с 1990-х гг. как в Японии, так и за рубежом подходам¹, отаку рассматривается как субкультура, отличная от японской массовой культуры в целом и выросшая из движения фанатов манги и анимэ. При этом Гэлбрейт фокусируется на новых формах взаимодействия, возникающих между представителями субкультуры и персонажами анимэ и манги: воображаемые персонажи становятся участниками повседневной жизни людей, а попытки построить взаимоотношения с ними по сути приводят к созданию альтернативных социальных миров.

В японском обществе «отаку» – ярлык, который навешивается на молодых фанатов, воображающих романтические отношения с персонажами манги и анимэ, причем чаще всего речь идет о фанатах-мужчинах, которых привлекают «милые» девушки-персонажи, называемые бисёдзё. Драматичным для данной субкультуры является переживание различий двух миров: двумерного мира манги / анимэ и трехмерного мира обычных людей. Отаку активно создают воображаемые миры, которые становятся не только их способом видения, но и существования, в которое они стараются вовлечь других (pp. 6–11). Общепринятый дискурс об отаку оперирует

различием между «крутыми отаку» (cool otaku) и «странными отаку» (weird otaku). И если первые считаются социально приемлемыми и нормализованными, ассоциирующимися с образом новой Японии, то вторые остаются маргинализированными и воспринимаются как нечто пограничное и потенциально асоциальное. Тем не менее, согласно Гэлбрейту, внешний образ «странных отаку» не характеризует представителей отаку как таковых, чей дискурс самостоятельно развивался в контекстных рамках 1970-х, 1980-х и далее 1990-х и 2000-х гг.

В 1970-е появляется целый пласт мужчин, которым нравятся образы милых женских персонажей бисёдзё, изображенных в манге для девушек и о девушках (жанр лоликон), а также женщин, которым нравится манга об однополой мужской любви (жанр яой). В целом такая тенденция к кроссгендерности и гомосексуальности, попытка уйти от господствующей маскулинности позволяют воспринимать данный период развития субкультуры отаку как одну из форм квиркультуры (р. 24). В 1980-е гг. данные тенденции стали все больше восприниматься японской общественностью как проблемные, что привело к озабоченности психосексуальным развитием общества и навешиванию ярлыка ненормальности на мужчин-отаку. Нежелание представителей субкультуры принимать правила социальной жизни и их попытки построить альтернативные миры, где возможными становятся любые эротические фантазии, Гэлбрейт называет проблемой реальности, поскольку общественность испытывала страх перед возможным проявлением данных фантазий в повседневной жизни (р. 69).

В 1990-х и 2000-х ключевым концептом для представителей субкультуры отаку становится «моэ», и Гэлбрейт демонстрирует разнообразие его значений. Моэ понимается как реакция на происходящее в манге / анимэ, а именно на эротизм персонажей. Моэ проявляется во взаимоотношениях с изображениями и представляет собой влюбленность в героиню манги и (или) анимэ, а также моэ является ответом от вымышленного персонажа, который обретает популярность кинозвезды. В целом моэ стало ассоциироваться с чувствами, которые вызывали девушки из симуляторов свиданий (жанр видеоигр), получивших широкое распространение в 1990-е гг. Таким образом, моэ становится выражением своеобразных форм фанатской любви, отличных от принятых в обществе взаимоотношений (р. 125).

Отдельно Гэлбрейт с опорой на данные собственных полевых исследований (включенное наблюдение и глубинные интервью), проведенных в период с 2006 по 2011 г., анализирует конкретные проявления субкультуры отаку. В первую очередь он затрагивает роль района Акихабара в Токио, в 1990-е и 2000-е ставшего меккой для отаку. Данный район получил название «Священная земля отаку», так как стал главным местом встречи отаку, где они могли открыто выражать себя (р. 128). В начале 2000-х японские власти формулируют концепт крутой Японии (Cool Japan), в связи с этим начинается столкновение смыслов вокруг субкуль-

туры в виде уже упоминавшегося деления на крутых и странных отаку, последние из которых признавались нежелательными. По сути это была борьба между воображением отаку как представителей субкультуры, ищущих место, где они будут поняты и приняты, и воображением государства о современной крутой Японии, принятой в рамках концепции мягкой силы и популяризируемой за рубежом.

В качестве второго проявления субкультуры отаку Гэлбрейт рассматривает мэйдо-кафе как уникальные пространства, где происходит взаимодействие трехмерного и двумерного миров и где можно пообщаться с персонажами манги и анимэ вживую, прежде всего с милыми девушками бисёдзё. В общем виде мэйдо-кафе – это место, где вместо обычных официанток работают мэйдо (англ. maid – горничная), которые играют роли типичных манга / анимэ-героинь. В данных кафе, чье пространство Гэлбрейт называет двусполовиномерным, возможно соединение двух миров – мира людей и мира манги / анимэ, где также складываются альтернативные формы взаимоотношений в виде круга поклонников одной горничной и вектора любви, направленного не на конкретную горничную, а на типаж из мира манги и анимэ (р. 225).

Представленная книга, на наш взгляд, делает поворот в исследованиях субкультуры отаку к самим ее представителям и показывает их внутреннюю противоречивость, эскапизм, маргинальность по отношению к официальной культуре и внешнюю борьбу с государственной политикой в области культуры в виде попыток представить отаку как некий бренд. Патрик Гэлбрейт подчеркивает сложность взаимодействия субкультуры отаку с официальной японской культурой и отмечает, что чем более популярными становятся манга и анимэ, тем большей регулируемости подвергаются сами отаку, так как они еще не являются устоявшейся традицией и не признаются японцами как то, что отражает их культурное своеобразие в полной мере. Сами по себе представители субкультуры отаку в большей степени были бы рады найти единомышленников за рубежом, но только если это позволит сохранить воображаемые миры во всем их многообразии.

Примечания

1. Начиная с 1990-х субкультура отаку рассматривается либо через призму девиантности (в работах таких авторов, как Адзума Хироки, Ёнэдзава Ёсихиро, Морикава Каитиро, Судзуки Сигэ, Томас Ламарр, Саймон Островский), либо как часть массовой культуры (Роланд Кельтс, Йен Кондри, Скотт МакКлауд, Марк Штейнберг, Фредерик Шодт).

*Язовская Ольга Валерьевна
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина*

Рецензия поступила в редакцию 17 августа 2020 г.

Yazovskaya Olga V.

Ural Federal University named after the First Russian President Boris N. Eltsin, Yekaterinburg, Russia.

OTAKU AND THE STRUGGLE FOR IMAGINATION IN JAPAN

Review of Galbraith P.W. *Otaku and the Struggle for Imagination in Japan*. Duke University Press, 2019. 336 p. ISBN 9781478007012

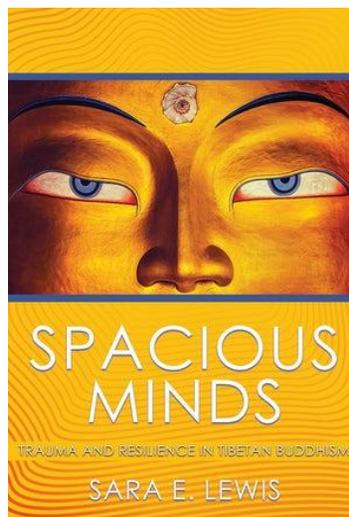
DOI: 10.17223/2312461X/29/21

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/29/22

ТРАВМА И УСТОЙЧИВОСТЬ СРЕДИ ТИБЕТСКИХ БЕЖЕНЦЕВ¹

Lewis S.E. *Spacious Minds: Trauma and Resilience in Tibetan Buddhism*.
Cornell University Press, 2020. 252 p.
ISBN 9781501715358

Медицинский антрополог Артур Клейнман задавался вопросом о пределах применимости концепции травмы в теории и на практике, особенно в объяснении и преодолении последствий массового насилия (Kleinman 2015). Новая книга Сары Льюис предлагает оригинальные ответы на этот вопрос и переосмысляет понятия социального страдания, агентности и устойчивости (resilience). В книге концептуализировано отношение тибетцев к феномену страдания и собран удачный конструкт тибетской философии в том виде, как ее применяет община беженцев в городе Дхарамсала на севере Индии. Несмотря на множество испытаний (пытки и тюремные заключения сторонников независимости Тибета, дискриминацию тибетской культуры, пешее бегство из КНР через Гималаи, сложности жизни в Индии в неясном социальном и политическом статусе), многие тибетцы в эмиграции живут счастливой жизнью и активно участвуют в движении за свободу своей родины. Год включенного наблюдения за этой группой, знание тибетского языка и

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

психотерапевтическое образование позволили Льюис подробно изучить этот парадокс и прокомментировать ряд важных дискуссий в сфере антропологий психологии и медицины, межкультурной психологии и медицины, а также политологии.

С точки зрения теории структурного насилия, жизненный путь тибетского беженца мог бы включать, например, такую бедственную цепочку: социальное, политическое и культурное притеснение на родине – бегство в другую страну – бедность и неопределенный социальный статус (отсутствие индийского паспорта) – депрессия – потеря круга знакомых – астма. Однако тибетцы размыкают эту цепочку благодаря практике «просторного ума», *семс-па-чен-по*; они активно не допускают перехода горя в хроническое состояние. В большей или меньшей степени, их индивидуальный психический опыт и самовосприятие оказываются защищены (Rylko-Bauer, Farmer 2019). Тибетцы говорят, что *семс-па-чен-по*, особое психическое равновесие, достигается благодаря сочетанию сострадательного отношения к живым существам, включая своих угнетателей, с размышлениями о взаимозависимой природе всех существ и явлений. «Когда мои тибетские собеседники говорят, что конструирование полемических категорий, таких как “угнетенные” и “угнетатели”, упускает что-то более фундаментальное – то, что страдание лежит в центре человеческого опыта, – обычные модели структурного насилия, как кажется, теряют свою весомость», – пишет Льюис (р. 165).

В то время, как в западном восприятии идеальная жизнь – это та, которую сопровождает постоянное счастье, здоровье и благополучие, тибетцы прагматично смотрят на жизнь как на процесс, которому неизбежно присущи трудности и лишения. Принятие своего страдания как естественной части жизни не только способствует их внутренней свободе, но и поддерживает их правозащитное движение. С точки зрения теории агентности, это те психологические процессы, которые лежат в основе действий и решений тибетцев (Frank 2006). Агентность для тибетцев не предполагает усиление эго в том смысле, который вкладывает в это психотерапия. На Западе прочное, отделенное и исправное «я» считается одной из основ эмоционального здоровья (Scheper-Hughes, Lock 1987), а лечение травмы предполагается через возвращение к травмирующему опыту и проработку возникшего вокруг него нарратива (р. 98). Тибетцы используют альтернативный подход: для них и «я», и травмирующий опыт являются зыбкими, ускользающими, неважными.

В частных разговорах тибетцы избегают говорить о своих страданиях, не считают проработку нарративов о травме, просто пересказы своих печальных историй полезными. Несколько западных неправительственных организаций пытались запускать в Дхарамсале центры психотерапевтической поддержки для тибетских беженцев, но все они оказались не востребованы (интересно также, что в местных биомедицинских

клиниках по многу лет хранятся коробки просроченного прозака, халдола и паксила). При том, что психологический язык травмы для тибетцев бесполезен, они умело говорят на нем с журналистами и правозащитниками: так, община в Дхарамсале использует *политический* язык травмы для защиты своих интересов и привлечения внимания к кампании «Сохраним Тибет». Вместо того, чтобы стать постколониальными жертвами западных психологических концептов, тибетцы приспособили их для своих целей.

Льюис называет опыт *семс-па-чен-по* «принципом путеводной звезды»: в ярком и чистом виде он доступен серьезным практикам созерцания и духовенству, но благодаря своей интернализированности в тибетской культуре оказывает влияние на образ жизни, поведение и принятие решений и обычными людьми. Многие тибетцы, которые не считают себя религиозными, объясняли Льюис личное отношение к уничтожению своей культуры в КНР примерно в тех же терминах, что духовенство.

Исследовательница обращает внимание на то, что культурная антропология часто приписывает угнетенным группам статус пассивной жертвы и не исследует то, как они порой успешно справляются с проблемами. По ее мнению, такая позиция говорит об исследователях больше, чем об исследуемых: «Иногда весь Глобальный Юг описывается в этой рамке. <...> Почему-то исследования надежды, прощения, чувства юмора, восстановления, счастья и любви в антропологии очень слабы; исследователи боятся дезавуировать насилие (или, хуже того, опасаются, что люди начнут видеть добро сквозь розовые очки)» (р. 14).

В заключительной части книги Льюис пишет о том, что некоторые культурно окрашенные тибетские практики работы с умом вряд ли подлежат переносу в другие общества и группы. Но сам их принцип – открытость неизбежным жизненным лишениям и видение стресса как всегда преодолимого – может применяться социальными группами, переживающими схожие с тибетцами лишения.

Литература

- Frank K. Agency // *Anthropological Theory*. 2006. Vol. 6 (3). P. 281–302.
- Kleinman A. What Does Trauma Do? // *Genocide and Mass Violence: Memory, Symptom, and Recovery* / eds. D.E. Hinton, A.L. Hinton. New York: Cambridge University Press, 2015.
- Rylko-Bauer B., Farmer P. Structural Violence, Poverty, and Social Suffering // *The Oxford Handbook of the Social Science of Poverty*. Oxford University Press, 2019.
- Scheper-Hughes N., Lock M.M. The Mindful Body: A Prolegomenon to Future Work in Medical Anthropology // *Medical Anthropology Quarterly*. 1987. Vol. 1. No. 1. P. 6–41.

Масленников Игорь Игоревич
Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензия поступила в редакцию 10 августа 2020 г.

Maslennikov Igor I.

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

TRAUMA AND RESILIENCE AMONG TIBETAN REFUGEES*

Review of Lewis S.E. *Spacious Minds: Trauma and Resilience in Tibetan Buddhism*. Cornell University Press, 2020. 252 p. ISBN 9781501715358

DOI: 10.17223/2312461X/29/22

*The review is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow).

References

Frank K. Agency, *Anthropological Theory*, 2006, vol. 6 (3), pp. 281–302.

Kleinman A. What Does Trauma Do? In: *Genocide and Mass Violence: Memory, Symptom, and Recovery* / eds. D.E. Hinton, A.L. Hinton. New York: Cambridge University Press, 2015.

Rylko-Bauer B., Farmer P. Structural Violence, Poverty, and Social Suffering. In: *The Oxford Handbook of the Social Science of Poverty*. Oxford University Press, 2019.

Scheper-Hughes N., Lock M. M. The Mindful Body: A Prolegomenon to Future Work in Medical Anthropology, *Medical Anthropology Quarterly*, 1987, vol. 1, no. 1, pp. 6–41.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БОМАНН Мальвина – PhD, внештатный сотрудник лаборатории RASEA Университета Бордо, г. Бордо (Франция).
E-mail: malvina.baumann@gmail.com

БОРУЦКАЯ Светлана Борисовна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры антропологии, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва (Россия).
E-mail: vasbor1@yandex.ru

ВАСИЛЬЕВ Сергей Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Центр физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).
E-mail: vasbor1@yandex.ru

ВАСИЛЬЕВА Валерия Владиславовна – младший научный сотрудник, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Тюменский государственный университет, г. Тюмень (Россия).
E-mail: leravasilyeva11@gmail.com

ВОЛКОВИЦКИЙ Александр Игоревич – младший научный сотрудник, Арктический научно-исследовательский стационар Института экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург (Россия); ассоциированный научный сотрудник, Центр арктических и сибирских исследований Социологического институт – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Санкт-Петербург (Россия).
E-mail: vlk73@mail.ru

ВЯТЧИНА Мария Васильевна – научный сотрудник, НИЛ Междисциплинарных инновационных и научно-практических археологических и этнологических исследований Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань (Россия).
E-mail: maria.vyatchina@gmail.com

ГАВРИЛОВА Ксения Андреевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Европейский университет в Санкт-Петербурге; научный сотрудник, Тюменский государственный университет, г. Тюмень (Россия).
E-mail: kgawrilova@eu.spb.ru

ГЕРАСИМОВА Маргарита Михайловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).
E-mail: gerasimova.margarita@gmail.com

ГОНЧАРОВ Николай Сергеевич – младший научный сотрудник, отдел этнографии Сибири, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург (Россия).
E-mail: nikola.gon4arov@yandex.ru

ДАВЫДОВ Владимир Николаевич – PhD, кандидат социологических наук, зам. директора по научной работе, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург (Россия).

E-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

ДАВЫДОВА Елена Андреевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела этнографии Сибири, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург (Россия).

E-mail: Elenav0202@gmail.com

КАРАГЕОРГИЙ Елена Михайловна – младший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: karageorgiy-elena@yandex.ru

КЕРИМОВА Мариям Мустафаевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра европейских исследований Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: mkerimova@yandex.ru

КОЛОБОВА Ксения Анатольевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск (Россия).

E-mail: kolobovak@yandex.ru

КРИВОШАПКИН Андрей Иннокентьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск (Россия).

E-mail: krivoshapkin@mail.ru

ЛЮБИМОВА Наталия Сергеевна – младший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: nslyubimova@mail.ru

МАМОНТОВА Надежда Александровна – кандидат исторических наук, PhD по географии, географический факультет Университета Северной Британской Колумбии, г. Принс Джордж (Канада); ведущий ученый проекта «Антропология экстрактивизма: исследование и проектирование социальных изменений в регионах ресурсного типа» (грант РФФИ), Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: nadezhda.mamontova@chch.ox.ac.uk

МАСЛЕННИКОВ Игорь Игоревич – стажер-исследователь, Центр медицинской антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: igor.msk@gmail.com

МАРТЫНОВ Иннокентий Алексеевич – стажер-исследователь, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: innocentiy@protonmail.ch

МИСЬКОВА Елена Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва (Россия).

E-mail: milenk2@gmail.com

МОРИ Серж – директор археологического управления департамента Дордонь, г. Лезази-де-Тайак (Франция).

E-mail: serge.mauzy24@wanadoo.fr

ПЕРЕВАЛОВА Елена Валерьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, г. Санкт-Петербург (Россия).

E-mail: elena_perevalova@mail.ru

ПОВОРОЗНЮК Ольга Алексеевна – кандидат исторических наук, исследователь постдокторантуры Института культурной и социальной антропологии Венского университета, член Австрийского Института полярных исследований (APRI), г. Вена (Австрия).

E-mail: olga.povoroznyuk@univie.ac.at

ПОПОВ Владимир Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института восточных рукописей Российской академии наук, г. Санкт-Петербург (Россия).

E-mail: popoffvladimir@gmail.com

СОКОЛОВСКИЙ Сергей Валерьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).

E-mail: SokolovskiSerg@gmail.com

ТЕРЁХИНА Александра Николаевна – младший научный сотрудник, Арктический научно-исследовательский стационар Института экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург (Россия); младший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург (Россия).

E-mail: arda-gavanj@mail.ru

ХАРЕВИЧ Владимир Михайлович – канд. ист. наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск (Россия).

E-mail: kharevich@ngs.ru

ШАЛАГИНА Алена Владимировна – младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск (Россия).

E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

ШВАЙЦЕР Петер П. – Dr., профессор, директор Института культурной и социальной антропологии Венского университета, директор Австрийского полярного института, г. Вена (Австрия); почетный профессор университета Аляски, г. Фэйрбэнкс (США).

E-mail: peter.schweitzer@univie.ac.at

ЯЗОВСКАЯ Ольга Валерьевна – кандидат культурологии, доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (Россия).

E-mail: yazolga@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

BAUMANN Malvina – PhD, volunteer collaborator, PACEA laboratory, University of Bordeaux (France).

E-mail: malvina.baumann@gmail.com

BORUTSKAYA Svetlana Borisovna – Cand.Sc. (Biology), Senior Research Fellow, Associate Professor, Department of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia).

E-mail: vasbor1@yandex.ru

DAVYDOV Vladimir Nikolaevich – PhD, Cand.Sc. (Sociology), Deputy Director for Research, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), Saint Petersburg (Russia).

E-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

DAVYDOVA Elena Andreevna – Cand.Sc. (History), Research Fellow, Siberia Ethnography Department, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), Saint Petersburg (Russia).

E-mail: Elenav0202@gmail.com

GAVRILOVA Kseniya Andreevna – Cand.Sc. (History), Research Fellow, European University at Saint Petersburg; Tyumen State University, Tyumen (Russia).

E-mail: kgawrilova@eu.spb.ru

GERASIMOVA Margarita Mikhailovna – Cand.Sc. (History), Leading Research Fellow at the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: gerasimova.margarita@gmail.com

GONCHAROV Nikolay Sergeevich – Junior Research Fellow, Siberia Ethnography Department, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), Saint Petersburg (Russia).

E-mail: nikola.gon4arov@yandex.ru

KARAGEORGII Elena Mikhailovna – Junior Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: karageorgiy-elena@yandex.ru

KERIMOVA Mariam Mustafaevna – Dr.Sc. (History), Leading Research Fellow at the Centre of European and American Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: mkerimova@yandex.ru

KHAREVICH Vladimir Mikhailovich – Cand.Sc. (History), Research Fellow, Institute of Archeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Siberian Branch), Novosibirsk (Russia).

E-mail: kharevich@ngs.ru

KOLOBOVA Kseniya Anatolievna – Dr.Sc. (History), Leading Research Fellow, Institute of Archeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Siberian Branch), Novosibirsk (Russia).

E-mail: kolobovak@yandex.ru

KRIVOSHAPKIN Andrey Innokentievich – Dr.Sc. (History), Leading Research Fellow, Institute of Archeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Siberian Branch), Novosibirsk (Russia).

E-mail: krivoshapkin@mail.ru

MAMONTOVA Nadezhda Aleksandrovna – Cand.Sc. (History), PhD in Geography, Department of Geography at the University of Northern British Columbia, Prince George (Canada); Leading Research Fellow in the project ‘The anthropology of extractivism: Research and design of social changes in resource-type regions’ (supported by the Russian Science Foundation, RNF), Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: nadezhda.mamontova@chch.ox.ac.uk

MARTYNOV Innokentiy Alekseevich – Research Intern, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: innocentiy@protonmail.ch

MASLENNIKOV Igor Igorevich – Research Intern, Centre of Medical Anthropology, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

E-mail: igor.msk@gmail.com

MAURY Serge – Director of the Archaeological Service of the Dordogne, Les Eyzies-de-Tayac (France).

E-mail: serge.maury24@wanadoo.fr

MISKOVA Elena Vyacheslavovna – Cand.Sc. (History), Associate Professor, Department of Ethnology, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia).

E-mail: milenk2@gmail.com

LYUBIMOVA Natalia Sergeevna – Junior Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: nslyubimova@mail.ru

PEREVALOVA Elena Valerievna – Dr.Sc. (History), Leading Research Fellow, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), Saint Petersburg (Russia).

E-mail: elena_perevalova@mail.ru

POPOV Vladimir Aleksandrovich – Dr.Sc. (History), Chief Researcher, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg (Russia).

E-mail: popoffvladimir@gmail.com

POVOROZNYUK Olga Alekseevna – Cand.Sc. (History), Postdoctoral Researcher, Institute for Cultural and Social Anthropology, University of Vienna; Member of the Austrian Polar Research Institute, Vienna (Austria).

E-mail: olga.povoroznyuk@univie.ac.at

SCHWEITZER Peter P. – Dr., Professor, Head of the Institute for Cultural and Social Anthropology, University of Vienna; Head of the Austrian Polar Research Institute, Vienna (Austria); Professor Emeritus, University of Alaska, Fairbanks (USA).

E-mail: peter.schweitzer@univie.ac.at

SHALAGINA Alena Vladimirovna – Junior Research Fellow, Institute of Archeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Siberian Branch), Novosibirsk (Russia).

E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

SOKOLOVSKIY Sergey Valerievich – Dr.Sc. (History), Chief Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: SokolovskiSerg@gmail.com

TEREKHINA Aleksandra Nikolaevna – Junior Research Fellow, Arctic Research Station of the Institute of Plant and Animal Ecology, Russian Academy of Sciences (Ural Branch), Yekaterinburg (Russia); Junior Research Fellow, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), Saint Petersburg (Russia).

E-mail: arda-gavanj@mail.ru

VASILYEV Sergey Vladimirovich – Dr.Sc. (History), Chief Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: vasbor1@yandex.ru

VASILYEVA Valeriya Vladislavovna – Junior Research Fellow, European University at Saint Petersburg; Tyumen State University, Tyumen (Russia).

E-mail: leravasilyeva11@gmail.com

VOLKOVITSKIY Aleksandr Igorevich – Junior Research Fellow, Arctic Research Station of the Institute of Plant and Animal Ecology, Russian Academy of Sciences (Ural Branch), Yekaterinburg (Russia); Associated Research Fellow, Centre for Arctic and Siberian Studies, Sociological Institute – Branch of Federal Sociological Research Centre, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg (Russia).

E-mail: vlk73@mail.ru

VYATCHINA Maria Vasilievna – Research Fellow, Research Laboratory for Interdisciplinary Innovative and Applied Archaeological and Ethnological Research, Kazan (Privolzhskiy) Federal University, Kazan (Russia).

E-mail: maria.vyatchina@gmail.com

YAZOVSKAYA Olga Valerievna – Cand.Sc. (Cultural Studies), Associated Professor at the Department of the History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Ural Federal University named after the First Russian President Boris N. Eltsin, Yekaterinburg (Russia).

E-mail: yazolga@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общая информация. Предлагая рукопись для публикации в «Сибирских исторических исследованиях», Вы гарантируете, что:

а) статья до сих пор нигде не была опубликована, не предлагается и не будет предложена другому изданию, пока не решится вопрос о ее публикации в «Сибирских исторических исследованиях»;

б) именно Вы являетесь автором статьи и в ней **не** использованы фрагменты из ранее публиковавшихся статей других авторов без указания на эти источники.

Объем публикации: до 50 000 знаков (с пробелами), или около 7 000 слов, – для научных статей, и 800–1 500 слов – для информационных материалов, в том числе обзоров и рецензий.

Рецензирование. В журнале применяется система двойного анонимного рецензирования (double blind peer review). Все поступившие в редакцию тексты без указания фамилии автора отправляются независимым анонимным рецензентам, к печати по решению редколлегии допускаются только тексты, получившие два положительных отзыва. К рецензированию будут привлекаться ведущие ученые российских вузов и институтов РАН, а также зарубежные специалисты, имеющие труды в области истории, этнологии, археологии, международных отношений.

Правила оформления статей.

Статьи принимаются в электронном виде.

Текст набирается в редакторе MS Word (*.doc или *.rtf) с использованием шрифта **Times New Roman**, размер шрифта – 12 кеглей, межстрочный интервал – 1, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 0,5 см.

На титульной странице указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК) и приводятся (каждый раз с новой строки):

Данные об авторе (приводятся на отдельном листе):

• фамилия, имя, отчество (на русском и английском языке) (обратите внимание: фамилия автора указывается ЛИШЬ на титульной странице. На первой странице статьи указывается название работы, но не фамилия автора, не какие-либо иные сведения о нем!);

- ученая степень, ученое звание;
- должность и место работы / учебы; просьба указать также официальное название организации на английском языке;
- e-mail;
- почтовый адрес;

- телефон (служебный и, если можно, сотовый для ускорения связи).

Данные о статье:

- название статьи на русском и в переводе на английский язык;
- резюме статьи на русском и английском языке (объемом до 250 слов каждое),
- список ключевых слов на русском и английском языке.

При написании резюме статей мы убедительно просим авторов уделять особое внимание доступности изложения, лаконичности, четкости формулировок и при этом отражению в тексте таких пунктов, как постановка проблемы, представление академического дискурса по данной проблеме, характеристика источников и методов исследования, представление полученных Вами результатов, показывающих, что именно Вы смогли внести данной работой в существующий научный дискурс, и заключение. Ориентируйтесь, пожалуйста, на эту структуру: это облегчит решение данной задачи и Вам, и редакционной коллегии.

Нумерация страниц текста статьи сплошная, начиная с 1-й страницы, внизу по центру.

Структурирование текстов статей. Для удобства организации материала и облегчения работы читателей с Вашими текстами мы просим Вас делить текст на осмысленные отрывки, каждый из которых должен иметь собственный подзаголовок, как стандартный типа «Введение» и «Заключение» или «Выводы», так и любые иные сообразно Вашему видению текста.

Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно представляются в отдельных файлах. Рисунки выполняются в черно-белой гамме, *полноцветные иллюстрации пока принимаются лишь для статей по этнологической и археологической тематике*. Формат файлов с иллюстрациями – tiff или jpeg, разрешение не менее 400 dpi. Просьба: в текст иллюстрации не вставлять. Достаточно в промежутке между абзацами текста указать Рис. 1, Рис. 2 и т.д. и название самого рисунка.

Иллюстративный материал, присланный без письменного разрешения его владельца или держателя копирайта, принят к публикации не будет.

При использовании при наборе статьи дополнительных **шрифтов** такие шрифты должны быть представлены отдельным файлом.

Ссылки на использованные источники и литературу:

1. В целях более адекватного соблюдения требований слепого анонимного рецензирования при первой отправке рукописи в редакцию, пожалуйста, избегайте самоцитирования или оставляйте ссылки на свои работы «пустыми». После извещения о принятии рукописи к печати авторы смогут вернуть на место данные ссылки.

2. В случае ссылки на иностранного автора в тексте приводится русская транскрипция его фамилии, а ее написание латиницей – в скобках.

3. В целях экономии места, если имя автора уже упоминается в тексте, то в скобках после фамилии, в ссылке на его работу, указывается только год публикации: «В своей работе В.Я. Пропп (1955) анализирует...»

4. Во всех остальных случаях фамилия и год публикации указываются в скобках без запятой: (Balzer 2011); при наличии двух авторов приводятся обе фамилии, а если авторов трое, то три фамилии указываются лишь при первом упоминании работы: (Иванов, Петров, Сидоров 1980), а в дальнейшем используется сокращение «и др.»: (Иванов и др. 1980). В ссылках на работы, написанные более чем тремя авторами, используйте «и др.» либо «et al.» при первом же упоминании.

5. При ссылке на работы нескольких авторов они указываются через точку с запятой: (Анохин 1924; Potarow 1963). При ссылке на несколько публикаций одного и того же автора годы публикации разделяются запятой с последующим пробелом: (Батьянова 1987, 2005).

6. В ссылках на коллективные труды достаточно в скобках указать первое или несколько первых слов заголовка и год публикации. Например, ссылка на книгу «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» будет выглядеть следующим образом: (Wege zum Norden... 2013).

7. Если дата публикации неизвестна, следует указывать «б.д.», а для принятых к печати текстов – «в печати»: (Иванов, б.д.) и (Петров, в печати).

8. Номера страниц указываются через двоеточие после года публикации: (Bellah et al. 2008: viii).

9. Если Вы приводите подряд несколько цитат из одного и того же текста в границах одного параграфа, то во второй и дальнейших цитат достаточно указывать номер страницы, например: (Schiller 2011: 192) – в первой ссылке и (193–194) – во второй и т.п.

10. Диапазоны страниц и дат указываются через короткое тире: 99–102, 1985–1990.

11. Номера в диапазонах страниц указываются в полном виде: 124–128, а не 124–28.

12. В ссылках на архивные документы указываются сокращенное наименование архива, год, которым датировано дело, и через двоеточие номера листов: (ГАТО 1899: 15). Если в статье используются материалы нескольких дел из одного архива, датированных одним и тем же годом, необходимо в списке источников использовать дополнительные буквенные обозначения (например, 1899а, б и т.д.), которые следует указывать и при оформлении ссылок, например: (ГАОО 1909а: 13–14).

13. В ссылках на материалы периодической печати указывается название издания, год и дата публикации (например: Сибирская жизнь 1917: 20 авг.)

К статье прилагается библиография в алфавитном порядке. Образцы оформления:

– для монографий:

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

– для статей:

Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири: Сб. статей / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпяя. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 157–172.

Дьекофф А., Филиппова Е.И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // Этнографическое обозрение онлайн. 2014. № 1. С. 193–199 (URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

– для архивных источников (с указанием названия дела и года):

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 135. Статистические сведения об инородцах Томской губернии за 1889 г.

– для периодических изданий:

Восточное обозрение. Иркутск, 1906.

Примечания оформляются в виде концевых сносок с использованием арабских цифр. Нумерация последовательная, начиная с цифры 1.

При наличии в статье сокращений / аббревиатур, пожалуйста, приложите их список.

При пересылке файлов просьба все материалы (титuleльный лист, саму статью, дополнительные шрифты, файлы-иллюстрации, список иллюстраций, список сокращений и т.п.), имеющие отношение к статье, объединять в одну папку с использованием архиваторов WinZip или WinRar (например: Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторские права.

Соглашаясь на публикацию своей работы в журнале, авторы (при безусловном сохранении за собой авторских прав) предоставляют журналу право первой публикации работы на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

Этические вопросы.

В своей издательской деятельности редколлегия руководствуется Кодексом поведения COPE (Committee on Publication Ethics, <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>).

Статьи и материалы просим подавать через автоматизированную систему подачи статей на сайте журнала **www.journals.tsu.ru/siberia**

INFORMATION FOR AUTHORS

General. Submitting your manuscript to be published in the «Siberian Historical Research» journal you confirm that:

a) your paper has never been published elsewhere before and will not be submitted for publication elsewhere until the decision to publish it (or not to) in the «Siberian Historical Research» journal is made;

b) you yourself are the author of the submitted paper and you have not used any parts of other authors' works without reference to those.

Papers **shall not** exceed 50,000 characters including spaces or about 7,000 words – for research papers, or 800 to 1,500 words – for information materials, including overviews and reviews.

Reviewing process. All papers submitted to the journal are subject to double blind peer review. All papers without the author's name are sent to independent anonymous reviewers. The Editorial Board will decide on publishing only those papers that have received two positive reviews. Among reviewers are leading scholars of Russian universities and institutes of the Russian Academy of Sciences as well as international experts in history, ethnology, archaeology, and international relations.

Formatting Guidelines

Papers are to be submitted in an electronic format.

Text shall be typed in MS Word (*.docor *.rtf), **Times New Roman**, 12 pt, single line spacing, all margins 2 cm, indention 0,5 cm.

The title page shall contain the Universal Decimall Classification number (**UDC**) and all of the following is to be indented:

Author details (to be provided on a separate / title sheet)

▪ Author's full name (last name, first name, patronym), in both Russian and English (please note that *the author's last name is to be given on the title page only. The first page shall contain the title of paper and not the author's name or any other details of his / hers!*)

▪ Academic degree, academic title;

▪ Place of work / study and position; please provide official name of your organization in English as well;

▪ E-mail;

▪ Postal address;

▪ Telephone (office and, if possible, cell phone number to facilitate communication);

Paper details:

▪ Title of paper in both Russian and English;

▪ Summary of paper in both Russian and English (up to 250 words each);

▪ Key words in both Russian and English.

When writing a summary, we kindly ask authors to keep it clear, simple and concise. The summary shall contain the statement of a problem, how it has been dealt with and discussed in academia, as well as sources and methods for research, research results showing your contribution to the existing knowledge, and conclusions. Please stick to the proposed paper structure so as to facilitate your work and that of the Editorial Board.

Page numbering is consecutive, starting from the first page, at the bottom, centered.

Structuring the text. To better structure and present your paper, please divide the text into separate parts, each with its own subheading like «Introduction», «Conclusions» and any other which you might find necessary or useful to have.

Illustrations (drawings, tables, graphics, diagrams, etc.) are to be submitted in separate files. Drawings / pictures shall be presented in black-and-white, *fullcolour illustrations are so far accepted only for papers on ethnological or archaeological topics*. Illustrations should be in TIFF or JPEG format, at least 400 dpi. Please do not insert illustrations in the text, instead indicate Fig. 1, Fig. 2 etc. in between paragraphs, and provide titles of pictures.

Illustrative material submitted without a written permission of its author or copyright holder will not be accepted for publication.

If using additional **fonts**, please submit them in a separate file, too.

References

1. To ensure better meeting the requirements of blind anonymous peer-review, when submitting your manuscript to the Editorial Board for the first time, please avoid self-citation and leave footnotes referring to your works blank. Once your manuscript is accepted for publication, you will be able to put those back in your paper.

2. When citing a foreign paper, Russian transcription of its author's last name with the Latin spelling in brackets are to be provided in the text.

3. To save space, if the author's name has already been mentioned in the text, please indicate only the year of publication put in brackets after the author's name, when referring to his / her paper: «In his paper V.Ya. Propp (1955) analyzes...»

4. In all other cases the author's last name and year of publication shall be given in brackets without a comma: (Balzer 2011); if there are two authors, last names of both are to be given, in case there are three authors, last names of all the three are to be given only if mentioned in the text for the first time (Ivanov, Petrov, Sidorov 1980), and afterwards only the "et al" is to be put (Ivanov et al. 1980). When referring to a paper by more than three authors, please put the "et al" even if it is the first mentioning of it in the text.

5. When referring to works by several authors, indicate their names separated by a semicolon: (Anokhin 1924; Potapov 1963). When referring to several papers by the same author, years of publication shall be separated by a comma followed by a space: (Batyanova 1987, 2005).

6. When citing collective works, it is sufficient to indicate the title's first word or a few words and the year of publication. For example, a reference to the book «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» may be put like this: (Wege zum Norden... 2013).

7. If the date of publication is unknown, please indicate «s.d.» (sine data) and if the publication is currently in press, put «in press»: (Ivanov, s.d.) and (Petrov, in press).

8. Page numbers shall be provided after the year of publication separated by a colon: (Bellah et al. 2008: viii).

9. If you are placing several references to the same paper within a paragraph, it is sufficient to only indicate relevant page numbers of that paper when mentioning it for the second, third time and so on, e.g. (Schiller 2011: 192) – when referring for the first time and (193–194) – in case of second mentioning etc.

10. Range of pages and dates are to be indicated by an en dash: 99–102, 1985–1990.

11. Numbers in a range of pages shall be given in full: 124–128, and not 124–28.

12. References to archival documents should contain abbreviated name of the archive, year of document / file and numbers of pages separated by a colon: (GATO 1899: 15). When citing a number of documents / files of the same archive and of the same year, it is necessary to indicate this using letters (e.g. 1899a, b, etc.) in the reference list and in references alike (e.g. GAOO 1909a: 13–14).

13. When citing periodicals, you should indicate the name of a periodical, year and date of publication (e.g. Siberian life 1917: 20 Aug.)

Reference list is to be provided at the end of the paper. Samples:

For monographs:

Putilov B.N. Folklore and people's culture. SPb.: Nauka, 1994.

For papers:

Shakhovtsov K.G. Is it a privilege to be Selkup? // The practice of post-Soviet adaptation of peoples of Siberia: Collection of papers / Editor-in-Chief D. Funk, H. Beach, L. Sillanpaya. M.: IEARAS, 2006. pp. 157–172.

Diekoff A., Phillipova E.I. Rethinking nations in the “post-national” era // Ethnographical Review online. 2014. № 1. pp. 193–199 (http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

For archive sources (with an indication of archive file number and year):

State Archive of the Tomsk region (GATO). F. 234. Op. 1. D. 135. Statistics on Tomsk province *inorodtsy* for the year 1889.

For periodicals:

Vostochnoe obozrenie. Irkutsk, 1906.

Notes are to be given as endnotes using Arabic numerals. Numbering is consecutive, starting from number 1.

If using acronyms / abbreviations in the text, please provide a list of them separately.

When sending your files, please put them all (including the title page, the text itself, additional fonts, illustrations, list of illustrations, list of acronyms / abbreviations and other related files) in one archive folder using WiZip or WinRar (Ivanov.zip or Ivanov.rar).

Copyright

Once having agreed to publish his / her paper in the journal, the author (unconditionally reserving the copyright) grants to the journal the right to the first publication based on the Creative Commons Attribution License which allows others to use his / her paper provided there is a reference made to the author of the original text and to the original journal publication.

Ethics

In its publishing activity, the Editorial Board relies on the Code of Conduct COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Address for the submission of papers and materials

Please upload your materials and papers via the Journal's website system at www.journals.tsu.ru/siberia

Научный журнал

**СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH**

2020. № 3

Редакторы: К.Г. Шилько, Ю.П. Готфрид, Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик Е.М. Карагеоргий

Подписано в печать 30.09.2020 г.
Формат 70x108¹/₁₆. Печ. л. 19,2. Усл. печ. л. 25. Гарнитура Times.
Тираж 50 экз. Заказ № 4431. Цена свободная.

Дата выхода в свет 23.10.2020 г.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)-52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru